

НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН:
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. ТЮРКОЛОГИЯ
2008
ISSN 1683-6537

Научный рецензируемый журнал

Учредитель – Академия наук Республики Татарстан

Зарегистрирован в Министерстве информации и печати
Республики Татарстан 5 января 1995 года. Регистрационный № 380

Журнал ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным направлениям: 07.00.00 (исторические науки), 09.00.00 (философские науки), 10.00.00 (филологические науки), 12.00.00 (юридические науки), 17.00.00 (искусствоведение), 23.00.00 (политические науки)

Главный редактор – президент АН РТ академик **А.М.Мазгаров**
Зам. главного редактора – академик **М.А.Усманов**
Выпускающий редактор, ответственный секретарь –
гл. редактор издательства «Фэн» АН РТ, к.и.н. **Б.Л.Хамидуллин**

Редакционная коллегия:

Багаутдинов Ф.Н. (Казань),
Бальдауф Ингоборг (Германия),
Васильев Д.Д. (Москва),
Вашари Иштван (Венгрия),
Ганиев Ф.А. (Казань),
Девлет Надир (Турция),
Загидуллин И.К. (Казань),
Кляшторный С.Г. (Санкт-Петербург),
Миннуллин К.М. (Казань),
Мухаметшин Р.М. (Казань),
Мухаметшина Р.Ф. (Казань),
Трепавлов В.В. (Москва),
Хакимов Р.С. (Казань),
Шамильоглу Юлай (США),
Ягудин Ш.Ш. (Казань),

Редакторы
А.Д.Алишева,
В.П.Лашенева
Переводчик *И.Ж.Салахов*
Компьютерная верстка
Н.Ф.Гимадеевой

Адрес редакции:
420111, Казань, ул. Баумана, 20
Телефоны:
Гл. редактор – 2924034
Зам. гл. редактора – 2927939
Ответ. секретарь – 2921564
e-mail: anrt@rambler.ru (для редакции «НТ»)

Подписано к печати 23.10.2008 г.
Формат 70×108¹/₁₆
Офсетная печать
Объем 14,25 печатных листов
Усл. печ. листов 19,95
Тираж 500 экз.
Заказ Т-1466

ООО «Слово»
420066, Казань, ул. Декабристов, 2
Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии ОАО ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

© Коллектив авторов, 2008
© Издательство «Фэн» АН РТ, 2008

5 ОТ РЕДАКЦИИ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

- 7 **Арсланов М.Г.**
Татарский театр: зарождение и развитие
- 14 **Васильев Д.Д.**
Секретные материалы о помощи российских мусульман Османской империи в период Балканских войн
- 17 **Зайцев И.В.**
Из истории отечественной тюркологии
- 22 **Кульпин Э.С.**
Из прошлого татар: расцвет цивилизации Золотой Орды
- 39 **Макаров Г.М.**
Танбур и даф – классические музыкальные инструменты татар позднего средневековья
- 47 **Султанова Р.Р.**
Роль и значение П.Т.Сперанского в развитии сценографии татарского театра
- 53 **Улемнова О.Л.**
Художественная династия Тагиновых и искусство книги Татарстана и России
- 62 **Хамидуллин Б.Л., Измайлов И.Л.**
На рубеже веков: современная отечественная историография истории Казанского ханства

ФИЛОЛОГИЯ

- 74 **Асылгараев Ш.Н.**
Из истории изучения звукового строя современного татарского литературного языка
- 85 **Ахматова Т.В.**
Использование эвристических методов обучения на уроке литературы
- 89 **Галимуллина А.Ф.**
Специфика преподавания курсов «История древнерусской литературы» и «История русской литературы XVIII века» на национальных отделениях педагогических вузов
- 93 **Ганиев Ф.А.**
Теоретические вопросы составных глаголов в тюркских языках и проблема их лексикографирования
- 99 **Закиев М.З.**
Древнейшие этнические корни тюрков по данным лингвоархеологии
- 107 **Миннуллин К.М., Урманчеев Ф.И.**
Современные проблемы литературно-фольклорных взаимосвязей
- 117 **Мусин Ф.М.**
Актуальные вопросы обновленного изучения творчества Г.Ибрагимова
- 125 **Мухаметшина Р.Ф.**
Исламский Восток и русская литература (к проблеме диалога культур)
- 130 **Нуриева Ф.Ш.**
К изучению литературных традиций письменных тюркских языков

Рамеев З.З.

Некоторые проблемы текстологического изучения татарской литературной классики

139

Рахимова А.Р.

Слова со значением «очень» в тюркских языках

143

Хисамов Н.Ш.

Проблема версий в средневековой тюркской поэзии

148

ВОПРОСЫ ПРАВА И ПОЛИТОЛОГИИ

Абдуллин А.И.

Новое российское гражданское законодательство и опыт Европейского союза в сфере правовой охраны интеллектуальной собственности

158

Багаудинов Ф.Н., Зартдинова А.Р.

Правовой вакуум по вине законодателя

164

Балтанова Г.Р.

Ислам, политика, идеология, наука

167

Загидуллин И.К.

Обсуждение новых правил по строительству мусульманских богослужебных зданий имперской властью в начале XX в.

176

Мухарямов Н.М.

Геополитика в контексте «гибкой власти»

184

Нугманова Г.Г.

Архитектура жилых построек татарских слобод г. Казани: российское законодательство и этноконфессиональные особенности (конец XIII – начало XX вв.)

194

Хакимуллина Л.М.

Современная миграционная политика Российской Федерации

203

Хафизова Л.С.

Уголовно-правовые проблемы финансового мошенничества

207

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

Баязитов Р.М., Петухов В.Ю., Файзрахманов И.А.

Памяти Ильдуса Бариевича Хайбуллина

211

ХРОНИКА ЖИЗНИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

214

5 FROM EDITORS

HISTORY AND CULTURE OF TURKIC NATIONS

- 7 **Arslanov M.G.** Tatar Theatre: Formation and Development
Vasilyev D.D. Classified Matter of Contribution of Russian Muslims to Ottoman Empire During
 14 Balkan Wars
 17 **Zaytsev I.V.** In the History of Russian Turkology
 22 **Kulpin E.S.** The Past of Tatars: Prosperity of the Golden Horde Civilization
 39 **Makarov G.M.** Tanbur and Daf – Classical Musical Instruments of Tatars in the Late Middle Ages
Sultanova R.R. Role and Importance of P.T.Speranskiy in the Development of Scenography in Tatar
 47 Theatre
 53 **Ulemova O.L.** Artistic Dynasty of the Tagirovs and the Bookish Art of Tatarstan and Russia
 62 **Khamidullin B.L., Izmaylov I.L.** At the Turn of the Century: Modern Russian Historiography of
 Kazan Khanate History

PHILOLOGY

- Asylgarayev Sh.N.** In the History of Studying the Sound Structure of Modern Tatar Literary Lan-
 74 guage
 85 **Akhmatova T.V.** Using the Heuristic Methods in Teaching Literature
Galimullina A.F. Peculiarities of Giving the Courses “History of Old Russian Literature” and “His-
 89 tory of Russian Literature of the XVIII Century” in National Departments of Teachers Training
 Higher Schools.
Ganiev F.A. Theoretical Issues of Compound Verbs in Turkic Languages and the Problem in Their
 93 Lexicography
 99 **Zakiev M.Z.** Primordial Ethnic Roots of Turks on Evidence of Lingvo-Archaeology
 107 **Minnullin K.M.** Modern Problems of Literary and Folklore Inter-linkages
 117 **Musin F.M.** Important Issues of Innovative Studying the Work of G.Ibragimov
 125 **Mukhametshina R.F.** Islamic Orient and Russian Literature (on the issue of cultural dialogue)
 130 **Nurieva F.Sh.** Studying the Literary Traditions of Written Turkic Languages
 139 **Rameev Z.Z.** Some Problems of Textological Studying Tatar Literary Classics
 143 **Rakhimova A.R.** The Words in the Meaning of “very” in Turkic Languages
 148 **Khisamov N.Sh.** The Problems of Versions in the Turkic Poetry of the Middle Ages

ISSUES OF LAW AND POLITICAL SCIENCE

- Abdullin A.I.** New Russian Civil Legislation and the Experience of European Union in the Field
 158 of Legal Safeguard of Intellectual Property
 164 **Bgautdinov F.N., Zartdinova A.R.** Legal Vacuum Due to the Fault of Legislator
 167 **Baltanova G.R.** Islam, Policy, Ideology, Science
Zagidullin I.K. Discussion of New Rules in Construction of Muslim Liturgical Buildings by
 176 Empire Government in the Early XX Century
 184 **Mukharyamov N.M.** Geopolitics in the Context of “Flexible Government”
Nugmanova G.G. Architecture of Tatar Settlements in Kazan : Russian Legislation and Ethnic
 194 and Confessional Peculiarities (late XIII-early XX centuries)
 203 **Khakimullina L.M.** Modern Migration Policy in Russian Federation
 207 **Khafizova L.S.** Criminal Legal Issues in Financial Fraud

IN MEMORY OF SCIENTISTS

- 211 **Bayazitov R.M., Petukhov V.Y., Fayzrakhmanov I.A.** In Memory of Ildus Barievich Khaybullin

LIFE CHRONICLE OF TATARSTAN ACADEMY OF SCIENCES

Теоретический, научно-популярный информационный журнал «Научный Татарстан / Фәнни Татарстан» учрежден Президиумом Академии наук Республики Татарстан и издается с января 1995 года. За это время на двух языках – русском и татарском вышло всего 69 номеров. Тираж, в зависимости от содержания и адресованности конкретных номеров издания, колебался от 200 до 2000 экземпляров.

За период организации, становления и развития Академии наук Татарстана, основным назначением и призванием которой являются организация и проведение ориентированных фундаментальных и поисковых исследований в республике, журнал старался предпринимать соответствующие меры по реализации возложенных на него обязанностей. Например, своевременно информировать общественность о достижениях или нерешенных проблемах, успехах или недостатках в области научных разработок и научно-организационных мероприятий; организовать обсуждения, осуществлять обмен мнениями по актуальным и спорным проблемам развития науки. Журнал, надо признать, в определенной степени справлялся с возложенными на него задачами. Вместе с тем он не смог в достаточной степени освободиться от традиционного метода и стиля работы.

Современные темпы ускоренного общественно-политического, социально-экономического, научно-технического и культурного развития страны в целом, и республики в частности, требуют соответствующих изменений, преобразований, в том числе совершенствования в сферах организации управления научным процессом с тем расчетом, чтобы свою повседневную деятельность по возможности максимально приблизить к практике, к интересам производства материальных и духовных ценностей. Исходя из этого в последние годы руководство АН РТ произвело и производит ряд изменений, преобразований в своей структуре: организованы новые подразделения, существенно расширен состав высшего руководящего органа – Президиума АН РТ и т.д. Принято также решение, что, в соответствии с новыми задачами, необходимо и обновить, улучшить качество своего печатного органа – журнала «Научный Татарстан» («НТ»).

Среди предложений по этому вопросу наиболее интересным и перспективным на данном этапе является мнение о необходимости избавления журнала от его «всеядности», когда в одном и том же номере публиковались различные по характеру и жанру материалы как по естественно-техническим, точным наукам, так и по общественно-гуманитарным дисциплинам. Ибо такая разношерстность содержания мешала специализации издания и, как следствие, не способствовала активному привлечению конкретно заинтересованных потребителей – читателей к журналу.

Учитывая все это, руководство АН РТ пришло к решению, что на современном этапе следует разделить журнал на две серии: естественно-техническую и общественно-гуманитарную.

Одной из обязанностей, стоящих перед гуманитарной серией на данном этапе, наравне с другими общеизвестными проблемами, являются вопросы организации регулярной помощи молодым научным специалистам в их становлении. Молодые соискатели испытывают трудности в публикации результатов своих диссертационных исследований. Не оправдывают себя так называемые платные публикации в малоспециализированных коммерческих изданиях. Поэтому мы считаем, что гуманитарная серия «НТ» должна быть строго рецензируемым органом, услугами которого могут бесплатно пользоваться будущие соискатели (о правилах приема рукописей к публикации, об особенностях рецензирования рукописей см. официальное обращение редакции к авторам в конце журнала). Причем к публикации будут приниматься работы не только из Казани, Республики Татарстан, но и из других регионов, естественно, при строгом соответствии их содержания профилю журнала.

Журнал намерен также принимать к публикации материалы полемического характера и организовывать по ним соответствующие обсуждения. Разумеется, обсуждения и полемика должны быть свободны от личностных ненаучных устремлений, нарушающих научную этику.

Редакция предполагает, что отдельные номера данной серии могут быть посвящены тому или иному направлению объявленных гуманитарных дисциплин, а также конкретным проблемам внутри одной специальности.

Изложенные выше намерения и планы, исходя из потребности интересов научной общественности, могут быть в будущем уточнены и дополнены. Мы намерены совершенствоваться соответственно развитию общества и реальным требованиям современной жизни. Вместе с тем мы осознаем, что успех в этом деле зависит не столько от намерений редакции, сколько от активности авторов.

Пожелаем же им успехов в научных поисках и творческих дерзаниях!

УДК 792.03

ТАТАРСКИЙ ТЕАТР: ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

М.Г. Арсланов, доктор искусствоведения, член-корр. АН РТ

Возникновение театрального искусства как эстетического феномена, художественного, идеологического и организующего фактора общественного прогресса татарского народа было обусловлено усложнением социальных, идеологических, нравственно-психологических, бытовых форм жизни на рубеже XX века. Как любому искусству, художественно выражающему действительность, театру предстояло откликаться, изменяться и искать ответы на те задачи, которые ставила перед ним сама жизнь. С другой стороны, возникновение татарского театра на рубеже двух веков было обусловлено столкновением двух противодействующих сил внутри общества: силы инерции, застоя, упадка и поступательной силы развития. В этой ситуации, в которой оказался татарский народ к концу XIX века, и возник институт театра. Перед ним стояла историческая задача огромного масштаба: поднять национальное сценическое искусство на тот высочайший философско-эстетический уровень, который уже был достигнут в мире, создать театр, опирающийся на духовный опыт современного человека и способный изображать его в тонких и многообразных связях с обществом и миром.

Татарский театр зародился как театр народный, общедоступный, демократический. Его создатели – люди, вышедшие из народа: рабочие, учащиеся медресе, отчисленные за участие в общественных волнениях, приказчики. Они определили путь демократическо-

го развития национального сценического искусства.

Первые публичные спектакли на татарском языке состоялись почти одновременно в Уфе, Казани, Оренбурге и Астрахани. Премьера первого спектакля в Казани прошла 22 декабря (по старому стилю) 1906 года. С этого дня татарский театр ведет свое летосчисление.

В истории театра огромное значение имеет спектакль, прошедший 3 (16) апреля 1907 года в городе Оренбурге, так как большинство его участников впоследствии становятся первыми профессиональными актерами и режиссерами. Именно они, организовав в мае 1907 года под руководством И. Кудашева-Ашказарского первую профессиональную татарскую театральную труппу, отправляются в гастрольную поездку по России. В ее составе были такие энтузиасты национального сценического искусства, как В. Муртазин-Иманский, Н. Гайнуллин, А. Кулалаев, Н. Хайрутдинов. В августе того же года, во время гастролей в Нижнем Новгороде, в труппу были приняты первая татарская актриса С. Гиззатуллина-Волжская и выдающийся актер и режиссер татарской сцены Г. Кариев. Спустя несколько месяцев Г. Кариев становится руководителем труппы вместо покинувшего труппу И. Кудашева-Ашказарского.

Первые годы татарского театра характеризуются большими трудностями и лишениями, которые были обусловлены передвижным гастрольным характером. В этот период у единственной

профессиональной труппы, названной в 1908 году «Сайяр» («Передвижник»), не было постоянного помещения, условий для создания полноценных спектаклей. Они проходили обычно в клубах или в театральных помещениях разных городов, снятых в аренду, среди спешно сколоченных павильонных декораций. В передвижных условиях развитие театрального искусства шло не в направлении изоэстетного использования постановочных приемов, сценических выразительных средств, а в плане углубления актерского мастерства. Воспитание татарских актерских кадров, создание национальной исполнительской школы и являются основными достижениями татарского театра в первом пятилетии, заслугой его первых режиссеров. Весьма важно то, что Г.Кариев, как никто другой умевший разглядеть в людях талант, находил и привлекал в труппу одаренных людей из народа, воспитывал актеров именно реалистического театра, мастеров психологического портрета, способных воссоздать на сцене «жизнь человеческого духа». Благодаря его неустанной заботе татарский театр превратился в созвездие великолепных актеров, таких, как С.Гизатуллина-Волжская, Г.Болгарская, Ф.Ильская, Н.Таждарова, К.Тинчурин, З. Султанов, К.Шамиль, Камал I, Камал II и др. Многие спектакли, сыгранные ими, несмотря на бедность оформления костюма, отвечали основному требованию реалистического театра – ансамблевости.

Не менее важное значение имела и вторая проблема, решенная театром. Это воспитание национального зрителя, способного к глубокому сопереживанию событиям, происходящим за «четвертой стеной». Данная проблема стояла перед деятелями театра с первых же дней его существования. Сориентированный на пропаганду прогрессивных идей, театр адресовал свою деятельность передовой интеллигенции, широкой демократической публике – и не ошибся.

Со второй проблемой тесно связана и третья – проблема создания современных спектаклей, разработка и утверждение принципов их постановки. Воспитанную на правилах исламской религии зрительскую массу можно было привлечь в театр, только задевая за живое, затрагивая наиболее острые проблемы времени. Поэтому основными характерными чертами спектаклей на современную тему стали актуальность, познание жизненного материала. Именно провозглашенный театром принцип отображения действительности «в формах самой жизни» обеспечил приток в него широкой публики.

Начиная с 1912 года, завоевав общественное признание, татарский театр получил возможность дальнейшего освоения сценических выразительных средств. Постепенно в его спектакли вошла музыка, усилилась взаимосвязь между героем и окружающим его «миром вещей». С приходом в «Сайяр» художника С.Яхшибаева стало практиковаться индивидуальное оформление постановок. Вскоре требованию ансамблевости подчинился и сценический костюм. Так постепенно театр обогащается все новыми сценическими выразительными средствами. Переход в полустационарную работу и включение актеров «Сайяр» в штат Восточного клуба позволили заметно расширить репертуар татарского театра. Наряду с произведениями современных татарских авторов – Г.Камала, Г.Исхаки, Ф.Амирхана, К.Тинчурина, И.Богданова, М.Файзи, Ш.Камала – на сцене появились и пьесы зарубежных и русских драматургов: Ф.Шиллера, Ж.Б.Мольера, Н.В.Гоголя, А.Н.Островского, С.Найденова и других.

Театральное искусство, поддержанное передовыми демократическими силами татарского народа, продолжает развиваться. В 1912 году в Уфе создается труппа «Нур» («Луч»), в 1915 году в Оренбурге – «Ширкат» («Товарище-

ство»). В разные годы в Астрахани и Перми работали еще две татарские драматические труппы. Они как бы подхватили эстафету «Сайяра» и в дальнейшем развивались параллельно.

Сразу же после Октябрьской революции началась усиленная идеологизация театрального искусства. Правящая партия и новая власть требовали от его деятелей идеологической, агитационной активности. Актеры, режиссеры, за редким исключением без колебания принявшие революцию, немедленно приступили к решению этих задач. Идея построения в стране в короткий срок самого гуманного общества казалась им весьма убедительной и легко осуществимой. А наивная вера помогала сделать свое искусство созвучным эпохе, отразить наиболее острые проблемы и задачи времени.

В 1919 году при Мусульманской военной коллегии на базе «Сайяра» создается первая татарская советская драматическая труппа, а через год после образования ТАССР в этот коллектив вливается ряд актеров из театра «Аң» («Сознание») и создается первая татарская показательная труппа. В 1922 году она была переименована в Татарский государственный театр имени Красного Октября, а в 1926 году – в Татарский государственный академический театр. В 1939 году театру присваивается имя классика татарской драматургии Г.Камала.

Двадцатые годы в развитии татарского театра прошли в обстановке активной борьбы за сценический реализм, преодоления материальных, организационных, творческих трудностей. Его коллектив, несмотря на суровые условия НЭПа, активно усваивал и осмысливал новую жизнь. На сцену пришли герои Гражданской войны, а затем современной мирной жизни. Усиленно пропагандировались также произведения мировой классики. Во многих студиях и во вновь открытом Татарском теат-

ральном техникуме велась подготовка национальных сценических кадров. На страницах республиканских газет и журналов шли дискуссии об отношении к старому реалистическому театру, о содержании и форме спектаклей, манере актерской игры и т. д.

Вторая половина 20-х годов в развитии татарского театра примечательна экспериментами и поисками Г. Девишева, Р. Ишмуратова, С. Сульвы-Валева. Режиссеры-новаторы, открывшие новые страницы в истории национального театра, искали новые пути развития его сценического искусства. Их стремление к освоению выразительных средств условно-метафорической образности существенно расширило горизонты национальной сцены, обогатило театр новыми приемами и стилистическими открытиями. Уже в конце 20-х годов они доказали возможность сближения и синтеза принципов условного и реалистического театров, стилевых течений, считавшихся тогда антагонистическими, опровергающими друг друга.

Основную реалистическую линию в развитии татарского театра вел тогда друг и соратник «отца татарского театра» Г.Кариева драматург, актер и режиссер К.Тинчурин. Именно благодаря его огромным творческим усилиям национальное сценическое искусство сохранило верность традициям школы Г.Кариева.

Творческое содружество сторонников различных театральных направлений обеспечивало пристальный интерес публики к спектаклям татарского театра. С большим интересом зрителями были восприняты такие, впоследствии вошедшие в золотой фонд национальной сцены, спектакли 20-х годов, как «Отелло» и «Гамлет» В.Шекспира, «Голубая шаль», «Без ветрил» и «Американец» К.Тинчурина, «Переселение» Н.Исанбета, «Старик Камали» Ф.Бурнаша, «Директор Зямиль» и «Свояченица»

Г.Кутуя, «Разлом» Б.Лавренева, «Рельсы гудят» В.Киршона и др.

В 30-х годах XX века усиливается идеологический нажим правящей партии на литературу и искусство. В 1935 году был учрежден Всесоюзный комитет по делам искусства. А до этого надзор за культурой и искусством осуществлялся цензурой через Главрепертком и путем партийной критики в центральных журналах и газетах. Во время сталинских пятилеток идеологические требования все более ужесточались, сужая фронт театральных исканий. В апреле 1932 года был издан указ об упразднении пролетарских группировок в области литературы и искусства. Под знаменем «борьбы с левацкими загибами на культурном фронте» была создана единая тоталитарная система контроля в творческой сфере. Следующим шагом в этом направлении стал прошедший в 1934 году Первый съезд советских писателей, где единственно верным методом литературы и искусства был провозглашен метод социалистического реализма, который вскоре стал грозным оружием борьбы со всяким инакомыслием, выходящим за рамки общепринятых идеологических норм.

За этим шагом в январе 1936 года последовало наступление на форму и стиль, что означало завершение создания тоталитарной системы в области искусства. Отныне каждое произведение литературы и искусства должно было пройти через сетку нормативности и любое отклонение – налево или направо – жестоко каралось.

Татарское сценическое искусство входило в систему такой идеологизации очень болезненно. В 1929 году вынужден был уехать из Казани режиссер-новатор Г.Девишев. Под внешне благовидным предлогом руководством Оперной студии при Московской консерватории был отстранен от постановочной деятельности активный сторонник условного театра экспериментатор С.Сульва-Валеев.

Жесткий идеологический контроль не щадил и сторонников реалистического театра. Так, под видом сокращения штатов вынуждены были уйти со сцены ТГАТа режиссеры К.Тинчурин, Ш.Шамильский, молодой талантливый режиссер С. Булатов, актеры Х.Кулмамаат, Г.Уральский, И.Шагдалиев и другие.

Репрессии 1937 года потребовали новых жертв из среды деятелей национального сценического искусства. На долгие годы из памяти народной были стерты имена К.Тинчурина, М.Мутина, драматургов Ф. Бурнаша, Г.Ибрагимова, Ф.Сайфи-Казанлы. Гонениям подверглись молодой режиссер Г.Исмагилов (он спасся от репрессии, сумев немедленно уехать из Казани) и режиссер, драматург Р. Ишмуратов, в 30-х годах возглавлявший ТГАТ в качестве художественного руководителя.

Но несмотря на все эти невзгоды, татарский театр выжил и благодаря накопленному в предыдущие годы потенциалу создавал все новые прекрасные спектакли. Лучшими постановками 30-х годов по праву можно считать такие спектакли, как «За туманом» Ш.Камала, «На Кандре» К.Тинчурина, «Письмо на платке» С.Баттала, «Искра», «Потоки», «Славная эпоха» Т.Гиззата, «Шамсикамар» М.Аблиева, «Тукай» А.Файзи, «Ходжа Насретдин» Н.Исанбета, «Волки и овцы» А.Н.Островского, «Разбойники» Ф.Шиллера, «Ромео и Джульетта» В.Шекспира... В них раскрывалось мастерство таких замечательных актеров, как М.Мутин, З.Султанов, Ш.Шамильский, Х.Абжалилов, Х.Уразиков, Х.Салимжанов, Г.Болгарская, Ф.Ильская, Н.Таждарова, Г.Булатова, Г.Камская, Ф.Камалова и др.

В 30-х годах в республике были открыты еще три государственных театра: Республиканский передвижной (ныне театр им. К. Тинчурина), Мензелинский драматический театр и Театр оперы и балета (ныне им.М.Джалиля).

В репертуаре Татарского академического театра примерно до середины 30-х годов XX в. значительное место занимают музыкальные спектакли. В их создании велика заслуга основоположника татарской профессиональной музыкальной культуры композитора С. Сайдашева. Его мелодичная, проникновенная музыка помогала еще глубже раскрыть идейное содержание спектаклей, душевное состояние, характеры героев. Песни С. Сайдашева, написанные к спектаклям «Голубая шаль», «Наемщик», «На Кандре», «Очи», «Настоящая любовь» и другие, и по сей день любимы народом.

Значителен вклад татарского театра в историческую победу над фашистской Германией. За Отчизну отдали свои жизни талантливые актеры Г.Газизов, Б.Юсупов, Х.Катиев, Ф.Камал, Г.Салихов, Г. Давлетбаев, Г.Сагитов. Участниками Великой Отечественной войны стали А.Юсупов, Г.Надрюков, К.Гильманов, А.Фатхуллин, Х.Султанов, Б.Шакирова. Во фронтовых концертных бригадах принимали активное участие А.Масаутова, Р.Зиганшина, И.Гафуров, Р.Ибрагимова, Р.Таминдарова. Для оказания помощи армейской самодеятельности на фронт были направлены режиссеры К.Тумашева, С.Сулъва-Валеев, Ш.Сарымсаков. В трудных условиях военных лет театр вел плодотворную работу. Успех таких выдающихся спектаклей, как «Минникамал» М.Амира, «Хаджи женится» Ш.Камала, «Банкрот» Г.Камала, «Собака на сене» Лопе де Вега, «Король Лир» В.Шекспира – убедительный тому пример.

В годы войны коллективы театров систематически выезжали в сельские районы Татарстана, а также совершали гастрольные поездки по Уралу, Кузбассу, Сибири, Башкирии, вдохновляя своим искусством колхозников, рабочих, шахтеров на трудовые подвиги.

Трудно назвать благоприятными для развития национального искусства и

послевоенные годы. По всей стране наблюдалось снижение интереса к театральному искусству. Отрицательную роль в этом сыграла так называемая «теория бесконфликтности», которая ограничивала свободу творчества сценических деятелей. В этом плане усугубили положение дел и постановления ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению», «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», об опере “ Великая дружба”». Исключая из живого процесса творческую личность, они принесли ощутимый вред искусству. Вынужденные раз за разом решать надуманный конфликт между «хорошим» и «лучшим», художники нередко создавали серые, безжизненные произведения. Если и рождались на сцене полноценные художественные произведения, то это не благодаря, а вопреки тоталитарной опеке.

Деятели татарского театра вели активную борьбу за преодоление или хотя бы нейтрализацию отрицательного воздействия на искусство административно-управленческой бюрократии. И как результат рождались художественные произведения, правдиво отображавшие историческое прошлое и сегодняшний день народа. Наиболее удачными постановками этого периода были «Каюм Насыри» М.Гали и Х.Уразикова, «Мулланур Вахитов», «Зифа» Н.Исанбета, «Песня жизни» М.Амира, «Настоящая любовь» Т.Гиззата, «За тех, кто в море» Б.Лавренива, «Тайны» А.Ахметова, «Зять профессора» Ш.Хусаинова, «Одинокая береза» М.Карима, «Последние» А.М.Горького, «Без вины виноватые» А.Н.Островского и другие.

Своеобразным подведением итогов всего предшествующего периода развития национального театра стала Декада татарского искусства и литературы в 1957 году в Москве. В ее рамках были показаны такие спектакли театра им. Г.Камала, как «Король Лир» В.Шекспи-

ра, «Голубая шаль» К.Тинчурина, «Потоки» Т.Гиззата, «Хаджи Насретдин», «Зифа» Н.Исанбета, «Минникамал» М.Амира. Мензелинский колхозно-совхозный театр показал «Галиябану» М.Файзи и «Неписанные законы» Ю.Аминова. Спектакли прошли с триумфальным успехом. В многочисленных газетно-журнальных публикациях всестороннему анализу подверглись актерское и режиссерское искусство татарского театра, его драматургия. Отмечая высокое мастерство татарских актеров, столичные ценители сценической культуры восхищались талантом и мастерством таких режиссеров, как Ш.Сарымсаков, Х.Уразиков, С.Амутбаев. По итогам Декады Указом Президиума Верховного Совета СССР Татарский государственный академический театр им. Г.Камала был награжден орденом Ленина.

После XXII съезда КПСС (1961 год) татарский театр, порвав узы сдерживающего творческий рост административно-бюрократического аппарата, вступил в качественно новый этап своего развития. Было покончено со всеобщей нивелировкой «под МХАТ», открылась свобода формотворчества. В годы хрущевской «оттепели» театр переживает своеобразный период обновления. Пришли драматурги Ш.Хусаинов, Х.Вахитов, А.Гилязов, И.Юзиев, Т.Миннуллин, молодые режиссеры П.Исанбет, Р.Бикчентаев, Р.Тумашев, М.Салимжанов, М.Мустафин, вливается молодое поколение актеров, окончивших Театральное училище им.М.С.Щепкина при Малом театре, студию при Казанском Большом драматическом театре им.В.И.Качалова и вновь открытое Казанское театральное училище. Творчество молодых актеров формировалось и росло в таких спектаклях, как «Муса Джалиль», «Гюльжамал», «Миркай и Айслу» Н.Исанбета, «Искры» и «Смелые девушки» Т.Гиззата, «Американец» К.Тинчурина, «Зубайда – дитя челове-

ческое», «Приехала мама» Ш.Хусаинова, «Первая любовь», «Добро пожаловать», «Если улыбнется счастье» Х.Вахитова, «День рождения Миляуши» Т.Миннуллина, «Последняя жертва» А.Н.Островского, «Мера за меру» В.Шекспира и другие. Последующий этап развития татарского театра характеризуется определенной стабильностью. Несмотря на строгую нормативность застойного правления, сценическое искусство обогатилось новыми значительными произведениями. Достаточно ярко проявились самобытные дарования юных талантов. Заняли достойное место творения зрелых мастеров.

В этот период развития художественные достижения татарского театра связаны с именами М.Салимжанова, П.Исанбета, Ф.Бикчантаева, Д.Сиразиева, Ф.Ибрагимова, Р.Тазетдинова, Р.Зиганшиной, В.Минкиной, Р.Хайрутдиновой, Р.Шарафиева, Н.Ихсановой, А.Гайнуллиной, И.Хайруллина и других. С искренней заинтересованностью театральной критики и национального зрителя были встречены спектакли «Альмандар из деревни Альдермыш», «Мужчины», «Судьбы, избранные нами», «Илгизар плюс Вера» Т.Миннуллина, «Идегей» Ю.Сафиуллина, «Наследие» К.Гафурова, «Бичура» М.Гилязова, «Летающая тарелка» З.Хакима, «Учитель танцев» Лопе де Вега, «Ромео и Джульетта» В.Шекспира.

Заметным явлением в художественной жизни республики стало возвращение творческого наследия Гаяза Исхаки. Сегодня его пьесы широко ставятся в театрах РТ и за ее пределами. Однако полное восстановление прерванной истории связи времен – дело будущего. Татарскому театру еще много предстоит работать над освоением эстетики Исхаки.

22 декабря 2000 года татарский театр отметил свое 100-летие. Обобщая его богатую историю, необходимо отметить,

что на различных этапах своего развития он переживал взлеты и неудачи. Но никогда не стоял на месте. С полным основанием можно сказать, что татарский театр всегда служил демократическим идеям, пропагандировал

общечеловеческие гуманистические идеалы. С его сцены никогда не звучали призывы к войне, межнациональной розни, жестокости и насилию. Татарский театр всегда был и остается «школой жизни для народа».

Литература

1. Алтерс Б. Театральные очерки: В 2 т. – М.: Искусство, 1977.
2. Арсланов М. Г. Татарское режиссерское искусство (1906–1941). – Казань: Тат. кн. изд-во, 1992. – 336 с.
3. Арсланов М. Г. Татарское режиссерское искусство (1941–1956). – Казань: изд-во ТГЖИ, 1996. – 224 с.
4. Арсланов М. Г. Татарское режиссерское искусство (1957–1991). – Казань: Фикер, 2002. – 272 с.
5. История советского драматического театра : В 6 т. – М. : Наука, 1969–1972.
6. Кариев Габдулла : Мәкаләләр, истәлекләр, документлар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1976. – 232 б.
7. Кәримуллин Ә. Татар сәхнәсе : (Әдәбият күрсәткече). – Казан, 1979. – 332 б.
8. Марков П.А. О театре : В 4 т. – М.: Искусство, 1974–1977.
9. Мәхмүтов Һ., Илялова И., Гыйззәт Б. Октябрьгә кадәр татар театры. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1988. – 400 б.
10. Мортазин В., Ченәкәй Т. Татар театры тарихыннан. – М.: СССР халыклары УН, 1926. – 88 б.
11. Татар совет театры: Очерклар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1975. – 494 б.
12. Татар театры. 1906 – 1926 : Театр мәжмугасы. Татар театрының егермеллык бәйрәме. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1926. – 176 б.

Summary

The short analysis of the National Stage Art Activity is given and its creative development from the first public performances up to the present is traced in the speech. Since the forms of State government and public relations changed, the Theatre has gone through success and failures in different periods of its existence. But it never stagnated. Its creative potential led it forward inspiring to the creation of something new. Our people may be proud as the Tatar Theatre has always served the democratic ideas, propagandized humanist ideals. The slogans calling for war, international clashes were never heard from the stage. The cult of force, cruelty and violence, the limitation of the personalities freedom and pornography have always been prohibited. The Tatar Theatre has always been a school of life for people and it remains the same thing at present.

УДК 94 (4/9)

**СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ПОМОЩИ РОССИЙСКИХ МУСУЛЬМАН
ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРИОД БАЛКАНСКИХ ВОЙН***Д.Д.Васильев, профессор*

В фондах Государственного архива Российской Федерации имеются сведения об оказании российскими мусульманами денежных пожертвований в пользу Османской империи во время Балканских войн. Это материалы из фондов Особого отдела Департамента полиции Российской империи, которые лишь недавно были открыты широкому кругу исследователей. Они содержат аналитические записки и доклады российских высокопоставленных чиновников по данному вопросу.

В начале XX в. вопрос о взаимоотношениях русскоподданных мусульман и их единоверцев на территории Османской империи стал особенно актуальным для российских властей. 9 октября 1912 г. началась Первая Балканская война, когда против Турции выступила коалиция держав: Болгария, Греция, Сербия и Черногория. Поводом для войны стал отказ турецкого правительства предоставить автономию Македонии и Фракии. В результате сильнейшего политического давления со стороны европейских держав Османское правительство было вынуждено отдать Болгарии Адрианополь. Под усиливающимся нажимом 30 мая 1913 г. был подписан Лондонский мирный договор, по которому почти все территории Османской империи в Европе были разделены между империалистически настроенными державами-победительницами. 23 июня 1913 г. началась Вторая Балканская война, которую вели

между собой Болгария, Сербия и Греция за раздел новых территорий. Защищая свое население во Фракии, Турция вмешалась и сумела восстановить контроль над Адрианополем, а ее граница с Болгарией была установлена по реке Марица (Мерич). Эти события получили неожиданный резонанс в далеком от театра военных действий Туркестане.

В связи с началом Первой, а затем и Второй Балканских войн русские полицейские власти в Туркестане стали фиксировать появление в регионе турецких подданных, которые, выдавая себя за служащих османских мечетей и турецких государственных чиновников, стали собирать в пользу Турецкого красного полумесяца денежные сборы (например, см. ДП, ф. 102, оп. 1913, д.74, ч.84, лл.131-131об.). Распространялись слухи о том, что христиане хотят отобрать землю у турок, и поэтому необходимо помочь денежно, чтобы мусульмане могли приобрести землю в другом месте (там же, лл.131об.-132). В данных агентурных сводках часто упоминается о том, что местное население с большим интересом прислушивается к известиям о военных действиях на Балканах. По непроверенным слухам, которые доходили до чиновников Департамента полиции, местные жители «выказывали необходимость, ввиду оказываемой Россией помощи противникам Турции», выступить сообща всем мусульманам в союзе с Японией и Китаем против России. Российские официальные органы

власти были обеспокоены такими настроениями и пытались принять соответствующие меры для того, чтобы воспрепятствовать этому. Турецкие подданные высылались за пределы края, а собранные ими суммы изымались (например, см. ДП, ф.102, оп. 1912, д.74, ч.84, лл.18-18об.). Среди русских полицейских и военных чиновников стали всерьез обсуждаться слухи о возможности антирусского восстания на территории Средней Азии и Кавказа. Такие опасения были связаны с европейскими предрассудками о мусульманской опасности, которым были подвержены многие чиновники в России. Однако были и представители высших органов государственного управления, которые более трезво оценивали ситуацию в регионе.

В этой связи интерес представляет переписка туркестанского генерал-губернатора А.В. Самсонова (на данном посту с 1909 по 1914 г.) и начальника Главного штаба Н.П. Михневича о причинах волнений в Туркестане (ГА РФ, ДП, ф.102, оп. 243, 1913 г., д.74, ч.84, лл.119-137). В этом документе содержатся интересные аналитические заметки о положении в Туркестане. А.В. Самсонов участвовал в Русско-турецкой войне 1877-1878 гг., затем служил в Кавказской гренадерской дивизии, участвовал в Русско-японской войне 1904-1905 гг. Погиб в Первую мировую войну на Западном фронте.

Будучи опытным наблюдателем, знакомым с мусульманским миром и Востоком, генерал Самсонов подметил многие, незаметные на первый взгляд особенности ситуации. В частности, он отмечал, что основной причиной возникновения конфликтов в Туркестане был земельный вопрос, а не религиозный. Он говорит о том, что нерешенность вопроса о принадлежности земли, самовольные захваты земли русскими колонистами при молчаливом попустительстве местных властей «обратили

многих местных влиятельных мусульман в туркофилов». Таким образом, он подчеркивает, что именно земельный вопрос, а не религиозные причины, стал причиной волнений в крае. При этом он констатирует, что это произошло только после того, как мусульмане не получили никакого вразумительного ответа на свои петиции от императора (там же, лл. 142-127). Это создало благодатную почву для проповедей мулл о том, что государь является виновником отъема земель и поэтому местное население отказывается ставить его портреты в домах и школах. А единственной надеждой для них на справедливое решение земельного вопроса для них остался турецкий султан. Поэтому поражение Османской Турции в войне могло повлечь за собой в определенной степени крушение надежд туркестанских мусульман. Чтобы уберечь их от этого, местная мусульманская печать во многом искажала информацию о военных событиях на Балканах.

Интересно, что подобные надежды, по донесениям полицейских чиновников, местным населением возлагались в равной степени также и на Китай, где население продолжает после присоединения к империи пользоваться землей на прежних основаниях.

Что касается распространения панисламизма в Средней Азии, то Самсонов справедливо отметил, что широким слоям населения панисламистские настроения не свойственны. Идеи политического единения последователей ислама идут в основном ... от учителей новометодных мусульманских школ, которые получили образование в Турции и «воспитывают детей не в интересах русской гражданственности». В частности, он отмечает, что киргизы опасаются отдавать своих детей в татарские новометодные школы из-за европейской одежды учителей, татар-джадидов и турок, «муллы говорят о том, что дети в русско-туземных средних технических училищах могут заразиться духом хри-

стианства, поэтому, после обучения по новому методу, их отдают в мектебы и медресе для укрепления в вере» (там же, л.132 об.).

Интересна также его позиция относительно сбора денег турками в пользу Османской империи во время Балканских войн. Самсонов говорит, что мусульмане, наравне с другими народностями, являются полноправными гражданами Российской империи, поэтому он считает себя не вправе запрещать какие-либо сборы в пользу Турции, поскольку аналогичные сборы идут в пользу Балканских государств. В качестве альтернативной он предлагал следующую меру: либо запретить сборы в пользу обеих воюющих сторон, либо не препятствовать им вовсе.

По мнению русских полицейских чиновников (ГА РФ, ДП, ф.102, оп. 1913, д. 300, л. 95), финансовая помощь, собранная на территории Туркестана, имела довольно обширные масштабы. Благодаря этой помощи, а также приливу пожертвований других мусульман и займам в международных банках, финансовое положение Турции после Балканских войн несколько улучшилось.

В записке начальника Тифлисского губернского жандармского управления Шпилера указывается, что «Красный полумесяц» рассылает по всей России воззвания к мусульманам о пожертвованиях на нужды названного общества.

Независимо от сего партия Итигат, располагающая значительными финансовыми средствами, сделала крупный взнос в опустевшую турецкую казну, благодаря чему, а равно и произведенному в Германии займу и усиливающимся приливу добровольных пожертвований всех мусульман, в том числе и русских, финансовое положение Турции улучшилось».

Как сообщается в агентурных донесениях Департамента полиции, собранные среди российских мусульман денежные средства в пользу раненых и пострадавших в ходе Балканской войны турецких и балканских единоверцев переправлялись через Румынию в Адрианополь, где распределялись под наблюдением турецкого военного командования. Именно в этот период, в 1913 г., подполковник Мустафа Кемаль активно участвовал в военных действиях по возвращении Адрианополя под юрисдикцию Турции, а затем исполнял обязанности военного атташе в Болгарии. Поэтому, полагаю, Мустафе Кемалю было известно о передаваемых «Красным полумесяцем» средствах, собранных российскими мусульманами. Вполне возможно, что именно он, как военный дипломат и офицер, отличавшийся, по воспоминаниям сослуживцев, особой тщательностью и вниманием к солдатам и пострадавшим, и осуществлял наблюдение за их распределением.

Summary

The article is the analysis of the materials from the Russian State Archive Fund about the supporting Turkey by Russian Muslims in the period of Balkan Wars.

УДК 930 (091); 930 (092)

**ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ
(ADDENDA К СЛОВАРЮ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ТЮРКОЛОГОВ).
АЛЕКСЕЙ АКИМОВИЧ ОЛЕСНИЦКИЙ**

И.В.Зайцев, кандидат исторических наук

В истории отечественной тюркологии немало страниц, которые еще мало изучены историками этой научной дисциплины. Благодаря трудам последних лет мы получили возможность узнать о жизни и трудах репрессированных тюркологов¹. Однако была и другая тюркология – наука, которая продолжала развиваться трудами выходцев из России в эмиграции.

Эта заметка посвящена жизни и трудам Алексея Акимовича Олесницкого – видного отечественного тюрколога, волею судеб вынужденного оказаться на чужбине, ставшей для него второй Родиной.

Основным источником наших сведений о его жизни является собственная автобиография (*Curriculum Vitae*)², написанная уже в эмиграции и направленная Президенту Сербской королевской академии наук в Белграде в качестве приложения к письму-предложению А.А.Олесницкого по сбору турецких рукописей и фольклора в Югославии.

Родился будущий востоковед в Киеве 12 октября 1888 г. Происходил из известной семьи: был сыном писателя, востоковеда, доктора богословия и археологии, профессора Киевской духовной академии по кафедре еврейского языка и библейской археологии Акима Алексеевича Олесницкого (1842 - 1907)³. Неудивительно, что в юноше проснулась любовь к Востоку.

В 1906 г. Алексей закончил с серебряной медалью 3-ю классическую

гимназию в родном городе, а в 1907 г. поступил в Специальные классы Лазаревского института восточных языков в Москве, который закончил в 1910 г. в числе лучших учеников. Молодой востоковед представил две выпускные работы: «Путешествие сирийского патриарха Макария в XVII в. на суд над патриархом Никоном в Россию» (по арабской словесности) и «Персидский шах и русская принцесса»⁴ (по персидской).

Затем А.А.Олесницкий поступил в Учебное отделение МИД в Санкт-Петербурге (в своем *Curriculum Vitae* он назвал это «курсы драгоманов»). От санкт-петербургского периода сохранилось его письмо выдающемуся российскому и украинскому востоковеду Агафангелу Ефимовичу Крымскому (земляку Олесницкого), написанное в период подготовки к экзаменам.

[л.1] «С.Петербург
10 июня 1910 г.

Дорогой, высокоуважаемый
Агафангель Евфимович!

Спешу поделиться с Вами результатами вчерашняго посещения Мамою Дмитриевскаго. Оказывается дней пять тому назад у него с одинаковыми прошениями был наш студент Никаноровъ, имеющій рекомендаціи от ректора какой-то семинаріи и от одного из наших профессоровъ. Ему Дмитриевскій и обещал предоставить вакантное место Аверкіева, переводящагося на днях // [л.2] в Дамаск. Что касается Обухов-

ского, то Дмитриевский обещал записать за ним первое чающееся вакантное место.

Как скоро однако это может случиться он не мог ничего сказать.

Во всяком случае я попрошу Маму еще какнибудь в середине лета посетить Палестинское общество.

На днях был в министерстве иностранных дел, где подал прошение о зачислении. Пока желающих только 4 человека (Пузанов еще не приехал). Теперь усердно зани // [л.2об.] маюсь французским и историей. Не знаю как то все окончится. Пока позвольте пожелать вам всего наилучшего и еще раз поблагодарить Вас за Вашу ласку и внимание.

Преданный и благодарный
А.Олесницкий

P.S.

Если вздумаете черкнуть что либо, то мой адрес:

Мещанская 25, кв.1»⁵.

Двухгодичный курс в Санкт-Петербурге был закончен в 1912 г. За эти два года А.А. Олесницкий посещает также курсы при Императорском археологическом институте. С 1910 до середины 1917 г. Алексей Акимович одновременно служит в Министерстве иностранных дел в качестве секретаря Третьего политического департамента. Одновременно в эти же годы он исполняет обязанности ученого секретаря отделения Ближнего Востока в Обществе русских ориенталистов.

С 1915 г. во время начавшейся войны блестящие знания тюрколога оказались востребованы. А.А. Олесницкий приписывается к военно-морскому Штабу в Петрограде как специалист по шифровкам и устный переводчик с турецкого.

Не совсем, кажется, был прав И.Ю. Крачковский, когда писал, что начинал А.А. Олесницкий как арабист, как, впрочем, и многие другие ученики А.Е. Крымского, а потом стал тюркологом⁶. Он имел в виду статью А.А. Олес-

ницкого «О неисследованном, старейшем списке путешествия Антиохийского патриарха Макария 1654 года. Из рукописного собрания А.Е. Крымского», напечатанную в «Древностях Восточных»⁷. В действительности, еще в 1910 г. двадцатидвухлетний студент выступил с тюркологической публикацией и отступление в арабистику было лишь эпизодом в его научной карьере. Это были «Песни крымских турок» – записи крымско-татарского фольклора, собранные самим А.Олесницким⁸. Эта работа молодого тюрколога удостоилась положительной рецензии Т.Менцеля, который в 1913 г. опубликовал обзор «Русские труды по турецкой литературе и фольклору»⁹.

В начале XX в. он много ездил по Крыму, собирая образцы крымско-татарского песенного фольклора. «В одно из моих частых странствий по Тавриде...», – начинал он свою статью, опубликованную в 1913 г.¹⁰ Дело в том, что в Крыму у Олесницких была дача. Именно там в Алушке и умер 27 августа 1907 г. Аким Алексеевич.

Тюркология осталась для Алексея Акимовича основной страстью. В своем Curriculum Vitae он отмечал, что владеет помимо родного русского, сербохорватским, французским, английским, немецким, арабским, персидским, турецким, сартским¹¹ и азербайджанским языками.

В автобиографии ученого пробел – вторая половина 1917 г. Большевистский переворот.

В 1918 г. Олесницкий получает предложение из родного города возглавить там кафедру турецкого языка в созданном только что Восточном институте, а также занять пост главы ближневосточного департамента в Министерстве иностранных дел гетмана Скоропадского. Оба этих предложения он отклонил «по политическим соображениям из-за отделения Малороссии».

Видимо, тогда же в 1918 г. Олесницкий оказался в Стамбуле. Несколько ме-

сцев в 1919 г. он служит в российском посольстве в Стамбуле в качестве секретаря¹². 16 марта 1921 г. в Москве был подписан договор о дружбе и братстве между РСФСР и Турцией, но т.к. Стамбул был оккупирован войсками Антанты, посольство в Стамбуле Москве не подчинялось. Миссия закрылась только перед самым вступлением турецкой армии в Стамбул 6 октября 1923 г. Вскоре она стала советской. А.А. Олесницкий уже в 1919 г. окончательно оставляет дипломатическую службу и занимается частной переводческой практикой. Его знания, вероятно, оказались тогда крайне востребованы: начиная с ноября 1920 г. Стамбул захлестнула волна русской эмиграции¹³.

К сожалению, в документе Хорватской академии наук не упомянуто, когда ученый покинул Турцию и переехал в Королевство сербов, хорватов и словенцев (Югославию). Скорее всего, это произошло как раз в 1922 г. или сразу после¹⁴.

Вначале ученый обосновался в Белграде¹⁵, а с 1924 г. жил и работал в Загребе. С 1928 г. Олесницкий начал сотрудничать с Академией наук по контракту. В первое время работал референтом в Югославянской АН. В 1937 г. был выбран помощником преподавателя турецкого языка, а в 1940 г. стал лектором турецкого в Загребском университете. Одновременно А.Олесницкий принимает активное участие в общественной жизни Королевства. С 1931 г. он являлся представителем загребского объединения Лиги Обера¹⁶ (включена в союз русских общественных организаций).

18 марта 1943 г. он стал доцентом на философском факультете университета. В последние годы работал также хранителем отдела восточных рукописей Архива Югославянской АН в Загребе. Много работал в югославских архивах (Загреб, Сараево, Белград), в основном изучал турецкие списки¹⁷. Большая коллекция рукописей на турецком, араб-

ском и персидском языках Хорватской Академии наук, сложившаяся к настоящему времени, во многом плод именно его деятельности.

Обстоятельства и точная дата его смерти неизвестны. По слухам, он был по ошибке расстрелян югославскими партизанами в 1944 г. Известный каримский историк и общественный деятель Серая Маркович Шапшал в письме академику Владимиру Александровичу Гордлевскому от 2 июня 1946 г. писал: «Ваш б. ученик Ал. Ак. Олесницкий до последнее время [так в документе. – И.З.] подвизался в Загребе на научном поприще и у меня имеются кое-какие его статьи. Нынче, по непроверенным еще слухам, он будто бы скончался. В последний раз я виделся с ним в 1937 г.»¹⁸ Однако в монографии Татьяны Пушкадии-Рибкин приводится точная дата кончины – 6 мая 1943 г.¹⁹

Материалы к библиографии трудов Алексея Акимовича Олесницкого²⁰

1. Несколько переводов произведений крымского хана Гази-Гирея на украинский язык, сделанных А. Олесницким в 1909 г., опубликованы под редакцией А. Крымского (см. *Акчокрак-ли О. Антологія з кримсько-татарських поетів // Студії з Криму. I–IX. Кіпв, 1930 (Відбитки з «Записок Історично-Філологічного Відділу Всеукраїнської Академії Наук, №89). С.194–195).*

2. *Олесницкий А. Песни крымских турок (Текст, перевод и музыка) // Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским Институтом восточных языков. Вып. XXXII. М., 1910.*

3. *Олесницкий А.А. Материалы по изучению крымской народной поэзии. 1) Песня о Сейд-Амете // Восточный сборник. Издание Общества русских ориенталистов. Т. I. СПб., 1913. – С.44–53.*

4. *Олесницкий А.А. О неисследованном, старейшем списке путешествия*

Антиохийского патриарха Макария 1654 года. Из рукописного собрания А.Е. Крымского // Древности Восточные. Труды восточной комиссии Императорского Московского археологического общества, изданные под редакцией А.Е. Крымского. Т. 4. Юбилейный выпуск, посвященный, по случаю 25-летия существования Восточной комиссии, ее председателю-основателю академику Ф.Е. Коршу. М., 1913. С. 1-14.

5. Олесницкий А. Первые боевые встречи в XV в. турок-османов с Русью (По архивным материалам Юго-славянской Академии наук в Загребе и Коро-

левского областного музея в Сараеве) // Записки Русского научного института. Вып.9. – Белград, 1933.

6. Олесницкий А. Воспоминания босняка-мусульманина о России 30–40-х годов XVIII столетия // Юбилейный сборник Русского археологического общества в Югославии. Книга 2. – Белград, 1936. С.303–332.

7. Олесницкий А. Борьба русских и турок за Малороссию // Сборник Русского археологического общества в Югославии. Книга 3. – Белград, 1940.

8. Dva turska falsifikata XVI stoljeća o kosovskom boju // Zbornik u čast prof. V. Hoffillera. – Zagreb, 1940. – Pp. 494–512.

Примечания

¹ См., например, Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М., Насилов Д.М. Репрессированная тюркология. – М., 2002. – 296 с.

² Orijentalna zbirka Arhiva Hrvatske akademije znanosti i umjetnosti. Registratura Olesnicki. Хочу горячо поблагодарить сотрудника восточного отдела Хорватской Академии наук (Arhiv Hrvatske akademija znanosti i umjetnosti) арабиста Татьяну Паич-Вукич (Taťjana Paić-Vukić) за предоставленный документ и ценные консультации. Неоценимую помощь в процессе написания работы оказал доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН Виктор Иванович Косик.

³ Отец будущего тюрколога родился на Волыни. Четыре раза он был в Палестине с научными исследованиями. Известные труды Акима Алексеевича: «Древнееврейские музыка и пение», «Судьба старинных памятников Святой Земли». Его главные работы: «Святая Земля», том I, «Иерусалим и его древние памятники» (докторская диссертация), том II, «Другие важнейшие места Святой Земли» (Киев, 1875–78); «Судьбы древних памятников Святой Земли» (ib., 1875), «Ветхозаветный храм в Иерусалиме» (СПб., 1889), «Мегалитические памятники Святой Земли» (ib., 1894), «Книга Песнь Песней и ее новейшие критики» (ib., 1884). Аким Алексеевич был автором многих статей в «Трудах Киевской Духовной Академии» и напечатанного там же (1865–73) перевода с еврейского библейских книг Исаяи, Иеремии, Иезекииля и Даниила. Похоронен в Киеве во Флоровском монастыре 2 сентября 1907 г. Подробнее о нем см.: Профессор А.А. Олесницкий (некролог, Киев, 1907); Маккаевский Н. Профессор Киевской духовной академии А.А. Олесницкий. – Киев, 1907. Не менее знаменит был и его брат Маркеллин Алексеевич – писатель (1848–1905), профессор Киевской духовной академии по кафедре нравственного богословия, а потом психологии. Главные его работы: «Книга Екклесиаст» (Киев, 1873, магистерская диссертация), «История нравственности и нравственных учений» (Киев, 1882–1886), «Нравственный прогресс» (ib., 1884), «Нравственное богословие или христианское учение о нравственности» (ib., 1892; издание 3-е, ib., 1901), «Из системы христианского правоучения» (Киев, 1896, докторская диссертация); «Курс педагогики» (2 выпуска, Киев, 1885–1887), «Краткий курс педагогики» (2 выпуска, Киев, 1895–1896). См. Кудрявцев П. Профессор М.А. Олесницкий. Киев, 1905. Оба брата завещали по 3 тыс. рублей на заграничные командировки студентов Академии. Рукописи трудов братьев см. Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И.Вернадского, Киев (Національна бібліотека України імені В.І. Вернадського, Київ), ф.160.

⁴ Имеется в виду поэтический рассказ Низами из его «Хамсе».

⁵ Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И.Вернадского, Киев (Національна бібліотека України імені В.І. Вернадського, Київ), ф. XXXVI, ед.хр. 409. 2 листа, бумага (13,6 x 21,4 см), коричневые чернила.

⁶ Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики. – М.-Л., 1950.– С.171; Гурницкий К.И. Агафангел Ефимович Крымский. – М., 1980. – С.73.

⁷ Древности Восточные. Труды восточной комиссии Императорского Московского археологического общества, изданные под редакцией А.Е. Крымского. Т. IV. Юбилейный выпуск, посвященный, по случаю 25-летия существования Восточной комиссии, ее председателю-основателю академику Ф.Е. Коршу. М., 1913.

⁸ Олесницкий А. Песни крымских турак (Текст, перевод и музыка). – М., 1910 (Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским Институтом восточных языков. Вып. XXXII).

⁹ Menzel Th. Russische Arbeiten über türkische Literatur und Folkloristik (Gordlewski, Zavarin, Olesnjicki) // Der Islam. Bd. IV. 1913. – S.136–138.

¹⁰ Олесницкий А.А. Материалы по изучению крымской народной поэзии. 1) Песня о Сейд-Амете // Восточный сборник. Издание Общества русских ориенталистов. Т. I. СПб., 1913. – С.44.

¹¹ Так тогда называли узбекский.

¹² Российское посольство, как и теперь, располагалось на улице Пера (с 1923 г. – Истикляль джаддеси).

¹³ См. подробнее: Утургаури С.Н. Чужой берег: русская эмиграция в Константинополе // Turcica et Ottomanica. Сб. ст. к 70-летию М.С.Мейера. М., 2006. С.364–377.

¹⁴ В работе Т.Пушкадии-Рибкин указано, что Олесницкий приехал в Югославию именно в 1922 г. См. Puškadija-Ribkin, Tatjana. Emigranti iz Rusije u kulturnom i znanstvenom životu Zagreba. – Zagreb, 2006. – S.154–155. Часть биографических данных об ученом приводится по этой работе.

¹⁵ О Русском научном институте в Белграде см. Пауто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. – М., 1992. – С.79 и далее; Косик В.И. Русская Югославия: фрагменты истории // Славяноведение. №4. – М., 1992. – С.27.

¹⁶ «Лига Обера» или «Международная лига борьбы против III Интернационала».

¹⁷ Об эмиграции русских в Королевство сербов, хорватов и словенцев (Югославию) см. Косик В.И. Русская Югославия: фрагменты истории // Славяноведение. М., 1992. № 4. С.20–32; Козлитин В.Д. Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (1919–1923) // Славяноведение. №4. – М., 1992. – С.7–19; Јовановић М. Досећаване руских избеглица у Крајевину СХС. 1919–1924. Београд, 1996.

¹⁸ Архив РАН, ф.688 (В.А. Гордлевский), оп.4, ед.хр.357, л.17.

¹⁹ Puškadija-Ribkin, Tatjana. Emigranti iz Rusije u kulturnom i znanstvenom životu Zagreba. – Zagreb, – 2006. – S.154–155.

²⁰ Для библиографии и биографических данных использованы (кроме указанной работы Т. Пушкадии-Рибкин): Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом (1930–1940). Вып.1. Белград, Русский научный институт, 1931. С.232 (№ 4159); Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом (1930–1940). Вып.2. Часть 1. – Белград, Русский научный институт, 1941. – С.242– 243; Качаки Ј. Руске избеглице у Крајевини СХС/ Југославији. Библиографија радова 1920–1944. Покушај реконструкције. – Београд, 2003. – С.192. № 897-899.

Summary

The article is about a Turkologist A.A.Olesnitskiy, his life and activity.

УДК 94(4/9)

ИЗ ПРОШЛОГО ТАТАР: РАСЦВЕТ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ**Э.С.Кульпин, доктор философских наук, профессор**

Правление Узбек хана (1312-1342) оценивается и современниками, и историками как эпоха расцвета империи. Историки отмечают, что в эту эпоху произошло резкое усиление центральной власти, сложилась единая система управления империей¹, стабилизировались границы, появилась огромная армия, состоявшая в основном из мелких держателей условных владений. Ни крупных войн, ни восстаний в эпоху Узбек хана не было². В сфере идеологии важным событием стала государственная исламизация властной элиты. В это время завершился процесс тюркизации монгольской элиты, сформировалась система степных городов, активно шел процесс развития уникальной городской цивилизации и ассимиляции тюрками исходно этнически нестрого городского населения³.

Выполнив великую миссию в соединении Запада и Востока, в развитии общечеловеческой цивилизации, монгольская империя распалась. После этого Джучиды осуществили решающий для себя этнический и конфессиональный выбор. Этнически они тюркизировались, следовательно, связали свою судьбу с одним из многих народов империи, став с ним одним целым, тем самым этнически отделив себя от других народов. Идеологически они осуществили непростой (не все представители знати, а впоследствии не все тюрки были с этим согласны), но окончательный выбор конфессии – исламизировались. След-

ствием выбора религии был и выбор ориентации культурной эволюции: на усиление связей с исламским миром и, по принципу компенсации, ослабление связей с христианскими странами и народами. Элита Золотой Орды связала дальнейшую эволюцию своей культуры с народами, проповедующими ислам. И это имело долговременные последствия⁴.

Хотя государство продолжало внутреннюю и внешнюю политику, направленную на поддержание законов, установленных еще Чингисханом, на охрану границ государства военной силой и дипломатией, оно сняло с себя обязанность непосредственного управления жизнью окраинных народов империи, передало инициативу в развитии самим этим народам, практически не вмешиваясь в текущую экономическую и политическую жизнь окраин.

Всегда и везде гражданин или подданный любого государства оценивает его деятельность не по одному фактору, а по набору их, куда входит способность государства обеспечить порядок, безопасность, необходимые условия для поддержания приемлемого уровня и качества жизни. Эти условия власть обеспечивала. Казалось бы, произошло оптимальное разделение функций между государством и обществом. Однако такое разделение имело и долговременные негативные последствия, создавая условия для центробежных тенденций.

Подведем кратко некоторые итоги того, о чем говорилось. Важнейшей осо-

бенностью первой половины XIV в. стал демографический рост тюрков в степях – центре великой империи. Кочевое население росло, а возможности земельных угодий при тех же способах ведения хозяйства, при тех же технологиях отгонного скотоводства оставались неизменными. Был и другой традиционный способ временного повышения продуктивности стад: а именно, изменять соотношение в стадах лошадей, коров и овец в сторону увеличения числа овец. Этот способ был чреват перевыпасом и деградацией пастбищ⁵. Деградация пастбищ способствовала обнищанию части кочевников, обнищание приводило к продаже детей в рабство.

Мы не знаем точно, когда численность кочевников перешла порог кормящих возможностей земли. Произошло это не в один день, год, но в какое-то одно из десятилетий: либо последнего XIII, либо, что более вероятно, первого XIV века. Мы не знаем, насколько был осмыслен современниками переход из одного состояния отношений людей и земли в другое. Ведь, казалось бы, все в жизни людей того времени складывалось наилучшим образом: военное могущество в зените, отношения власти и подданных отрегулированы, знать богата, народ еще не голодает. Но история свидетельствует, что именно в условиях видимого благополучия нарастает самый тяжелый кризис – кризис, связанный с взаимоотношениями человека и природы [пример в Китае см.: Кульпин, 1990, 157–165]. Противоречие между возможностями вмещающего, кормящего ландшафта степей и ростом населения требовало кардинального, принципиального решения, которое, в конечном счете, как во все времена и у всех народов, сводилось к выбору экстенсивного или интенсивного пути развития, но практически степной тюркский этнос не мог выжить без перехода части его на интенсивный путь развития. Естествен-

ный процесс при этом подразумевал превращение кочевников в земледельцев. На этом пути стояли два ограничения: одно – социально-психологическое, другое – природное.

Для кочевника стать земледельцем означало необходимость интенсификации труда и потерю социального статуса. Земледелец вынужден затрачивать больше физических сил и времени для добычания хлеба насущного и, соответственно, иметь меньше времени на отдых и другую деятельность. Небольшая интенсивность труда и наличие достаточного количества свободного времени делали жизнь кочевника привлекательной. При неизменном с земледельцем уровне за счет жизни, за счет наличия большего свободного времени кочевник осваивал вторую профессию, причем самую почетную и высокооплачиваемую в древности и средневековье – военную. В эпоху великих завоеваний каждый кочевник – профессиональный военный, рыцарь. Для кочевника стать земледельцем означало интенсификацию труда, возрастание рабочего и сокращение свободного времени, потерю возможности быть профессиональным военным, т.е. потерю социального статуса. Тем не менее, когда обстоятельства принуждали к этому, кочевники массово оседали на землю. Этот процесс всегда был трагедией для народа. Однако нет свидетельств, что в Золотой Орде оседание на землю воспринималось как трагедия. По-видимому, здесь сыграли положительную роль два фактора: микро и макро, индивидуально-психологический и социально-психологический, конкретно, возраст превращения кочевников в оседлое население и природно-географические ограничения, императивно обуславливающие нетрадиционную форму оседания кочевников на землю.

Финансово-экономические затруднения заставляли кочевников продавать в рабство детей, а не самим идти в рабство [Кульпин, 2006–2007]. Именно де-

тей, т.е. тех, у кого еще не начался или не завершился процесс формирования системы ценностей – становления личности. Этот процесс начинается в подростковом возрасте и завершается в юношеском. После завершения, когда личностная система ценностных приоритетов окончательно утверждается, кардинальное изменение образа жизни требует уже не становления, а переоценки ценностей – самому мучительному для человека состоянию, психологическому стрессу. Поэтому добровольное или насильственное превращение кочевников в земледельцев, когда ведущая роль в семьях принадлежит старшим поколениям, как правило, – трагедия.

В ином положении находятся дети. Для тех, кто в раннем возрасте стал горожанином, городская жизнь становится естественным состоянием. К ней они постепенно адаптируются, а перспектива социальной мобильности – стать вольноотпущенником заставляет их активно осваивать непривычные для кочевников сферы деятельности. В Золотой Орде адаптация облегчалась родственными отношениями, существованием общей информационной и духовной сети, в которой как в биоценозах роли и отношения были во многом унифицированы, ритуализированы. Оседание на землю детей, в сравнении со взрослыми, наиболее гуманная форма адаптации.

Однако не только адаптация с детства к городской жизни делала названный переход безболезненным. Не исключено, что он был не только безболезненным, но и желанным. Золотоордынские города принципиально отличались от европейских. Главное отличие заключалось в том, что города не имели стен. Городские стены в Европе создавали страшную тесноту. В западноевропейском «городе было не только тесно. Хозяйки выливали помой прямо на улицы, так что по городу было нелегко пройти и проехать. В уличной

грязи возились свиньи и домашняя птица, здесь же играли дети... (город) представлял собой рассадник болезней. Грязь, скученность, примитивность медицины...» [Гуревич, с. 135]. «Одной из трудноразрешимых проблем ввиду незначительных размеров городских участков было уберечь источники питьевой воды от загрязнений фекалиями. В Вене XIII в. питьевые фонтаны на дворах домов находились на расстоянии не более метра от отхожего места. Опасность загрязнений была в полной мере осознана лишь в XV в... Чума, холера, желудочно-кишечные заболевания на всем протяжении Средневековья были типично городскими заболеваниями» [Ястребицкая, 2, с. 110, 109]. Города Востока от европейских принципиально не отличались.

Отсутствие стен в золотоордынских городах позволяло им безгранично распространяться по окружающей местности, иметь широкие улицы, которые не были сосредоточением городской грязи, рассадниками болезней. Города отличались усадебной планировкой. В усадьбах были не только дома, хозяйственные постройки, ремесленные мастерские, но и сады и водоемы. Все дома, и богатых, и бедных жителей, стояли в садах [Федоров-Давыдов, 1997, с. 94]. Из раскопок археологов мы знаем, что самая крупная из обнаруженных усадеб занимала площадь 260 соток, средние – имели площадь, примерно, 50 соток, даже небольшие, бедные – более 10 соток земли [Федоров-Давыдов, 1994, с. 60–66]⁶.

Города Золотой Орды пользовались водопроводом (в керамических трубах) и канализацией (в деревянных). системой подземных дренажей в деревянных трубах. Жители брали питьевую воду в фонтанах. Роль водостоков выполняли арыки. К этому следует добавить общую оценку городского хозяйства В.Л. Егоровым, который констатирует, что оно находилось на высоком для средневековья уровне [Его-

ров, с. 76, Федоров-Давыдов, 1997, с. 94–95].

Европейский крестьянин, дышащий запахами полей, лесов, попадая в город, испытывал шок только от одних запахов, вызванных крайней скученностью людей⁷. Кочевник, привыкший к духу степного разнотравья, попадая в золотоордынский город усадебного типа, такого шока не испытывал. Запахи даже ремесленных кварталов растворялись в почти бесконечном пространстве усадеб вдоль Волги на протяжении от Старого до Нового Сарая.

Итак, кочевники в Золотой Орде, оседая на землю, становились сразу не столько и не только земледельцами, сколько горожанами. И здесь следует заметить, что иной процесс оседания на землю, а именно, стать не земледельцами, а сразу горожанами, для кочевников Золотой Орды практически был исключен. Чтобы в массовом порядке стать земледельцами, нужна была земля, на которой возможно производительное земледелие. К средневековью в Европе и Азии вся земля, способная давать высокие и средние урожаи и которую без чрезвычайных усилий можно было при том развитии техники и технологии превратить в пашню, уже была пашней. Оставшиеся пространства для освоения под земледелие требовали таких интеллектуальных, финансовых, материальных и людских вложений, которых ни один народ того времени не имел. Не случайно золотоордынцы осваивали узкие полоски земли вдоль рек. На них можно было разводить сады, но их нельзя было превратить в пшеничные поля⁸.

Следует также отметить одну немаловажную деталь: города были населены исламизированным населением, представление которого о рае неизменно связано с садами и журчащей водой. Конечно, созданию садов и огородов способствовал исключительно благоприятный климат XIII – первой поло-

вины XIV века [Слепцов, Клименко; Демкин, Демкина], но в создание плодородных почв были вложены огромный труд и агрономические знания. Тогдашние почвы главной городской агломерации на Нижней Волге были искусственного происхождения⁹. Разумеется, жители Золотой Орды использовали опыт садоводства и огородничества других стран. Однако специфическая природа степей не позволяла механически использовать этот опыт, но императивно заставляла на базе заимствования создавать оригинальную культуру земледелия. Рассматривая культуру огородничества и садоводства жителями степных городов, мы вплотную подошли к иным критериям цивилизационного синтеза, чем те, которыми оперируют историки.

Для возникновения системы городов Золотой Орды и городской агломерации в Нижнем Поволжье должны были решены проблемы одновременно экологические и экономические. Как известно, необходимым условием развития является способность сельского хозяйства страны производить избыток продовольствия и технических культур. Природа степей не была благоприятной для развития пашенного земледелия. И здесь, чтобы понять, оценить по заслугам то, что смогли сделать элита и жители центральной части Золотой Орды, необходимо обратиться к тому критерию цивилизованности, который только входил в арсенал научной аргументации, а именно – экологическому. Но для начала заметим, что ни одна известная нам ни в прошлом, ни в наши дни городская агломерация не стояла перед необходимостью решать столь сложную проблему.

Наша эпоха, когда экологические проблемы, о которых раньше не задумывались или не придавали им значения, стали важными, заставила по-иному

взглянуть на многие аспекты жизни не только в настоящем и будущем, но и в прошлом, расширить смысловое значение фундаментальных понятий, среди которых важнейшее место принадлежит понятию «цивилизация». Известно, что цивилизация в самом общем виде – это синоним культуры, а цивилизованностью определяют уровень общественного развития – материального и духовного. В это определение входит и способность общества поддерживать достойное (с точки зрения представителей данной цивилизации) качество жизни людей даже в малоблагоприятных природных условиях¹⁰.

Все древнейшие цивилизации не случайно возникли в субтропиках. Севернее субтропиков природные условия не позволяли обеспечивать то качество жизни, которое жители древнейших империй считали для себя достойным. А достойной они, как правило, считали жизнь в городах, где были сосредоточены все известные им материальные и духовные блага. Труднее, хотя и возможно, было создать аналогичные блага в сельской местности в благоприятных природных условиях Южной и Юго-Западной Европы, к примеру, в римских виллах, невозможно – в землянках, юртах, ярангах севера и востока Евразии. Характерно, что северная граница Римской республики, а затем и империи долго совпадала с нулевой изотермой января, а потом незначительно «перешагнула» за эту невидимую грань.

За нулевой изотермой января жили варвары, которые (с точки зрения цивилизованных народов) были тем больше варварами, чем в более суровых природных условиях выживали. На землях между нулевой изотермой января и -5°C оседло жили германцы, за ними – славяне, дальше – угры, финны и, наконец, на тех же широтах, но в степях – кочевые народы. Поддерживать достойную жизнь в зоне степей европейской цивили-

зации удалось только с конца XVIII века. Именно в это время стала создаваться городская инфраструктура в прериях Северной Америки (не случайно именовавшихся Диким Западом), в аргентинской пампе и южнорусских степях.

До Нового времени в степях возникали отдельные города, но лишь однажды в истории человечества была создана система городов. В этих городах, как свидетельствуют археологические раскопки, были все мыслимые и немыслимые для того времени блага цивилизации. Благодаря работам археологов мы имеем сегодня представление о богатстве степных городов. Археологи традиционно рассматривали только социальные и политические процессы, что многое дало для понимания феномена Золотой Орды, но не позволяло полностью оценить значимость, грандиозность цивилизационного эксперимента. Только совместив традиционные исторические исследования с работами биологов, географов и климатологов, мы можем понять процесс формирования сложного социального организма, этапы его развития и причины гибели.

Сейчас антропогенный ландшафт изменил облик природы и во многом – микроклимат. Той европейской степи, располагавшейся в полосе между 52° и 48° северной широты, о которой будет говориться ниже, уже нет, но в отличие от городов Золотой Орды, исчезнувших не только с лица земли, но почти безвозвратно из памяти людей, ценоз степи до своего исчезновения был детально изучен биологами.

Великая степь до Золотой Орды не случайно не была страной городов. Климат степей Евразии суров и плохо приспособлен не только для земледелия, но и для жизни людей. Степь отличается сезонной и суточной контрастностью температур с сильным перегревом земли летом и резким остыванием зимой, большим суточным перепадом дневных

и ночных температур. Практически вся выпадающая атмосферная влага (80%) в степи приходится на летние месяцы, причем крайне неравномерно: в июне-июле от Молдавии до Дона – засуха. С третьей декады сентября все евразийские степи погружаются в зимнюю спячку либо из-за нехватки тепла, либо воды, либо того и другого. Иногда вся влага может выпасть одним большим летним ливнем и быстро испариться из-за жары, а во все остальное время – сушь, из-за которой в степи не растут деревья, мало сочного разнотравья и у людей пересыхает язык во рту. Растения могут использовать не более одной пятой выпадающей в степи влаги. Через каждые 3-4 года в степи повторяются сильные засухи. Не случайно земледелие кочевников сводилось к весеннему посеву и уходу от поля, с возвращением к нему лишь осенью, сбору скудного урожая, если он был.

Степной климат нашего материка определяется областью высокого давления, которая тянется узким языком на запад от Сибирского антициклона, проходя по условной линии, соединяющей города Кызыл, Уральск, Саратов, Харьков, Кишинев, Секешфехервар. Эта условная линия названа Большой климатической осью Евразии. Ось служит ветроразделом на материке. Зимой к северу от нее, там, где располагаются зона лесостепи и леса, где в средневековье жили земледельцы, дуют теплые ветры с запада и юго-запада, несущие осадки. К югу, там, где находятся степи, полупустыни и пустыни, где преобладают сухие и холодные северо-восточные и восточные ветры, в средневековье жили только кочевники.

Направление ветров обусловлено движением воздушных потоков в антициклонах по часовой стрелке – из центра, где атмосферное давление высокое, к окраинам, где оно ниже. В январе сильный перепад давления между Атлантикой и Сибирью создает мощную

воздушную тягу от центра Азии к Атлантическому океану. Этот морозный «сквозняк» выбирает свой путь между возвышенностями, горами по ровным низким пространствам. Территории к северу от Большой климатической оси Евразии получают зимой больше осадков, чем к югу от нее. Глубокий снежный покров предохраняет почву от чрезмерного промерзания. Весной здесь не просто много воды, но особенность паводка в том, что вода не сбегает сразу в реки, а постепенно просачивается в почву, увлажняя ее. К югу же от Большой климатической оси Евразии вода весной быстро испаряется, не успев просочиться в мерзлую почву. Степи получают воды не меньше, чем лесные экосистемы весной при таянии снега, а летом от ливневых дождей. Однако период обильного увлажнения в степях быстро сменяется засухой. Можно сказать, что жизнь в степи зависит от воды. Не случайно степные города Золотой Орды выросли на реках.

Биоценоз степи устроен таким образом, чтобы максимально сохранить влагу и фитомассу в засушливые периоды. Непрерывные кочевки – необходимое условие выживания крупного животного в степи. До появления человека степь находилась в состоянии устойчивого гомеостаза. Границы возможностей природы степей определены прежде всего общей универсальной закономерностью: физическая масса домашнего скота при полностью антропогенном ландшафте или суммарная масса домашних и диких животных при не полностью антропогенном ландшафте не может превышать массу диких копытных, которые здесь были до человека. Кроме того, для сохранения экологического равновесия биоценоза степи большое значение имеет соотношение отдельных видов животных в общем их количестве. Время от времени, как это было в Рын-песках в XIX в. или сегодняшней Монголии, ско-

товоды попадают в экологический «капкан» превышения удельного веса овец и коз в общем поголовье. Чем больше возрастает число кочевников на одном пространстве, тем больше им требуется пищи, и тем быстрее меняется соотношение видов скота в пользу овец. Человек защитил от хищников самых слабых копытных – овец. А овцы оказывают самое сильное давление на землю как в прямом, так и в переносном смысле слова. Давление маленьких овечьих копытца на единицу площади в четыре раза превышает давление гусениц среднего танка [Судьба степей: 164]. Если крупные копытные лишь обкусывают траву, то овца, по народному бурятскому выражению, – «стрижет».

Таким образом, само существование Золотой Орды с учетом ее границ, особенностей климатических поясов, неразвитости средневековой инфраструктуры объективно требовало локального сосредоточения в степях – географическом центре государства – не только административного и экономического управления, но скота и промышленности, что ложилось дополнительным бременем на биоценоз степи. Однако вплоть до начала гражданской войны в степи – Великой замятни, не было свидетельств деградации степи ни в целом, ни вблизи городов, причем не только благодаря культурным навыкам земледельцев и кочевников, но и специфической «связке» «полис и хора».

Город способен существовать и развиваться, за малыми исключениями, только вместе с земледельческой округой, производящей избыток сельскохозяйственных продуктов, прежде всего зерна. Земледельческой округи вблизи подавляющего большинства новых золотоордынских городов не было. Была только голая степь. Вдоль Нижней Волги могли расти сады, но не зерновые. А хлеб в древности и средневековье был основным долго хранимым продуктом, без которого цивилизованный образ

жизни был невозможен. Степь также не могла предоставить источники энергии, главным из которых в средневековье были не нефть, газ и электричество, а уголь и дрова. Не было и строительных материалов – камня и дерева, которые можно было использовать как по прямому назначению, так и для обжига кирпича – замены камня как строительного материала. Однако была Волга – дешевый водный путь, по которому с верховий вниз по течению можно было поставлять хлеб и сплавлять лес. Эти поставки могли осуществляться за счет экономической выгоды, но должны были быть вне корыстных частных экономических интересов и потому в обязательном порядке контролироваться государством, как в наши дни контролируется «северный завоз». И хлеб, и лес в низовья Волги поставлялись из Волжской Булгарии.

С древних греков «полис и хора» – город и его земледельческое окружение – два неразрывных условия становления цивилизации в Золотой Орде географически оказались территориально, но не экономически отделенными друг от друга. Экономически Нижневолжская городская агломерация и Волжская Булгария были единым неразрывным целым¹¹, как ныне Россия и Европа. (Европа ныне не может существовать без сырья и энергии России). Волжское экономическое единство имело под собой, что чрезвычайно важно, культурное, этническое основание. Волжские булгары были тюрками, при этом наиболее продвинутой частью тюркского мира. Они первыми из тюрков перешли к оседлости, земледелию, строительству городов. Иными словами, не одни нижневолжские города были сердцем Золотой Орды, как утверждают многие историки, но географически вся Средняя и Нижняя Волга, нижневолжская городская агломерация и Волжская Булгария, тюркские полис и хора, как единое целое. Экономическое единство, как ничто другое, является

важнейшим фактором достижения единства во всех других сферах человеческой жизни. Общая экономическая система кочевники-земледельцы-горожане имела под собой этническое основание. И это этническое основание укреплялось единством экономической системы.

Необходимо отметить, что кочевники-тюрки, ведомые уже монгольской, туркизированной элитой общества, смогли организовать и стать главной движущей силой в быстром создании городов, обязанных своим возникновением как местными нуждами, так и глобальными: великими торговыми путями. Перед обществом стояла задача соединить города в единую систему, в идеале создать городскую агломерацию и для этого решить проблемы производства. Вопрос организации производства «Как производить?» влечет за собой вопрос месторасположения – «Где производить?».

Нельзя не согласиться с Д.М. Исхаковым и И.Л. Измайловым, которые пишут: «Сердцем Улуса Джучи было Нижнее Поволжье. Именно в этой области, которое, по словам арабского историка второй половины XIV в. Ибн-Халдуна, было «богато возделанными местами» (то есть населенными пунктами. – *И.Д., И.И.*) [Тизенгаузен, 1884. С. 378] находились два самых настоящих средневековых мегаполиса Улуса Джучи – Сарай и Сарай аль-Джадид [Новый Сарай], а также другие крупные города – Хаджитархан (близ современной Астрахани), Бельджамен (Водянское городище), Укек (близ современного Саратова), Гулистан и Сарайчик (современный пос. Сарайчик, севернее г. Гурьева), которые вместе с десятками городков и поселений, их окаймлявшими, образовывали густонаселенный земледельческий оазис, тянувшийся по обоим берегам вдоль всего нижнего течения рек Волги и Урала. Здесь находился политический, экономический и культурный центр империи, место, где было сре-

доточие огромных материальных и людских ресурсов...» [Исхаков, Измайлов, 67].

Здесь возникла крупнейшая в средневековье городская агломерация. Причины возникновения были многоаспектными¹². Грандиозная городская агломерация функционировала в соответствии с закономерностями и с использованием всех основных экономических выгод, проявляющихся в современных городских агломерациях [см. Макконелл, Брю, с. 256–275], и в чем явственно проявились экономические критерии цивилизованности. Для создания городской агломерации Нижнее Поволжье отвечало почти всем необходимым требованиям. Приведем их в соответствие с положениями современной экономики, но действующими для всего цивилизационного периода мировой истории.

Прежде всего, среди издержек по обеспечению производства ресурсами важнейшее место занимают затраты на преодоление географического пространства. Если производители размещаются в непосредственной близости от своих поставщиков и потребителей, затраты на транспорт и связь снижаются, производство и сбыт удешевляются. Пространственные преимущества являются основополагающими для экономического обоснования роста городов. Внутренняя экономия от роста масштабов производства возникает при доступности транспортных средств. Не случайно наиболее крупные города повсеместно в мире исторически расположились вокруг дешевых естественных или искусственных транспортных узлов: то есть вдоль побережья, на крупных реках, где используется до наших дней самый дешевый вид транспорта – водный, а в XX веке – рядом с железнодорожными терминалами.

В крупных городских агломерациях все большее число фирм и отраслей промышленности выпускает продукцию,

которая представляет собой ресурсы для других фирм и отраслей. Эта растущая специализация производства позволяет фирмам, размещенным в непосредственной близости друг от друга, достигать существенной экономии ресурсов на издержках транспорта и связи. Объединяющиеся фирмы как группа могут достичь более низкой цены на ресурсы, а следовательно, и снижения издержек, чего невозможно добиться при их географической разбросанности. А это в свою очередь обуславливает приток в города новых производственных мощностей и населения. В итоге притяжение производства, а следовательно, и населения в города возникает *самовоспроизводящийся кумулятивный процесс*. Индикатором начала этого процесса можно считать быстрое развитие Нового Сарая в эпоху Узбекхана.

Только в городских агломерациях можно создать богатую и разнообразную инфраструктуру, которая сама является мощной интегрирующей силой, воздействием которой объясняется не прекращающийся рост современных крупнейших городских территорий. В наши дни инфраструктура включает в себя водо- и электро-снабжение, очистные сооружения, транспортные средства, исследовательские и технологические услуги, финансовые учреждения и банки, консультационные службы управления и рекламы, специализированные юридические услуги и т. д. Почти все перечисленное, конечно, не на современном, а на средневековом уровне развития включалось в инфраструктуру средневековых городов.

Таким образом, находящиеся в непосредственной близости друг от друга производители готовых товаров получают непосредственный доступ к промежуточным товарам и услугам и к рынкам сбыта своей готовой продукции. Поставщики промежуточных товаров и

услуг получают непосредственный доступ к рынкам. И чем больше растут рынки, тем больше внутренняя экономия от крупномасштабного производства. В итоге все группы производителей стремятся сосредоточиться в городах, ибо только города способны обеспечить ресурсы и рынки в достаточных размерах, а также полностью удовлетворить разнообразные потребности.

Именно в городах сосредоточены не только потребители товаров и услуг массового дешевого производства, но и потребители изысканных удобств жизни. Благодаря широкому диапазону предлагаемых товаров и услуг городские агломерации являются тем местом, где в соответствии со своими вкусами и возможностями могут удовлетворять свои потребности представители почти всех слоев общества. Данное положение характерно не только для наших дней, но и прошедших времен. И это обстоятельство служит еще одной мощной силой, стягивающей население в городские агломерации.

Итак, для создания городской агломерации Нижнее Поволжье отвечало почти всем перечисленным требованиям, кроме одного. Необходимым условием развития является способность сельского хозяйства страны производить избыток продовольствия и технических культур. Природа степей не была благоприятной для развития пашенного земледелия. И здесь, чтобы понять, оценить по заслугам то, что смогли сделать элита и жители центральной части Золотой Орды, необходимо обратить внимание на то, что ни одна известная нам ни в прошлом, ни в наши дни городская агломерация не стояла перед необходимостью решать столь сложную проблему.

Однако вряд ли все то, о чем писалось выше, современники обдумывали в том комплексном виде, как это описывалось. В их сознании были лишь отдельные фрагменты, которые они не-

посредственно видели, и вытекающие из этого видения конкретные задачи, которые они решали. Все, о чем говорилось выше, было не в сознании, а в общественном бессознательном. В реальной жизни они просто обустроивали свою конкретную жизнь, а все вместе, в совокупности, не ведая того, решали большие комплексные проблемы, вовсе не представляя себе грандиозность собственных поступков, однако бессознательно чувствовали размах этих свершений.

Историки отмечают, что в это время шел процесс слияния, срастания монгольской аристократии с городским патрициатом, чиновничеством, что усиливало исламизацию монгольской аристократии и переход ее к городскому оседлому быту [Федоров-Давыдов, 1994: 16]. Для тюркизированной монгольской элиты конкретным было стремление, наряду с частичным сохранением традиционного кочевого образа жизни, приобщиться к удобствам оседлой, городской жизни. Это стремление к качественно новому, городскому образу жизни совпадало с желанием тюркской массы и остальных народов империи. Административный ресурс государства, выражаясь современным языком, был направлен на массовое строительство городов. Города создавались по ханскому приказу, но трудом и энергией простых людей. Тюркизированная элита также не оставалась в стороне. Как писал Г.А. Федоров-Давыдов, «в период правления ханов Токты и Узбека монгольская кочевая феодальная верхушка, чьи предки пришли из Центральной Азии, втягивается в торговлю и управление государством, сближается с мусульманской чиновничьекупеческой верхушкой городов. Некоторые представители старой монгольской кочевой знати становятся вельможами при городском дворе хана, принимают участие в управлении торговлей, ремеслом и общегосударствен-

ной политикой» [Федоров-Давыдов, 1994: 15–16].

И все-таки только государственные усилия не могли обеспечить заселение и обустройство жизни в трудных природных условиях для крупных масс населения. Подобное заселение может произойти только благодаря усилиям общества на добровольной основе.

Монголы в степи с редким кочевым населением построили столицу. Вслед за созданием столицы возникла проблема укрепления ее созданием системы земельных поселений, иными словами, колонизации степи. Внеэкономическим путем, т.е. административным насилием, переселить на огромные расстояния окраинных земледельцев или насильно превратить кочевников в земледельцев и городских ремесленников и в наши дни затруднительно [о подобном явлении в Монголии см.: Кульпин, 1987], а в средневековье было просто невозможно. Да, правительство Золотой Орды после первого и единственного насильственного акта создания столицы, так называемого Старого Сарая, и не пыталось сделать это.

Насильно государство не могло осуществить колонизацию степи, но в его силах было создать условия для действующего в этом направлении естественного процесса. Почти забытый ныне Ф. Энгельс писал: «Обратное воздействие государственной власти на экономическое развитие может быть тройкого рода. Она может действовать в том же направлении, что и экономическое развитие. Тогда дело идет быстрее; она может действовать против экономического развития, тогда в настоящее время у каждого крупного народа она терпит крах через известный промежуток времени; или она может ставить экономическому развитию в определенных направлениях преграды и толкать вперед в других направлениях. Но ясно, что во втором и в третьем случаях политическая власть

может причинить экономическому развитию величайший вред и породить растрату сил и материалов в массовом количестве» [Энгельс, т. 37: 417].

Мы не знаем, существовал ли даже в самых общих чертах план того, что было реально создано в почти безлюдной центральной части государства. Сомнительно существование программы хозяйственного освоения степи, создания в ней очагов земледелия, развитого скотоводства, строительства населенных пунктов – центров торговли и ремесленного производства. Но несомненно, что правительство Золотой Орды действовало в том направлении, которое диктовалось демографическим и социальным развитием, не только не мешало естественным процессам, но и способствовало ускорению этих процессов.

По мере того как поселения постепенно превращались в городки, в них все более многочисленными становились базары – центры информационного обмена и связей тюрков – горожан и кочевников. У тех и у других – единый язык и культура, привязанная к данному месту. У одних – постоянное жилье, у других – четко обозначенные маршруты кочевий, проходящие через определенные населенные пункты. Связи горожан и кочевников при этом не только информационные, но и кровнородственные.

Тюркизированной знать в массовом порядке строит в новых растущих поселках свои усадьбы, переходя к полукочевому или полностью оседлому образу жизни. Их тюркская челядь начинает постоянно жить в этих поселках, сливаясь со старожилками мест. В поселках идет развитие кустарно-промышленного производства на основе тюркской рабочей силы с естественным привлечением высококвалифицированных мастеров с окраин империи и из-за рубежа. Государство поддерживало режим наибольшего благоприятствования для жизни горо-

жан. В этот режим входили отсутствие дискриминации по конфессиональным мотивам и поощрение международной торговли¹³. Для поощрения торговли государство продолжало удерживать низкий уровень таможенных сборов¹⁴. Это было необходимо, но недостаточно¹⁵. В конечном счете, все зависело от отношения людей к выполнению работы по обслуживанию международной торговли. А они действовали так, будто знали фундаментальные положения современного маркетинга¹⁶: стремились и добивались максимального спроса на свои услуги, связывали свое благополучие не с увеличением потребления (созданием новых постоянных дворов), а с качеством услуг на старых торговых путях, привлекали купцов разными вариантами дорог, предоставив свободу выбора и повысив культуру обслуживания, что видно по функциям караван-сараяв.

Для нормальной жизни общества и в наши дни много значит отсутствие дискриминации по конфессиональным мотивам и максимальной для средневековья безопасности личной жизни. Для средневековья идеологическая толерантность и безопасность жизни были явлениями уникальными. Что же нового и необычного для своего времени было в Золотой Орде? Что отличало ее от государств-ровесников и «приближало» к современным представлениям о том, как должно быть устроено общество и государство? Отметим самое главное. Сейчас много говорят о глобализации. В средневековье самым глобализированным государством, ориентированным на внешнюю торговлю и в известной степени сформировавшимся в результате внешней торговли, была именно Золотая Орда. Эта ориентация во многом определила и ее внутреннюю жизнь. Прежде всего, конфессиональная принадлежность, равно как и этническое происхождение, не была препятствием для осуществления социальной и служебной карьеры.

В мировоззренческой, идеологической сфере главное, чем отличалась Золотая Орда, была не просто веротерпимость, но и (что характерно для критериев цивилизованности в наши дни) государственная охрана инакомыслия. «Хан Менгу-Темир, давший первый охранный ярлык нашим митрополитам, – писал историк церкви XIX в. Е. Голубинский, – угрожает в нем своим чиновникам: “а кто веру их похулит или ругается, тот ничем не извинится и умрет злою смертью” ... Подчинив своему игу русскую землю и став ее верховными господами в отношении государственном, татары вместе с тем не стали ее верховными господами в отношении церковном» [цит. по: Родина, 1997, №3-4]. Мы не знаем до конца монгольского владычества на Руси, до 1480 г., ни одного случая посягательства ханов на установившиеся привилегии русской православной церкви.

Для современного человека веротерпимость – нормальное состояние общества, для средневекового – явление чрезвычайное. Ж. Ле Гофф писал о Западной Европе: «В том мире насилия первым насилием было обращение в другую веру». Король Людовик Святой наставлял подданных: «что касается мирян, то когда они слышат нападки на христианский закон, они не должны защищать его иначе, чем всадив поглубже меч в брюхо обидчику» [Ле Гофф: 140, 295].

Порядки великой империи, в которых для современного читателя нет ничего необычного, совершенно иначе выглядели для средневековых европейцев. В Европе «у путешественников не было недостатка ни в испытаниях, ни препятствиях ... лес с его опасностями и страхами... бандиты; бесчисленные пошлины, взимаемые с купцов, а иногда и просто с путешественников у мостов, на перевалах, на реках; скверное состояние дорог...» [Ле Гофф: 128–129]. Купцы и предприниматели – представители самого прогрессивного, как мы зна-

ем сегодня, социального слоя. В Золотой Орде этот социальный слой в соответствии с традициями, заложенными еще Чингисханом, был уважаемым, а не приниженным.

Был ли свободен человек в Золотой Орде? Понятия о законности и свободе у современного и средневекового человека не совпадают. С современной точки зрения, подданный хана был бесправен, поскольку его права не были защищены четкими, юридически оформленными законами, обязательными для всеобщего исполнения («Закон превыше короля»). С позиций тогдашнего европейца он был максимально свободен. Ибо, по средневековым понятиям, «свободный человек – это тот, у кого есть могущественный покровитель» [Ле Гофф: 262]. В Золотой Орде покровитель был самый могущественный из всех возможных – государство.

Согласно некоторым косвенным свидетельствам не исключено, что в период расцвета порядок, поддерживаемый государством, осуществлялся в Золотой Орде не на словах, как в большинстве государств того времени, а на деле: был жестким и в некоторых своих чертах вполне цивилизованным. В частности, известно, что представителям власти запрещалось брать заложников, арестовывать вместо преступника родственников или соплеменников [Григорьевы: 96]. Ориентация не на групповую, а на личную ответственность каждого, совершившего проступок, характерна для норм современного права. Обычно обращение к групповой ответственности свидетельствует о бессилии власти. Приоритет личной – о способности органов государства контролировать социальную жизнь общества. Ханская власть до Великой Замятни 1360 г. была сильной. Конечно, подданный хана не был свободным в современном понимании, но его жизнь и повседневная деятельность были несравнимо более защищены, чем

у жителя Западной Европы. Государство поддерживало порядок и противостояло притеснениям, ограблениям и оскорблениям, своеволию крупных и мелких феодалов, бандитов вплоть до 1360 г.

В результате консолидированных действий власти и общества быстро и практически одновременно, всего лишь за какие-то 60 лет, в степи возникло более ста крупных населенных пунктов [Егоров, 1985] – городов, по определению археологов. Хотя крупные населенные пункты в степях Восточной Европы возникали по ханским приказам, строились они, конечно, не по единому «типовому проекту». Действовали единые принципы и нормы, которые не столько диктовались государством, сколько слагались из взаимодействия государства и общества.

Города Золотой Орды закрепили направление двух транспортных торговых путей Евразии: с Запада на Восток – Великий шелковый путь и с севера на юг – Северная Европа – Персия – Ближний Восток. В степи возникло также 38 факторий торговых республик Италии – Венеции и Генуи. Часть факторий представляла собой небольшие поселки, факториями были и кварталы, обнесенные стенами, в двух золотоордынских столицах. Некоторые были городами, среди которых ныне наиболее известны крымские Судак и Феодосия – средневековые Солдайя и Кафа. Фактории вовсе не были независимыми – государствами в государстве. Как пишет М.Г. Крамаровский, «на протяжении всей золотоордынской истории Солхат-Крым доминировал на полуострове в постоянном соперничестве с Кафой. И хотя это был спор двух примерно равных по возрасту административных «столиц» – джучидской и «колониального владения Газзарии», – реальная власть в Крыму, несмотря на поражения золотоордынцев в локальной войне с генуэзцами в 1385–1386 гг., принадлежала Солхату» [Крамаровский: 102].

География городов наглядно показывает, что наибольшая плотность населения приходится на место пересечения двух торговых путей «север-юг» и «запад-восток». Это место не было «точкой» географического пространства, но соединением двух путей по левобережью Волги от нынешних Волгограда до Астрахани. При этом товары на пути «запад-восток» шли по суше, на пути «север-юг» – по воде: По Балтике, Волге, Каспию. По суше можно переправлять много меньше товаров по массе, чем по воде. Здесь перевозятся дорогостоящие товары¹⁷, приносящие доход казне за счет таможенных пошлин и денежное вознаграждение за услуги населению городов и поселков. По Волге идут немногие дорогостоящие легкие товары, например, меха, но больше объемные и тяжелые. По воде можно сплавлять лес и зерно. Из письменных источников известно, что лес и зерно по Волге идут не из Руси, а только из Булгарии.

Для массового строительства, для защиты от холода, для обжига кирпичей, производства утвари из керамики и металлов, оружия требовалось огромное количество топлива, которое в безводную и потому безлесную степь нужно было доставлять с далекого лесного севера. Само существование столицы, а затем растущих около нее поселков, городков требовало хозяйственных связей с провинциями. Эти связи, государством организуемые и государством контролируемые, были тем более необходимы, что центр империи, как упоминалось, находился в климатической зоне, не слишком благоприятной не только для градостроительства, но и для жизни людей. Основными строительными материалами для фундаментальных сооружений служили камень и кирпич. Кирпичи и связующий материал – известь изготовлялись на месте, а дерево для обжига кирпича и извести могло быть привезено в безлесную степь только издалека,

да и камень редко был рядом. Для первой столицы Золотой Орды – Сарай-Бату строительные материалы и сами строители поставлялись со стороны государства насильственным путем. Потом принуждение прекратилось, и развитие всех остальных поселений протекало естественным путем – на основе самоорганизации общества и экономических интересов, но под приглядом ханской власти.

В пятом и шестом поколениях потомков завоевателей Восточно-европейских степей (1308–1343 гг.) произошел переход части тюрков от кочевой жизни к оседлой. Поскольку природные условия не позволяли кочевникам стать па-

шенными земледельцами, перед частью кочевых тюрков была единственная возможность перепрыгнуть через один исторический этап развития сразу в другой – в эпоху ремесленного городского производства, и они этим воспользовались, создав *систему* городов. Этот переход, в отличие от всех других прецедентов оседания кочевников на землю, означал не снижение, а повышение и уровня, и качества жизни. Оптимальное этническое соотношение тюркского и представителей других этносов стало предпосылкой процесса интенсивного усвоения недавними кочевниками достижений других стран и народов, развития этих достижений и создания уникальной цивилизации.

Литература

1. Аскарлов А.А., Буряков Ю.Ф., Гуляев В.И., Сайко Э.В. Дифференцирующее и интегрирующее действие Шелкового пути в культурно-исторических и этнических процессах // Города и караван-сарай на трассах Великого шелкового пути. Тезисы докладов Международного семинара ЮНЕСКО. Ургенч. 1991. – С. 6–11, 98.
2. Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. – М., 1957.
3. Виноградов Б.В., Глазовский Н.Ф., Габунишина Э.Б. Программа действий по борьбе с опустыниванием в Калмыкии // Аридные экосистемы. Том 2. № 2–3, 1996, май., с. 103–110.
4. Газиз, Гуревич А.Я., Харитонович Д.Э. История средних веков. – М.: Интерпракс, 1994.
5. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Ярлык хана Узбека венецианским купцам Азова. Реконструкция содержания // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Межвузовский сб. Вып. XIII. – Л., 1990. 215 с., с. 74–106.
6. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М.: Прогресс, 1992.
7. Демкин В.А., Демкина Т.С. Палеоэкология Нижнего Поволжья в золотоордынское время // Поволжье в Средние века: тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000). – Н. Новгород: НГПУ, 2001.
8. Диалог культур Евразии (под ред. А.А. Бурханова). – Казань: ТГГИ, 2001.
9. Зюскинд Патрик. Парфюмер. – СПб., 2002.
10. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды XIII–XIV вв. – М., 1985.
11. Егоров В. Сарай, Сарайчик, Бахчисарай... // Родина. 1997. – №3–4.
12. Егоров В.Л. Золотая Орда. – М.: ГМИ, 2005.
13. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар. – Казань: Иман, 2000.
14. Крамаровский М.Г. Северное Причерноморье, Лигурия и Латинская Романия в XIII–XV вв. К вопросу о латинском компоненте в культуре Золотой Орды // Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада средневековья. Международный научный семинар. Тезисы докладов. Донецк, 1992.

15. *Крамаровский Марк*. Золотоордынский город Солхат-Крым. К проблеме формирования городской культуры (новые материалы) // Татарская археология, 1997. № 1. – С. 101–106.
16. *Крамаровский М.Г.* Золотая Орда как цивилизация // Золотая Орда. История и культура. – Казань: Казанский кремль, музейный центр «Эрмитаж. Казань».
17. *Кульпин Э.С.* Революционные преобразования и особенности формирования монгольского пролетариата. – Народы Азии и Африки. 1987. № 4.
18. *Кульпин Э.С.* Человек и природа в Китае. – М.: ГРВЛ, 1990.
19. *Кульпин Э.С., Петкевич К.* Восточная Европа между двумя смутами: феномен Великого княжества Литовского. – Общественные науки и современность, 2004. № 2. – С. 80–94.
20. *Кульпин Э.С., Клименко В.В., Пантин В.И., Смирнов Л.М.* Эволюция российской ментальности. – М.: ИАЦ Энергия, 2005.
21. *Кульпин Э.С.* Золотая Орда: судьбы поколений. Статьи первая, вторая. – Восток, 2006. – №6, с. 26–41, Восток, 2007. №1. – С. 44–55.
22. *Макконелл К.Р., Брю С.Л.* Экономикс. – М.: Республика. 1992. – Т.2.
23. *Мирошниченко Ю.М.* Влияние выпаса на границы ценозов и их биоразнообразие или почему Северо-Западный и Северный Прикаспий является степью, а не пустыней // Проблема изучения краевых структур биоценозов. Тезисы докладов Всероссийского семинара. – Саратов, 1997.
24. Поволжье в Средние века: тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Г.А.Федорова-Давыдова (1931–2000). – Н. Новгород: НГПУ, 2001. – 168 с.
25. *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды // На стыке веков континентов и цивилизаций (из опыта образований и распада империй X–XVI вв.). – М.: ИНСАН, 1996. – С. 280–526.
26. *Слепцов А.М., Клименко В.В.* Обобщение палеоклиматических данных и реконструкция климата Восточной Европы за последние 2000 лет / История и современность, 2005. – №1. – С.118–135.
27. *Мордкович В.Г., Гиляров А.М., Тишков А.А., Баландин С.А.* Судьба степей. – Новосибирск: Мангазета, 1997.
28. *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. – М., 1973.
29. *Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. – М.: МГУ, 1994.
30. *Федоров-Давыдов Г.А.* Некоторые итоги изучения городов Золотой Орды на Нижней Волге // Татарская археология, 1997. – № 1.
31. *Энгельс Ф.* Конраду Шмидту 27.X.[1890]. Соч. Т. 37. – С. 417.
32. *Ястребицкая А.Л.* Городская Европа // Средневековая Европа глазами современников и историков.

Примечания

¹ Как писал Г.А. Федоров-Давыдов, «к этому времени завершилось формирование государства джучидской монгольской аристократии. Резко возрастают центральная власть и ее аппарат, могущество и сила хана. Страна управляется ханскими наместниками» [Федоров-Давыдов, 1994, с. 16].

² В столетней вялотекущей войне с хулагидами в Азербайджане были и успешный поход Узбека (1318–19 гг.), и неудачи ордынцев (1325 и 1335 гг.).

³ Об этих процессах см. Кульпин Э.С. [Восток, 2006, №6, 2007, №1].

⁴ В частности, хотя современный уровень состояния науки не позволяет ответить на вопрос: были ли связаны между собой, а если да, то как были связаны процессы исламизации золотоордынской знати и начавшийся переход вассальных русских земель в Великое княжество Литовское, однако нельзя не отметить, что эти процессы были единовременными [Кульпин, Петкевич].

⁵ В Прикаспии степь сохраняется при плотности менее 0,7 овцы на гектар, при более одной – пустыня [Мирошниченко, с. 40]. Для Калмыкии принято такое соотношение: при населении 300 тыс. человек, 1 млн. овец (69%), 200 тысяч лошадей (13,8%), 200 тысяч коров (13,8%), 50 тысяч верблюдов (3,4 %) [Виноградов и др., с. 103].

⁶ В Западной Европе того времени городских усадеб не существовало. В Восточной, например, в Новгороде, посадские усадьбы не превышали размера в 20 соток [Федоров-Давыдов, 1994, с. 63] и садов в них не было.

⁷ Даже в XVIII веке в городах Франции «стояла вонь, почти невообразимая для нас, современных людей... в восемнадцатом столетии еще не была поставлена преграда разлагающей активности бактерий, а потому всякая человеческая деятельность, как созидательная, так и разрушительная, всякое проявление зарождающейся или погибающей жизни сопровождалась вонью» [Зюскинд, с. 5-6].

⁸ Под пашню Южнорусские степи (на территории нынешней Украины) Россия начала осваивать лишь в конце XVIII века и фактически освоила в XX веке, когда были созданы мощные ирригационные системы. Степь же по обе стороны Нижней Волги под земледелие не освоена до сих пор.

⁹ Об этом свидетельствуют современные реконструкции на основе полевого морфолого-генетического и лабораторного химического и микробиологического анализов палеопочв Нижнего Поволжья. [Демкины, с. 28]. Как наличие метро в современном городе без привлечения иных его показателей позволяет сделать выводы о его численности, уровне развития, организации и более широко - цивилизованности населения, так состав и структура искусственных почв без привлечения иных свидетельств позволяют говорить о высокой культуре земледелия, возможной при высоком уровне общей культуры, как базовой основы.

¹⁰ Так, для США – одной из самых развитых стран современного мира – это способность поддерживать одинаковый уровень и качество жизни на Аляске и в Калифорнии.

¹¹ Следует отметить, что фиксируемые археологами многочисленные тандыры – печи для выпечки хлеба – на площадях всех золотоордынских городов являются неопровержимым свидетельством тесных надежных связей полиса с земледельческой ойкуменой не только на Волге, но и повсеместно.

¹² «Нижневолжские степи были избраны джучидами как основная территория их нового государства, как домен ханов джучидов, вероятно, потому, что здесь в XII – начале XIII в. был своего рода «вакуум» – много свободных пастбищ и очень редкое даже для кочевой степи население. Эти районы были быстро заселены в XIII–XIV вв. кочевниками, стекавшими сюда по принуждению, а отчасти и свободно». К тому же «Нижняя Волга, где строились новые города, представляла собой благоприятное сочетание удобных для земледелия пойменных низин, заросших лесом берегов реки и обширных степей, где можно было пасти огромные стада и вольно кочевать... Расположившись здесь, золотоордынские ханы держали в своих руках важную торговую магистраль всей Восточной Европы – Волгу. Именно здесь пути, ведущие с севера по Волге и далее по Каспийскому морю в Закавказье, Иран и Среднюю Азию, перекрещивались с караванными путями из городов Причерноморья и из Азака на восток, через степи Казахстана в пустыни Приаралья» [Федоров-Давыдов, 1994: 11].

¹³ Как отмечали ведущие исследователи Золотой Орды – Г.С. Губайдуллин, М.Г. Сафаргалиев, Г.А. Федоров-Давыдов [Газиз; Сафаргалиев: 280–526; Федоров-Давыдов, 1973] и другие, в этой империи был создан и вплоть до середины XIV в. поддерживался режим наибольшего благоприятствования для торговли и производства для иноземцев. Как писал Г.А. Федоров-Давыдов: «В начале и середине XIV в. городской патрициат и купечество, тесно с ним связанное, поддерживало сильную ханскую власть, так как она обеспечивала спокойствие торговли, процветание ремесел, снабжение городов материальными и людскими ресурсами» [Федоров-Давыдов, 1994: 16].

¹⁴ Последние повсеместно не превышали 5% от стоимости товаров. В Северном Причерноморье – до 3% на ввоз и вывоз товаров. Лишь при Бардибеке (1357–1359), в канун Великой Замятни 1360–1380-х гг., торговые пошлины здесь выросли до 5%.

¹⁵ В настоящее время выделяют пять основных экономических функций правительства:

1) обеспечивать правовую основу и социальный климат, способствующие эффективному

функционированию рыночной экономики; 2) поддерживать конкуренцию; 3) перераспределять доходы и материальные блага; 4) регулировать распределение ресурсов для обеспечения общественными товарами и корректировать побочные эффекты и 5) стабилизировать экономику. [Макконелл, Брю: 200]. В Золотой Орде власти из названных функций выполняли первую и последнюю. Частично вторую. Что касается своих купцов-уртаков, то правительство не только предоставляло им льготы, но прямо финансово поддерживало их. Даже частичное выполнение функций было большим достижением для тогдашних порядков в Европе.

¹⁶ Эти положения таковы: 1) достижение максимально высокого уровня потребления, 2) достижение максимального удовлетворения потребителя, 3) предоставление потребителю максимальной широты выбора товара, 4) максимальное повышение качества жизни.

¹⁷ Товары, например, согдийских купцов включали шелк, коноплю, серебро, золото, нашатырь, лекарственные травы, латунь, стекла изумрудного и красного цвета, некоторые виды тканей и т.д. [Аскарлов и др., 1991: 7]. По сути можно было перевозить не более нескольких тонн груза в одном караване («Товары можно вести в повозках, которые могут брать до 30-40 пудов. В эти повозки обычно запрягают трех верблюдов...» [Газиз: 63]), по воде – десятки и сотни тонн в одном судне.

Summary

The article is the analysis of the Golden Horde civilization.

УДК 79 (4/9)

ТАНБУР И ДАФ – КЛАССИЧЕСКИЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ТАТАР ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Г.М.Макаров, кандидат искусствоведения

Изучение истории инструментальных традиций татар в сфере духовного наследия суфиев позднего средневековья стало возможным благодаря сохранности достоверных источников, отразивших процессы, происходившие со второй половины XVI века примерно до середины XIX века. Анализ этих источников показал, что остаточные явления классических средневековых инструментальных традиций сохранялись как инерционное продолжение этого искусства в быту у абызов, учителей и мулл, а более полнокровно – в музыкальной практике суфиев. В особенности среди тех ишанов, абызов и их мюридов, которые получили образование в культурных и религиозных центрах мусульманских стран Среднего и Ближнего Востока. Это поддерживало инструментальное и вокально-поэтическое искусство татар-суфиев в исламском культурно-информационном пространстве. Ситуация развития культуры татар этого периода была следующей.

Завоевание Казани в середине XVI века привело к слому традиционных внутринациональных и внутривосточных (национальных) коммуникаций во властных, административных структурах управления, сформировавшихся в ханстве, к разрушению исламских координационных центров, а ислам в одночасье превратился в конфессию, существующую вне законов России. Поэтому ислам татар до времени учреждения духовного управления

мусульман в 1789 г. сохранялся в условиях децентрализации. Татарское городское население, ремесленники, торговцы, а также духовенство были вынуждены покинуть города и жить в селениях. Они постепенно адаптировались к условиям жизни в селе и пытались при этом сохранять свою привычную модель жизнеустройства, прилагали усилия для поддержания связей с исламским миром, а также сознательно изолировались в мусульманских общинах, избегая внешних контактов с новыми реалиями жизни в Российском государстве.

Тяготы жизни татары воспринимали как божественное испытание, что создавало условия для укрепления в сознании народа идей суфизма, а это придавало им больше стойкости и выносливости в сохранении устоев традиционной модели культурного развития.

Закрытость татарских мусульманских общин в новых условиях была молчаливым протестом против притеснений, что приводило к большей приверженности к сохранению средневековой духовной культуры и искусства, но через призму идей суфизма наکشбандиевского толка. В условиях российской действительности их действия были естественной, адекватной мерой самозащиты.

В результате татарское население в большей степени отнесло себя и ощущало свою причастность к исламскому миру и, в первую очередь, к сфере сред-

неазиатского духовного, культурно-информационного пространства. Это выразилось в конфессиональной сопричастности татар к среднеазиатскому региону и в том, что основное большинство видных представителей татарской интеллигенции, учителей, священнослужителей получали свое образование в таких городах, как Бухара, Самарканд, Кабул. Из этих центров в Поволжье шел непрерывный поток религиозно-богословской литературы, предметов светского и духовного искусства, что являлось очень важной посылкой поддержки старых устоев татарской элитарной (высокой) культуры письменных традиций, музыкально-поэтического и инструментального искусства времен Казанского ханства.

Значительное распространение у татар-мусульман Поволжья и Приуралья получили мистико-аскетическое учение суфизма, и связанные с ним музыкальные традиции относятся к одним из ярких, но вместе с тем слабо изученных явлений истории татарской духовной культуры и искусства. С самого начала возникновения суфизм проявил себя как аскетико-мистическое направление с углубленными идейными и духовными исканиями, которые воплощались через определенные направления и виды искусства, применявшиеся в данном регионе и эпохе¹.

Татарские суфии, сознательно выбравшие аскетический образ жизни, организовывались в дервишские братства и жили в специально выстроенных помещениях, называемых ханака, которые представляли собой обычную деревенскую избу или полужемлянки. Такие жилища устраивались на окраине сел, но нередко они жили вдали от населенных пунктов, например, недалеко от мест захоронения (у мавзолеев-дюрбе и мазаров) известных суфиев, имевших сан святых (*авлия*). О наличии дервишских обителей в Поволжье в позднем средневековье имеется достаточно много све-

дений. На территории Татарстана некоторые села первоначально были основаны дервишами. Например, поселок Дербешки в Актанышском районе РТ. Опишем несколько примеров с упоминаниями о жизни татарских суфиев конца XIX – начала XX века. Журналист и педагог Вафа Бахтияров следующим образом описывает суфийское радение в доме известного в Казани Камчылы ишана в 1907 году: «Камчылы ишан жил напротив дома Ф.Амирхана. Когда мы вышли с Г.Тукаем из дома Ф.Амирхана, напротив, у ворот, было очень много запряженных повозок. Расспросив, мы узнали, что Камчылы ишан со своими мюридами (духовными учениками) устраивает молитвенное собрание. Мы решили зайти и посмотреть. Когда мы зашли, мюриды сидели кольцом. Посередине, одев большую чалму, сидел Камчылы ишан. Они громко скандировали: «Яху, яху, яху...». Затем несколько человек, встав с места, стали прыгать, кружиться, продолжая скандировать и передвигаться по кругу. Это, видимо, удручающе подействовало на Г.Тукая и мы вышли из этого дома»². Здесь описан один из эпизодов суфийского радения, проходившего в Казани, когда через многократное повторение специальных формульных словосочетаний суфии входили в экстатическое состояние. Данное описание интересно и тем, что молодая татарская интеллигенция начала XX века (в частности и поэт Габдулла Тукай) не воспринимала суфизм, а вместе с ним критически относились и к иным проявлениям исламского искусства (как светского, так и конфессионального), принципиально исключая их из разряда явлений татарской светской национальной культуры.

Описал внешний облик одного из дервишей начала XIX века и Карл Фукс во время празднования Рамазана: «Здесь татары ежедневно собирались в мечетях своих, исправляя с величайшим, только им свойственным благоговением

обыкновенные их молитвы. Тут приметил я и одного дервиша, или одного магметанского монаха, окутанного с ног до головы куском белого холста»³.

При изучении татарской позднесредневековой культуры татар важное место занимают произведения таких видных ученых и просветителей татарского народа, как Габдрахим Утыз Имяни аль Булгари (1756 – 1834), Таджутдин Ялчигул аль-Булгари (1768 – 1838), Габделджаббар Кандалий (1797 – 1860), Шигабутдин Марджани (1818 – 1889), Каюм Насыри (1825 – 1902). В своих трудах они отразили характерные черты эпохи, что выразилось в показе кризиса и поиска новых путей развития татарского общества и необходимости реформации (*ислах*) не только духовной, но и светской жизни.

В их творчестве отразилась также специфика восприятия традиций теории и исполнительской практики произведений классической мусульманской музыкальной культуры татарским средневековым обществом и адаптации этих традиций через призму местных поволжско-тюркских особенностей музыкальной эстетики. Примечательным в их творчестве является отражение музыкального быта татар XVIII–XIX вв., где имеются сведения об известных певцах, чтецах Корана, исполнителях на музыкальных инструментах. Эти данные являются ценными первоисточниками.

Вышеприведенный обзор проблем и историко-типологический анализ данных инструментальных традиций татар XVIII–XIX вв. дают представление о сложной исторической ситуации при завершении позднесредневекового периода татарского музыкального искусства. Отсюда можно сделать важный вывод, что историю татарского искусства XVIII–XIX вв. невозможно изучать только как явление узкофольклорного, бытового этнического искусства. Здесь видна причастность музыки татар этого периода к общим явлениям восточной

классической музыки, истоки которой уходят в глубь татарской средневековой элитарной культуры. Очевидно, что дальнейшее развитие традиционного инструментального искусства татар как современного явления будет успешным лишь при совмещении тщательного научного исследования и соответствующей реконструкции этих традиций.

Среди татарских суфиев позднего средневековья, отличившихся пристрастием игре на музыкальных инструментах был Джафар ас Сафари. Джагфар ишан известная личность в истории развития ислама и исламского искусства в Поволжье. О нем писали Р.Фахретдинов, Т.Ялчигул, Ш.Марджани⁴ и другие исследователи. В истории татарской музыки он является ярким представителем суфийского направления. Прекрасно владея искусством игры на танбуре и других общевосточных инструментах, Джагфар ишан обучал своему искусству и мюридов (последователей). По преданиям, он великолепно организовывал суфийские радения с применением музыкальных инструментов, пения и танцев. Джагфара ишана и его мюридов часто приглашали для участия в мероприятиях по случаю религиозных праздников и иных торжеств, где они с большим вкусом исполняли различные музыкально-поэтические произведения суфийского содержания. Приглашали их в основном состоятельные люди, но нередко и отдельные мусульманские общины разных сел Поволжья и Приуралья.

Полное имя Джагфара ишана – Джагфар бине Габид бине Исхак бине Кутлугмухаммед бине Нариман ас-Сафари. Родился в селе Сафарово, входившем в состав Чишминской волости Уфимской губернии. Рано оставшись сиротой, детство провел в деревне Арсланово. Его мать звали Раджаб, она была дочерью муллы Халиля бине Асылходжа бине Амирхана бине Шарифа из села Сафарово. По своему этническому происхождению жители этих сел, как и се-

мья Джагфара, являлись представителями мишарской группы татарского народа. После завершения начального образования в медресе своего села он уехал учиться в Бухару, а затем в Кабул, где его наставником стал известнейший ученый-мыслитель и богослов того времени ишан Фаизхан бине Хазырхан аль-Кабули. Закончив учебу и достигнув определенного уровня духовного совершенствования в качестве мюрида (послушника), Джагфар ас-Сафари получил *иршад*, т.е. письменное благословение своего учителя на самостоятельную духовно-просветительскую деятельность.

Возвратившись в Поволжье, большую часть своей жизни он прожил в селе Старое Тимошкино (*Зябаш авылы*), которое ныне находится в составе Барышского района Ульяновской области. Здесь он начинает активно участвовать в суфийском движении и, став ишаном, организует суфийское братство в русле философского учения накшбандия, пополнив, таким образом, число имевшихся и ранее местных братств этого направления суфизма. Исследователи отмечают, что он постоянно путешествовал и активно проповедовал идеи суфизма. Умер Джагфар ишан в преклонном возрасте в 1831 году, в селе Старое Тимошкино. При посещении кладбища этого села, которое является одним из самых старых в округе, обнаружить его могилу не удалось, хотя она находилась именно там⁵.

Свои музыкально-теоретические познания и навыки практической игры на различных музыкальных инструментах Джагфар укрепил, видимо, живя в Бухаре и Кабуле, участвуя в проведении радений суфиев, что в естественной форме помогло ему лучше усвоить основы классической мусульманской теории и эстетики равно как поэзии, так и музыки.

На примере жизни и творчества Джагфара ишана можно понять то, что

продолжающиеся контакты представителей татарского религиозного искусства с музыкально-поэтической культурой суфиев Средней Азии давали возможность сохранять в Поволжье остатки традиций мусульманского классического инструментального искусства времен Казанского ханства.

Часто бывал он во многих дервишских обителях суфиев (*ханака*) края. Известно, что ишан часто посещал мавзолеи мусульманских святых близ Булгара, Биляра, а также близ села Сафарово бывшего Белебеевского уезда. Бывал он и в суфийской обители Т.Ялчигула в селе Налим на реке Зай, в селе Ура (*Оры авылы*) нынешнего Балтасинского района РТ, настоятелем которого в это время был известный религиозный деятель Хабибулла ишан. Джагфар ас-Сафари был также известным и признанным целителем, избавившим многих людей от разных болезней.

Ценные сведения о музыкальных инструментах имеются и в произведениях Г. Утыз Имяни. Из содержания поэмы «Гуариф-ез-заман» можно увидеть, что в музыкальном быту мусульманских общин бассейнов рек Зай, Шешма, Черемшан были и целые ансамбли инструментов:

Кубыз, танбур вә най, гайре уенлар
Килер уртага кыз вә жәванлар.
Бу рәсвалык белән та сөбхе садикъ,
Идәрләр эш шәйтинга муафикъ⁶.
Играют на кубызе, танбуре, най'е,
других инструментах,
Входят в круг юноши и девушки.
Эти игры продолжаются до рассвета,
Чем они привлекают внимание шайтана.

Здесь кроме обычного татарского *кубыза* (варгана) упоминаются и такие классические инструменты мусульманского Востока, как *танбур* и *най*. Наличие и сохранность их в позднесредневековом искусстве татар свидетельствуют о преемственности с более ранними периодами культуры Поволжья.

искусства в структурах современной татарской культуры находятся на стадии становления. В настоящее время идет процесс возрождения татарских традиций игры на танбуре.

Даф. Основным музыкальным инструментом, помогающим воспроизвести и освоить классические метры и ритмы, связанные с мусульманским музыкально-поэтическим искусством, является ударный инструмент *даф*. Исходя из того, что сведений по этому инструменту в инструментоведческих работах очень мало, рассмотрим общее историческое развитие бубна в традиционном инструментальном искусстве татар подробнее.

Древнейшим ударным музыкальным инструментом татар является односторонний рамный мембранофон, который в разные исторические эпохи имел свои характерные функциональные предназначения, особенности конструкции, репертуар и, естественно, назывался по-разному: в языческую эпоху – *деңгер/думбырый*; в мусульманскую эпоху – *даф*; в новое время – *шөлдәрле барабан*.

Бубны относятся к ряду слабоисследованных явлений татарского музыкального искусства. Трудности поиска фактических материалов и утеря живых традиций использования бубна в национальной культуре нового времени привели к забвению этого инструмента. При определении места бубна в общей структурной модели татарского музыкального искусства мы должны учитывать то, что культура татарского общества имела постоянно изменяющуюся динамику. Содержание культуры татарского общества в различные исторические эпохи отличалось доминированием тех или иных стилей, жанров и социально-коммуникативных, эстетических функций художественной культуры. Это относится и к видам татарских бубнов. Бубны врачевателей, заклинателей (имче, багучы, күрәзә), относящиеся к древнему этни-

ческому типу культуры татар, имели свою специфику. Бубны, пришедшие в татарскую культуру с явлениями классического мусульманского искусства, несли в себе светские традиции элитарной культуры, отличающиеся от традиций в обрядах и культах языческой эпохи региона. С приходом джадидизма и европеизации современной татарской инструментальной культуры применяющиеся в оркестрах бубны (шөлдәрле барабан) в своих функциях ничем не отличаются от обычных русских (европейских) бубнов.

Одной из задач нашей публикации является показ пути исторического развития бубна в кадимистском пласте татарской культуры.

Традиции игры на дафе в средневековой вокально-инструментальной культуре татар возникли вследствие вхождения Поволжья в орбиту исламской цивилизации. Разработка реальных и конкретных рекомендаций, направленных на возрождение и обучение особенностям основных положений теории и методики по исполнительскому искусству на ударных инструментах, исходит из выяснения особенностей музыкально-стилевого содержания баитов, мунаджатов, а также степени сопричастности их к классическому музыкальному искусству общемусульманского Востока.

Идея о наличии в прошлом татарской культуры классических форм искусства аккомпанемента на бубне, других классических инструментах естественно вытекает из закономерностей развития устно-профессиональной культуры татар средневековой эпохи. Это значит, что рано или поздно она должна была возникнуть, как и сама постановка проблемы по практическому возрождению этих инструментов, приемов игры и репертуара.

Изучение, ретроспективный анализ и восстановление практически забытых

приемов ритмического сопровождения на бубне, которые применялись при исполнении напевов татарских письменно-поэтических произведений, являются одной из ключевых задач по нахождению стиливого содержания общеисламского пласта музыки татар⁸. Это может произойти через изучение метроритмических свойств сохранившейся части напевов татарской письменной вокально-поэтической культуры в сравнении с теорией метра и ритма общемусульманского классического искусства; через восстановление возможных форм и приемов исполнения ритмических построений, необходимых для аккомпанемента различных формульных ритмов в байтно-мунаджатных напевах.

Рассмотрим имеющиеся исторические сведения о применении дафа в татарской культуре. В работах религиозно-богословского, исторического, литературного содержания, написанных представителями татарской интеллигенции и относящихся к жизненным интересам традиционного татарского общества, вплоть до советского периода, понятие бубен обозначалось основным термином *даф*. В таких работах отсутствовала дилемма «считать или не счита-

ть его татарским», ибо он априори считался общим классическим инструментом для всех народов, входящих в культурное пространство мусульманской цивилизации. Основным предметом споров был вопрос: разрешено ли играть на дафе мусульманам или нет? Такие проблемы имелись на протяжении всей истории татарской культуры. Это, например, отчетливо просматривается в работе татарского исследователя начала века Хади Килдебяки «Музыка и ислам»⁹.

Однозначный ответ на вопрос о легитимности музыкальных инструментов с позиций ислама до сего времени не получен, однако искусство игры на дафе и других классических инструментах процветает у многих восточных народов, которые цивилизованно и целенаправленно сохраняют свое традиционное художественное наследие.

Исполнение байтов, зикров, касыд, записанных в регионе, под аккомпанемент таких классических инструментов, как даф, танбур, является важным вкладом в восстановление экологии татарской культуры и сохранение нитей преемственности с традиционным классическим искусством.

Примечания

¹ См.: Ат-Тасаввуф (суфизм). – Ислам. Энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991. – С. 225.

² Тукай турында истәлекләр. – Казан, 1986. – Б. 82.

³ Фукс К. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении. – Казань: Фонд ТЯК, 1991. – С. 103, 104.

⁴ Мәрҗани Ш. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. Тәрҗемәче һәм төз. Ә.Н.Хәйруллин. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1989. – 278 б.

⁵ Материалы музыкально-фольклорной экспедиции 1995 года (Барышский р-н Ульяновской обл. Руководитель экспедиции Макаров Г.М.).

⁶ Утыз-Имәни Габдерәхим. Шигырьләр, поэмалар /Төз. Ә.Шәрипов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1985. – Б. 32–35.

⁷ Кандалий Габделҗаббар. Шигырьләр һәм поэмалар /Төз. М.Госманов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1988. – Б. 268 – 269.

⁸ *Макаров Г.М.* Использование произведений старотатарского музыкально-поэтического наследия в учебном процессе // Музыка һәм педагогика (Сборник статей, посвященный 125-летию КГПУ 40-летию музыкального факультета). – Казань, 2000. – С.119–127.

⁹ *Килдебәки Һ.* Музыка вә ислам. – Казан: Иман, 1999.

Summary

The article is about the peculiarities in the history of musical instruments in Tatar culture of late Middle Ages – Tanbur and Daf in the context of correlations of Volga-Tatars and Central Asia cultures in Islam-Sufi arts of the late XVI – early XIX centuries.

УДК792(4/9)

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ П.Т.СПЕРАНСКОГО В РАЗВИТИИ СЦЕНОГРАФИИ ТАТАРСКОГО ТЕАТРА

Р.Р.Султанова, кандидат искусствоведения

Петр Тихонович Сперанский (1890–1964) вошел в историю отечественного искусства XX века как классик советской татарской сценографии и архитектор «сталинского классицизма».

Его вклад в развитие театрального искусства неоченим: более 300 спектаклей русской, татарской и западной классики, опер и балетов было оформлено за полвека творческой деятельности.

Личность ренессансной широты и артистизма, педагог (за 35 лет воспитал два поколения театральных художников Поволжья, в первую очередь для татарского театра – ведущие художники татарского театра М.Сутюшев, А.Нагаев учились у него), он первым собрал и издал альбом татарского народного орнамента, работал как станковист в живописи и акварели. Уникальна его коллекция русского искусства начала XX века – знаменитый «Автопортрет» Н.Фешина из его собрания ныне украшает фешинский зал Музея изобразительных искусств Республики Татарстан.

Он рано пришел в театр – еще будучи студентом художественного училища, посещал драматическую студию, дебютировал, оформив спектакль «Лес» А.Н.Островского (1913).

Первые работы начинающего декоратора были высоко оценены учителем П.Беньковым, и в 1915 году он пригласил его работать в городской театр П.Н.Пономарева. Вместе оформляли оперы «Руслан и Людмила», «Садко», «Аида». Повседневные встречи плодот-

ворно сказались на творчестве молодого художника. Расширился кругозор, появилась уверенность. Этому немало способствовало и близкое общение с Н.Фешиным. В архиве Сперанского сохранилось фото, запечатлевшее оформление студентами «Египетского бала» под руководством мастера.

Если П.Беньков как театральный художник в основном писал пейзажные картины, то П. Сперанский уже в первых работах в татарском театре утверждал новый тип жизнеподобной реалистической декорации – декорацию архитектурную.

В его эскизах привлекают великолепный акцент архитектуры, отличное знание архитектурных форм. Во время обсуждения его выставки в Москве было отмечено: «Как будто художник взял сам пилу, топор и выстроил все эти дворцы и палаты. Он умеет в поэтической форме дать архитектурный образ»¹. Об умении П.Сперанского использовать масштабы любой сцены писал и режиссер В.М.Бебутов: «Он в чрезвычайной степени способен расширять границы даже небольшой сцены, что создает впечатление монументальности»².

Глубинные признаки архитектурного творчества – восприятие пространства сверху вниз, четкие ритмические отношения характерны для сохранившихся эскизов и зарисовок мастера. Образ каждой из картин создавался прежде всего как архитектурно-пространственный. Так решались даже

пейзажные картины. Например, в спектакле «Галиябану» М.Файзи действие разворачивалось среди деревьев, дом выполнен макетно-объемным способом и лишь на самом дальнем плане переходит в живописный задник. (То же самое характерно и для спектаклей «Голубой ковер», «Ханбикэ»). При этом нужно отметить, что Сперанский относится к интерьеру как к пейзажу. Отсюда подсознательное желание оформить в «белую раму», которая усиливает взаимовлияние цветов, предмет теряет свою особенность (обособленность), вливаясь в общее колористическое пространство.

Декорации, призванные воссоздать интерьер, представляли собой механически перенесенные фрагменты реальной обстановки татарского жилища. При этом использовались натуральные материалы – солома на крышах, кусты с настоящими листьями, плетень из ивовых прутьев («Галиябану»). Воспроизведение на сцене разреза дома или иных элементов служило целям натуралистического («этнографического») театра и приравнивало сценическое пространство к пространству жизненному.

В архиве художника сохранилось несколько черно-белых фото эскизов подобных постановок. Роль «белой рамы» выполняет традиционная «кашага» – как падуга, а в качестве боковых кулис используются увеличенные белые вышитые полотенца. Она является декоративным мотивом, объединяющим оформление всего спектакля в единое целое, и в то время рама-портал, будучи изобразительной доминантой оформления, по своим функциям приближается к единой сценической установке. Так натуралистический разрез, включаясь в искусственно созданное пространство, приобретает театральную форму.

Сперанский понимал, что новая драматургия с ее пафосом борьбы и новыми героями требовала другого театрального пространства, совершенно иных принципов оформления. Пришедший вместо художника инженер и конструктор

должен был создать образ будущего, образ наступающего «века машин», механизированного быта.

Так появились спектакли «Шлем» Г.Минского, «В вороньем гнезде» Ш.Камала на манер конструктивистов, в которых сказывалась установка на создание политического, плакатно-публицистического представления, напоминающего агитационные спектакли-митинги Мейерхольда.

Агитационные формы театра отвечали задачам времени и, конечно, были данью подражания поискам столичных театров. Однако это не было простым «копированием». Так, оформление спектакля «Разлом» Б.Лавренева лишь на поверхностный взгляд может показаться вариантом оформления Н.Акимова. На самом деле художник пошел дальше своих столичных коллег. Если у Акимова зритель происходящее на сцене наблюдал как событие в «картине», то у Сперанского в действие был включен сам зритель, т.е. было создано открытое пространство.

Оформление спектакля «Голубая шаль» в 1929 году, несущего до настоящего времени ярлык формализма, сегодня нужно расценивать как серьезное достижение театра. Если Беньков этот спектакль поставил с бытовой достоверностью и тщательностью историка, то П.Сперанский условностью решения приближается скорее к поискам «левых» театров.

Здесь все было ново: декоративно-лубочное оформление, ирония и гротеск в костюмах, в решении быта: ишан с ног до головы зеленый, даже усы и борода; молодежь яркая – многоцветная, на лицах нарисованы комбайны, вместо декорации – цветастые боковики, падуги и живописный задник воспринимаются как элементы шали.

Здесь весь комплекс поставленных режиссером и художником идей был необычен. Это было «балаганное» представление с его непосредственностью и

элементами сказочности. П.Сперанский пытался реконструировать сам дух первозданной театральности, игры, вовлечения зрителя в действие. Была поставлена задача: на основе национального праздника сабантуй создать зрелище народных игр. В основе оформления лежало фольклорное начало – стихия игры, дурачества, маскарада. Ирония, гротеск, принцип отстранения, условность на грани абсурда, которые в конкретно исторических условиях бытования татарского актера и зрителя не могли обеспечить спектаклю прочный успех.

Тем не менее, несмотря на идеологический прессинг, П.Сперанский не только сумел сохранить свои позиции (он еще стал главным художником оперного театра), но и создал значительные произведения, ставшие этапными не только в истории татарского театра, но и в отечественном театроведении.

К началу 1930-х годов художественный мир явно оскудел. Беньков уехал в Среднюю Азию, Чеботарев – в Москву. Наиболее талантливые представители татарской молодежи, пробовавшие свои силы в театре – Ф.Тагиров, Б.Урманче, вынуждены были оставить Казань. В начале 1930-х гг. в татарском театре продолжает работать один Сперанский.

Способность художника сохранить себя, на наш взгляд, объясняется объективными условиями, создавшимися в те годы. В период индустриализации искусство массовых празднеств, как самое мощное орудие политического воспитания масс, стало ведущим и требовало широкого привлечения профессиональных мастеров различных видов искусств.

П.Сперанский со своим сценическим мышлением «миriskусника» был востребован, и он безболезненно погрузился в эту культурную «зону». И благодаря своему природному таланту смог выразиться сполна. В 1930–1950-х годах оформление значимых меро-

приятий (декады, фестивали, спортивные праздники, концерты) поручалось именно П.Т.Сперанскому. В 1939 году за оформление павильона ТАССР на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке он был награжден орденом «Знак Почета»³.

В условиях, когда жизнеподобная декорация была единственной доступной формой самовыражения, в театрализованной стилизации художник видел живительный источник обновления сценической выразительности. Это явление, неотделимое от мирискуснического ретроспективизма, вообще было характерным для художественного мышления Сперанского. И в историю художественной культуры он вошел как тонкий «стилист», чему способствовали его богатый арсенал знаний культуры и искусства различных эпох и народов. П.Сперанский впервые в татарское декорационное искусство драматического театра привнес индивидуальное восприятие художественного собрания музеев, архивных материалов. Изучение наследия находилось в тесной связи с творчеством на всем его протяжении. Его личная библиотека, натурные зарисовки во время путешествий по родной земле, по стране были своего рода творческой лабораторией. Когда не было источников, архитектура, декоративно-прикладное искусство, исторический, бытовой костюмы принимали роль моделей бытования культурных знаков прошлого («Идегей», «Ходжа Насретдин»)⁴.

Он обладал безупречным чувством стиля разных эпох, что вместе с присутствующим ему эстетическим вкусом позволяло создавать, используя татарскую вышивку и орнамент, стилизации татарской избы и купеческого дома («Галиябану», «Наемщик», «Банкрот»), создавать по личным впечатлениям виды интерьера, патриархальный быт русского губернского городка («Гроза»), по историческим материалам воссоздавать архитектуру Булгар («Ходжа Насретдин»)

или картины-пейзажи средневековых мастеров, гравюры приобретают определяющее значение в работах над европейской классикой («Король Лир» и др.).

С применением традиций со стилизацией обычно связывается представление о создании произведений в том или ином художественном стиле прошлых эпох, предполагающее не подражание, а достижение некоего эстетического подобию на основе усвоения внешних (но наиболее ярких) стилевых признаков оригинала, причем, как правило, особенно заостренных, подчеркнутых⁵. Вследствие этого нередко весь образный строй нового произведения получает крайне экспрессивный и в то же время отчетливо рассудочный характер. Не случайно искусствовед Е.Луцкая отмечала, что, «глядя на его декорации, никогда не скажешь «художник сочиняет», скорей подумаешь «художник изучает»⁶. Эта сознательная, продуманная во всех деталях художественная стилизация, находившая свое выражение в эскизах декораций, костюмов и создании различной бутафории, сохраняет впечатление от прототипа и несет на себе отпечаток индивидуального почерка художника.

Пристрастие художника к детализации могло бы расцениваться как следствие натуралистического подхода, если бы это не сочеталось с ювелирной изощренностью в передаче всех элементов изображения, поэтизацией, с особой эстетизированной выразительностью. В итоге создается странный двойной мир: реальный и в то же время идеальный. Особенно выразительны эскизы художника по произведениям татарской классики.

Казалось бы, художник создает традиционное «интерьерное» оформление в рамках жизнеподобной декорации по модели МХАТ, т.е. как бы принимает правила «игры». Но это не совсем так. Они, во-первых, отличаются мощностью и монументальностью форм, страстностью и приподнятостью колористического цветового решения.

В своем творчестве П.Сперанский продолжал традиции «Мира искусства» (в частности, в его декорациях читаются традиции Головина и Бенуа). Его работы, как и у Головина, близки стилю модерн. Декорациям художника присущи графичность, орнаментальность, плоскостность цвета.

В эскизах к спектаклям татарской классики (Г.Камал, Т.Гиззат, Н.Исанбет) фактически он создал карнавально-праздничную среду, вбирающую в себя основные принципы традиционной татарской культуры. Во всех работах, как в убранстве интерьера и экстерьера, проявляется одна из особенностей колоризации – полихромность.

В художественном цветовом решении тканей, драпировок, ковров в спектаклях «Банкрот» Г.Камала, «Наемщик» Т.Гиззата просматривается связь с цветовым колоритом жилища. Это единство достигается за счет использования одних и тех же орнаментальных форм, мотивов, цветовых соотношений в традиционных сочетаниях (зеленый – голубой, белый – голубой), в характере распределения цветовых ритмов, приемов цветовой композиции (контрастное сопоставление «выступающих» и «холодных» отступающих тонов). Если в «Банкроте» и «Наемщике» художник сохраняет композиционно-планировочные особенности городской татарской усадьбы (изолированность друг от друга мужского и женского входов, следование классической анфиладной системе в парадной половине)⁷, то в спектакле «Миннекамал» М.Амира – традиционную структуру внутреннего убранства сельского татарского дома. Но во всех случаях художником создается многомерное пространство по «карнавальному» принципу. Так, в «Банкроте» художник в интерьер гостиной купца Туктаганова включает уличный фасад, в котором легко угадывается витражный карниз фасада Дома купеческого собрания (казалось

бы, какая нелепость), или, нарушая пропорции, в центре строит подковообразную арку, опирающуюся на спиралеобразные колонны (II вариант «Банкрота» – собственность Музея изобразительных искусств РТ), или в интерьере на глухой стене использует витражные «розетки», которые обычно фигурируют на фасадах. Такая «странная» подмена наблюдается и в убранстве интерьера: несколько сундуков с горой подушек возле стены заменяют всю мебель. В спектакле «Миннекамал» в результате творческой трансформации известной лубочности, театральности татарского интерьера дом колхозницы Магинур предстает как кукольный дом («курчак ее»). Этому принципу были подчинены и костюмные образы в «Наемщике» – красочно орнаментированные костюмы, «кукольный грим» – все способствовало созданию общего пестрого «карнавального» зрелища. Следует добавить, что сценическое пространство, создаваемое художником, выстроено еще и по принципу восточного орнаментального мышления, следуя которому художник добивается не только декоративной красочности, но и использует пышные причудливые занавеси, драпри, подушки, изобилующие узорами, но при этом неизменно сохраняет традиционные татар-

ские атрибуты (шамаиль на видном месте, кашага (подзор) по периметру дома, полотенца, сундуки, кожаные изделия), богато используя в них орнаментальные мотивы татарской вышивки и др.

Карнавальность, орнаментальные способы ее упорядочения, многомерное художественное пространство, стимулирующее комическую импровизацию и буффонаду, – все эти особенности Татарского академического театра им. Г.Камала легли в основу декорационного решения комедии Н.Исанбет «Ходжа Насретдин» (реж. Е.Амантов). Надо полагать, что спектакль «Рыжий чичан и Красавица Карачач» («Жирән чичән белән Карачәч сылу», 1944) Н.Исанбета, судя по кратким отзывам, нашедший острую форму и яркочасочное декоративное и костюмное решение, тоже был поставлен в этом ключе. (К сожалению, не удалось обнаружить никаких изобразительных материалов).

Таким образом, искусство П.Т.Сперанского представляет собой некий феномен, вобравший в себя лучшее из исканий национального татарского театра 1920-1950-х годов. Оно формировалось на почве культуры историзма, и именно это в практике мастера предопределило уникальность его творчества и породило интересные находки.

Примечания

¹ Стенограмма обсуждения работ Сперанского, представленных в ВТО 11 октября 1960 г. – С.8. Хранится в архиве Л.Сперанской.

² *Бebutov B.* Мои театральные встречи с П.Т.Сперанским: Каталог выставки.

³ В архиве художника сохранился альбом фотографий стендов павильона, сделанных в артели «Конфексион». На одном запечатлен П.Сперанский: под его руководством мастера этой артели вышивают портрет Сталина в окружении знатных колхозников Татарии.

⁴ Круг памятников искусства, к которому обращался художник, выявлен нами на анализе эскизов, изучения имеющихся в архиве художника литературных источников, а также выступлений самого художника в печати, из переписки художника.

⁵ *Неклюдова М.Г.* Традиции и новаторство в русском искусстве конца XIX – нач. XX в. – М.: Искусство, 1991. – С.103.

⁶ *Луцкая Е.* Каталог выставки П.Сперанского. – М., 1960. – С.7.

⁷ *Нугманова Г.Г.* Татарская городская усадьба Казани середины XIX – начала XX века: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – М., 2000. – С.13.

Summary

The article by R.R. Sultanova deals with the role of P.T.Speransky in the process of formation and development of the Tatar Theatre. The author reveals the main feature of the artist's talent, that is architectural character of his solutions. There also reviewed the traditions of the artists from «The world art». Artistic style construction is believed to be a source of renewing the scene.

УДК 002.2

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ДИНАСТИЯ ТАГИРОВЫХ И ИСКУССТВО КНИГИ ТАТАРСТАНА И РОССИИ

О.Л. Улемнова

В духовной и художественной культуре татарского народа, исповедующего ислам и, соответственно, его эстетические установки с X века, книга занимает особое место, как воплощение Божественного Слова, как сакральный предмет, художественному оформлению которого придается исключительное значение. Обособленное существование татарского народа в составе Российского православного государства с середины XVI века обусловило замкнутый характер его культуры и искусства, чуждый для внешних влияний, сохраняющий традиционные устойчивые формы на протяжении нескольких столетий. XX век с его научным прогрессом, развитием производства, расширяющимися межнациональными связями и бурными социальными потрясениями способствовал открытости татарского общества. Книга, одна из наиболее традиционных форм татарской художественной культуры, также подверглась кардинальному обновлению. Важную, если не определяющую, роль в этом процессе сыграла династия Тагировых, представители которой оставили значительный след в искусстве книги не только Татарстана, но и России.

Родоначальник династии Шакирджан Ахмеджанович Тагиров (1858 – 1918) принадлежал к числу первых выпускников Татарской учительской школы¹, открывшейся в Казани в 1876 году. Мусульманин по вероисповеданию, окончивший медресе «Марджания», и

глубоко религиозный человек по своим убеждениям, он с воодушевлением воспринял те новые знания, которые давала школа своим воспитанникам. Будущее нации он увидел не в религиозной и этнической замкнутости, а в сближении с передовыми идеями европейской науки и культуры при сохранении национального своеобразия и мусульманской религиозной основы. Ш. Тагиров избрал для себя педагогическое поприще и с 1881 года до последних дней жизни занимался преподавательской деятельностью в казанских медресе² и, главным образом, в Казанской татарской учительской школе.

В совершенстве владея татарским, арабским и русским языками, Ш. Тагиров обучал татар русскому языку и чистописанию, применяя собственную методику преподавания, основанную на идеях великого педагога Ушинского, разработал специальные таблицы по «Генетическому русскому письму», изданные Министерством народного просвещения и применявшиеся как в татарских, так и в русских школах³. Основную свою задачу он видел в преподавании и развитии родного языка. В соответствии с мусульманской традицией он был замечательным каллиграфом, свидетельством чего служит выполненная им рукописная книга, хранящаяся в собрании Государственного музея изобразительных искусств Республики Татарстан⁴. Стремясь к усовершенствованию татарского алфавита, основанно-

го на арабской графике, Ш.Тагиров ввел ряд новых букв, значительно облегчающих быстроту усвоения языка. Изданная им в 1893 году «Азбука» была переиздана 6 раз до 1916 года. Его «Учебник арабского языка» (1905) применялся в высших учебных заведениях вплоть до 1970-х годов.

Другая важная задача, которую поставил перед собой Ш.Тагиров, состояла в преодолении сложившегося в татарском обществе строгого запрета на изобразительное искусство. Ш.Тагиров брал уроки рисования с натуры, совершенно нового для себя и для татарского общества вида искусства. Его успехи были столь значительны, а необходимость введения предмета рисования в татарских школах столь насущной, что попечитель Казанского учебного округа П.Д.Шестаков обратился в Санкт-Петербургскую Императорскую Академию художеств с ходатайством о присвоении Ш.Тагирову звания учителя рисования в уездных училищах. К ходатайству были приложены рисунки Ш.Тагирова, исполненные под наблюдением членов Педагогического совета Казанского реального училища⁵. Совет Академии художеств признал Ш.Тагирова «достаточно подготовленным в рисовании» и выдал ему в октябре 1883 года Свидетельство на право преподавания рисования в низших учебных заведениях⁶. Таким образом, Ш.Тагиров первым среди татар получил официальное право на преподавание изобразительного искусства, что подтвердило правомерность его деятельности по обучению рисованию учащихся Казанской татарской учительской школы, которую он вел уже с 1881 года.

К сожалению, рисунков Ш.Тагирова найти не удалось. Скорее всего, все они погибли в пожаре, уничтожившем его дом в 1918 году. Единственным на сегодняшний день свидетельством его художественного творчества является изданная в 1914 году одна из первых в

истории татарской книжной культуры иллюстрированных азбук⁷, которая содержит более 80 иллюстраций. Рисунки эти решают скорее дидактические, нежели художественные задачи. Они не поднимаются выше полупрофессионального уровня, свойственного татарским мастерам, работавшим для казанских книг и журналов того времени. Достоинством рисунков являются верность натуре, стремление как можно точнее передать окружающий мир в разнообразных его проявлениях. Среди множества иллюстраций, изображающих животных и птиц, предметы городского и сельского домашнего обихода, привлекает внимание целый ряд жанровых сцен, отражающих реалии казанского татарского общества того времени – базарную сутолоку, мусульманскую трапезу, интерьер дома, отца с сыном во дворе, идущую по улице женщину с открытым лицом (можно предположить, что художник изображал свой собственный дом и членов своей семьи). Особенно интересны рисунки с видами Татарской слободы и мечетей. При всем несовершенстве азбуки Ш.Тагирова в художественном отношении несомненно то, что именно она положила начало новому для татарской культуры виду иллюстрированных букварей, без которых немислима современная школа.

Художественные наклонности Ш.Тагирова и его любовь к книге унаследовал его младший сын Фаик Тагиров (1906–1978), имя которого как художника книги, художника шрифта, ученого известно далеко за пределами Татарстана.

Творчество Фаика Тагирова – явление уникальное в искусстве Татарстана и в то же время закономерное, результат слияния индивидуальных и наследственных качеств личности, воспитанных на сознательном синтезе национальных и европейских традиций. Для творческой индивидуальности Ф.Тагирова оказался наиболее органи-

чен стиль, рожденный революционной эпохой 1910–1920-х годов, – конструктивизм. Атмосфера радикальных формально-эстетических преобразований двадцатых годов побудила Ф.Тагирова к созданию нового облика татарской книги, в которой соединились вековые традиции арабской каллиграфии и авангардные устремления европейского искусства.

В суровые тридцатые, когда эксперименты предыдущего десятилетия оказались неуютны власти, Ф.Тагиров, не изменив своему художественному кредо, выбрал адекватную форму для самовыражения, полностью перейдя в область, соединяющую искусство, науку и производство, – создание шрифтов, в полной мере реализовав в своем творчестве одну из основных установок конструктивизма: «Художник – на производство!».

Количество оформленных Ф.Тагировым книг невелико. В списке своих основных трудов Ф.Тагиров указывает, что в период с 1924 по 1932 год им выполнено около 30 работ по оформлению книг⁸. Он нигде не приводит их полный список, хотя составленный им перечень научных трудов чрезвычайно подробен и насчитывает более 180 пунктов⁹. Нам удалось выявить более 30 самостоятельных книжных работ Ф.Тагирова и 4 совместных с А.Коробковой¹⁰.

Самостоятельная творческая жизнь Ф.Тагирова началась еще во время его учебы в Казанском художественно-техническом институте (1922–1925). В 1924 году он оформил несколько книг, выпущенных Комбинатом издательства и печати ТАССР. С 1925 года, когда переехал в московский ВХУТЕМАС (ВХУТЕИИ), начал сотрудничество с московскими издательствами: Центральным издательством народов СССР, «Нашрият» и другими.

Среди художественной, научной, просветительской, политической литературы, которую оформлял Ф.Тагиров,

есть труды, написанные его братом Ривгатом и сестрой Суфией, разработавших в 1920-х годах принципы и методы библиотечной работы, а также произведения А.Кутуя, К.Наджми, Г.Нигмати – лидеров «левого» литературного движения в Казани.

В этих работах молодой художник предстает вполне сложившимся мастером, сумевшим создать свой неповторимый стиль, представляющий своеобразный восточный вариант конструктивизма. В самой арабской графике Ф.Тагиров нашел то, что делало ее созвучной авангардному мышлению эпохи. В богатейшем наследии арабской каллиграфии, насчитывающем до 70 разновидностей почерков, Ф.Тагиров выбрал один из древнейших – «куфи». Его квадратные, основательные формы отвечали задачам, выдвигаемым искусством нового времени: простота, лаконичность, функциональность и демократичность.

В обложках этого периода Ф.Тагиров применял как традиционную для восточной книги симметричность композиции, так и любимую конструктивизмом асимметрию, использовал преимущественно шрифт и простейшие элементы оформления: горизонтальные и вертикальные полосы, стрелки, которые у него перестают играть только подчиненную роль. Они наравне со словом организуют плоскость листа, подчеркивают и усиливают конструкцию обложки, придают ей то большую устойчивость, то больший динамизм, выявляют смысловые акценты. Цвет, который применяется в дополнение к основному черному, выполняет не только декоративную функцию. В нем прочитывается и символический подтекст: красный – цвет революции, синий – цвет рабочих (в сборнике, посвященном «Синей блузе») и т.п.

В 1925 году в работах Ф.Тагирова появился новый прием – фотомонтаж, который стал важнейшей составляющей

художественного языка конструктивизма и которому в 1920-х и в начале 1930-х годов в советском агитационно-массовом искусстве, в искусстве книги и плаката придавалось большое значение. С одной стороны, это было средство «строгодокументального, острого и точного запечатления фактов многообразного советского «сегодня»¹¹, с другой – вырванные из контекста фотографий фрагменты реальности, волевым усилием автора сопоставленные друг с другом в неожиданных, острых ракурсах, создавали иное художественное пространство, в котором исходный материал приобретал новые качества, рождая подчас непредвиденные смысловые оттенки.

В обложках Ф. Тагирова середины 1920-х годов фигурки людей, машин и механизмов, вырезанные из газет, играют как изобразительную роль, несколько наивно раскрывая названия книг, так и выполняют функцию знаков, продолжающих и дополняющих шрифтовую надпись. Позднее его фотомонтажи превращаются в активное средство пластического выражения, расширяя и усиливая содержательные стороны текста.

Уже в 1925 году оформленные Ф. Тагировым книги экспонировались на Всемирной выставке декоративных искусств в Париже, заслужив немало одобрительных отзывов. Интересно отметить, что почти все обложки Ф. Тагирова имеют подпись художника, что выявляет понимание значимости собственного творчества и в то же время является продолжением национальной традиции включения имени переписчика в оформление книжной рукописи.

С 1927 года Ф. Тагиров начал работать над книгой вместе со своей супругой Александрой Николаевной Коробковой (1905–1998). В совместных работах Ф. Тагирова и А. Коробковой появились новые качества: изобразительная составляющая, порожденная

рисовальным талантом последней, мягкость и лиричность образных решений, свойственных женскому восприятию. Среди наиболее удачных совместных работ – обложка книги А. Кравченко «Как Хасан стал красноармейцем» (1927), а также книга К. Залева «С улицы в коммуны» (1928), в которой художниками выполнены не только обложка, но и иллюстрации, сочетающие фотомонтаж и рисунок.

В собственных работах Ф. Тагирова этих лет также встречаются изобразительные мотивы, которые предельно стилизованы, обобщены до простейших геометрических форм. В эскизе обложки книги «Из театра в клуб» (1927) центральное место занимает двухфигурная композиция, в которой формы человеческих тел сведены до уровня знаков, строки арабских надписей органично дополняют рисунок, следуя диагоналям композиционного построения.

Для Ф. Тагирова как духовного наследника многовековой исламской графической культуры органичным было оперирование абстрактными формами, которые он использовал как средства выражения мировоззренческих и политических категорий. В этом отношении особенно интересной представляется попытка оформления Ф. Тагировым «Капитала» Карла Маркса, книги знаковой для художника, искренно разделявшего коммунистическую идеологию. Передний и задний форзацы построены на цветовых и композиционных противопоставлениях, в схематических формах трактующих основные идеи книги. «Статику и реакцию мира капитала» художник передает сплошным черным цветом и устойчивой пирамидальной композицией из черных кругов на желто-золотистом фоне, своим основанием попирающей красную полосу, находящуюся в основании пирамиды. Авторский комментарий гласит: количественное накопление и качественный эффект. «Динамику революции и со-

циализм» выражают антагонизм черного и красного цветов, перевернутая треугольная композиция: сноп разноцветных лучей, прорезающих черный мрак.

Деятельность и значение Ф. Тагирова как дизайнера книги не ограничиваются рамками татарского искусства. С конца 1920-х годов художник становится полноправным участником процесса создания русской советской книги. Неоднократно его экспериментальные работы, в которых впервые применялись новые методы оформления, были отмечены советской и зарубежной печатью и становились предметами оживленных дискуссий с неоднозначными оценками. Одной из таких нашумевших работ стало произведение К. Эдшмида «Баски, быки, арабы. Книга об Испании и Марокко», вышедшее в свет в Государственном издательстве (Москва) в 1929 году. В этом издании Ф. Тагиров выступает, по своему собственному определению, «как конструктор книги, который теми или иными средствами типографских возможностей заставит читателя воспринимать произведение в определенном разрезе»¹². Молодой художник поставил перед собой дерзкую задачу – своими «графическими комментариями» активизировать читателя, синхронизировать «процесс чтения и зрительно-слуховой (графической) трактовки его», создать «локализованное типографское произведение»¹³. На титульном листе Ф. Тагиров так определил границы своего «типографского произведения»: макет, верстка, переплет книги и акцентировка текста.

Книга о путешествии, в которой нет ни одной иллюстрации, сделана исключительно лаконичными средствами: разбивка текста, применение шрифтов разных кеглей, перекосы строк, обильное использование разнообразных линеек, кружков и других типографских неизобразительных элементов, т.е. всего того, что называют акцидентным на-

бором. Она воспринимается как очень динамичный организм, каждый разворот которого имеет свое лицо, каждая страница влечет читателя дальше.

Ф. Тагиров не был изобретателем акцентировки текста – в 1920-х годах эти приемы уже использовались И. Зданевичем, Эль Лисицким, А. Родченко и другими при оформлении стихов (прежде всего, В. Маяковского) в малотиражных библиофильских изданиях. Новаторство Ф. Тагирова, как справедливо отметил В. Кричевский¹⁴, состояло в том, что он применил акцентировку к прозаическому произведению иностранного автора, в рядовом многотиражном издании, в центральном советском издательстве. Единомышленники по цеху подхватили опыт Ф. Тагирова и применяли его в массовой печатной продукции.

Известность этой типографской работы Ф. Тагирова была так велика, что она воспринималась современниками как «пример, которому нужно следовать»¹⁵. Некоторые художники книги подчас следовали этим призывам буквально. Так, Архангельское издательство в 1931 году выпустило в свет книгу С. Иевлева «Наш северный терпентин», в которой «употреблен весь арсенал приемов из тагировской книги»¹⁶.

С использованием более широких художественных средств решена «архитектура» другой книги, ставшей этапной в советском книжном искусстве как по своему содержанию, так и по художественному оформлению. Это книга «Нью-Йорк. Сборник произведений революционных американских писателей», напечатанная «Издательством иностранных рабочих в СССР» в 1933 году.

Общественное обсуждение книги (случай беспрецедентный) происходило в московском Доме печати, где выступали известные деятели литературы и искусства, политики. С докладом «Новое в оформлении» выступил мэтр со-

ветской графики Д.С.Моор. В обсуждении оформления приняли участие такие корифеи книжной графики, как Ган, Лисицкий, Родченко, Телингатер, Фаворский. В этом издании Ф.Тагиров проявил себя как художник-универсал, осуществив конструкцию книги, макет верстки, акцентировку текста, фотомонтаж, монтаж иллюстраций и обложки, а также техническую редакцию. Насыщенной текстовой части он противопоставил обширный образный ряд, в котором многообразие технических приемов, среди которых преобладает фотомонтаж, сочетается с нетривиальностью художественных решений.

1932 год – начало новой эпохи в советском искусстве. Конструктивизм и другие нереалистические направления становятся синонимами враждебного, буржуазного искусства. Даже такой последовательный конструктивист, как Ф.Тагиров, в своем выступлении на обсуждении книги «Нью-Йорк» 28 мая 1933 года вынужден был признать «ряд симптомов ошибочных формалистических, конструктивистических установок»¹⁷. В то же время полностью отказаться от своей творческой позиции Ф.Тагиров не может и не боится провозгласить: «Лично я считаю, что в оформлении книги «Баски, быки, арабы» в основном задача поставлена правильно».

После 1933 года важнейшей сферой творчества Ф.Тагирова стала работа со шрифтами, которую он серьезно и последовательно вел с первых самостоятельных шагов в искусстве. В 1925 году он представил на рассмотрение Конференции по реформе татарского алфавита при Академцентре Наркомпроса Татарской республики таблицы и тезисы по вопросу о реформе арабского алфавита. Сейчас невозможно оценить эту работу, так как, по свидетельству Ф.Тагирова, таблицы и тезисы Академцентром были утеряны, а сами предложения конференцией отвергнуты, так

как «они расходились с взятой установкой на сохранение старой графики арабского алфавита»¹⁸.

В 1926 году Ф.Тагиров представил проекты реформы арабских шрифтов в виде 4 таблиц с эскизами, объяснительной запиской и сопоставительными таблицами проектов с существующими арабскими шрифтами на рассмотрение в Государственную академию художественных наук, в сопровождении отзыва П.М.Дульского. Эта работа, в которой были разработаны несколько начертаний шрифтов «конструктив», «конструктив-функциональ», «конструктив-курсив», «конструктив-максимум», академией также была утеряна.

В 1927 году в Татарии начался переход на латинский шрифт – яналиф. Ф.Тагиров принял активное участие в разработке новых латинских шрифтов, в пропаганде новой формы письменности, выполнил ряд работ для издательства «Яналиф». Показателен в этом отношении плакат Ф.Тагирова «Читать умеешь?» (1927), где применен метод сопоставления четкой, удобочитаемой латиницы и запутанной арабской вязи. Продолжая традиции своего отца, Фаик Тагиров в соавторстве с сестрой Суфией Тагировой выпустил первый иллюстрированный дошкольный букварь для нового латинского шрифта «Наша азбука» (1929). Он имеет форму книжки-раскраски, где каждая буква сопровождается четким, понятным, стилизованным рисунком. Букварь выполнен с юмором, с учетом особенностей детского восприятия, на хорошем полиграфическом уровне, с использованием ярких локальных цветов.

В 1930 году по окончании ВХУТЕИНа Ф.Тагиров для продолжения научных исследований поступил в аспирантуру издательского факультета Московского полиграфического института, которую окончил в 1934 году. В 1930 году Ф.Тагиров был направлен в Германию для «изучения постановки художественно-

полиграфического образования». Однако изучением этого вопроса он не ограничился, а принял самое деятельное участие в организации в Берлине выставки «ОКТЯБРЬ на фронте пятилеток», подготовил к изданию пригласительный билет на выставку, конверт и писчую бумагу с символикой выставки. Будучи человеком активной гражданской позиции, адептом коммунистической идеологии, принял участие в митинге, на котором выступал Эрнст Тельман, за что был выслан из Германии через полтора месяца после приезда, несмотря на то, что был командирован на год¹⁹.

В 1930–1933-х годах Ф. Тагиров совмещал научную работу и педагогическую деятельность. Он преподавал теорию и практику шрифта в Московском полиграфическом институте, впервые разработав курс шрифтоведения. Ф. Тагиров занимался научными исследованиями в разных направлениях шрифтоведения: разрабатывал методы математического выражения удобочитаемости шрифтов (1930), принципы подсчета частоты знаков и сочетаний на национальных языках и методику их обработки (1932), занимался изучением зарубежных, русских, дореволюционных и советских исследований в области установления норм для учебников (1933), исследованием Брайлевского алфавита для слепых и разработкой алфавита для слепых тюрко-татарской группы народов СССР (1935), составлял таблицы проектов стандартных рукописных знаков новой латиницы для всех народностей, перешедших на новый алфавит. Звание кандидата технических наук было присвоено Ф. Тагирову в 1938 году по совокупности научных работ без защиты диссертации.

Ф. Тагировым и руководимой им с 1938 года лабораторией шрифта при Научно-исследовательском институте полиграфической и издательской техники ОГИЗа РСФСР были разработаны десятки новых шрифтов для полиграфической

промышленности на языках народов СССР, что давало возможность уже в 1930-х годах избавляться от зависимости от иностранных производств. В 1950–1960-х годах Ф. Тагиров и руководимый им Отдел новых шрифтов, который художники-графики называли «Институтом Тагирова», создали десятки шрифтов на языках многих народов мира. Среди основных работ Ф. Тагирова – шрифты особых графических форм: *Бхилаи Тагирова* (для строкоотливного машинного набора на языке хинди, 1965), *Оперативная Тагирова* (для буквоотливного машинного набора на корейском языке, 1966), *Гурмуххи народная* (для строкоотливного машинного набора на языке пенджаби, 1968), русско-латинской графической основы: *Акцидентная Тагирова* (1971).

В конце 1950-х и в 1960-х годах в стране возродился интерес к формальным поискам конструктивистов 1920-х годов. Выработанные ими принципы легли в основу функционализма в архитектуре и искусстве книги 1960-х годов, способствовали развитию нового направления на стыке искусства и промышленности – дизайна. На одной из выставок Ф. Тагиров показал свои работы в области малых полиграфических форм начала 1930-х годов и оказалось, что они ничуть не утратили своей актуальности, что эксперименты выпускника ВХУТЕИНа во многом предвосхитили развитие отечественной типографики второй половины XX века.

В 1960-х годах Ф. Тагиров вернулся к искусству оформления книги. К числу лучших работ этого времени можно отнести совместную со своей дочерью Рейдой Тагировой работу по оформлению «Справочника особых графических форм», в которой авторами развиваются идеи функционализма.

Рейда Тагирова (1933–2002) продолжила дело своих родителей и деда. Окончив с отличием художественно-оформительское отделение Московского

полиграфического института, она на протяжении нескольких десятилетий работала художником и художественным редактором в различных московских издательствах: Детгиз, Юриздат, Юридическая литература, Музыка. Сотрудничала с центральными советскими журналами «Молодая гвардия», «Вокруг света», была главным художником Всесоюзной фирмы грампластинок «Мелодия». Начиная с 1960-х годов активно участвовала в выставках графики и искусства книги, в 1983 году была удостоена Диплома первой степени на Всесоюзном конкурсе искусства книги.

Таким образом, представители рода Тагировых на протяжении трех поколений играли важную роль в развитии искусства татарской и русской советской книги. Ш.Тагиров является родоначальником нового для татарской

книжной культуры жанра иллюстрированной азбуки. Ф.Тагиров в 1920-х годах формирует новые принципы оформления татарской книги на основе идей конструктивизма, соединенных с древними традициями арабской графики. В конце 1920-х – начале 1930-х годов Ф.Тагиров входит в число новаторов русской советской книги, активно применяет фотомонтаж и экспериментирует в области типографского набора. Ф.Тагиров становится одним из основоположников советского шрифтоведения, ему принадлежит приоритет в создании шрифтов особых графических форм для восточных языков народов России и зарубежья. В творчестве Р.Тагировой отразились основные закономерности развития русской советской книги 1960–1980-х годов.

Примечания

¹ Казанская татарская учительская школа 1876-1917 гг. Сборник документов и материалов. – Казань, 2005, с.234.

² Согласно формулярному списку Ш.Тагиров состоял учителем русского языка и арифметики при Усмановском медресе г. Казани с 1 мая 1881 г. по 1 февраля 1883 г., с 1 августа 1888 г. был назначен учителем русского класса при медресе Старо-Татарской слободы г.Казани, с 1 сентября 1881 г. преподавал рисование и чистописание в Казанской татарской учительской школе // НА РТ, ф.92, оп.2, д.12210, лл. 17–21.

³ Таблицы сохранились в архиве семьи Ф.Тагилова.

⁴ Инв.№ КП-16507, Кн-230.

⁵ Центральный государственный исторический архив, ф.789, оп.11, д.5, л.21.

⁶ Там же, л.96.

⁷ Фонетическая иллюстрированная татарская азбука (в казанском наречии). Сост. преподаватель Казанской татарской учительской школы Ш.А.Тагиров. – Казань: Лито-типогр. И.Н.Харитоновна, 1914.

⁸ Список хранится в семейном архиве Ф.Тагилова.

⁹ Автобиография Ф.Ш.Тагилова, с.2-33 // Научный архив ГМИИ РТ, ф.4, оп.2, д.245.

¹⁰ Большинство из установленных работ опубликовано в каталоге выставки 2006 г.: Пионеры конструктивизма: Фаик Тагиров, Александра Коробкова в Казани и Москве. К 100-летию со дня рождения Фаика Тагилова. Каталог выставки. Книжная графика. Рисунок. Гравюра. Национальная художественная галерея «Хазинэ» – филиал ГМИИ РТ. 24 ноября 2006 – 15 января 2007. (Вступительные статьи: В.Кричевский, О.Улемнова, сост. каталога О.Улемнова). – Казань: Заман, 2006.

¹¹ Лазаревский И. Оформление книги. //Наши достижения, № 5, 1930. – С.19.

¹² Тагиров Ф. Основная установка в оформлении книги «Баски, быки, арабы» – Пояснительная записка, отпечатанная в нескольких шрифтовых вариантах, возможно, в качестве образцов набора. Находится в семейном архиве художника.

¹³ Там же.

¹⁴ *Кричевский В.* «Баски, быки, арабы», а также «Наш северный терпентин» //Пионеры конструктивизма: Фаик Тагиров, Александра Коробкова в Казани и Москве. К 100-летию со дня рождения Фаика Тагирова. Каталог выставки. Книжная графика. Рисунок. Гравюра. Национальная художественная галерея «Хазинэ»– филиал ГМИИ РТ. 24 ноября 2006 – 15 января 2007. – Казань: Заман, 2006. – С. 12.

¹⁵ Выступление тов. Елкина // Вопросы развития пролетарского искусства: материалы дискуссий. – М.: Изд-во Коммунистической академии, 1931.– С.135.

¹⁶ *Кричевский В.* Указ.соч., с. 13.

¹⁷ Запись текста выступления хранится в семейном архиве.

¹⁸ Архив семьи Ф.Тагирова.

¹⁹ *Кричевский В.* Указ.соч., с.15.

Summary

The article concentrates on the works by representatives of three generations of the Tagirovs – Sh.A.Tagirov, F.Sh.Tagirov and R.F.Tagirov. Their works are analysed in the context of development of the Tatar national and Russian book art. The author reveals Sh.Tagirov contribution to renewing the principles of decorating the Tatar book of the early XX-th century. There also discerned F.Tagirov's - role in the development of the Tatar book art of 1920-s, who combined ancient graphic tradition of Moslem art and constructivism, his outstanding contribution to the development of book printing in Russia in the late 1920-eis – 1930-ies, his place in graphic art of Soviet Russia of the 2nd half of the XX-th century.

УДК 94 15/18

НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ: СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА

*Б.Л. Хамидуллин, кандидат исторических наук;
И.Л. Измайлов, кандидат исторических наук*

Долгое время история Казанского ханства писалась в рамках господствовавшей советской историографии. Разного рода учебники и учебные пособия типа «Истории Татарской АССР», содержащие разделы по Казанскому ханству, вряд ли могут считаться полноценными историческими трудами. В них выражалось явное стремление принизить роль Золотой Орды и татарских ханств в мировой истории, а история многих народов продолжала рассматриваться на фоне русской истории. В результате изучение многих аспектов истории татарских ханств осталось в СССР на уровне второй половины XIX – начала XX вв.

Серьезные политические катаклизмы 90-х гг. XX в. – распад СССР, национальное возрождение тюркских народов, падение тоталитарной идеологии – привели к смене парадигмы в изучении истории Казанского ханства. Этому способствовал целый ряд научных обстоятельств: произошло возвращение трудов преданных забвению историков начала века – М.Г.Худякова, Г.Губайдуллина, Н.Н.Фирсова и др., падение «железного занавеса», препятствовавшего, в частности, должной оценке трудов западных исследователей и обращению к трудам татарской историографии в изгнании. Все больше и больше внимание ученых привлекают вопросы как узкорегionalной истории Казанского ханства, так и его роли в об-

щем историческом процессе в Евразии после распада Золотой Орды. Все это позволило вывести изучение истории Казанского ханства на новый уровень. Были отброшены многие господствовавшие ранее идеологические схемы, что позволило более адекватно раскрыть некоторые сложные вопросы многовековой истории татар.

Несомненный интерес представляют в этом смысле дискуссии по проблемам этногенеза и этнической истории татарского народа. Происходит пересмотр устаревших концепций. Если в советское время активно преобладала «булгарская» концепция, идейно базирующаяся, в частности, на некоторые дореволюционные историографические традиции (труды Х.Амирхана, Г.Ахмерова и др.), то в настоящее время процесс возникновения и развития Казанского ханства рассматривается более скрупулезно и более объективно. Спор сторонников булгарской и золотоордынской («татарской») теорий «исток» Казанского ханства и формирования татар Поволжья приобретает новый импульс. Это является одновременно и следствием, и причиной появления ряда новых научных исследований. Можно также рассматривать этот процесс как реакцию на существовавший с середины 1940-х гг. и до недавнего времени фактический запрет для татарских ученых разрабатывать золотоордынскую

тематику (труды М.Г.Сафаргалиева, М.А.Усманова и очень немногих других историков, изданные в 1960–1980-х гг.¹, затрагивающие некоторые аспекты истории Золотой Орды, являются редким исключением из общего правила, а не тенденцией). При всем при этом изучение истории постзолотоордынских ханств, в первую очередь Казанского ханства, приобретает едва ли не решающее значение в решении спора об этногенезе татарского народа.

В 90-х гг. XX в. свои исследования по истории Казанского ханства продолжили татарские ученые Ш.Ф.Мухамедьяров, С.Х.Алишев и Р.Г.Фахрутдинов, но одновременно с ними начинает свою изыскательскую деятельность в этом направлении ряд молодых казанских историков, среди которых выделяется этнолог и историк Д.М.Исхаков. Все вышеуказанные исследователи подходили к вопросам изучения истории Казанского государства с различных позиций.

Р.Г.Фахрутдинов в эти годы, пересматривая свою былую болгарскую концепцию этногенеза и этнической истории татар, делает в разных своих публикациях два взаимоисключающих/взаимодополняющих вывода, что: 1) татарская народность сформировалась в составе Золотой Орды; 2) татарская народность сформировалась как совокупность татарских субэтносов в период постзолотоордынских государств². Параллельно Р.Г.Фахрутдинову достаточно близкую концепцию этноистории татар разрабатывал И.Л.Измайлов. Он высказывает мнение, что татарский народ возникает в Золотой Орде, но после ее распада разделяется. Далее группы этого некогда единого средневекового татарского этноса развиваются в рамках татарских государств, в которых происходит становление своих «этносоциальных организмов» и, наряду с общей этносоциальной татарской идентичнос-

тью, формируется своя региональная – «казанцы», «крымцы» и т.д.³.

Большую роль в изучении истории Казанского ханства сыграли работы татарского историка С.Х.Алишева, который начинал свою исследовательскую работу еще в 70-х гг. XX в. и является признанным авторитетом в этой области. Будучи сторонником решающего значения в этногенезе татар Среднего Поволжья населения Волжской Булгарии⁴, он сделал выводы, что: 1) Казанское ханство обособилось и образовалось в XIV в., когда Золотая Орда еще не распалась; 2) Казанское государство не имеет «корней» в Золотой Орде; 3) существовавшее в Казанском ханстве оседлое сельско-земледельческое и ремесленно-торговое городское хозяйство базировалось на болгарском укладе жизни; 4) нельзя видеть Золотую Орду духовно-культурной основой казанско-татарской государственности, так как исламская культура в Казанском государстве – это развитие традиций Волжской Булгарии.

С.Х.Алишев не разделяет точку зрения, что Улуг-Мухаммед является создателем Казанского ханства, отмечая, что его «считает царем казанским только «Казанская история», составитель которой путем признания золотоордынского хана казанским поставил своей целью доказать преемственность Казани и Золотой Орды»⁵. Ученый отмечает, что «Булгаро-Казанское государство», обособившееся в 1360–1380-х гг., до прихода сюда орды хана Улуг-Мухаммеда уже становится полностью самостоятельным политическим, экономическим и культурным центром Средневолжского региона⁶. Взятие Махмутеком в 1445 г. Казани и убийство им местного «вотчича» Алибея С.Х.Алишев рассматривает лишь как смену здесь болгарской династии золотоордынской (татарской). Событие это, на его взгляд, – обыкновенный эпизод политической истории Среднего Поволжья. Вступая в по-

лемику с мнением М.Г.Худякова (что Казанское ханство создал Улуг-Мухаммед) и с концепцией Р.Г.Фахрутдинова (что до 1445 г. было Казанское княжество, с приходом Махмута преобразованное в ханство), С.Х.Алишев не придает событиям середины XV в. никакого исключительного значения, ключевого для истории государственности казанских татар. По его мнению, в сути Булгарского государства не произошло никаких изменений, и его самостоятельность сохранялась, хотя и под другим названием. Ученый пишет: «...неправомерно делить историю становления Казанского ханства на княжество и ханство. С приходом Махмутхана в Казанском государстве ничего не изменилось: ни в форме правления, ни в его содержании, о чем говорит последующая жизнь Казанского ханства»⁷.

В трактовке основ государственного строя Казанского ханства С.Х.Алишев следует за выводами предшественников. Хан, по его мнению, оставался верховным собственником земли и мог при случае отобрать суйюргал с подчиненных князей-вассалов. Господствующий класс он делил на следующие группы: хан, эмиры, мурзы, уланы/огланы, казаки и духовенство. Верхушку знати составляли эмиры (карачи, беки-князья), являвшиеся военачальниками ополчения своей округи. Мурзы (дворяне) составляли наиболее многочисленный слой землевладельцев, уланы и казаки были постоянным ядром ханского войска. При этом С.Х.Алишев категорически возражает тем исследователям, которые видят в упоминаемых в источниках «карачиях» институт карачи-беков, хорошо известный в тюрко-монгольских государствах, в частности в Золотой Орде. Одновременно он придерживается точки зрения, что никакого внутреннего деления Казанского ханства на области-даруги не было.

Большое значение С.Х.Алишев придает мусульманскому духовенству Казанского государства. Он считает, что

высшие слои духовенства также имели немалые земельные владения, право на часть ренты, пользовались судебным иммунитетом на основе шариата. Шариат регламентировал все стороны гражданской жизни последователей ислама.

В зависимости от феодалов, по данным С.Х.Алишева, находились различные категории крестьян и городского населения. Он не придает большого значения для экономики ханства рабскому труду и работоторговле.

В целом на основе анализа источников им делается вывод, что «образование Казанского царства нельзя рассматривать как образование ханства татарского (золотоордынского), только династия да войско были татарскими и пришлыми»⁸. Основное же тюркское население государства, по его мнению, оставалось аборигенного булгарского происхождения. Утверждая, что Казанское ханство отставало в своем политическом развитии от Московского государства и «жило по старинке», С.Х.Алишев дает крайне негативную оценку факту завоевания Казанского ханства в 1552 г., считая, что оно имело отрицательные последствия для истории и культуры татарского народа. «Дальнейшая мощь России, – пишет ученый, – создавалась в результате усилий русского и нерусского народов. Покорение Казани стало решающим событием как во внутренней, так и во внешней – международной – жизни России»⁹.

Параллельно с булгарской концепцией истории татар и Казанского ханства в эти годы новый импульс получает тюрко-татарская теория. Эту теорию отстаивают в своих работах такие историки, как Ш.Ф.Мухамедьяров, Д.М.Исхаков, И.Л.Измайлов и др. Наиболее полно она раскрыта в ряде совместных трудов Д.М.Исхакова и И.Л.Измайлова¹⁰. Следуя тюрко-татарской концепции, Д.М.Исхаков разработал целый ряд концептуальных теорий истории Казанского ханства¹¹. Он отмечает, что в XIII-

XIV вв. основное тюркоязычное население Золотой Орды начинает именоваться «татарами». После распада Золотой Орды появляется несколько тюрко-татарских государств, которые унаследовали от Золотой Орды социально-политическое устройство. Д.М.Исхаков убедительно доказал, что четырехклановая система государства (система карачи-беков во главе с беклярибеком) берет свое начало именно в Золотой Орде. По его мнению, именно благодаря идентичности клановых структур татарских ханств «между ними происходил постоянный обмен «татарским» населением»¹². Захват Казанского ханства и последующие войны за освобождение Д.М.Исхаков рассматривает как сильнейший удар по численности татар, который сравним с настоящей демографической катастрофой¹³.

Труды Д.М.Исхакова имеют неопределимое значение в изучении истории Казанского ханства. Он не только использует в своих монографиях большое количество источников, многие из которых анализирует впервые, но и умело их интерпретирует. На основе комплексного, последовательного и скрупулезного рассмотрения различных источников (русские летописи, писцовые и посольские книги, акты, материалы и грамоты, татарские генеалогические предания – шеджере и данные фольклора) он делает вывод о существовании в Казанском ханстве системы четырех карачи-беков и соответствующего им деления. Д.М.Исхаков доказывает, что в административном отношении ханство к середине XVI в. делилось на пять даруг: Арскую (владение клана Кыпчак) – на северо-востоке, Зюрейскую (возможно, владение клана Ширин) – на юго-востоке, Алатскую (возможно, владение клана Барын) – на севере, Галицкую (владение клана Аргын) – на северо-западе и Ногайскую (владение клана Мангыт) – на юге¹⁴. Можно сказать, что многие его фактологические материалы

и концептуальные идеи образования и развития Казанского ханства заложили основу для нового обобщающего исследования, в котором история Казанского ханства будет представлена во всей объективной полноте (вполне вероятно, это найдет отражение в 4 томе 7-томника «История татар с древнейших времен», в котором должна быть представлена история постзолотоордынских государств).

Определенным итогом и развитием данных взглядов на историю Казанского ханства является труд Д.М.Исхакова и И.Л.Измайлова «Введение в историю Казанского ханства»¹⁵, где авторы излагают свою оригинальную версию возникновения и становления Казанского ханства. Они считают, что татарская клановая организация пропитала земли исторической Булгарии еще в период Улуса Джучи, и так называемые болгарские эмираты (или, по данным русских источников, «княжества») являлись территориями, где еще с середины XIV в. правили султаны из рода Джучи и, скорее всего, клановая структура к моменту возникновения Казанского ханства уже выкристаллизовалась. Следовательно, все идеи ряда историков о том, что основу населения ханства составляли некие «булгары», можно считать историкографическим мифом, поскольку основное население считало себя «мусульманами». Социально-территориальная организация ханства строилась по дружному принципу и в каждой даруге правил, очевидно, свой клан, тогда как основное податное население состояло из общин – джиенов. Был сделан также вывод о том, что ханская власть не являлась самовластной и в очень сильной степени зависела от лояльности правящих кланов, хотя хан, скорее всего, имел свой собственный домен с центром в Иски-Казани. В этой работе также был проведен анализ политики Казанского ханства и подробно изучен вопрос об осаде и взятии Казани в 1552 г. и его

последствиях для татар и России в целом.

В целом в русле тюрко-татарской концепции происхождения татарского народа работает и Б.Л.Хамидуллин¹⁶. В его монографии «Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование» (Казань, 2002), написанной на базе широкого круга источников, нашли отражение исторические взгляды многих ученых, в частности Ш.Ф.Мухамедьярова, А.Х.Халикова, М.А.Усманова, Р.Г.Фахрутдинова, Д.М.Исхакова, а также его научного руководителя С.Х.Алишева, и сделана попытка выработать свой подход к данной проблематике. По его мнению, на рубеже XIV–XV вв. Казанское государство, которое представляло собой этнополитическую преемницу и Волжской Булгарии, и Золотой Орды, получает окончательное оформление. В 1445 г. здесь устанавливается прямая, не опосредованная местной властью, власть татарской династии Джучидов, что ведет к существенному переоформлению этносоциальной ситуации в регионе. Своеобразный этнополитический генезис и географическое расположение Казанского ханства приводят к оригинальному этносоциальному развитию местного населения. Отмечаются увеличение интенсивности межэтнических взаимодействий, рост удельного веса слоя татарской служилой аристократии, представители которой сыграли определяющую роль в социально-политической жизни ханства, широкое этнополитическое, социально-экономическое и конфессиональное влияние тюрко-татарского государствообразующего населения на периферийное население ханства. Этнокультурное влияние на финно-угорское население страны привело к формированию специфических этнографических групп в среде периферийного населения государства – каратаев, бесермян, тептярей, иштяков и др. При этом также нельзя не учитывать финно-угорское этнокультурное

влияние на тюркское население государства, что наиболее ярко было выражено в этногенезе чувашей. В результате исследования этносоциальной истории Казанского ханства Б.Л.Хамидуллин делает вывод, что «в период Казанского ханства многие народы региона переживают процесс этнического становления (заключительная фаза этногенеза), в частности, в данный период формируется этнос (или субэтнос) казанские татары. На территории государства наблюдалось создание новой этнополитической общности – в наличии имелось устойчивое этническое равновесие, социально-экономическая, культурная и языковая интеграция, население осознавало свою принадлежность к единому политическому целому и признавало это целое своей Родиной»¹⁷.

Следует отметить, что проблематика истории Казанского ханства фактически выпала из сферы внимания российских историков. Отдельные аспекты истории этого ханства изучались лишь в ряде обобщающих трудов, в исследованиях, посвященных другим татарским государствам²⁰. В этих серьезных научных работах, опирающихся на значительную источниковую базу, монографически представлена история важнейших татарских государств постзолотоордынского периода, и описаны, в частности, их военно-дипломатические контакты с Казанским ханством.

Одновременно в 1990-х гг. началось изучение истории Казанского ханства историками поволжских регионов России. В их числе в первую очередь хотелось бы назвать живущего и работающего в Йошкар-Оле А.Г.Бахтина. Он активно разрабатывал тему, связанную с завоеванием Среднего Поволжья и установлением колониальной власти Русского государства в крае, а также национально-освободительной борьбой народов против национально-колониального гнета²¹. Одновременно в его трудах уделено значительное внимание

истории возникновения, развития и завоевания самого Казанского ханства²². Опираясь на солидную источниковую и историографическую базу, нередко с упором на историю Марийского края, А.Г.Бахтин анализирует многие вопросы предистории и жизнедеятельности Казанского государства от распада Золотой Орды и судьбы населения Волжской Булгарии накануне образования Казанского ханства, проблемы образования Казанского ханства и его этнополитической системы в Марийском крае, а также причины и последствия завоевания Среднего Поволжья и восстания народов края против русской власти в 1552 – 1557 гг.

По мнению А.Г.Бахтина, после завоеваний Восточной Европы монголами Булгария в качестве улуса вошла в состав Золотой Орды. При этом она имела своих князей и сохраняла известную автономию. «Во время междоусобной смуты в Орде, начавшейся в 60-х гг. XIV в., – пишет ученый, со ссылкой на мнение М.А.Усманова, – болгарские земли обособились и неоднократно подчинялись отдельными татарскими правителями, однако это не привело к отделению Среднего Поволжья от Золотой Орды. Политические условия для этого сложились лишь в середине XV в., когда Золотая Орда окончательно распалась. Экономическая и культурная автономия болгарских земель и их географическая и этническая обособленность создали условия для образования нового государства – Казанского ханства»²³. Но при этом сами болгары не обладали необходимым для создания самостоятельного независимого государства потенциалом. У них не было для этого достаточных материальных и людских ресурсов. В этих условиях только после прибытия в Казань изгнанного из Орды Улуг-Мухаммеда и его сильного войска стало возможно обособление Среднего Поволжья. Однако, как и многие предшественники, этот хан рассматривал регион

лишь как плацдарм для продолжения борьбы за верховенство в Орде. «Лишь после физического устранения Улуг-Мухаммеда и болгарского князя Алимбека Махмутеком, отказавшимся от бесперспективной борьбы за сарайский престол, – пишет А.Г.Бахтин, – началось строительство самостоятельного Казанского государства»²⁴. Ему удалось объединить вокруг Казани все разрозненные болгарские княжества и земли других поволжских народов – марийцев, удмуртов, чувашей, частично подчинить мордву и башкир. Единство страны, мирная обстановка и сильная власть хана способствовали экономическому подъему. Таким образом, основой Казанского ханства стали «переживавшие тяжелейший кризис болгарские княжества», а «пришлый ордынский (татарский) элемент сыграл заметную роль в политическом оформлении Казанского ханства, которое, следовательно, является одновременно наследником как Волжской Булгарии, так и распавшейся Золотой Орды»²⁵.

Высказывая интересные, базирующиеся на всей совокупности исторического материала мысли о периферийном населении Казанского ханства, в частности о марийцах, А.Г.Бахтин отмечает: «Первый казанский хан Улуг-Мухаммед вскоре был убит сыном Махмутеком, занявшим новый ханский престол. Перед Махмутеком сразу же встала задача укрепления собственной власти. Дальновидный хан смог правильно оценить обстановку и быстро понял, что невозможно закрепиться в Среднем Поволжье без опоры на местное население... Призывая из степей разрозненные группы татарских воинов, Махмутек не забывал и о налаживании отношений с окрестными жителями. Пришлым татарам не было необходимости кого-то завоевывать, т.к. они оказались в практически оформившемся государстве, население которого было готово к сотрудничеству. Татары не

стали ломать сложившуюся до них систему взаимоотношений и лишь приспособили ее к своим нуждам»²⁶. «В условиях, когда Среднее Поволжье периодически подвергалось опустошительным набегам ушкуйников, вторжениям русских князей и отдельных татарских отрядов из степей, – развивает свою мысль ученый, – прибытие сильного войска и хана могло вызвать у местного населения надежду на стабилизацию политического положения в регионе и защиту. В сильной центральной власти были заинтересованы практически все, как болгарское население, так и марийцы, удмурты и чувашы. Этим были созданы условия для установления между марийцами и Казанью союзных конфедеративных отношений»²⁷. Причем для марийцев, сохранявших «относительную самостоятельность», «союз с татарами сулил не меньшие выгоды»²⁸. Отмечая, что господствующей религией в Казанском ханстве был ислам, исповедывавшийся татарами и башкирами и имевший некоторое распространение среди других народов Среднего Поволжья, в том числе и марийцев, йошкар-олинский историк указывает, что «в целом в ханстве соблюдалась характерная еще для Золотой Орды веротерпимость, массовой насильственной исламизации язычников не проводилось»²⁹.

Серьезное внимание А.Г.Бахтин уделяет вопросу о территории и административном делении Казанского ханства. Его мнение следующее. Казанское ханство занимало площадь примерно 250 тыс. кв. км и не имело четко обозначенных границ. Юго-западной границей была р. Сура, далее она шла через Ветлужский бассейн к Средней Вятке и далее к Каме. В Приуралье казанским ханам подчинялась часть башкирских племен. Закамье же лишь частично принадлежало Казани, так как имевшиеся там степи служили местом кочевий ногайцев. Вдоль Волги власть казанских ханов, видимо, простиралась до Самар-

ской Луки. Административно ханство делилось на стороны – Горную, Луговую, Арскую и Побережную, которые, в свою очередь, делились на округа – даруги. Земли, заселенные марийцами, входили в состав Галицкой, Алатской и Арской даруг. Даруги же делились на улусы (по-русски *волости*). Меньшими территориально-административными единицами были сотни и станы – они могли включать до нескольких десятков деревень³⁰.

По мнению А.Г.Бахтина, к податной категории населения Казанского ханства относились крестьяне, ремесленники и купцы, а также все нетатарское население ханства, включая племенную знать. «Ни фольклор, ни письменные источники, – пишет ученый, – ничего не сообщают о тяжести фискального гнета в отношении левобережных марийцев. Отсутствие известий о восстаниях против казанской администрации также косвенно свидетельствует, что он не был значительным»³¹. О нелегкой же жизни населения Горной стороны под властью казанских ханов, о произволе татарских феодалов «очень подробно и красноречиво рассказывается в горномарийских и чувашских исторических преданиях»³². Зависимое население было представлено исключительно рабами (кул-чур), которыми становились преимущественно русские полоняники. Большая их часть продавалась на восточных базарах, другие же оставались в ханстве и привлекались к работам. Часть рабов, предварительно обращенная в ислам, переводилась в положение зависимых крестьян, наделялась землей, могла иметь свой дом, хозяйство, им разрешалось создавать семьи. Большинство рабов было сосредоточено у татарских феодалов, но имелись они и у родовой знати нетатарских народов, в т.ч. и у марийцев³³.

Из научных изданий самых последних лет необходимо также отметить публикации материалов научного се-

минара «Казанское ханство: актуальные проблемы исследования» (Казань, 5.02.2002), научно-практической конференции «Татарский народ после 1552 года: потери и приобретения» (Казань, 4.10.2002), круглых столов «Изучение и преподавание истории и культуры Казанского ханства в учебных заведениях» (Казань, 17.10.2002) и «Присоединение Среднего Поволжья к Российскому государству. Взгляд из XXI века» (Москва, 14.11.2002)³⁴. В них представлены материалы, посвященные проблемам образования, развития и завоевания Казанского ханства, его причин и последствий как для татарского народа, так и Российского государства. В этих дискуссиях выявились серьезные фундаментальные разногласия между татарскими и русскими историками на характер, причины и, особенно, последствия завоевания. Если для русской историографии традиционно, еще с конца XVI в., принято считать это событие завершающим этапом борьбы против «татарского ига», то для татар это – трагическая дата, падение их самостоятельной государственности и начало колониального периода истории.

Таким образом, с 90-х гг. XX в., наряду с продолжающими свое развитие старыми концепциями, постепенно выработывались и новые теории этногенеза и этнополитической истории татарского народа в целом, и истории Казанского ханства, в частности.

В работах целого ряда современных ученых Казанское ханство рассматривается как один из ключевых этапов в развитии татарского народа и его государственности. В них получают развитие новые источниковедческие подходы и создаются новые концепции, авторы которых стремятся отойти от прежних советских трактовок истории Казанского ханства и, шире, – истории татарского народа.

На рубеже XX–XXI вв., наряду с научными трудами, выходили также новые

учебники и научно-популярные исследования по истории татарского народа и Татарстана. В них на основе новейших изысканий была дана попытка пересмотра отдельных этапов истории татар Поволжья. Отдельно хотелось бы назвать «Историю Татарстана» А.Н.Галямовой, Б.Г.Султанбекова и Ф.Ш.Хузина (главу, посвященную Казанскому ханству, написал Ф.Ш.Хузин)³⁵, «Историю татарского народа и Татарстана» Р.Г.Фахрутдинова³⁶, «Историю татарского народа» Ф.А.Рашитова³⁷, а также научно-популярную книгу «История национальной государственности татарского народа и Татарстана» широко известного татарского историка и общественно-политического деятеля И.Р.Тагирова³⁸.

Однако следует отметить, что указанные выше учебные пособия были написаны татарскими историками Казани и Саратова и не повлияли существенно на образовательную политику России в целом (виною чему являются, в частности, малый тираж этих работ и отсутствие целенаправленной, поддержанной государством массовой рекламы отраженных в них идей, фактическое их игнорирование специалистами Министерства образования РФ). Большое значение в формировании исторических взглядов подрастающего поколения России имеют изданные в Москве большими тиражами под патронажем Министерства образования РФ учебники для школьников, часть которых входит в обязательную программу преподавания. Как пример отметим очень интересную и познавательную серию «Энциклопедия для детей», издаваемую издательским центром «Аванта+», а также учебник для 6 класса общеобразовательных учреждений, издаваемый издательством «Просвещение».

«Энциклопедия для детей» под названием «История России и ее ближайших соседей» в 1-й части содержит историю «От древних славян до Петра Великого» (М., 1998; М., 2002). Ответ-

ственным редактором тома является Дмитрий Володихин, научными редакторами – Дмитрий Володихин, Ольга Елисеева и Николай Рогожин. История происхождения современных татар и их этнонима отражена здесь в статьях Вадима Трепавлова о татаро-монгольском нашествии³⁹, а история Казанского ханства в статье Дмитрия Володихина о завоевании Казани в 1552 г.⁴⁰. Из статей В.В.Трепавлова мы узнаем о монгольском нашествии, об «ордынском иге» на Руси, об истории Золотой Орды с правящей монгольской династией, об этнониме «татары» и термине «монголо-татары», о татарских государствах. В маленькой статье «Казанские татары» (полстраницы текста + иллюстрации) В.В.Трепавлов пишет о закреплении в 1438 г. свергнутого с престола Золотой Орды Улуг-Мухаммеда в Казани, о том, что основу населения Казанского ханства составили «потомки волжских болгар и золотоордынских пришельцев», что «Казань быстро богатели и набирали силу». Далее он отмечает, что «среди казанской знати никогда не было единства» – «одни мурзы выступали за тесный союз с соседней Россией, за мирную торговлю с ней; другие ориентировались на Крым и Турцию». История ханства, пишет ученый, пестрит переворотами и конфликтами этих двух группировок. Когда побеждала крымско-турецкая группировка, «Казанское ханство превращалось в лютого врага России». В 1552 г. Казань была завоевана царем Иваном Грозным, а территория ханства присоединена к России. Слово «татары» окончательно стало самоназванием местного населения лишь в XX столетии. Д.М.Володихин в своем разделе отмечает: «Для Московского государства то, что Иван IV руководил всей внешней политикой, было большим несчастьем». Далее он пишет о восточной политике Ивана III, Василия III и Ивана IV, указывая, что «московские войска то и дело вторгались в пределы

Казанского ханства, осаждали и штурмовали саму Казань. В первой половине XVI в. только крупных походов на Казанское ханство было совершено семь: в 1506, 1523, 1524, 1530, 1545, 1548 и 1550 гг. Но каждый раз столица ханства оставалась неприступной твердыней»⁴¹. «Казанцы также часто нападали на русские земли, – пишет Д.Володихин, – но в большинстве случаев неудачно». Казанское ханство он считает «молодым и крепким государственным образованием», а не «перезревшим плодом, готовым упасть в ладони русских при незначительных усилиях». Завоевание Казани в 1552 г. он называет «чудовищным побоищем». Он пишет: «Казанское ханство – опаснейший противник Московского государства – навсегда прекратило свое существование». Отметим, что в целом В.В.Трепавлов и Д.М.Володихин, являясь профессиональными историками, активными борцами с мифотворчеством в науке⁴², в этом учебном пособии отражают историю Казанского ханства достаточно объективно, – единственное серьезное возражение вызывает лишь сравнительно малый объем представленного ими материала, не позволивший авторам полностью раскрыть свое видение всех нюансов истории татарского ханства, особенно – развития хозяйства и культуры, его этнического состава.

Иное дело – ежегодно переиздаваемый учебник для 6 класса А.А.Данилова и Л.Г.Косулиной «История России: с древнейших времен до конца XVI века» (М., 2001–2006). Здесь, во-первых, мы вообще не наблюдаем историю возникновения и развития Казанского ханства (как будто она не является частью истории народов России до XVI в.!), а в §24 «Внешняя политика Ивана IV» на с. 202–203 читаем: «После распада Золотой Орды наибольшую опасность для русских земель представляло Казанское ханство. Казанские подвижные отряды грабили пограничные уезды, выходили

к Владимиру, Костроме и даже далекой Вологде. В Казани скопились десятки тысяч русских пленных-рабов. Иван IV решил раз и навсегда обезопасить Россию от набегов со стороны Казани... 2 октября 1552 года Казань была взята. Казанское ханство прекратило свое существование. После взятия Казани Иван IV разослал во все концы ханства грамоты с призывом переходить в русское подданство. Он обещал населению сохранить занимаемые им земли и мусульманскую веру, а также защитить его от внешних врагов...». Мы специально

процитировали этот «шедевр», чтобы еще раз подчеркнуть – именно такие учебники создают у детей России те стереотипы и образы истории «паразитирующего» Казанского ханства и «грабительского» татарского народа, те образы «русского царя-освободителя» (обещал ведь!..), которые давно уже являются историографическим анахронизмом, но «зомбируют» сознание современного подрастающего поколения, в частности будущих историков, на многие годы вперед...

Примечания

¹ См., например: *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. – Саранск, 1960; *Закиров С.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XII–XIV вв.). – М., 1966; *Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. – Казань, 1979; *Его же.* Мусульманское духовенство в ханствах Джучиева Улуса XIV–XVI вв. // Бартольдовские чтения. Тезисы докладов и сообщений. – М., 1982. – С.68–69; *Его же.* Этапы исламизации Джучиева Улуса и мусульманское духовенство в татарских ханствах XIII–XVI веков // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. – М., 1985. – С.177–185; *Его же.* К изучению делопроизводственных связей Джучиева Улуса и Турции (XIV–XVI вв.) // *Bil diri ozetleri. X Turk tarih kongresi.* – Ankara, 1986. – S.74–75.

² См., например, некоторые его работы этого периода: *Фахрутдинов Равиль, Фахрутдинов Раиль.* Основные этапы политической истории татарского народа // Татарстан. – 1992. – №5/6. – С.19–28; *Фахрутдинов Р.Г.* Золотая Орда и ее роль в истории татарского народа // Из истории Золотой Орды. – Казань, 1993. – С.5–17; *Его же.* История татарского народа и Татарстана. – Казань, 1995; 2000; *Фахретдинов Р.Г.* Татар тарихы. – Казан, 1999; *Fakhroutdinov Ravil.* History of the Tatars. – Kazan, 2004.

³ *Измайлов И.Л.* Некоторые аспекты становления и развития этнополитического самосознания населения Золотой Орды в XIII–XV вв. // Из истории Золотой Орды. – Казань, 1993. – С.17–32.

⁴ *Алишев С.Х.* Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. – Казань, 1995. – С.8–28; *Его же.* Казанское ханство: возникновение и развитие // Материалы по истории татарского народа / АН Татарстана. Отд-е гуманитарных наук. Ин-т яз., лит. и ист. им. Г.Ибрагимова. – Казань, 1995. – С.186–200; *Его же.* Образование татарской народности // Там же. – С.201–223.

⁵ *Алишев С.Х.* Казань и Москва: межгосударственные отношения... – С.13.

⁶ *Алишев С.Х.* Казанское ханство: возникновение и развитие... – С.193–195.

⁷ Там же. – С.194.

⁸ *Алишев С.Х.* Казань и Москва: межгосударственные отношения... – С.18.

⁹ *Алишев С.Х.* Завоевание татар Русским государством // Материалы по истории татарского народа... – С.224–242 (цитируем со с.230).

¹⁰ *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Этнополитическая история татар в VI – первой четверти XV вв. // Татары. – М., 2001; *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Введение в историю Казанского ханства. Очерки. – Казань, 2005.

¹¹ *Исхаков Д.М.* Введение в историческую демографию волго-уральских татар. – Казань, 1993; *Его же.* Сеиды в позднезолотоордынских татарских государствах. – Казань, 1997; *Его же.* Проблемы становления и трансформации татарской нации. – Казань, 1997; *Его же.* От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на ис-

торию волго-уральских татар XV–XVII вв.). – Казань, 1998; *Исхаков Д.М.* Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. – Казань, 2004;

¹² *Исхаков Д.М.* Проблемы становления и трансформации татарской нации... – С.245.

¹³ *Исхаков Д.М.* Демографическая ситуация в татарских ханствах Поволжья // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования... – С.141–148.

¹⁴ Детальнее см.: *Исхаков Д.М.* От средневековых... – С.14–60.

¹⁵ *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Введение в историю Казанского ханства...

¹⁶ Отдельно отметим его статью, изданную в Москве: *Хамидуллин Б.Л.* Образование Казанского ханства: этнический и социальные аспекты // Этнографическое обозрение. – 1999. – №4. – С.82–93, а также большой цикл статей по предыстории и истории татарского народа до 1552 г., опубликованный в журнале «Идель».

¹⁷ *Хамидуллин Б.Л.* Этносоциальная история Казанского ханства. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Казань, 2004. – С.26. Взгляды Б.Л.Хамидуллина на историю Казанского ханства в наиболее компактной форме нашли отражение в статье, представленной в Научное издательство «Большая Российская энциклопедия».

¹⁸ *Гариф Н.Г.* Чаллынский улус в Казанском ханстве (опыт изучения феодально-вассальных отношений в постзолотоордынских тюрко-татарских государствах). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Казань, 2005; *Гариф Н.* Казан ханлыгы (Оешу тарихы, идарә системасы, административ бүленеше һәм феодал вассалык мөнәсәбәтләре. Чаллы олысы мисалында). – Казань, 2006.

¹⁹ Например, см.: *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Введение в историю Казанского ханства ...

²⁰ *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. – М., 2001; *Зайцев И.В.* История Астраханского ханства. – М., 2004.

²¹ См., например: *Бахтин А.Г.* К вопросу о причинах повстанческого движения в Марийском крае в 50-х гг. XVI в. // Марийский археографический вестник. – 1994. – №4. – С.18–25; 2) Народы Горной стороны в составе Казанского ханства // Марий Эл: вчера, сегодня, завтра. – 1996. – №1. – С.50–58; 3) Россия и народы Среднего Поволжья во второй половине XVI века: Этап становления национальной политики // Путь России: прошлое, настоящее, будущее. – Йошкар-Ола, 1996. – С.31–38; 4) Восточная политика России в середине XVI в.: взгляд на проблему // Диалог культур и культурная политика государства в полиэтничном регионе. Материалы научного семинара. – Йошкар-Ола, 1997. – С.56–69; 5) Аграрный вопрос и восточная политика России в середине XVI века // Исторические очерки. Материалы III Тарасовских чтений. – Йошкар-Ола, 1997. – С.117–122; 6) Русские и народы Среднего Поволжья в XV–XVI вв.: К вопросу о взаимоотношениях // Русские в Средне-волжском полиэтничном регионе. Материалы научной конференции. – Йошкар-Ола, 1998; 7) Формы этнической организации у марийцев и некоторые спорные проблемы истории Среднего Поволжья XV–XVI веков // Этнологические проблемы в поликультурном обществе. – Йошкар-Ола, 2000. – С.58–75; 8) Причины присоединения Поволжья и Приуралья к России // Вопросы истории. – 2001. – №5. – С.52–72.

²² О критике взглядов А.Г.Бахтина на характер «присоединения» Казанского ханства подробнее см.: *Измайлов И.Л.* Завоевание Казанского ханства: причины и последствия (критический разбор новых тенденций современной российской историографии) // Татарский народ после 1552 года: потери и приобретения. Казань, 2003. – С.61–135.

²³ *Бахтин А.Г.* Образование Казанского и Касимовского ханств. – Йошкар-Ола, 2006. – Рукопись. – С.77.

²⁴ Там же. – С.78.

²⁵ Там же.

²⁶ *Бахтин А.Г.* XV–XVI века... – С.43.

²⁷ Там же. – С.40.

²⁸ Там же. – С.43–44.

²⁹ Там же. – С.41.

³⁰ Там же. – С.40.

³¹ Там же. – С.44.

³² Там же. – С.48.

³³ Там же. – С.41.

³⁴ Кроме отдельных сборников, изданных в 2002–2003 гг., в Интернете имеются электронные версии выступлений ученых на этих мероприятиях.

³⁵ *Галямова А.Н., Султанбеков Б.Г., Хузин Ф.Ш.* История Татарстана. – Казань, 1990.

³⁶ *Фахрутдинов Р.Г.* История татарского народа и Татарстана. – Казань, 1995; 2000.

³⁷ *Рашитов Ф.А.* История татарского народа: С древнейших времен до наших дней. – Саратов, 2001.

³⁸ *Тагиров И.Р.* История национальной государственности татарского народа и Татарстана. – Казань, 2000; 2008.

³⁹ Трепавлов В. Татаро-монгольское нашествие // История России и ее ближайших соседей. Энциклопедия для детей. Т.5. – М., 2002. – С.199–221.

⁴⁰ Володихин Д. Внешняя политика Московского государства при Иване IV // Там же. – С.327–330.

⁴¹ Это мнение полностью подтверждается материалами В.В.Похлебкина: *Похлебкин В.В.* Татары и Русь. Справочник. – М., 2000. –С.77–140.

⁴² См., например: *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. – М., 2001; *Володихин Д.М.* Иван Грозный: Бич Божий. – М., 2006 (в этой книге Д.М.Володихин, в частности, смело указывает на «пустейшую ксенофобию» при «нулевой ценности аргументов» некоторых современных исследователей – см. с. 328).

Summary

The article is the analysis of the modern Russian historiography of the late XX – early XXI centuries in the Kazan Khanate history.

УДК 81'34

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЗВУКОВОГО СТРОЯ СОВРЕМЕННОГО ТАТАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Ш.Н. Асылгараев, кандидат филологических наук

Изучением звукового строя языка занимается раздел языкознания – фонетика. Анализ научной литературы показывает, что предмет фонетики в татарском языкознании понимался очень широко. Сюда относили и фонологию, и просодику, и графику, то есть все звуковые средства во всех их проявлениях и функциях, а также связь между звуковой стороной языка и письмом. Поэтому материал данной статьи будет излагаться в традиционном понимании предмета фонетики.

Фонетический строй татарского языка изучен довольно полно и всесторонне. Первые сведения о звуковом составе татарского языка и его классификации можно найти в трудах С.Хальфина (44), И.Гиганова (16), И.Хальфина (43), А.Троянского (40), М.Иванова (23), В.В.Радлова (33) и других. Прежде всего необходимо отметить, что эти книги написаны в учебных целях, поэтому в них нет стройного научного освещения фонетического строя татарского языка. Авторы этих трудов ограничиваются сопоставлением татарских звуков со звуками русского языка, к тому же нечетко разграничивают звуки и буквы.

Первые научные сведения по татарской фонетике можно найти в «Краткой татарской грамматике» К.Насыри. В этой работе рассматриваются такие вопросы, как чередование и взаимовлияние гласных на стыке двух слов, закономерности словесного ударения. В книге «Әнмүзәж» (30) К.Насыри излагает не-

которые принципы классификации звуков. Как и его предшественники, он подразделяет звуки на гласные (тавыш хәрәфләре) и согласные (тавышсыз хәрәфләр). По его мнению, гласных звуков в татарском языке не три, как это отмечали И.Хальфин, М.Иванов, А.Троянский, а больше. Но они изображаются при написании тремя буквами (30, стр.3).

При классификации согласных звуков он не придерживается единого принципа. Одни согласные звуки классифицированы им по участию активных, другие – пассивных органов произношения. Поэтому его классификация сильно отличается от современной.

Кроме того, автор указывает на комбинаторные изменения некоторых звуков, не оставляя без внимания и такие явления, как ассимиляция и диссимиляция, останавливаясь на явлении сандхи в татарском языке.

Очень важное значение для изучения фонетического строя татарского языка имеет работа В.В.Радлова «Фонетика северных тюркских языков». В этой книге, посвященной сравнительному изучению фонетики тюркских языков, рассматривается широкий круг вопросов татарской фонетики: дается характеристика звукового состава татарского языка в сравнении со звуковым составом других тюркских языков, выявляются закономерности употребления некоторых звуков татарского языка, исследуются вопросы сингармонизма, ударения.

В.В.Радлов считает, что в татарском языке (включая и все его диалекты) имеется 11 гласных и 23 согласных звука. Но твердый и мягкий варианты звука «л» рассматриваются им как самостоятельные звуки, а звук «ң» не включается в список самостоятельных согласных.

В начале XX века вышли в свет работы Г.Нугайбека (31), Г.Ибрагимова (21), Г.Алпарова (2), Дж. Валиди (14) и других. Почти все они были написаны в качестве учебников грамматики или азбук татарского языка, поэтому фонетике отведено в них весьма скромное место. В некоторых из этих работ вопрос о звуках татарского языка освещается в связи со спорами по поводу усовершенствования татарской орфографии и алфавита. Чтобы определить необходимое количество букв, необходимо знать фонемный состав данного языка. Споры в основном касались вопроса о количестве гласных звуков, и велись они между двумя группами лингвистов: «унчылар» и «алтычылар». Первые (К.Насыри, Ш.Тагири, Г.Нугайбек, М.Курбангалиев и др.) говорили, что в татарском языке имеется пять пар, то есть десять гласных звуков. Вторые (Х.Максуди, Г.Ибрагимов, Ш.Ахмадиев, А.Мустафа и др.) предлагали не увеличивать количество звуков с целью неосложнения письма, защищали старую орфографию, где гласных букв было шесть.

Орфографическая конференция (Уфа, 1915 г.) приняла резолюцию, в которой спор был решен в пользу представителей, придерживавшихся мнения о существовании в татарском языке шести гласных. Однако через некоторое время В.А.Богородицкий экспериментально доказал наличие десяти гласных звуков. Г.Шараф, его ученик, поддержал своего учителя экспериментальными исследованиями, хотя до этого придерживался мнения о шести гласных. На научной конференции в 1919 г. (Казань, 1–12 января) представители первой группы доказали свою правоту о нали-

чи десяти гласных звуков в татарском языке. Однако споры по поводу количества гласных звуков имели место и в дальнейшем в связи с рассмотрением вопросов орфографии и графики татарского языка (27).

Работы Г.Нугайбека, Г.Ибрагимова, Г.Алпарова, Дж.Валиди охватывают все разделы науки о языке. В разделе фонетики, за исключением Г.Ибрагимова, авторы этих работ особое внимание обращают на классификацию звуков. Звуки, как и в «Әнмүзәж» К. Насыри, делятся на гласные и согласные. По мнению Г.Нугайбека, гласных звуков (тавышлык) – десять, а согласных (тавышбаш) – 23. Последние классифицируются в основном по месту образования. Г.Нугайбек первым из лингвистов-татар дал правильные для того времени определения слогу и ударению. По поводу места ударения он писал: «Татар телендә басым, иң күбе сүзнен актык иҗегендә булып, бик сирәк кенә алмашынып та килә» (31, стр.9), что в переводе означает: «В татарском языке ударение в подавляющем большинстве случаев падает на последний слог в слове, но иногда оно может переходить на другой слог».

Исходя из сказанного, можно заключить, что хотя до 20-х годов прошлого столетия были составлены грамматики татарского языка, фонетика – раздел о звуковом составе языка – еще не стала предметом научного исследования. Те сведения, которые содержались в названных выше трудах, были далеки от научной разработки, эта проблема ждала своего разрешения.

Несмотря на то, что были отдельные попытки научного подхода к характеристике звукового состава татарского языка, вопрос оставался открытым вплоть до 1926 года, что объясняется, в первую очередь, отсутствием специалистов по языкознанию: кадров старшего поколения не было, для подготовки молодых требовалось время.

Важным событием для татарского языкознания стало появление книги

Г.Алпарова «Шәкли нигездә татар грамматикасы», которая через год была переиздана. В журнале «Магариф» появились статьи, посвященные этой работе. Несмотря на отдельные недостатки, этот труд оказал большое влияние на дальнейшее развитие исследований звукового состава татарского языка, тем более, что в нем учтены лучшие достижения предшествующего развития науки в этой области. Вслед за этой книгой стали появляться научно разработанные статьи, посвященные отдельным вопросам фонетики. Самыми лучшими из них считаются «Движение тона в словах двухсложных и трехсложных в татарском языке по экспериментальным данным» В.А.Богородицкого, «Палятограммы звуков татарского языка сравнительно с русским» и «Сонорная длительность татарских гласных» Г.Шарафа.

Г.Алпаров ставит ряд новых, в татарском языке еще неразработанных, вопросов. Например, правильное научное освещение получили такие явления языка, как закон сингармонизма, ассимиляции, диссимиляции и вопросы орфоэпии. Автор дал близкую к современной классификацию звуков. При этом им были учтены место и способ образования звуков, работа активных органов произношения. По участию шума и голоса согласные были разделены на звонкие и глухие. Звонкие подразделяются на носовые, плавные, фрикативные, взрывные, а глухие – на фрикативные и взрывные. Подразделения на шумные и сонанты нет.

Вопросам ударения автор посвящает специальный раздел, где на конкретных примерах устанавливается закономерность словесного ударения в татарском языке. Дальнейшее развитие этот вопрос получил в трудах татарских языковедов Р.Ф.Шакировой (45), Ф.Г.Исхакова (24), Х.Х.Салимова (35) и др.

Г. Алпаров своеобразно подходит к решению вопроса о количественном со-

ставе звуков татарского языка. По существу, он отрицает наличие твердых и мягких звуков. По его мнению, твердость и мягкость – две стороны одного и того же звука. Таким образом, гласных звуков в татарском языке оказалось не десять, а только пять. Согласных звуков, по его мнению – 23.

Г.Алпаров впервые в татарском языкознании употребляет термин «фонема» и дает этому явлению научное объяснение (3, стр.81).

Примерно с 30-х годов XX века в изучении фонетического строя татарского языка наблюдался застой, и только в середине пятидесятых годов намечилось значительное оживление в этой области. В это время вышли в свет труды Р.Ф.Шакировой (45), Л.Заяля (17,18,19).

Основная задача труда Р.Ф.Шакировой – описать звуковой состав татарского языка. Хотя звуки изучаются субъективным методом, по интуиции автора, данное исследование является первым монографическим исследованием фонетического строя татарского языка. В этой работе «на основе теории фонем академика Л.В.Щербы и его школы» (45, стр.2) впервые в татарском языке предпринимается попытка описать звуковой состав языка в фонологическом плане. Автор монографии называет «русской фонологической школой» только школу академика Л.В.Щербы, не обращая внимания на тот факт, что к тому времени образовались и существовали две «русские фонологические школы» – Ленинградская фонологическая школа Л.В.Щербы и его учеников и Московская фонологическая школа (А.А.Реформатский, Р.И.Аванесов, В.Н.Сидоров, Н.С.Кузнецов, Н.Ф.Яковлев). Р.Ф.Шакирова дает определение фонемы, основываясь на теории Л.В.Щербы, но при решении разных фонетических проблем (и при определении фонемного состава языка) исходит из позиции представителей то одной, то другой школы.

В таблицу классификации гласных звуков автором были введены заимствованные из русского языка фонемы *о*, *е*. Таким образом, количество татарских гласных было доведено до двенадцати (почему-то *ы* осталось без внимания).

При классификации гласных ею было учтено движение языка и по вертикали, и по горизонтали, а также положение губ и ширина резонирующей полости рта.

Согласные классифицируются исходя из трех принципов: 1) по месту образования; 2) по способу образования; 3) по участию шума и голоса. В работе были описаны явления ассимиляции и диссимиляции, закон сингармонизма, вопросы интонации. Однако при классификации согласных звуков автором был допущен ряд неточностей. Несмотря на это, работа Р.Ф.Шакировой является одним из первых научных исследований по вопросам комбинаторных изменений, явлений протезы, апокопии, синкопии, а также некоторым вопросам интонации.

В 1965 году увидел свет коллективный труд «Хэзерге татар әдәби теле» (Современный татарский литературный язык) для студентов. Раздел «Фонетика» написала Р.Ф.Шакирова. Здесь автор вносит серьезные поправки в классификацию фонем (добавляется фонема *ы*, заимствованная из русского языка, согласные *ч*, *ж* не названы уже аффрикатами и др.).

В области исторической фонетики татарского языка единственным исследованием в то время была книга Л.Залая (19). Автор на многочисленных примерах показал историческое соответствие звуков *й* – *з*, *к*/*г* – *у*. Л.Залая, как и Г.Алпаров, считал, что в образовании дифтонгов *ой*, *эй*, *уй*, *өй*, *ый*, *ий* значительную роль сыграло сочетание согласных *д*/*з*, *к*/*г* с гласными. Кроме того, в книге Л.Залая научное освещение получили следующие вопросы: 1) формирование гласных *о* – *ө*, *у* – *ү*;

2) гармония гласных; 3) соответствие и взаимный переход согласных звуков; 4) место образования согласных *к* – *г*; 5) происхождение согласного *ң* и другие.

Исследование по исторической фонетике татарского языка, начатое Л.Залаяем, успешно продолжалось в работах В.Х.Хакова.

Велика роль известных тюркологов В.А.Богородицкого, М.К.Дмитриева, Ф.Г.Исхакова, А.А.Юлдашева и других в области сравнительного изучения фонетики татарского и других тюркских языков. Итоги сравнительного исследования фонетики тюркских языков суммированы в коллективной монографии «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков» (М., 1955). Обилие материала, извлеченного из тюркских языков, многие тонкие и верные замечания о закономерностях фонетических явлений, безусловно, ставят эту работу в ряд классических произведений тюркского языкознания.

В середине XX века описательная фонетика получает свое дальнейшее развитие. Были изданы работы Л.И.Яфарова (50), Ф.Г.Исхакова (24,25), А.Ш.Афлетунова (5), М.З.Закиева (20), Л.Т.Махмутовой (29), У.Байчуры (8,9).

В диссертации и книге Л.И.Яфарова (49,50) рассматриваются тенденции озвончения глухих согласных, проявление фонетических закономерностей на примере заимствованных слов и др.

Ф.Г.Исхаков в статье «Об отдельных фонемах татарского языка» (25) отмечает, что гласных фонем в татарском языке двенадцать. Девять из них исконно татарские. Фонему *ый* автор не считает за самостоятельную фонему. Три фонемы (*о*, *э*, *ы*) употребляются лишь в словах, заимствованных из русского языка. В другой статье (24) им описываются закономерности словесного ударения. По мнению автора, «ударение как в литературном татарском языке, так и в подавляющем большинстве татарских говоров, экспираторное...» (24, с.329).

Законы татарского экспираторного ударения сводятся к следующему:

– в коренных татарских словах ударение падает на последний слог основы, употребляемой как законченное слово, и при всяких дальнейших ее изменениях путем наращивания различных аффиксов ударение переходит на последний слог;

– в современных заимствованных словах ударение в литературном языке сохраняется на том слоге, на котором оно стоит в русском языке, который является непосредственным источником заимствования.

В работе А.Ш.Афлетунова (5), исходя в основном из экспериментальных данных, полученных У.Ш.Байчурой, дается характеристика гласных и согласных звуков татарского языка. Автор считает, что гласных в татарском языке тринадцать (*ый* принимается за самостоятельный звук), согласных – двадцать восемь. Рассматриваются изменения гласных (редукция, элизия, лабиализация, протеза, эпентеза), явления сингармонизма и вопрос о сингармонических парах, позиционные закономерности (законы начала и конца слова, ассимиляция), а также вопросы интонации.

Общее описание фонетической системы татарского языка можно найти в работе Л.Т.Махмутовой (29). Она не ставит целью ввести что-либо новое в изучение фонетики, но, как правильно отмечает Х.Х. Салимов, «умело и компактно обобщает ранее полученные данные».

Довольно полное описание татарской фонетики имеется в пятитомном труде «Языки народов СССР» (20). Раздел «Татарский язык», в том числе и описание фонетической системы, был подготовлен М.З.Закиевым. Автор насчитывает в татарском языке двенадцать гласных. Для орфографического обозначения некоторых звуков он вводит дополнительные знаки. Можно согласить-

ся с мнением ученого о том, что дополнительные знаки больше соответствуют характеру татарских гласных и удобны для сравнения со звуками других тюркских языков.

Наиболее перспективным в изучении фонетического строя татарского языка оказался экспериментально-фонетический метод, который в 20–30-х годах XX века успешно развивался в лаборатории экспериментальной фонетики, основанной профессором В.А.Богородицким в Казани. Уже в статье «Характеристика звукового состава в казанском говоре поволжско-татарского языка в соотношении с звуковой системой общерусского языка» (11) В.А.Богородицкий использовал этот метод для уточнения некоторых слуховых наблюдений над гласными татарского языка. Опираясь на данные экспериментального анализа, он установил, что в отношении временной длительности ударяемые гласные татарского языка распадаются на две категории: более длительные – *а, э, у, ы, ый, и*, более краткие – *о, ө, ы, е*. Кроме того, автор обратил внимание и на тот факт, что в зависимости от открытости и закрытости слога та или другая категории несколько варьируются, точнее – в закрытых слогах и долгие, и краткие несколько укорачиваются.

В этой статье наметились серьезные сдвиги в изучении фонетического строя татарского языка. Впервые звуки татарского языка сравнивались с русскими с качественной стороны. В другой статье В.А.Богородицкого «Движение тона в словах двухсложных и трехсложных в татарском языке по экспериментальным данным» (10) выводы целиком и полностью опираются на данные экспериментально-фонетического анализа. Экспериментальным материалом послужили слова простейшего строения: двухсложные (*ката, баба*) и трехсложные (*катада, бабада*).

Хотя статья называется «Движение тона...», автор ее не ограничивается анализом этого вопроса, здесь по существу освещены все физические характеристики гласного *a*: движение тона, длительность и амплитуда колебаний. На материале экспериментальных данных автором было установлено, что средний тон конечного ударенного гласного в двухсложных словах *баба* и *ката* оказался ниже по сравнению с неударенным. Длительность ударенного гласного, наоборот, превышает более чем в два раза длительность неударенного. Что касается движения среднего тона в трехсложных словах, В.А.Богородицким установлено, что в слове *катада* преобладает последовательное понижение среднего тона, а в слове *бабада* средний тон остается неизменным во всех слогах.

Статья Г.Шарафа «Сонорная длительность...» (47) фактически является дальнейшим развитием идей В.А.Богородицкого. Для написания данной работы автором было использовано более 2000 графиков кимографических записей, на основе которых ученому удалось определить длительность гласного *a* в различных фонетических положениях, выявить влияние ударения на длительность гласного, зависимость длительности гласного от открытости-закрытости слога. Г.Шарафом также было установлено своеобразное поведение некоторых морфологических категорий в отношении длительности гласного. Удачное объяснение в статье получили такие явления, как значительная длительность гласного в абсолютном исходе; относительная сила слогов, стоящих за основным ударением, и второстепенное конечное ударение. Вопросы влияния темпа речи на длительность гласных и согласных звуков и сочетания слов, подчиненных общему ударению, впервые рассматриваются в этой статье.

Как известно, в создании необходимого разнообразия звукового состава человеческой речи одно из главных мест

занимает артикуляция языка. Фонетическое своеобразие отдельных языков и языковых семейств определяется именно особенностями и деталями артикуляции языка. Статья Г.Шарафа «Палятограммы звуков...» (46) посвящена изучению этого вопроса объективными методами. Необходимо отметить, что ни один звук не остался в стороне от внимания автора. Искусственное нёбо, приготовленное из пропитанной особым раствором тонкой материи в казанском кабинете экспериментальной фонетики под руководством В.А.Богородицкого, дало возможность Г.Шарафу точно установить положение активных органов при произношении гласных и согласных звуков татарского языка и сравнить их с русскими. Появление данной статьи было большим событием, потому что она представляла значительный интерес не только для татарского языкознания, но и для тюркологии вообще. Палятограммы, полученные в результате эксперимента, подтвердили правильность предположений многих тюркологов о наличии парности не только гласных, но и согласных звуков в татарском языке.

Экспериментально-фонетический метод в исследовании звуков татарского языка после довольно долгого перерыва был использован в трудах У.Ш.Байчуры «Звуковой строй татарского языка» (8,9). О причинах, заставивших обратиться к экспериментальной фонетике татарского языка, автор пишет следующее: «Труды В.А.Богородицкого по татарскому языку так же, как и инструментальные исследования его талантливого ученика Г.Шарафа, являющиеся ценным вкладом в науку, и сейчас, через тридцать лет, представляют значительный интерес как для татарского языкознания, так и для тюркологии вообще, вследствие чего эти работы заслуженно пользуются широкой известностью» (8, с.15).

Вместе с тем следует отметить, что рассматриваемые труды далеко не исчерпывают стоящих перед татарским

языкознанием проблем в области фонетики. Более того, в статье «Сонорная длительность...» имеется следующее замечание Г.Шарафа: «Таким образом, многое из вышеизложенного является не столько разрешением, сколько постановкой вопроса» (ВНОТ, №8, 1928, с.224-225 или с.51 отд. оттиска).

По словам Х.Х.Салимова, «наиболее интересной в теоретическом отношении является первая часть работы» (34). Здесь доказывалось преимущество объективного метода, освещается история экспериментального изучения татарского и тюркских языков. Исходя из работ Л.В.Щербы, его учеников и последователей, а также из конкретного языкового материала, дается определение фонемы. В работе последовательно разработаны критерии выделения фонем и выяснения их состава в татарском языке.

В трудах У.Ш.Байчуры для изучения звуков с качественной стороны были использованы рентгенографический и палатографический методы. Было получено 70 рентгеноснимков гласных татарского языка. Рентгенографический метод позволял автору увидеть в процессе артикуляции то, что недоступно палатографическому и ларингоскопическому методам, так как он показывает положение и деятельность всех органов речевой артикуляции, начиная от голосовых связок и кончая губами.

Палатографический метод дал возможность У.Ш.Байчуре точно определить ширину и длину переднего резонатора, а также место наивысшего подъема языка по отношению к искусственному нёбу.

На основании показаний рентгено- и палатограмм автором были сделаны соответствующие выводы о широте гласных заднего и переднего рядов, а также лабиализованных и нелабиализованных гласных.

В результате анализа и кимографических и осциллографических записей было выявлено, что безударные гласные

татарского языка имеют две степени длительности, а гласные под ударением – четыре. Долгие гласные имеют четыре, а краткие – три степени, наибольшей длительностью обладают гласные в абсолютном исходе двухсложных слов и в односложных словах перед спирантами. На длительность гласных татарского языка оказывает влияние также и качество предшествующего гласного.

Приводимая автором таблица классификации согласных звуков исключительно полно и объективно отражает систему согласных татарского языка.

Во второй части работы также инструментальным методом исследуются следующие вопросы: 1) выпадение, оглушение, редукция, протеза гласных; 2) степени длительности, звонкости, спирантности, а также придыхание, сила и слабость артикуляции согласных; 3) словесное ударение.

В дальнейшем экспериментальное изучение фонетического строя татарского языка продолжается в исследованиях Х.Х.Салимова (34,35). В своей кандидатской диссертации «Спектральный анализ татарских гласных» он впервые в татарском языкознании методом фонематического анализа, подтвержденного данными экспериментального анализа, доказал, что гласных фонем в татарском языке двенадцать. Девять из них (*a, ə, y, ɟ, o, ɵ, ы, e, u*) употребляются в исконно татарских словах, а три (*o, э, ы*) в словах, заимствованных из русского языка. Гласный *ый*, до сих пор считавшийся самостоятельной фонемой, представляет собой сочетание двух фонем – гласного *ы* и сонанта *й*.

Сравнение спектральных характеристик позволило автору диссертации сопоставить гласные татарского и русского языков. Оказалось, что русскому *a* по своей акустической природе близок неогубленный оттенок татарского *a*, который встречается в конечных слогах многосложных слов.

Этим же путем было проведено сравнение гласных татарского, азербайджанского, узбекского, казахского, каракалпакского языков.

Исследование модификации татарских гласных позволило ученому сделать следующие выводы:

– наиболее сильные изменения гласные претерпевают под влиянием предшествующих согласных. В то же время и КПЭ гласного претерпевает некоторые изменения в зависимости от последующего согласного;

– гласные, находящиеся в соседстве с губными согласными, огубляются, что выражается в понижении формант;

– заднерядные гласные, находящиеся в соседстве с переднеязычными согласными, характеризуются артикуляцией, выдвинутой вперед. Переходные элементы этих гласных при прослушивании воспринимаются как *ы*. Наиболее передней артикуляцией отличаются переходные участки гласных рядом с переднеязычными *э, с*;

– более заметное влияние на качество переднерядных гласных оказывают увулярные согласные. Под влиянием последних переднерядные гласные становятся более компактными и низкотоновными, близкими к своим заднерядным парам.

Комбинаторные и позиционные изменения гласных, описание звуков татарского языка нашли место в многочисленных научных статьях, учебниках и учебных пособиях Х.Х. Салимова. В 1999 году им был завершен многолетний труд в виде докторской диссертации по экспериментальному исследованию просодической системы татарского языка. В этой работе исследуются следующие вопросы: 1) просодические характеристики татарских звуков; 2) просодия слога; 3) ударение как просодия слова; 4) место ударения; 5) сингармонизм как просодия слова и другие.

Х.Х.Салимов также является автором раздела фонетики татарских грамматик (38,39).

Фонетический строй татарского языка в определенной степени исследовался и диалектологами, которые, изучая и раскрывая особенности того или иного диалекта и говора татарского языка, не могли не сравнивать и фонетические системы диалектов и литературного языка. Диалектологами обычно устанавливаются общие и специфические черты в звуковом составе литературного языка и диалектов, выявляются фонетические явления, которые имеются в диалектах, но отсутствуют в литературном языке и наоборот.

Фонетический строй всех трех диалектов татарского языка описан довольно полно. Средний диалект исследован профессором Л.Заляем в специальной монографии (18). Восточный диалект был объектом монографического исследования Г.Х.Ахатова (6), Д.Г.Тумашевой (41, 42), западный диалект исследовался Л.Т.Махмутовой (28) и др. Фонетическим особенностям касимовского говора посвящены специальные статьи Е.Д.Поливанова (32) и других.

Обращение к фактам из диалектов характерно и для монографии У.Байчуры. При характеристике тех или иных фонем литературного языка он сравнивает их с диалектами, выявляя их особенности (8, с.105,112,113,115).

На богатом исследовательском материале был произведен и сопоставительный анализ звукового состава татарского литературного языка и всех диалектов Г.Ф.Саттаровым (36). Ученый останавливается на общей характеристике гласных и согласных звуков татарского литературного языка, на вопросах о количестве и качестве гласных и согласных, затем дает их сопоставительную классификацию. Из десяти гласных фонем татарского литературного языка и трех фонем, заимствованных из русского языка, десять татарских фонем (*а – ә, у – ы, ы – э, о – ө, ый – и*) в качественном отношении в основном одинаково употребляются и в диалектах татарско-

го языка. Естественно, исключения, отклонения, изменения имеют место. Для системы вокализма диалектов татарского языка характерны: произношение огубленного *a* в начальном слоге среднего диалекта, чистого *a* в западном диалекте, употребление сингармонических параллелей, активность лабиализации в восточном диалекте, наличие некоторых дифтонгов (*yu – eu*) в среднем диалекте, монофтонгизация дифтонга *oy, v, y, u, и*, наличие нисходящих дифтонгов *yu – eu, эй, ou – оу* в восточном диалекте (36, с.143,144).

В области согласных характерными особенностями диалектов Г.Ф.Саттаров считает следующие: широкое употребление «жоканья» в среднем диалекте, «йоканья» – в восточном и западном диалектах, явление оглушения звонких согласных в восточном диалекте; наличие диалектного звука *з* в среднем диалекте, явления «цоканья» и «тчоканья» в восточном и западном диалектах; кроме того, каждый диалект характеризуется согласными, не вошедшими или не употребляющимися в диалектах звуками.

В средний диалект, например, не полностью вошли согласные *х, һ, ң, ҷ, щ*; в восточном диалекте не употребляются литературные *д, з, ж, ж, х, ы, ф, һ, (гамза)*; в западном диалекте полностью не вошедшими являются *щ, х, һ*, а неупотребляющимися являются *к, г, ы* (36, с.144,145).

Таким образом, сопоставительная характеристика звуков литературного языка и диалектов обобщает богатый фактический материал, который так старательно и тщательно собирали наши диалектологи.

Не оставалось в стороне и изучение фонетического строя татарского языка в сопоставлении с русским. В трудах М.Х.Курбангалиева (26), Р.С.Газизова (15), З.М.Валиуллиной (13) и других, посвященных сопоставительному изучению татарского и русского языков, нашла отражение и сопоставительная фонетика. Специфику фонетического строя сопоставляемых языков Р.С.Газизов отмечает в вокализме, консонантизме, закономерностях сочетания гласных и согласных фонем в слоге, в слове и аффиксах (законы сингармонизма, чередований и т.д.), в закономерностях ударения (15, с.5). З.М.Валиуллина более конкретно определяет различия в звуковой системе этих языков, которые сводятся к следующим:

– различное произношение в русском и татарском языках звуков, обозначаемых буквами *а, о, ы, в, к, г, ч*;

– наличие в русском мягких (палатализованных) согласных фонем (*т, д, н* и т.д.), в татарском языке – мягких гласных фонем (*э, ө, у* и т.д.);

– наличие в татарском языке закона сингармонизма, основанного на уподоблении звуков;

– наличие в русском и татарском языках специфических звуков. В русском языке – *ц, щ*; в татарском – *э, ө, у, ж, ң, һ* (13, с.11). Здесь не отмечены специфические татарские фонемы ‘ (*гамза*) и губно-губной фрикативный *w* (*авыл*).

Анализ научной литературы позволяет сделать вывод о том, что звуковой строй современного татарского литературного языка изучен достаточно полно и всесторонне.

Литература

1. Алпаров Г. Шәкли нигездә татар грамматикасы / Г.Алпаров. – Казан: Татиздат, 1926.
2. Алпаров. Г. Хәреф вә имламыз / Г.Алпаров. – Казань: Лито-тип. Бр. Каримовы, 1912.

3. Алпаров Г. Фонетик транскрипцияме, гамели язумы? / Г.Алпаров // Мөга-риф. – 1928. – № 9.
4. Асылгараев Ш.Н., Сафиуллина Ф.С. Некоторые итоги изучения фонетического строя татарского языка / Ш.Н. Асылгараев, Ф.С. Сафиуллина // Вопросы татарского языкознания. – Казань: Изд-во КГПИ, 1971.
5. Афлетунов А.Ш. Фонетика современного татарского языка / А.Ш. Афлетунов. – Казань: Изд-во КГУ, 1962.
6. Ахатов Г.Х. Диалект западно-сибирских татар / Г.Х. Ахатов. – Уфа: Башкирское книгоиздат, 1963.
7. Бакеева Д.Х. Сопоставительный анализ фонетических систем английского и татарского языков в учебных целях / Д.Х. Бакеева // Ученые записки КГУ. – Т.116. – Кн.11. – Казань: Изд-во КГУ, 1956.
8. Байчура У. Звуковой строй татарского языка / У.Байчура. – Часть I. – Казань: Изд-во КГУ, 1956.
9. Байчура У. Звуковой строй татарского языка / У.Байчура. – Часть II. – Казань: Изд-во КГУ, 1961.
10. Богородицкий В.А. Движение тона в словах двухсложных и трехсложных в татарском языке по экспериментальным данным / В.А. Богородицкий // ВНОТ. – 1926. – №4.
11. Богородицкий В.А. Характеристика звукового состава в казанском говоре поволжско-татарского языка в отношении с звуковой системой общерусского языка / В.А. Богородицкий. – Казань: Татиздат, 1919.
12. Богородицкий В.А. О научных задачах татарского языкознания / В.А. Богородицкий. – Казань: Татгосиздат, 1935.
13. Валиуллина З.М. Сопоставительная грамматика русского и татарского языков / З.М. Валиуллина. – Казань: Таткнигоиздат, 1967.
14. Валиди Ж. Татар теленең грамматикасы / Ж.Валиди. – Казань: Электротипография «Миллять» (Курултай), 1919.
15. Газизов Р.С. Сопоставительная грамматика татарского и русского языков / Р.С. Газизов. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1977.
16. Гиганов И. Грамматика татарского языка / И.Гиганов. – Санкт-Петербург: Академия наук, 1801.
17. Жәләй Л. Татар теленең орфоэпик нигезләре / Л.Жәләй. – Казан: Татгосиздат, 1953.
18. Жәләй Л. Татар теленең урта диалекты буенча монография: Докторлык дисс. / Л.Жәләй. – Казан: Татгосиздат, 1952.
19. Жәләй Л. Татар теленең тарихи фонетикасы буенча материаллар / Л.Жәләй. – Казан: Татгосиздат, 1954.
20. Закиев М.З. Татарский язык / М.З. Зәкиев // Языки народов СССР. – Т.2. – М.: Наука, 1966.
21. Ибраһимов Г. Татар сарыфы / Г.Ибраһимов. – Казан: Умид, 1918.
22. Ибрагимов Т.И. Изучение образования слогов и структуры их сочетаний в татарском литературном языке: Дисс... канд. филол. наук. / Т.И. Ибрагимов. – Казань: Изд-во КГУ, 1970.
23. Иванов М. Татарская грамматика / М.Иванов. – Казань: Тип. Императорского Казан. ун-та, 1914.
24. Исхаков Ф.Г. Законы словесного ударения в татарском языке / Ф.Г. Исхаков // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. – Ч. I. – М.: Изд-во АН СССР, 1955.
25. Исхаков Ф.Г. Об отдельных фонемах татарского языка / Ф.Г. Исхаков // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. – Ч. I. – М.: Изд-во АН СССР, 1955.
26. Курбангалиев М.Х., Газизов Р.С. Опыт систематической грамматики татарского языка в сравнении с грамматикой русского языка / М.Х. Курбангалиев, Р.С. Газизов. – Казань: Татиздат, 1931.

27. Курбатов Х.Р. Татар теленең алфавит һәм орфография тарихы / Х.Р. Курбатов. – Казан: Тат. кит. нәшр. 1999.
28. Махмутова Л.Т. Опыт исследования тюркских диалектов (мишарский диалект) / Л.Т. Махмутова. – М.: Наука, 1978.
29. Махмутова Л.Т. Фонетика / Л.Т. Махмутова // Современный татарский литературный язык: лексикология, фонетика, морфология. – М.: Наука, 1969.
30. Насыри К. Әнмүзәж / К.Насыри. – Казан: Лабор. офсетной печати КГПИ, 1975.
31. Нугайбәк Г. Төрлек / Г.Нугайбәк. – Казан: Лито-тип. И.Н. Харитонова, 1911.
32. Поливанов Е.Д. Фонетические особенности касимовского диалекта / Е.Д. Поливанов. – М.: Стеклогр. изд-во, 1923.
33. Радлов В.В. Фонетика северных тюркских языков (на немецком языке) / В.В. Радлов. – Лейпциг, 1883.
34. Салимов Х.Х. Спектральный анализ татарских гласных: Дисс... канд. филол. наук / Х.Х. Салимов. – Казань: Изд-во КГУ, 1974.
35. Салимов Х.Х. Просодическая система татарского языка: Дисс... д-ра филол. наук / Х.Х. Салимов. – Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова, 1999.
36. Саттаров Г.Ф. Сопоставительный анализ звукового состава татарского литературного языка и диалектов / Г.Ф. Саттаров // Вопросы татарского языкознания. – Казань: Изд-во КГУ, 1965.
37. Сафиуллина Ф.С., Зәкиев М.З. Хәзерге татар әдәби теле / Ф.С. Сафиуллина, М.З. Зәкиев. – Казан: Мәгариф, 2002.
38. Татарская грамматика: В 3-х т. – Т.1. – Казань: Полиграф. объединение им. К.Якуба, 1993.
39. Татар грамматикасы. Өч томда. – Т.1. – Мәскәү: Инсан – Казан: Фикер, 1998.
40. Троянский А. Краткая татарская грамматика / А.Троянский. – Казань: Типогр. Коковиной, 1860.
41. Тумашева Д.Г. Көнбатыш Себер татарлары теле / Д.Г. Тумашева. – Казань: Изд-во КГУ, 1961.
42. Тумашева Д.Г. Язык татар Западной Сибири / Д.Г. Тумашева. – Казань: Изд-во КГУ, 1968.
43. Хальфин И. Азбука и грамматика татарского языка / И.Хальфин. – Казань, 1809.
44. Хальфин С. Азбука татарского языка с обстоятельным описанием букв и складов / С.Хальфин. – М.: Мос. унив-т, 1778.
45. Шакирова Р. Ф. Хәзерге татар теле фонетикасына кереш / Р.Ф. Шакирова. – Казан: Таткнигоиздат, 1954.
46. Шараф Г. Палытограммы звуков татарского языка сравнительно с русским / Г.Шараф // ВНОТ. – 1927. – №7.
47. Шараф Г. Сонорная длительность татарских гласных / Г.Шараф // ВНОТ. – 1928. – №8.
48. Юлдашев А.А. Синхроническая и диахроническая характеристика башкирского и татарского вокализма / А.А. Юлдашев // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Фонетика. – М.: Наука, 1984.
49. Яфаров Л.И. Некоторые закономерные тенденции в фонетике татарского языка: Дисс... канд. филол. наук / Л.И. Яфаров. – Казань: КГУ, 1955.
50. Яфаров Л.И. Татар теле үсештә / Л.И. Яфаров. – Казан: Таткнигоиздат, 1957.

Summary

The article is based on the rich sources of innumerable works on phonetics since the XIX century until modern period. It describes the knowledge degree of phonetic system in Modern Tatar literary language, the general and specific features of phonetic structure in Tatar literary language and its dialects.

УДК 373.1.02:372.8

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭВРИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ НА УРОКЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Т.В. Ахматова, кандидат педагогических наук

Урок литературы и творческая деятельность – явления взаимосвязанные, так как анализ художественного произведения – это всегда процесс сотворчества автора и читателя, характер протекания которого зависит от креативных возможностей ученика, условий и способов активизации его читательской позиции. Структура процесса творчества, включающего мотивацию, воображение, творческое мышление, эмоциональность, рефлексию, соответствует этапам постижения произведения. Проблема активизации творческой деятельности учащихся на уроке, в том числе и на уроке литературы, лежит в комплексе педагогических воздействий.

Одним из возможных способов организации креативной образовательной среды на уроке является использование эвристических методов обучения. В контексте урока литературы эвристические методы обучения представляют собой систему педагогических воздействий учителя, направленных на глубинное постижение художественного произведения с опорой на когнитивную и творческую виды деятельности, способствующих формированию у учащихся активной читательской позиции.

Из всех методов эвристического обучения, представленных в классификации А.В. Хуторского, наиболее характерными для уроков литературы являются когнитивные методы познания, и креативные методы, обеспечивающие создание собственных образовательных

продуктов. Среди креативных дидактических выделяет методы, опирающиеся на интуитивный характер («мозговой штурм», метод эмпатии), креативные методы, базирующиеся на выполнении определенных алгоритмов (метод синектики, метод морфологического ящика), и эвристики, позволяющие учащимся находить самостоятельные варианты решения творческих задач (метод гипербололизации, метод агглютинации и др.). Следует отметить, что указанные выше методы являются не единственными, характерными для творческой деятельности учащихся: при изучении объективной реальности (учебной литературы) возможны и элементы исследовательской работы, обеспечивающие новые знания. Наиболее приемлемыми для данного характера деятельности являются когнитивные методы обучения (научные, методы учебных предметов, метапредметные), помогающие исследовать образовательные объекты, активизируя творческое мышление и воображение: метод смыслового видения, метод образного видения, метод символического видения, метод эвристических вопросов, метод сравнения, метод эвристического наблюдения, метод эвристического исследования, метод гипотез, метод ошибок и т. д. Оргдеятельностные методы (метод целеполагания, метод рецензий, контроля, метод рефлексии, самооценки и т. д.) способствуют повышению мотивации процесса познания и стимули-

руют рефлексивную деятельность учащихся.

Возможные варианты заданий и приемы, способствующие реализации эвристических методов на уроке литературы,

представлены нами в таблице №1: «Эвристические методы, приемы и задания, способствующие активизации творческой деятельности учащихся на уроке литературы»

Эвристические методы	Приемы и задания
Метод смыслового видения	Смысловое «вопросание» с целью выявления первопричин, внутреннего смысла изучаемого объекта. Например: Почему Н. В. Гоголь обратился к жанру поэмы для создания «Мертвых душ»? Почему В. Маяковский использует в своих произведениях гиперболу и метафору чаще, чем другие лексические средства выразительности?
Метод образного видения	Задания, стимулирующие воображение: эмоционально-образное видение объекта (например, устное словесное рисование; описание чувств, эмоций, возникших в воображении образов после первого прочтения стихотворения).
Метод вживания	Например, вживание в образ героя произведения. Учащиеся должны рассказать, что чувствовали во время вживания, подбирая слова, цитаты из текста, которые помогли ощутить себя объектом вживания.
Метод эвристических вопросов, метод эвристического диалога	Отыскивание сведений через систему вопросов: Кто? Что? Зачем? Где? Чем? Как? Постановка эвристических вопросов способствует как выявлению уже имеющихся знаний у учащихся, так и добыванию новых в процессе анализа произведения. Данные методы позволяют вычлениить внешние стороны изучаемого объекта (усвоение содержания произведения: пересказ), а также способствуют проникновению в глубь объекта, установлению причинно-следственных связей между отдельными его элементами (анализ эпизода, образов героев, языка, композиции произведения на основе самостоятельного обнаружения учащимися проблем, стимулирующих их поисковую деятельность).
Метод сравнения	Сравнение собственно разработанных версий, самостоятельно разработанного варианта решения проблемы с культурно-историческими аналогами. Учитель должен определить ход анализа, направленного на глубокое проникновение в текст (творческое чтение: например, «чтение с пометками» важных, непонятных мест и т. п.). Синтезирование наработанного материала, составление и сопоставление версий ответов. Обобщение результатов работы. Пример задания: Почему образ души, сердца является доминирующим в раннем творчестве Маяковского? Сравните свой вариант ответа с исследованием Е. Эткинда «Отступление о сердце и душе».

<p>Метод эвристического наблюдения, метод фактов</p>	<p>Работа с учебником, учебной литературой, критическими статьями с целью отбора материала по теме, составление тезисных планов. Результаты наблюдения могут быть отражены в письменных творческих работах (например, подбор материала к сочинению), использованы для докладов на семинаре.</p>
<p>Метод гипотез</p>	<p>Конструирование версий на поставленный вопрос с опорой на интуитивное и логическое мышление. Метод наиболее эффективен для создания эвристической образовательной ситуации.</p>
<p>Метод эвристического исследования</p>	<p>Используются приемы, направленные на исследование художественного мастерства писателя, например языка художественного произведения. Этапы реализации метода: наблюдение за объектом – описание, выявление функций элементов исследуемого объекта – обобщение результатов, рефлексия.</p>
<p>Метод «системного анализа»</p>	<p>Работу с текстом можно организовать с помощью метода «системного анализа»: перед учащимися ставится общая задача, план решения которой разрабатывается самостоятельно или совместно с учителем. Например, в процессе анализа поэмы В. Маяковского «Облако в штанах» перед учащимися ставим следующую познавательную задачу: «Доказать, что в поэме лирический герой В. Маяковского сравнивает себя с образом облака в штанах, так как ощущает себя большим, но еще никому ненужным». Вот возможный вариант решения, который предлагают старшеклассники:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Рассматриваем композицию поэмы, анализируем содержание каждой части. 2. Находим все автохарактеристики лирического героя, выделяем общее. 3. Выясняем, какие художественные приемы использует Маяковский для создания образа лирического героя и их роль. 4. Выделяем особенности композиции: какой композиционный прием использует чаще всего Маяковский, способствует ли он выявлению позиции лирического героя? 5. Составление ответов: «Герой страдает от своего стремления быть содержательным центром, оттого что его «Я» достигает невероятных размеров (Маяковский для создания образа героя использует гиперболу). Это делает его не только грубым, заставляя одеть маску рыжего, гунна, разрушителя, но и нежным, беззащитным и человечным. Вознося себя над всеми, лирический герой превращается в «жилистую громадину», которая не может найти себе любовь, докричаться до других. В поэме прослеживается контраст между «вы» и «я». Толпа нема и безъязыка, нет настоящего искусства, идущего от души, поэтому герой все отрицает: искусство, строй, религию и любовь».

Метод «ключевых слов»	Метод способствует самоактуализации деятельности учащихся в ходе работы над текстом произведения. Алгоритм действий: выделить ключевые слова в тексте, определить связь между ними, связать их с темой. Передать содержание текста одним предложением или составить текст с опорой на ключевые слова.
Метод конструирования правил, метод конструирования понятий, метод конструирования теории	Конструирование понятий, правил в процессе изучения, анализа нового материала. Например, с опорой на лекционный материал и наблюдения учащихся в ходе урока по творчеству поэтов-футуристов сформулировать определение термина «футуризм».
Креативные методы	
Метод «Если бы...»	Ученикам предлагается представить себе и рассказать о том, что произойдет, если в мире что-то изменится. Например, в процессе знакомства с образом Воланда в ходе изучения романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» учащимся можно задать вопрос о том, что произойдет, если в мире исчезнет зло? После обработки ответов (в основном они носят положительный характер) обратить внимание учащихся на эпиграф романа, который заставит старшеклассников по-новому оценить образ Воланда.
Метод агглютинации	Соединение несоединимого стимулирует воображение и творческое мышление учащихся. Например: Представьте себе горячий снег. Почему Ю. Бондарев так назвал свой роман?
Метод «мозгового штурма»	Каждый из учащихся (или группа) должен высказать свою версию по поставленной проблеме, каждая мысль фиксируется, в ходе анализа делается отбор наиболее значимых идей.
Метод синектики	Генерирование аналогий, их использование для понимания проблемы. Например, какие ассоциации вызывает у вас словосочетание «серебряный век»?
Оргдеятельностные методы	
Метод рецензий	Рецензия выступления учащихся, текста учебника, книги, статьи, фильма.
Метод рефлексии	Творческие письменные, исследовательские работы учащихся на заключительном или промежуточном этапе изучения произведения: сочинения различных жанров, рефераты и т. п.

Литература

1. Кудряшев Н. И. Взаимосвязь методов обучения на уроке литературы: Пособие для учителя / Н. И. Кудряшев. – М.: Просвещение, 1981. – 190 с.
2. Хуторской А.В. Дидактическая эвристика. Теория и технология креативного обучения / А.В. Хуторской. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – 416 с.

Summary

The interrelation of creative activity of students at a lesson of the Russian literature and heuristic principals of teaching is theoretically proved in the article by Akhmatova T.V. Some techniques and tasks promoting the realization of heuristic methods that arise students reading activity and their cognitive interests to a lesson of the Russian literature are considered in details.

УДК 371.3

**СПЕЦИФИКА ПРЕПОДАВАНИЯ КУРСОВ «ИСТОРИЯ
ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» И «ИСТОРИЯ РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА»
НА НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТДЕЛЕНИЯХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВУЗОВ**

А.Ф.Галимуллина

Многие студенты-филологи Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета (ТГГПУ, Казань) готовятся работать в школах с нерусским (татарским) языком обучения, поэтому за годы обучения в вузе они должны осознать объективно существующие особенности преподавания русской литературы нерусским студентам. В преподавании историко-литературных курсов на специализированных факультетах, отделениях (группах) таких, как факультет татарской филологии, а также отделения «Русский язык и литература. Родной (татарский) язык и литература» наряду с общими методическими подходами в преподавании русской литературы, необходимо учитывать и специфические, в частности, такие, как явление интерференции, билингвизма; специфики национальных идеалов нерусских студентов. Названные проблемы являются актуальными не только для преподавателей вузов Республики Татарстан, но и для всех вузов России, готовящих кадры для работы в школах с родным (нерусским) языком обучения. Следовательно, при подготовке учителей данной специализации необходимо выявлять взаимосвязь русской и национальных литератур, а также обучать методикам преподавания русской литературе в условиях диалога литератур (культур).

При изучении русской литературы студентами-татарами ряд объективных

факторов осложняет восприятие: временная отдаленность от современных читателей, сложность языка, преодолеть которые позволяет методика произведений литературы Древней Руси и XVIII века, предложенная Д.С.Лихачевым. Отмечая важность и актуальность эстетического изучения памятников древнего искусства, исследователь писал: «Одно из важнейших свидетельств прогресса культуры – развитие понимания культурных ценностей прошлого и культур других национальностей, умение их беречь, накапливать, воспринимать их эстетическую ценность. (...) И это развитие понимания других культур в известной мере сливается с историей гуманизма. Это развитие терпимости в хорошем смысле этого слова, миролюбия, уважения к человеку, укрощения ненависти к другим народам». [Д.С.Лихачев, 1971, с.407]. Такой подход в изучении древнерусской литературы позволяет татарским филологам преодолевать ощущение различий в литературных процессах русской и татарской литератур и, напротив, выявлять непреходящие ценности, такие, как любовь к ближнему, аскетизм, способность нести страдания и жертвы во имя веры, созерцательность, собранность и смирение, а также постижение Бога как абсолютной мудрости и абсолютной красоты, что обуславливает высокую нравственность и патриотизм древнерусских текстов.

Студенты усваивают также преемственную связь литературы Древней Руси и XVIII века с последующей литературой, выявляющуюся на трех уровнях: на тематическом, на уровне стилизации в широком смысле, когда поэты XIX – XX веков сознательно имитируют стиль древних писателей и на третьем, наиболее глубинном уровне, когда реминисценции средневековой литературы проникают в сознание независимо от чьей-либо индивидуальной воли, ибо слились со «стихией, данной нам для сообщения наших мыслей» [Лебедев Е.Н., 1987: С.296].

Диалог внутри литературы не прерывается, преемственность «новой» русской литературы по отношению к традициям древнерусской литературы обуславливается скрытыми возможностями, позволяющими перебросить своеобразный смысловой мост от литературы XVIII – XX веков к средневековой. Одним из путей восстановления традиционных связей является выявление роли мифов в литературе Древней Руси и литературе нового времени: идеологические, социальные, политические, национальные, культурные, авторские.

Большой вклад в изучение регионального компонента литературы и культуры России внесли и продолжают вносить представители научного направления, возглавляемого Ю.Г.Нигматуллиной по системно-комплексному изучению литературы и искусства (возникло в 1970-80-х годах в КГУ, Казань). В трудах казанских исследователей (Ю.Г.Нигматуллиной, С.М.Михайловой) 1970-2000-х годов прослеживается тенденция интеграции гуманитарных и социальных наук, взаимодействие концептуалистики, методологии и приемов исследования, свойственных различным направлениям общественно-научного познания. Так, в трудах С.М.Михайловой по истории общественной мысли, просвещения и просветительства народов Востока России, истории Казанского университета показан

широкий диапазон общих интересов христианской и мусульманской цивилизаций. Парадигма анализа базируется на тезисе о том, что Волго-Уральский регион был местом наиболее пространственной и длительной встречи исламской и христианской по своим основам культур и литератур. Диалог этих культур во времени рассматривается как встреча равных и корневых по происхождению социокультурных и этноконфессиональных общностей, хотя отношения были далеки от бесконфликтности [С.М.Михайлова, 1980, 1991, 1998, 2001; С.М.Михайлова, О.Н.Коршунова, 2001].

При обращении к вопросу традиций в истории русской литературы необходимо учитывать и хорошо разработанные методики и методологию сопоставительного и топологического анализа русской и татарской литератур и в связи с этим сходные закономерности их развития на уровне типов культур и цивилизаций. Выбор татарской литературы для подобного анализа не случаен: связь исторических судеб и культур русского и татарского народов имеет тысячелетнюю историю, когда Киевская Русь и Волжская Булгария были двумя крупными государствами Восточной Европы. Ю.Г.Нигматуллина и представители ее школы в работах последних лет последовательно выявляют парадоксальные на первый взгляд явления типологического сходства на уровне типов цивилизаций и типов культур (и литератур, в частности) народов (русского и татарского), относящихся к разным этносам, исповедующих разные религии, развивающихся в разных социально-политических условиях. Такое сходство обогащает на протяжении многовековой истории взаимодействия обе литературы, дает широкое поле для возникновения интертекстуальных интерпретаций.

При всем различии литератур можно выделить «сквозные» темы, которые на протяжении веков одинаково волно-

вали русских и татарских писателей «старого» и «нового» времени. Постижение Бога, защита Родины и приумножение ее благосостояния, образ вечной Женственности, проблемы Дома, Семьи, Прекрасного, Жизни и Смерти, смысла жизни были и остаются одной из ведущих тем русской и татарской литератур.

В преподавании курсов «История древнерусской литературы» и «История русской литературы XVIII века» на национальных отделениях педагогических вузов необходимо соблюдение следующих методических принципов: 1) поэтапность в работе по формированию представлений о традициях литературы Древней Руси и литературы XVIII века в последующем литературном процессе; 2) учет психолого-педагогических особенностей (уровень развития интеллекта и эмоциональной сферы) личности студентов, необходимые для восприятия средневековой литературы и формирования понятия о преемственных связях новой литературы с древней; 3) использование убедительных фактов о сходных явлениях в русской и родной литературах, их взаимосвязях; 4) выявление произведений, сходных по тематике, близких в проблемном и жанровом отношении, а также сравнение произведений, варьирующих общую тему на различном национальном материале; 5) обращение к переводам произведений на русском или татарском языках; 6) при разработке форм и приемов проведения

занятий доминирующим считать лично-стотно-деятельностный принцип обучения, а также обеспечивать интенсивную эмоциональную и интеллектуальную работу студентов; 7) использование мультимедийных технологий в изучении традиций в русском литературном процессе, что позволит повысить и стимулировать интерес студентов, активизировать мыслительную деятельность и эффективность усвоения материала, моделировать и визуализировать абстрактные понятия и процессы, индивидуализировать обучение, повысить скорость изложения и усвоения информации, а также вести экстренную коррекцию. Этот принцип особенно важен при работе с национальной аудиторией, потому что образное мышление нерусских студентов формируется во многом под воздействием родной литературы, национальной культуры, национальных традиций. В связи с этим возрастает роль визуальных средств, которые способствуют максимальной психологической мобилизации.

Преподавание литературы Древней Руси и XVIII века с учетом специфики восприятия студентов национальных отделений педагогических вузов способствует формированию гуманитарного мышления, которое является в современном обществе одной из предпосылок преодоления кризиса современной культуры.

Литература

1. Демин А.С. О художественности древнерусской литературы / А.С.Демин. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 848 с.
2. Лебедев Е.Н. М.В.Ломоносов и русские поэты XIX века / Е.Н.Лебедев // Ломоносов и русская литература / Отв. ред. А.С.Курилов. – М.: Наука, 1987. – С.296–339.
3. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы / Д.С.Лихачев – Л.: Худож. лит., 1971. – 412 с.
4. Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени / Д.С.Лихачев. – Л.: Худож. лит., 1978. – 360 с.

5. Михайлова С.М. Труды казанских востоковедов как один из источников изучения татарской литературы / С.М.Михайлова // Проблема комплексности изучения татарской литературы. – Казань, 1980.
6. Михайлова С.М. Казанский университет в духовной культуре народов Востока России / С.М.Михайлова. – Казань, 1991.
7. Михайлова С.М., Коршунова О.Н. Культурология / С.М.Михайлова, О.Н.Коршунова. – Казань, 1998.
8. Михайлова С.М. Культура мусульманских народов России в контексте исторического взаимодействия цивилизаций / С.М.Михайлова //Ислам и христианство в диалоге культур на рубеже тысячелетий. – Казань, 2001.
9. Михайлова С.М., Коршунова О.Н. Поволжье и Приуралье: культура многонациональной провинции / С.М.Михайлова, О.Н.Коршунова. – Казань, 2001.
10. Нигматуллина Ю.Г. Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской культур / Ю.Г.Нигматуллина. – Казань: Фэн, 1997.

Summary

This article deals with the problems of teaching Ancient Russian literature and Literature of the XVIII century in the national departments of pedagogical Institutes. Studying the Russian literature the future teachers of Tatar language and literature should take into account the following factors: the phenomenon of interference, bilingual principle etc. Therefore, it is necessary to find out the correlation between Russian and national (Tatar) literatures. The students should know the methods of teaching the Russian literature in the context of cultural dialogue.

УДК 81'373

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СОСТАВНЫХ ГЛАГОЛОВ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ И ПРОБЛЕМА ИХ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ

Ф.А.Ганиев, доктор филологических наук, член-корр. АН РТ

В 60-х годах XX века большинство алтаистов считало, что в алтайских языках имеется категория совершенного и несовершенного видов. Защищались диссертации, публиковались книги и писались статьи, в которых утверждалось, что в тюркских языках имеется данная грамматическая категория. В Алма-Ате даже прошла Всесоюзная конференция (1958) по данной проблеме. В ее резолюции подчеркивалась необходимость исследования категории вида в тюркских языках.

Как известно, видные тюркологи В.А.Боровков, К.Н.Дмитриев полагали, что в тюркских языках имеет место категория совершенного и несовершенного видов как и в русском языке. Большинство специалистов вслед за ними писали диссертации и публиковали труды о том, что в тюркских языках имеется грамматическая категория вида и он в основном выражается составными глаголами (А.А. Юлдашев, Р.И. Терегулова, К.З. Ахмеров – башкирский язык; Г.Ш. Шарипов – узбекский язык; И.Е. Маманов – казахский язык; М.К. Уюкбаев – казахский язык; Д. Бердыев – туркменский язык и др.).

То же самое происходило в монголоведении. Так, Г.Д.Санжеев в «Грамматике бурятского языка» (1962) пишет, что наряду с синтетическими в бурятском языке имеет место аналитическое выражение видовых значений посредством сочетания формы соединительного деепричастия от основы знаменатель-

ного глагола с основами некоторых служебных или вспомогательных глаголов, например *ябажба бай* «ходить». По мнению автора, эти образования являются формами глагола, а не первичными новыми самостоятельными глаголами. Видовые основы лишены словообразовательной способности. Однако во втором томе «Сравнительной грамматики монгольских языков» Г.Д. Санжеев пишет, что такой составной глагол членим на значительную и служебную части, или компоненты (*кудалдук аба* «покупать», *очиджу ирэ* «сходить», *унчииджу баай* «читать»). Как видно, автор уже несколько иначе трактует составной глагол.

М.Т. Онджанова в своей кандидатской диссертации (1962) рассматривает составные глаголы калмыцкого языка лишь как аналитические формы, выражающие грамматическое значение.

Монголовед Т.А. Бертагаев, касаясь таких образований, отмечает: «Так как эти сращенные сочетания обладают всеми признаками глаголов и ничем по существу от них не отличаются ..., то их следует рассматривать как особую группу глагольных сочетаний и именовать их глагольными идиомами» (Бертагаев. К исследованию лексики монгольских языков. 1961, с. 95).

Фактически всеми исследователями бурятского языка единодушно признано, что в бурятском языке существует морфологически выраженная категория вида (Шагдарова Д.А. АДД. Лексико-

фразеологическая система бурятского языка: сопоставительный аспект (на материале переводов и двуязычных словарей). Улан-Уде, 2007, с. 18).

По мнению Д.А.Шагдаровой, составные глаголы, состоящие из преверба и вспомогательного глагола: *мулта татаха* «выдернуть» (букв. выдерь-вынуть), *шуу татаха* «разорвать» (букв. разорв-тянуть), *хаха сахихо* «расколоть» (букв. расколь-бить) (там же, с. 20) напоминают суффиксальные глаголы.

Такой подход существовал довольно долго как в тюркологии, так и в монголоведении.

В настоящее время считается практически уже общепринятым, что категория совершенного и несовершенного видов отсутствует в тюркских и монгольских языках. Те лингвисты, которые алтайским языкам приписывали категорию совершенного и несовершенного видов, основным средством ее выражения считали сочетание (комбинацию) деепричастных форм основного глагола с вспомогательными глаголами. В действительности же эти комбинации представляют собой один из видов сложных глаголов – составные глаголы и не являются средством выражения видов.

Составные глаголы в одних языках отсутствуют (например, в немецком), в других (например, в японском и языке хинди) очень распространены.

Интересно отметить, что в тех языках, где наличествуют приставки, как правило, имеется категория совершенного и несовершенного вида. В языках, где значение (семантика) основного глагола модифицируется вспомогательными глаголами, стоящими за основным глаголом, как нам известно, указанная грамматическая категория не наблюдается.

Вспомогательные глаголы, которые модифицируют значение основного глагола, некоторые тюркологи совершенно правильно называют модифицирующими глаголами.

Индолог А.П.Баранников, например, пишет, что этот тип сложных глаголов представляет оригинальное явление хинди, широко распространенное в языке. Сложные глаголы этого типа составляют не менее половины всех глаголов, являющихся в любом тексте, в любом проявлении в речи. Сущность образования этого типа сложных глаголов состоит в следующем: основа любого глагола соединяется с формами одного из немногих глаголов, употребляющихся в качестве вторых элементов сложных глаголов, которые называются образующими глаголами. Значение производного таким путем сложного глагола равно значению первого глагола ... определенным образом, модифицированному и уточненному значением второго, «образующего глагола» (А.П.Баранников. Хиндустани (грамматика) Л., 1993, с. 106).

Видный специалист по японскому языку А.А.Пашковский в статье «Классификация японских сложных слов» отмечает, что «сложение основ столь же широко используется при образовании глаголов». Об этом сообщают прежде всего словари (как видно, в японском языке их включают в словари), где рядом с простым глаголом, например, *каку* «писать» имеются многочисленные образования:

какидасу «начинать писать» – *язабашлау*;

какиреру «выписывать» – *язып алу*;

какисозру «приписать» – *язып кую*;

какимуцу «переписать» – *күчереп язу*;

какимоосу «написать снова» – *яңадан язу*;

какимуку «выписать» – *күчереп алу*;

какимотосу «пропустить при письме» – *язганда төшереп калдыру*;

какитигаэру «неправильно писать» – *ялгыш язу* и др. (Японский лингвистический сборник. – М., 1959, с. 36).

Точно такое же явление наблюдается в тюркских языках.

Татарский язык: *укып чыгарга* «прочитать», *каушан төшәргә* «растеряться», *язып куярга* «записать» и т.д.; башкирский язык: *язып куйыу* «записать», *язып бөтәү* «дописать», *килешеп тороу* «подходить, быть к лицу»; турецкий язык: *şaşırıp kalmak* «растеряться», *uzanıp gitmek* «простираться»; чувашский язык: *вуласа тух* «прочитать», *сырси хур* «записать», *саватса кай* «уводить», *саватса шух* «выводить»; алтайский язык: *алып келди* «принес – взяв, принес» и т.д. Можно привести примеры и из монгольских языков: *авч нарх* «вынести – взяв, выйти», *чирж нарх* «вытаскивать», *наадат нарх* «начать играть» (калмыцкий язык); *бешеже аваха* «записать», *ниидэже гараха* «пролететь» (монгольский язык) и т.д.

Определенную трудность представляет определение составных глаголов, то есть установление их отличия от сложных единиц: от свободных глагольных словосочетаний и модальных сочетаний.

Во-первых, как известно, в свободных глагольных словосочетаниях деепричастие выражает обстоятельство, а следующий за ним глагол – основное действие. В этом случае деепричастие может являться обстоятельством образа действия, состояния, причины, примыкающий к ним глагол другим каким-нибудь членом предложения, чаще в личной форме – сказуемым: *Бу хатны ничек башларга белмичә озак аптырап утырдык.* (Г.Бәширов).

Следует отметить, что в сочетании член предложения образа действия и сказуемое могут разделяться третьим словом без ущерба для значения и цельности предложения: *Бу хатны ничек язарга белмичә, бер-беребезгә карашып, бик озак аптырап утырдык.*

Во-вторых, деепричастие и следующий за ним глагол выражают последовательное или параллельное действие: *Ул жылтерәп кенә чыгып, сыерын ябып, юынып керде* (Г.Бәширов). В выше-

приведенном примере конструкция «деепричастие и глагол в личной форме» выражает последовательное действие. По виду напоминает составной глагол, но им она не является, ибо между ними можно поставить самостоятельное слово, что противоречит лексемности конструкции в татарском языке: *Ул жылтерәп кенә чыгып, сыерын ябып, юынып, чоланның ишеген бикләп керде.*

В то же время необходимо отличать составные глаголы от сложных форм глаголов, от сложных временных и модальных форм. Так, временные формы *барган иде, бара иде, барачак иде* и т.п. не представляют собой новых лексических единиц. Модальные формы также не являются лексическими единицами (*бара ала, килә ала, яза ала* и т.п.).

Принципу сложных слов в тюркских языках, в том числе в татарском языке, отвечают составные глаголы, которые характеризуются цельюоформленностью (Смирницкий А.И. К вопросу о слове / Труды Института языкознания АН СССР. – Т. 4, 5. – 1954, с.4).

Составные глаголы обладают несколькими признаками, совокупность которых и дает сложное слово.

Во-первых, в предложении они выражают одно единое значение: *Мин бу китапны укып чыктым* «Я прочитал эту книгу». В данном предложении составной глагол *укып чыктым*, как и русский приставочный глагол *прочитал*, выражает одну единую семантику. Значение некоторых составных глаголов в татарском языке может представлять простую сумму значений компонентов. Как пишет О.С.Ахманова: «В отличие, например, от фразеологических сращений, сложные слова могут быть совсем неидиоматичными: их значение может совпадать с совокупностью значений частей их построения» (Ахманова О.С. К вопросу об отличии слов от фразеологических единиц. – Труды Института языкознания АН СССР, т.IV, М., 1954, с.51).

Значение некоторых составных глаголов также может представлять простую сумму их значений: *язып бетердем* «дописал», *ашап бетердем* «съел». Но значение большинства составных глаголов является идиоматичным, т.е. значение их не может быть выведено прямо из значений составляющих компонентов, например, *укуп чыгарга* «прочитать», *каушый төшәргә* «растеряться», *карап алырга* «взглянуть».

Во-вторых, в предложении они выступают как единый один член предложения. В данном предложении составной глагол *укуп чыктым* является сказуемым.

В-третьих, в составных глаголах невозможно обнаружить синтаксические взаимоотношения между компонентами, как это имеет место между свободными глагольными словосочетаниями. Например, в составном глаголе *укуп чыктым* не наблюдается никаких синтаксических связей, то есть какой-нибудь, например, подчинительной связи. В свободном глагольном словосочетании, например, *аптырап утырдык*, имеется связь образа действия *аптырап* со сказуемым *утырдык* «сидели».

В-четвертых, компоненты составных глаголов характеризуются наличием взаимообусловленности и взаимопроникновения, поскольку второй компонент в составных глаголах уточняет значение основного глагола и относится только к нему, без чего этот компонент не может существовать, не нарушив цельности предложения. Например, в предложении *Мин бу китапны укуп чыктым* компонент *чыктым* не может существовать самостоятельно. Так, например, нельзя говорить без ущерба значению *бу китапны чыктым*. Это обстоятельство связано наличием взаимообусловленности и взаимопроникновения между компонентами составных глаголов, чего не обнаруживается в свободных глагольных словосочетаниях, хотя и схожих по форме с составными глаголами.

Поскольку в свободных словосочетаниях глагол в личной форме (второй глагол сочетания) является членом предложения и соотносён с другими членами предложения, относится не только к деепричастию, но и ко всему предложению, он может существовать в предложении самостоятельно, без деепричастия. Это объясняется тем, что между деепричастием и следующим за ним глаголом не имеется взаимообусловленности и взаимопроникновения, как в составных глаголах. Например, в предложении *Бу хатны ничек башларга белмичә бик озак аптырап утырдык* (Г.Бәширов) «долго сидели мы, растерявшись, не зная как начать это письмо» деепричастие свободного глагольного сочетания можно опустить – *Бу хатны ничек башларга белмичә бик озак утырдык*. Как видно, цельность предложения не нарушается, что невозможно при составных глаголах.

В-пятых, составные глаголы имеют единое ударение, их компоненты цементируются общим главным ударением на последнем слоге первой части глагола: *уку'п чыгарга* 'прочитать', *кауша'п төшәргә* 'растеряться'. На этот признак сложных слов обратил внимание исследователь Г.Шараф, который писал: «Действительно, слова, подчиненные общему ударению, в тюркских языках по ряду признаков являются как бы едиными словами. В частности, слова, подчиненные единому ударению, не допускают изменения порядка их взаимного расположения без совершенной потери или сильного изменения смысла сочетания» (Шараф Г. Сонорная длительность татарских гласных. – Вестник научного общества татароведения. – Казань, 1928. – С. 252).

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, можно сказать следующее. Составные глаголы, как лексические единицы языка, характеризуются следующими признаками: 1) выражают одно единое значение; 2) выступают как

один член предложения; 3) компоненты составных глаголов не могут выступать отдельно, то есть располагаться дистантно; 4) между компонентами составных глаголов нельзя ставить третье знаменательное слово без ущерба для значения. Между ними могут включаться лишь усилительные или ограничительные частицы; 5) компоненты составных глаголов характеризуются взаимообусловленностью и взаимопроникновением; 6) общим единым ударением. Все это говорит о том, что они в тюркских языках являются самостоятельными сложными словами, то есть лексическими единицами. В настоящее время составные глаголы во многих тюркских языках будто бы признаны самостоятельными лексическими единицами. Но не сделаны еще до конца практические выводы. Составные глаголы, как самостоятельные слова тюркских языков, все еще не занимают свое достойное место ни в толковых, ни в тюрко-русских словарях. Это является досадным упущением тюркских словарей. Как указывалось выше, в одних языках значение основного глагола модифицируется приставками (русский, немецкий и др. языки), в других вспомогательными (модифицирующими) глаголами (алтайские языки, японский язык и язык хинди), но от этого они не перестают быть самостоятельными лексическими единицами.

В тюркских и также в монгольских языках их количество по самым скромным подсчетам доходит до нескольких тысяч слов. По причине того, что они не включаются в словари, лексика тюркских языков выглядит не особенно бо-

гатой, однако на деле это совсем не так. Во многих тюркских языках слабо разработана теория сложных слов, в том числе теория составных глаголов, в то время в лексике глаголов тюркских языков составных глаголов в несколько раз больше, чем простых.

Чем же объяснить то, что хотя в настоящее время в тюркологии возникло понимание составных глаголов как лексических единиц, их не включают в словари.

Во-первых, нам кажется, что над тюркологами довлеет авторитет корифеев ученых-тюркологов, которые указанные конструкции рассматривали как формы категории совершенного и несовершенного видов, исключали их лексемность. Современные ученые-тюркологи никак не могут выйти из этого заколдованного круга. Во-вторых, дело в том, что составные глаголы очень тонкое явление в тюркских языках, без тщательного вдумчивого изучения их можно принять за аналитические модальные формы, за свободные глагольные сочетания. Но в тюркологии имеются отдельные примеры, когда уже появляются словари, в которые включаются составные глаголы (Однотомный «Толковый словарь татарского языка». Казань, 2005. – 143 печ.л.). Перед тюркологией стоит проблема многоаспектного исследования составных глаголов многих тюркских языков, определить их различия от схожих им конструкций и на этой основе начинать их включать в словари. Нам представляется, что настало время для такой насущной работы.

Литература

1. Ганиев Ф.А. Видовая характеристика глаголов татарского языка. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1963. – 180 с.
2. Богородицкий В.А. Введение в татарское языкознание. – Казань, 1953. – С. 170.
3. Баскаков А. Грамматика уйгурского языка. – Л., 1935. – С. 176.
4. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М. – Л., 1948. – С. 196.
5. Терезулова Р.К., Ахмеров К.З. Сравнительная грамматика русского и башкирского языков. – Уфа, 1953. – С. 124.

6. Юлдашев А.А. Категория глагольного вида в башкирском языке / Вопросы грамматического строя. – М., 1955. – С. 378.
7. Шарипов Г.Ш. Категория глагольного вида в узбекском литературном языке. АКД, М., 1945.
8. Маманов И.Е. Вспомогательные глаголы в казахском языке, АКД, Л., 1947.
9. Уюкбаев М.К. Категория глагольного вида в современном казахском языке. АКД, Алма-Ата, 1954.
10. Бердыев Д. Категория глагольного вида в современном туркменском языке. АКД, Ашхабад, 1960.
11. Санжеев Г.Д. Грамматика бурятского языка. – М., 1962.
12. Бертагаев Т.А. К исследованию лексики монгольских языков, 1961. – С. 95.
13. Шагдарова Д.А. Лексико-грамматическая система бурятского языка: сопоставительный аспект (на материале переводов и двуязычных словарей). АДД. Улан-Уде, 2007. – С. 18.
14. Баранников А.П. Хиндустани (грамматика). – Л., 1934. – С.106.
15. Пашковский А.А. Классификация японских сложных слов / Японский лингвистический сборник. – М., 1959. – С. 36.
16. Насилов Д.М. Проблемы тюркской аспектологии: акциональность. АДД. – М., 1948.

Summary

Until recently many turcologists have not recognized composite verbs as lexical units of the language. At present linguistic nature of these verbs is being studied wider and deeper and there have been established criteria for distinguishing them as complex lexical units. Nevertheless, they are not yet included in Turkic dictionaries.

Composite verbs of similar type also exist in Japanese (A.A.Peshkovskiy) and in Hindi (A.P. Barannikov). These units are studied within grammars of these languages and included in their dictionaries. By their structure and meaning Turkic composite verbs do not differ in any way from those of the abovementioned languages. They constitute a very rich part of the Turkic lexicon and have already been included in some dictionaries, more specifically, Explanatory Dictionary of Tatar. We believe, it's high time they were included in dictionaries of other Turkic languages as well.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ТЮРКОВ И ТАТАР

УДК 314(091); 314: 93/94

**ДРЕВНЕЙШИЕ ЭТНИЧЕСКИЕ КОРНИ
ТЮРКОВ ПО ДАННЫМ ЛИНГВОАРХЕОЛОГИИ***

М.З.Закиев, доктор филологических наук, академик АН РТ

В установлении древнейших этнических корней любого народа решающее значение имеют результаты антропологических, археологических, этнологических, мифологических, лингвистических исследований. В традиционной исторической науке предпочтение отдается археологическим исследованиям, объектом которых являются обнаруживаемые остатки материальной культуры. Но для определения этнических корней изучаемого народа, а также этнического состава древнего населения памятники материальной культуры без лингвистических данных оказываются немymi. Применение лингвистических данных для получения информации о древнейшем, дописьменном, периоде истории носителей языка в индоевропейстике началось еще в середине XIX века. Это историческое направление называлось лингвистической палеонтологией (лингвопалеонтологией). Поскольку это направление наряду с археологией относится к исторической науке, постольку считаем необходимым назвать его лингвистической археологией. Археология изучает обнаруженные древние памятники материальной культуры, а лингво-

археология – обнаруженные древние языковые единицы.

Лингвистическая археология подвергает исследованию в основном древние ономастические единицы, а именно, антропонимику, топонимику, зоонимику, космонимику, этнонимику. В данном случае нас интересуют выводы лингвоархеологии в области этнонимики, которая способствует исследованию древнейшей истории тюрков – глубоких этнических корней современных тюркоязычных народов.

Лингвоархеологическое изучение тюркских этнонимов позволило установить самые древние первичные тюркские этнонимы и способы образования на их основе вторичных и третичных этнонимов. Так, самыми древними первичными этнонимами тюрков оказались *ар/ир* 'мужчины, люди', *ас* (варианты: *яс, аз, уз, иш* и др.) 'молодые', *сак/сака* (варианты: *чак, хак, зак, дак, сой*) 'род, племя', *сюн* (варианты: *хун, сан, зан, шан* и др.) 'человек', *ок* (варианты: *ак, ык, ик, эк*) 'племя', *би* (варианты: *пи, бек, биг, бай*, для Ср. Азии *парды/варлы*) 'богатые', *мен/мин/бен* 'наши, люди', *киши* 'человек, чужой', *канг/каң* 'прародите-

*Как известно, автор данной статьи и раньше неоднократно высказывался по этой сложной, спорной и малоразработанной теме. Редакция полагает, что поднятые в статье проблемы остро нуждаются во всестороннем обсуждении, и надеется, что соответствующие специалисты-историки по древнейшему периоду, а также компетентные лингвисты широкого профиля – тюркологи, монголисты, иранисты, м.б. и синологи и т.д. – примут активное участие в их обсуждении, т.к. лишь в результате научного спора мы можем приблизиться к истине. Добро пожаловать к обсуждению проблемы. – *Ред.*

ли'. Путем уточнения этих этнонимов различными определениями или аффиксом обладания – *лык/дык/–тык/–лы/–ды/–ты/–т* образовалось очень много вторичных, третичных этнонимов. Например, *суб-ар>сумар>сумер>шумер>-сабир>сибир*; *суар /шуар /шор'* речные люди', *даг+ар/тохар* 'горные люди', *су+ас* 'речные асы', *ко+сак/казах* 'белые саки', *сака+ды/скыды* (рус. *скиф*), *ку-сюн/ко+сюн/косан* 'белые сюны/хуны', *ту+эр+ок-+туэрк/тюрк* 'племена горных людей', *кас+ни* 'богатые скалистых гор', *бар+ды, нар+ды/парды* 'богатые (рус. *парфян*), *тюркмен* 'тюркские мены', *кукиши* 'белые люди', *канг+ар* 'древние люди' и т.д. [Подробно см. 4, с.51–75; 11, с. 59–88].

В традиционной тюркологии установление этнических корней тюрков идентифицируется с определением так называемой прародины тюрков, откуда тюрки якобы расселены по всей Евразии. Так, в настоящее время различными тюркологами прародиной тюрков считаются: 1) регион Тянь-Шанских гор, 2) Передняя Азия, 3) Центральная Азия, 4) Южная Сибирь, 5) Прибайкалье, 6) Урало-Поволжье, 7) Восточная Европа, 8) Алтайские горы [9, с. 55–65].

Время существования первых семи прародин отнесено к IV–III тысячелетиям до н.э., [6, с.22–27; 10, с. 10–17], лишь Алтайская прародина относилась якобы к VI–VIII вв. н.э. [5, с. 416]. Поэтому самым неудачным и ошибочным является мнение об алтайской прародине тюрков, оно появилось в результате неумения отличить слово от его содержания, т.е. смешения самого народа с его названием. Название *тюрк* распространилось действительно только в VI–VIII вв. во время правления двух Тюркских каганатов, а тюркоязычные племена оставили свой след еще в IV тысячелетии до н.э. под различными названиями.

Кроме того, сколько бы ни старались, ни одному народу определить свою прародину еще не удалось, и по их

переселению из прародины в другие регионы нет единого мнения. Поэтому разумнее было бы предположить, что различные тюркоязычные племена еще до появления производительного труда в период отсутствия государств и их границ распространились по всей Евразии и жили вперемешку с другими племенами. При этом процесс смешения способствовал биологическому их выживанию. Где-то нетюркоязычные племена ассимилировали тюрков, в результате там образовались нетюркские регионы, где-то тюрки ассимилировали нетюркоязычные народы, и там образовались тюркские регионы, где в течение многих веков состав тюркских племен оставался неизменным; по мнению известного датского историка П.Ф.Сума, «менялись лишь их общие наименования в результате того, что одно племя брало перевес над другими, например, скифы, сарматы, аланы, гунны, хазары, куманы, болгары, татары – суть общие имена, которые следовали одно за другим» [8, с. 15].

В результате ассимиляции тюрками других нетюркоязычных племен еще в IV тысячелетии до н.э. преимущественно тюркскими стали следующие регионы: Северо-Восточная Сибирь, Юго-Восточная Сибирь, Юго-Западная Сибирь, Западная Сибирь, Уйгурская часть Центральной Азии, Средняя, Передняя, Малая Азия, Балканский полуостров, Восточная Европа. Но усиление нетюркоязычных племен и народов привело к тому, что некоторые тюркские регионы постепенно становились нетюркскими.

По итогам лингвоархеологических исследований мы знаем, что в тюркских регионах еще в III–II вв. до н.э. создавались племенные союзы и государства или эти регионы подпадали под гегемонию различных тюркских племенных союзов и государств, даже империй. Перечислим их.

1. Известное в истории первое государство создали племена *ар* или *ир* 'мужчины, люди'. Необходимо сразу заметить, что в традиционной исторической науке этноним *ар* принят в форме *арий* и считается названием индоиранских народов. Но мои исследования показали, что у индоиранских народов нет ни одного этнонима, образованного на его основе (*иран* – это тюркское 'человек-богатырь'), в тюркских языках имеется около 40 тюркских этнонимов, содержащих в своем составе слово *ар/ир*. Поэтому приходится признать, что племена, носящие этноним на *ар/ир*, безусловно, являются тюркоязычными.

Племена, этнонимы которых содержат слово *ар/ир*, были распространены во всех тюркских регионах Евразии, а именно в Малой Азии – *тавр*, *тюрк*, в Передней Азии – *субар/сумер/шумер*, в Средней Азии – *ар/ир*, *сакар*, *окар/огур*, *уйгур*, *тохар*, *хуар-ас-м/суар-асм/хорезм*, *гандар/ханлыар*, в Центральной Азии – *татар*, *шор/суар*, в Восточной Европе – *биар*, *булгар*, *мишар*, *хоногур*, *суар*, в Западной Сибири – *сабир*, *сибир*, на Кавказе – *балкар*, *азар*, *гугар*, на Балканах – *акацир*, *трак/ту-ар-ок*.

Первым государством, созданным племенами *субар/сумер* еще в V–IV тысячелетиях до н.э., было государство сумеров/шумеров, гегемония которого, по-видимому, была распространена по всему тюркскому региону.

2. Почти во всех тюркских регионах во II тысячелетии до н.э. зафиксированы саки/скифы. В VIII в. до н.э. образовалась целая империя скифов. Этот этноним только на русском языке применяется в такой форме. На самом деле во всех источниках он обозначен как *скиде*. В древнерусском языке интердентальный звук [д-th] чередовался со звуком [ф], поэтому в русском языке он принял форму *скиф*. Если провести лингвистический анализ этнонима *скиде*, то в нем легко различить аффикс

–ды, который является синонимом современного аффикса –лы (ср. тат. *таллы курган*, казах. *талды курган*). По сообщению Геродота мы знаем, что скидов (скифов) по-другому называли *саками* (*сак* или *сака*). Исходя из этого, корень слова *скиде* (ски) фонетически можно идентифицировать с этнонимом *сака/сак*. Следовательно, этноним *скиде* первоначально произносился как *сакады*, затем *съкъды*. *Скиде* означает, что здесь жили различные племена, в составе которых племена *сака* занимали ведущее место.

В Евразии, в том числе и в Урало-Поволжье, этноним *сак* сохранился в слове *кыусак*>*кыфсак*>*кыпчак*, а в Казахстане в этнониме *казах*>*косак*>*кыусак*, в Средней Азии в этнониме *согды*, *сугдак*, в этнониме *сакар* 'сакские люди' (часть туркмен). Урало-Поволжский миф *сак-сук* также имеет отношение к этому этнониму.

3. В тюркских регионах с древнейших времен жили тюркские племена *ас* 'сын, молодой'. На Средней Волге они построили город *Аслы* (Асил/Ашил). Здесь с древнейших времен зафиксированы племена *суас* 'водные асы', и *бортас* 'асы, занимающиеся бортничеством'. Среди булгар асы занимали значительное место, ногайцы формировались в основном из асов. Асы параллельно назывались аланами. Этноним *алан* в тюркских регионах сохранился во многих топонимах.

В V–IV вв. до н.э. среди тюркских племен во главе со скифами (скидами/саками) господствующее положение занимают асы-аланы, скифская империя переходит в их руки. Империя алан-асов в греческих источниках называется Сарматией.

Асское государство процветало на территории Туркменистана, название города Асхабад/Ашхабад (как и город Астрахань) также содержит этот этноним. Балкары называют себя аланами, а осе-

тины называют их асами. Восточная часть Сарматии была тесно связана и с Хорезмом, это и понятно, ведь топоним *Хорезм* содержит в своем составе и этноним *ас*: *Хуар-ас-м* < *суар-ас-м* 'мой суарас'.

4. В тюркских регионах во II–I тысячелетиях до н.э. зафиксированы тюркские племена под названием *сюн* и в результате чередования [с-h] оно вошло в историю как *хун/хунну/хуны/гуны*. Для выражения различных сюнов этот этноним принимает различные определения, и при определениях этот этноним приобретает формы *сан, сян, зан, йан, жан, чан, чын* и т.д. Например, *сусан/жужан, сянби, сюнле* > *ченле* > *чаллы, кусан, кусян, косан, казан, кушан* и т.д. Этноним *кусан* 'белые сюны, белые гунны' в русской научной литературе принят в форме *кушан*.

Кусаны 'белые сюны' Средней Азии идентифицируются с тохарами 'горными людьми' и усунями (ас+сюнями). Еще во II–I вв. до н.э. кусаны вместе с усунями и тохарами завоевали Греко-Бактрийское царство, созданное Александром Македонским, на его месте создали Кусанское (Кушанское) царство, которое в I–II вв. н.э. превращается в могучую среднеазиатско-индийскую империю.

В Среднем Поволжье кусаны жили еще во II–I тысячелетиях до н.э. Когда начали создаваться русские летописи, в них название *Казань* впервые дается в форме *Кусян*. По-видимому, в Среднем Поволжье кусаны еще раньше имели племенной союз, может быть, даже государство, ибо эти кусаны, имея сильную армию, добрались до Средней Азии и во II в. до н.э. добились ликвидации Греко-Бактрийского государства. Ученые отмечают, что разгромившие армию этого государства *кусаны* и *усуни* пришли сюда с Севера, и они, в отличие от среднеазиатских народов, были белолицыми.

Созданные кусанами города называются *Кусан, Косан, Касан, Кошан, Кушан, Хушан* и т.д. Еще до н.э. кусаны и в Ферганской долине, и на Средней Волге заложили свои знаменитые поселения, которые переросли в города в Ферганской долине – в самом начале н.э., а на Средней Волге – в конце X в. н.э.

Таким образом, *сюны* в Урало-Поволжье оставили свой след в гидронимах *Сюн, Сарысюн 'Царицын', Кошан*, в топонимах *Казан, Кошан*.

5. В тюркских регионах еще до н.э. жили тюркские племена, носившие этнонимы *бай* (*бэк/май/бик/бей/би/ни/ми*) 'богатые' и *барды* 'богатые'. Слово *барды/парды* образовано от корня *бар/пар* 'есть, достаток' и аффикса *-лы/-ды*; в огузских языках *барлы/варлы* применяется в значении 'богатый', у них в этом значении слово *бай/ни* не употребляется. Этноним *барды/парды* только в русском языке принят как *парфы/парфяне*, ибо звук [д-th] в древнерусском языке передавался через [ф]. В других языках *парды/барды* принят в исконной форме, так, даже в англ. языке *парды* во мн. числе звучит как *Parthians*.

Парды в середине III в. до н.э. на юге и юго-востоке Каспийского моря создали мощную империю, которая охватывала обширные области от Месопотамии до границ Индии. Парды вместе с хорезмийцами (*хуар+асами*) распространили свою гегемонию в регионы Прикамья и Кавказа. От них в Прикамье остались племена *барды*, которые сейчас называются *барды татарлары* или *барды башкортлары*.

Племена *бай/би/бек* очень тесно были связаны с племенами *барды* 'богатые'. Эти байлары по-другому назывались *биарами*: *би-ар* 'богатые люди'. *Биары* вместе с племенами *барды* в V–VI вв. создали свое государство на левом берегу Камы и назвали его *Биарым* 'Мой Биар', столицей его был *Биляр*. Биары вели интенсивную торговлю со

скандинавскими народами, которые называли Биармию *Биармландом*. Эти народы считали Биармию самой богатой страной в мире.

6. В тюркских регионах некоторое распространение получили племена с этнонимом *мин/мэн*. Племена *мин* занимают значительное место среди башкир и в настоящее время. Мы наблюдаем его применение также в составе вторичных, третичных этнонимов *тюркмен*, *куман*, *караман*, *сарылымин*, *сарымэн* (*сарман*).

7. Изучив древние ассирийские и урартские письменные источники, ученые установили, что в IV–III тысячелетиях до н.э. в верхнем течении реки Тигр жили тюркоязычные *субары* (*суб* 'вода или река', *ар* 'люди'), рядом с тюркоязычными *гутии* (от слова *кот* 'душа'), *туруки*, *кумуги*, *кашгай*, *гүгэр*, *салур* и др. Этноним *шумер* является фонетическим вариантом этнонима *субар* > *сумер* > *шумер*.

Этноним *субар* в формах *суар*, *сабир*, *сибир* мы встречаем позже во многих регионах Евразии. Суары осели и в Поволжье.

Синонимом этнонима *суар* выступает этноним *болгар* 'речные люди'. Булгарам впервые удастся создать государство на Балканах, они имели очень тесные контакты с Византией. Их предками считаются *оногуры/нуногуры* (на греч. яз. *фанагор*), *акациры*, *мишари*, языки всех этих племен в противовес другим вышеперечисленным племенам, говорившим на кыпчакском говоре, характеризовались огузскими-турецкими особенностями.

Болгары-мишари прежде занимали правую нагорную сторону Волги, а кыпчакоязычные – левую сторону. В VI в.н.э. болгары-мишари в массовом порядке начали занимать левую сторону Волги, и в VIII в. в западной части Биармии столицей Биляр они взяли власть в свои руки. Здесь страну начали именовать как Булгарское государство, а на восточной

территории часть Биармии сохранилась, позже здесь появился город *Биарм* (Пермь).

В традиционной исторической науке написано необъятное количество научной литературы на русском и иностранных языках. В ней утверждается, что племена под названиями *ар/ир* (*арий*), *сак/сака*, *съкды/скъдь* (рус. *скиф*), *согды*, *бактр*, *барды/парды* (рус. *парфян*), *кусан/кушан/косан*, *тохар/дагар*, *усунь/ас+сюн*, *суарас/хорасм* (*хорезм*) – все были ираноязычными и в V–IV вв. до н.э. на иранском языке создали религиозное учение **Зороастризм**. Сохранившиеся в памяти народа отрывки этого учения в IV в.н.э. собраны в один сборник **Авеста**. Все тексты этого сборника признаны ираноязычными, ибо их создали вышеназванные якобы ираноязычные племена. Историки, в том числе и тюркологи, в этом не сомневались [1, с. 8–9].

Наши лингвоархеологические исследования показали, что вышеперечисленные племена были не ираноязычными, а тюркоязычными. Исходя из этого, мы считаем, что надо серьезно подумать и о «национальности» создателей религии Зороастризма.

Тексты Авесты, т.е. авестийский язык, более 100 лет изучаются на основе персидского языка, и в итоге индоиранисты пришли к выводу, что авестийский язык непохож на иранский, что «произошел полный отрыв авестийского языка от живых иранских языков» [7, с.55]. Этот вывод индоиранистов говорит о том, что язык текстов Авесты не был иранским, и создатели Зороастризма не были ираноязычными.

Исходя из признания авторов Зороастризма тюркоязычными, мы должны организовать тщательное изучение текстов Авесты на основе тюркских языков. Естественно, это огромная работа, требующая много времени и старательного труда нескольких поколений авторов.

Мы здесь попробуем расшифровать морфонологическое строение и семантические особенности лишь трех основных слов этого религиозного учения, а именно слов *авеста*, *зороастр* и *заратуштра* – имени основного пророка и реформатора этой религии.

Слово *авеста* восходит к тюркскому *авуч* 'ладонь' *авучта* 'в ладони – горсть', применяемое здесь в смысле 'горсть молитв, сборник молитв'.

Слова *заратуштра* и *зороастр* индоиранисты объясняли следующим образом: *заратуштра* – это иранское имя, где часть *уштра* – 'верблюд', первая часть *зарат* – 'желтый, старый, погоняющий'. *Заратуштра* – в целом 'обладающий старым верблюдом' [3, с. 7]. А слово *зороастр* – это измененный греками фонетический вариант иранского слова *заратуштра*, следовательно, оно также связано с 'верблюдом.'

Тюркская морфонология подсказывает нам, что слово *зороастр* восходит к тюркскому *джараштр* (в тат. среднем диалекте – *жараштр*, в тат. литер. – *йарааштыр*, киргиз., корень *жара* 'быть пригодным', 'примерять', 'приспосабливаться'). Тюркский [дж-ж] часто чередуется с [з], а звук [ш] – с [с]. Корень *джара/йара* принимает форму совместного залога –*ыш/-и*, которая имеет и словообразовательное свойство: *джарыш/йараш/зараыш/зараыс* 'приспособиться друг к другу'. Далее идет –*тр* – аффикс понудительного залога: *джараштр/йарааштыр/зарастр*, которое легко произносится и как *зороастр* 'заставляй, понуждай, способствуй людям не враждовать друг с другом, а приспособиться друг к другу'. По нашему мнению, именно здесь (а не в верблюдах) кроется вся философия Зороастризма.

Когда слово *йара/джара* необходимо применять в значении 'приспособить кого-то к себе', тогда оно принимает

форму понудительного залога: *джарат/йарат*. В кыпчакских языках слово *джарат* сейчас применяется не только в значении 'приспособить к себе', но еще и в значении 'любить'.

Слово *джарат* в формах совместного и понудительного залогов *джаратыштра (йаратыштыра)* в условиях тюрко-иранского двуязычия легко может принять форму *заратуштра*. Таким образом, учитывая значения совместного и понудительного залогов, семантика слова *заратуштра* заключается в следующем: пророк Заратуштра понуждает людей любить, уважать друг друга.

Тюркский анализ слов *зороастр* и *заратуштра* показывает, что эти слова родственны не только по своим семантическим, но и по грамматическим особенностям. Это убеждает нас в том, что тюркоязычный анализ слов *зороастр* и *заратуштра* не может быть опровергнут.

Все слова текста Авесты должны быть проанализированы таким же образом на основе тюркской морфонологии. Если часть слов не будет поддаваться тюркскому анализу, то в этих случаях надо применять иранскую морфонологию, ибо в регионах создания Зороастризма современное тюркско-иранское двуязычие могло существовать и в древности.

Вышеизложенное дает нам право заключить, что тюркская лингвистическая археология способствует раскрытию древнейших этнических корней тюрков, которые до принятия общего этнонима *тюрк* оставили свой след в древних этнонимах примерно с IV тысячелетия до н.э. в так называемых тюркских регионах.

Вышеизложенные сведения об этих корнях можно показать в следующей таблице.

Этнические корни тюрков и татар

примерно когда	названия народов
IV-II тысячелетия до н. э.	<i>Ар/ир, субар, сумер/шумер, сабир, сибир, тавр, тохар, суар+ас>хуар-ас-м (Хорезм)</i>
XII-V вв. до н. э.	<i>сак/сака, съкълы/скыды (рус. скиф), сакалиба, кусак>косак (народ: скиф)</i>
V-III вв. до н. э.	<i>ас, суас, буртас, суар+ас> суар-ас-м>хорезм, алан (сармат)</i>
III в. до н. э. – II в. н. э.	<i>парды (рус. парфян), биар биляр (народ: барды и бигер)</i>
II-IV вв. н. э.	<i>сюн>лун>хун, кусюн>косан> кушан, усунь (ас-сюн) (народ: кусан)</i>
VI-VIII вв. н. э.	<i>биар>бигер (Биарм>Биармия) барды/парды (рус. парфян) (народ: бигер)</i>
VII-XIV вв. н. э.	<i>Косан/Казанское ханство (сначала в составе Золотой Орды) (народ: казан)</i>
XIV-XVI вв. н. э.	<i>Булгар, мишар, косан (с XIII в. в составе Золотой Орды) (народ: булгар)</i>
XVI в. до наших дней	<i>Русское государство, в его составе с 1920 г. Татарстан (название народа: татар)</i>

В традиционной исторической науке считают, что из вышеперечисленных племен-народов в тюркоязычных регионах сначала проживало какое-то одно племя, когда оно ушло или исчезло, пришло другое. Чаще это представляется по-другому: сначала проживало одно племя, затем пришло другое и в беспощадных (обычно придуманных учеными) сражениях уничтожило предыдущее племя и заняло его территорию. Еще позже пришли якобы другие племена и таким же образом заняли территорию предыдущих.

В действительности все вышеперечисленные тюркские племена жили одновременно вперемешку, возможно, среди них были и нетюркоязычные. Господствующими становились то одни, то другие, в результате чего менялись их общие наименования.

В традиционной татарской исторической науке самым древним государством считалось Булгарское государство. Историки даже представления не имели о том, что наши предки до создания Булгарского государства имели самую богатую страну в мире – Биармию со столицей Биляр, до этого наши предки создали также очень сильное государство Косан (белых хунов), еще раньше они жили в составе государства Парды (рус. Парфян), еще раньше – в государстве асов-аланов, которое называлось Сарматией, еще раньше – в государстве Сак/Сака/Скиде (рус. Скиф), до этого – в государстве аров/субаров/сумеров/шумеров.

В конце XX в. появились татарские «историки», которые в качестве древнего государства наших предков рекомен-

довали признать Чингизхановское государство, создатели которого – монголо-татары, не имеют никакого этнического отношения к предкам современных татар. Институт истории довел эту точку зрения до абсурда: якобы и Чингиз хан, и Батый хан стали чуть ли ни дорогими руководителями создания «нашего» татарского государства. В действительности именно Чингизхановская интервен-

ция окончательно разрушила единство тюрков, именно Батыевские завоевания оставили предков современных татар без самостоятельного государства. Такая вредная точка зрения появилась в результате незнания знаковой теории (семиотики), неумения отличать форму от содержания знака-слова, смешения слово «татар» с его содержанием.

Литература

1. *Бойс Мэри*. Зороастрийцы. Верования и обычаи. – М.: Наука, 1987. – 302 с.
2. *Геродот*. История в девяти книгах. – Л.: Наука, Ленинград. отд-ние, 1972. – 600 с.
3. *Дорошенко Е.А.* Зороастрийцы в Иране. – М.: Наука, 1982. – 133 с.
4. *Закиев М.З.* Происхождение тюрков и татар. – М.: Инсан, 2003. – 496 с.
5. *Кляшторный С.Г.* Тюркский каганат // БСЭ. III изд., т.26. – М. – С.416.
6. *Лайпанов К.Т., Мизиев И.М.* О происхождении тюркских народов. – Черкесск, 1993. – 140 с.
7. *Расторгуева В.С.* Авестийский язык // БСЭ, изд. III, т.1. – М.: Сов. энцикл., 1970. – С. 55.
8. *Сум П.Ф.* Исторические рассуждения о происхождении народов, населявших в средние века Польшу, Россию и земли между Каспийским и Черным морем, а также Европейскую Турцию на севере от Дуная. – М., 1846. Часть «О хазарах». 57 с.
9. *Ercilasun Ahmet Bican* (Ankara). Türkçenin en eski komşuları // Birinci türkoloji qurultayın 80 illik yubileyinə həsr olunmuş beynəlxalq elmi konfransın materialları. (Bakı – 23–25 may 2006). – Bakı, 2007. – S. 55–73.
10. *Zeki Velidi Togan*. Umumi Türk Tarihine giriş. 3 baskı. – Istanbul, 1981. – 538 s.
11. *Zekiyev Mirfatih*. Türklerin ve Tatarların kökeni. – Istanbul, Selenge Yayınları, 2006. – 512 s.

Summary

It is considered in the traditional historical science, that such ethnonemes as *ar/ir (ariy)*, *sak/saka, sakady/s'k'd'* (Russian «skif»), *kusyun/kusan/kosan/kushan*; *bardy* (in Central Asia «pardy», Russian «parfy»), *usun /assyun, tohar/dagar, baktr, suarasm/huarasm/horesm* appear to be Iranian-speaking. They supposedly established the religious study Zoroastrism in the Iranian Language. The Turkic Linguistic Archeology proves that these ancient tribes were Turkic-speaking and Zoroastrism was established by them generally in the Turkic Language.

УДК 82-3

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРНО-ФОЛЬКЛОРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

*К.М. Миннуллин, доктор филологических наук, профессор; Ф.И. Урманчиев,
доктор филологических наук, профессор*

Начиная со второй половины 80-х годов XX века общественно-политическая жизнь и каждодневный быт татарского народа, так же, как и других народов России, довольно резко меняются. Правда, однако, и то, что пока никто не может более или менее определенно сказать: в каком направлении идут эти изменения, т.н. перестройка жизни – в лучшую или худшую сторону? И каких сторон действительности они касаются? С годами общество находит весьма убедительные ответы и на эти, достаточно острые вопросы. Известно, что неотвратимым законом истории является закон неуклонного прогрессивного развития человечества. История не может развиваться «в обратном направлении». В то же время в исторические периоды перехода общества из одного – привычно-традиционного состояния в качественно новое на первый план выступают острые противоречия, которые могут быть преодолены одним из двух путей: революционным или эволюционным. Под давлением господствующей элиты общества Россия избрала эволюционный путь развития, который растянулся на целые десятилетия и потребовал ничуть не меньше жертв и потрясений, чем любая революция. Началась эпоха т.н. «перестройки», хотя, как отмечалось, никто и не знал и не предполагал, что и как надо «перестраивать». Самым легким сочли путь полного отрицания всех достижений советской эпохи в любой

отрасли жизни. В литературе, особенно в прозе, это выразилось в создании большого количества романов, повестей и рассказов, направленных на разоблачение культа личности Сталина, на беспощадную критику и отрицание всей прежней идеологии большевизма, коммунизма, атеизма и всего связанного с ними. И это было, впрочем, очень удобно для отрицания всего и вся... И все это было вполне естественно, ибо этот самый культ и эта неограниченная идеологическая диктатура «перемололи до костей» судьбы сотен тысяч и миллионов людей. В связи с этим же сама конкретная история России и ее отражение в литературе оказались «на обочине развития цивилизации человечества». И это тоже было вполне естественно, главным образом, по трем важнейшим причинам: 1) довольно многочисленные т.н. романы и повести, направленные на разоблачение всего прошлого, были не столько художественными произведениями в полном смысле этого слова, сколько дневниковыми записями «пострадавших». В результате этого на первый план выступили предмет изображения, факты конкретной действительности, а не художественное мастерство писателя; 2) это, в свою очередь, выявило тенденцию полного «отторжения» всей советской литературы, всех произведений, созданных на основе т.н. социалистического реализма; 3) что, кстати, вполне соответствовало и требованиям между-

народного литературного процесса: западноевропейское общество, особенно его «по- буржуазному демократическая» творческая интеллигенция, обычно с глубоким удовлетворением встречало и встречает все то, что как-то направлено против России, против ее идейных устоев. Так случилось и на этот раз!

Между тем сложнейшая эпоха грани веков (XX и XXI) и тысячелетий (II и III) накладывает свой, достаточно заметный отпечаток не только на социально-политическое бытие общества, но и на, и в не меньшей степени, духовное развитие различных слоев населения. Употребление последних выражений конкретизируется определениями: творческая интеллигенция и традиционное трудовые массы, которые сами, в свою очередь, переживают существенную трансформацию. Современную «постсоветскую» профессиональную литературу, скажем, никак не определить словами: литература социалистического реализма. Ибо она в настоящее время намного сложнее и разнообразнее. И развивается она достаточно успешно в нескольких направлениях, в то же время никак не отвергая положительных традиций, безусловных достижений литературы прежних эпох, в частности – и эпохи социалистического реализма, в рамках которого были созданы такие классические произведения татарской советской литературы, как романы «Честь» Г.Баширова, «Весенние ветры» К.Наджми, «Тридцатый год» Ф.Хусни и целый ряд других. Продолжая ту же мысль, с известными оговорками можно сказать, что в определенной степени в тех же рамках соцреализма созданы и такие талантливые произведения современной татарской прозы, как роман-диалогия З.Хусниря «Сукин сын» [1]; повесть М.Кабирова [2]; роман Р.Сибата «Возвращение» [3]; целый ряд детективных или полудетективных романов и повестей М.Маликовой, которая в последнее десятилетие, кажется, пишет

«легко» и «много» [4]. Выше уже отмечалось, что при подходе к произведениям современной татарской прозы требуются некие оговорки, что они не могут быть безусловно отнесены к т.н. эпохе или к литературно-художественному методу социалистического реализма: дело в том, что основная часть указанных и не названных здесь произведений как бы «выпирает», «выходит» за рамки требований советской эпохи. И это ярко выражается в их следующих, по существу, общих для них особенностях. Во-первых, обратим внимание на названия отдельных произведений или книг, куда включены романы, повести и рассказы: роман Ф.Сафина «Саташып аткан таң» – «Заблудившийся рассвет». Перевод названия романа на русский язык не то что неправилен, он просто грубо искажен: заблудиться может только то, что движется; притом движется где-то в неизвестности, на незнакомом месте. Татарское слово саташу на русский переводится как бредить. И невольно возникает вопрос: что объединяет слова заблудиться и бредить: бредит обычно тяжелобольной... А заблудиться может и абсолютно здоровый [5, р. 67]... Вообще к переводу названий своих произведений или книг на русский язык авторы-писатели или их редакторы-издатели относятся, говоря очень просто, безо всякого внимания! Татарское, и к слову – очень поэтичное, название сборника повестей и рассказов С.Зыялы «Ачылмаган бөр» в конце книги на русском языке дано как «Неумолимый рою». Трудно понять, что общего в лексическом плане между этими словосочетаниями [6]. Разве буквальный перевод «Нераскрывшийся бутон» звучит хуже?! На наш взгляд, отнюдь нет, даже наоборот: намного поэтичнее!.. Название сборника повестей и рассказов безусловно талантливой Н.Гиматдиновой «Парлы ялгыз» на русском языке дано «до нелепости просто»: «Одинокая» [7]. Да, в сборнике есть и повесть под тем же

названием «Парлы ялгыз», которая в буквальном переводе звучит как «Одинокая... с парой». Не очень поэтично? Да, разумеется! Однако соответствует оригиналу.

На названия отдельных произведений и сборников прозы здесь обращено внимание не только потому, что в переводах их на русский язык допущены некоторые ошибки и неточности, но и потому, что названия эти весьма значимы сами по себе. На самом деле: «Заблудшийся рассвет», «Сукин сын», «Неумолимый рок»... Можно сюда добавить «Лесные духи» Г.Гильманова, «Одинокая» Н.Гиматдиновой, «Угасшая луна» И.Хузина [8] и многие другие. И ни одно из этих достаточно многочисленных названий книг, сборников, отдельных произведений не вызывает у читателя *никаких положительных эмоций*. Все они – только настораживают, как бы заранее предупреждая, что в книге, романе или повести речь пойдет о чем-то очень напряженном, сложном и противоречивом; чаще всего – о чем-то *отрицательном*. И на самом деле, сюжет и содержание практически всех произведений современной прозы направлены на раскрытие тяжелых условий жизни народа, по существу – всех слоев населения.

В связи с этим же современный литературный процесс, говоря сугубо условно, «укладывается в некое творческое пространство», вбирающее в себя произведения самого различного характера и еще более различного литературно-художественного уровня. На одной окраине этого творческого пространства находится указанный выше роман Ф.Сафина, одно из самых талантливых, если не сказать: самое талантливое произведение последнего десятилетия – «Заблудшийся рассвет» [9]. Можно говорить и о том, что Ф.Сафин в этом романе, безусловно, продолжает лучшие традиции татарского советского романа; значит, в какой-то степени и социалисти-

ческого реализма. В то же время, однако, произведение это «не может быть уложено» в рамки соцреализма, ибо в нем представлено и резко отрицательное отношение как к Октябрьской революции, так и к ее последствиям, приведшим страну и народ к разорению и обнищанию – как материальному, так и духовному.

Если указанный роман Ф.Сафина стоит, выражаясь фигурально, на одной «окраине» современного литературного процесса, то на другой – повесть Н.Гиматдиновой «Олень» и «фантастическое повествование» («хьяялы кыйсса») Г.Гильманова «Албастылар». Отметим здесь же, что название последнего весьма неудачно переведено на русский язык как «Лесные духи». Между тем Албасты – очень сложный персонаж тюрко-татарской мифологии и место его обитания никак не ограничивается лесом [10]. В татарской же мифологии Албасты, по данным известного ученого-просветителя К.Насыри, в основном дух не столько лесной, сколько домашний [11, с.50-51]. Между тем писатель Г.Гильманов, который сам в продолжение многих лет занимался собиранием материалов по татарской мифологии и издал два солидных тома национальных мифов [12], прекрасно представляет героиню своего произведения, которые выступают как две злоеющие старухи-колдуньи, проклятые и изгнанные из родного аула Кампарле разозлившимися на них односельчанами. При этом Г.Гильманов также хорошо представляет, что значительная часть населения и в наше время не сомневается в силе колдовства и магии и по-настоящему побаивается колдунов, особенно – колдуний. Хотя автор определил свое произведение как фантастическое, современный читатель верит в повествование; верит и в то, что постепенно, под давлением современных условий жизни и сам Халим – главный герой произведения, отслуживший в армии решительный и смелый молодой

человек, «превращается в Албасты» – в Злого и по-своему всесильного духа. Иначе он не смог бы «нормально жить» в современном, запутавшемся в своих противоречиях обществе. Так, Г. Гильманов в своем произведении «Албастылар» как бы улавливает и показывает, куда идет общество. А идет оно туда, где стираются грани между Этим – реальным миром, где «обитают» обычные люди; где живем и мы с вами, и Миром потусторонним – фантастическим, где господствуют всевозможные духи. Так, оказавшись между двумя, нередко – *множественным миром*, человек как бы бродит в темноте, в Первозданном хаосе, и чаще всего не находит выхода из создавшегося положения.

Свое, безусловно оригинальное место в развитии современной прозы занимает талантливое и яркое творчество Н. Гиматдиновой, которая одной из первых обратила внимание на необходимость отражения в современных художественных произведениях того, что «творится» в подсознании человека, что по существу значит – своеобразие мифопоэтического мышления. Именно об этом свидетельствует ее повесть «Олень», или вернее «Олениха». По-татарски повесть названа очень поэтично: «Болан». В татарском языке имя существительное не имеет рода. А в повести речь идет не об олене, а об оленихе, в связи с чем и название повести на русском языке должно быть «Олениха». Произведение от начала до конца – *сказочно-мифологическое*. Но воспринимается она не как сказка, тем более – не как миф, а вполне реалистическая, в *полном смысле слова современная* печально-трагическая повесть. И рассказывается в ней о драматической любви потомственного, смертельно больного охотника Рыскола к невероятно красивой, стройной, загадочно-таинственной девушке-оленихе *Акчяч*, что в переводе на русский значит Беловолосая; девушке, которая предстает *перед охотником*

как поразительно стройная Олениха; *перед влюбленным* в нее смертельно больным Рысколом как девушка изумительной красоты. По неотвратимой логике развития сюжета Рыскол не должен стрелять в нее, не должен ее убивать! Ибо он глубоко влюблен в нее! Долгое время этого и не происходит... Все повествование в повести – от ее начала до конца полно таинственных, не совсем понятных и объяснимых коллизий, связанных с Тэнгрианством; перед ее героями ставятся очень жесткие условия: чтобы избавиться от смертельной болезни, Рыскол должен раз и навсегда отказаться от своего любимого занятия – от охоты; он не должен убивать лесных животных. Ибо на Рыскола падает жестокое проклятие каждого убитого им животного. И здесь Рыскол спрашивает у своей возлюбленной оленихи-девушки Акчяч: если подстреленное им животное не будет на него обижаться и проклинать его? – Тогда не будет никакого вреда твоему здоровью, - отвечает таинственная Акчяч. – Болезнь не вернется к тебе... Но вряд ли ты в лесу найдешь животное, который, подстреленный тобой, не обижался бы на тебя. Таких животных не будет!.. Таким образом, получается, что перед потомственным охотником поставлены неразрешимо опасные условия: или он вообще откажется от своего любимого занятия, или тяжело заболеет и вскоре умрет! Как талантливый писатель, Н. Гиматдинова находит *глубоко трагическое, но единственно верное решение* проблемы: Олениха-Акчяч, пожертвовав собой, должна спасти от болезни и смерти своего возлюбленного Рыскола. Если она станет Оленихой и Рыскол застрелит ее, он выздоровеет. Ибо Олениха-Акчяч, в отличие от других животных, не будет проклинать его, потому что она его очень любит. Влюбленная девушка Акчяч просит Тэнгри превратить ее в Олениху: Акчяч, став Оленихой, появляется перед подвыпившими охотниками.

Разгорается спор: кто же должен застрелить Олениху... Стреляет Рыскол... и лишь по глазам Оленихи он узнает, что убил свою возлюбленную девушку Акчяч!.. В повести, таким образом, без сомнения, представлен сказочно-мифологический сюжет, приобретший сугубо современное и очень напряженное звучание!..

В связи с проблематикой данной статьи важно, что рассмотренные произведения: «Албастылар» Г.Гильманова и «Олениха» Н.Гиматдиновой по существу полностью основываются на ранних сугубо мифологических представлениях татарского народа. Их условно можно было бы отнести к «другой окраине современного пространства литературного процесса». В какой-то степени это будет и верно. Но опять же – только условно! Ибо произведения эти, как мы выше пытались обосновать, чрезвычайно яркие и, безусловно, талантливы. И, возможно, самое главное – они необычны, оригинальны! Как писатели, так и читатели, уставшие от нудных требований соцреализма в творчестве, от невыносимых условий каждодневной жизни современного общества, где господствуют и торжествуют ложь, обман, взяточничество, казнокрадство, коррупция, пытаются вырваться из этого общества, из невыносимо ненормальных условий жизни и убежать от всего этого. Но куда? В мир первобытной мифологии и сказки, в мир Албасты, Леших, Злых духов, лесных благородных животных и птиц! И что же?! Оказывается, что и здесь – в первобытной древности нет спасения для героев современности. И современная литература, особенно проза, адекватно воспринимает и воспроизводит современную действительность: и не только рассмотренные выше, но и многие другие произведения татарской прозы наших дней или от начала до конца состоят из повествования о трагических событиях, или, «в лучшем случае», завершаются глубокой драмой. Об этом

очень убедительно свидетельствуют романы Ф.Байрамовой «Сорок вершин», «Последний намаз» и особенно – «Карабулак» [13]. Последний роман – исторический и рассказывает об испытании атомной бомбы недалеко от татарского аула Караболак в Челябинской области. Ясно, что после такой глобальной катастрофы жители деревни начинают болеть и умирать. От большого аула, где жило 2500 человек, ко времени написания романа остается 500 – одна пятая... С точки зрения особенностей современной прозы, роман интересен тем, что, несмотря на освещение очень актуальной темы, он основывается на идеологии и мифологии Ислама, отраженной главным образом в Коране. В данном случае имеются в виду сюжеты о погибших народах [14], к которым, с художественной точки зрения, очень удачно и обращается писатель. Однако в Коране рассказывается о трагической гибели народов, которые отказались от пророков и от Самого Аллаха. С религиозной точки зрения это убедительно обосновывается. В романе же Ф.Байрамовой речь идет о гибели людей в мирное время – в результате взрыва атомной бомбы. И гибель эта – не единовременная, а растянувшаяся на многие годы и десятилетия.

Одним из трагических произведений современной прозы является повесть М.Галиева «Корни»; по-татарски она названа «Нигез». Предложенный здесь перевод является условным, хотя более всего подходит к идейному содержанию произведения. Адекватный же перевод слова *нигез* на русский язык – *фундамент* [15, с.312]... Возвращаясь к сути повести, следует сказать, что она рассказывает о разрушении, разорении и постепенном исчезновении одной из десятков и сотен татарских, впрочем – еще более многочисленных русских деревень с подобной же трагической судьбой. Если же внимательнее рассмотреть художественную специфику повести,

выясняется, что она может послужить прекрасной и адекватной иллюстрацией всего того, что происходит в современном литературном процессе. На самом деле: в эпоху господства идеологии соцреализма, да и гораздо позже, не было принято писать о каких бы то ни было отрицательных явлениях в советской действительности, хотя они в самой действительности были на самом деле, и все, тем более – писатели, видели и с горечью ежедневно наблюдали все это. В последние десятилетия, начиная с середины 80-х годов XX века, творческой интеллигенции «разрешено» адекватно отражать реальную жизнь народа. Результатом чего явилось появление целого ряда талантливых произведений. Разумеется, при повествовании обо всем этом, особенно о глубоких корнях культуры народа, невозможно обойтись без привлечения данных легенд, преданий, сказаний, особенно – мифологических представлений. Ибо корни народной культуры, да и всех видов и жанров искусства и многочисленных вполне современных произведений, восходят к образной системе первобытной мифологии, что как раз подтверждается и названной повестью М.Галиева: повествование-рассказ в ней ведется «устаами» старой *Ветлы-Өянке*, которая, посаженная на окраине аула, зорко «наблюдала» за всей историей его и за его печальным, остро драматическим постепенным разрушением и исчезновением. С годами и десятилетиями вместе с деревней с ее трагической судьбой «состарилась» и наблюдательная и остро переживающая все происходящее мудрая Ветла. И погибает она не сама собой, а из-за вредительства бессердечных деревенских мальчишек, что, впрочем, тоже соответствует духу эпохи.

Важно отметить, что в рассматриваемой повести нет воспроизведения каких-либо значимых событий, тем более – приключений. Повествование ведется ровно и спокойно. Привлекает

особое внимание лишь то, что непосредственное участие во всем происходящем принимает не автор повести, а только его «представитель», воплощенный в образе старой Ветлы. Тем самым как бы обосновывается важность обращения к данным национальной мифологии, которое обосновывается тремя серьезными аргументами: 1) все содержание повести связано с судьбой старой Ветлы; 2) она, в свою очередь, выступает как одушевленное сознательное существо, непосредственный участник всего происходящего в ауле; 3) и все это восходит к широко распространенному в международной мифологии культуры деревьев.

Проблема взаимосвязей татарской поэзии и прозы с фольклором была предметом специального исследования во второй половине 60-х годов XX века (работы Т.Галиуллина, Ф.Ахметовой). После этого в продолжение ряда десятилетий, вплоть до появления специальных исследований А.Садековой, проблема эта оставалась вне внимания фольклористов и литературоведов. Между тем и в письменной литературе, и в фольклоре, и в мифологии продолжалось их естественное, но весьма своеобразное развитие, на что и обратили внимание ученые, особенно молодые, в результате чего был написан ряд достаточно серьезных исследований А.Давлетшиной, Н.Ибрагимовым и др., был издан специальный сборник по современной татарской прозе, куда были включены произведения, созданные на основе мифологических представлений. Предисловие к сборнику написано А.Шамсутовой и называется «Мифотворчество в современной татарской прозе» [16, с.5-16]. Впрочем, в последнее время слово «мифотворчество» становится модным [17], но оно, на наш взгляд, не совсем верное. В наши дни никто не «творит» мифы и не может их «творить». Хотя наша эпоха с ее неисчислимыми катаклизмами и катастрофами как бы представляет собой «грандиозный первобыт-

ный миф» с безусловно запутанным, перевернутым сюжетом, в создании новых мифов нет необходимости. Да это и невозможно! Ибо все мифологические сюжеты, мотивы и герои их были созданы в первобытную эпоху, причем с исчерпывающим охватом всех сторон жизни. В наше время речь может идти лишь о творческом, притом – удачном или неудачном обращении к тем или иным атрибутам глубоко традиционной мифологии, что и наблюдается в современных прозаических повествованиях. Конкретные материалы свидетельствуют, что после объявления известной свободы слова, печати и всевозможных собраний основное внимание как самих масс народа, так и творческой интеллигенции было обращено на выяснение своих истоков, своих корней. А корни всего культурного наследия народа, как отмечалось, восходят к древнему фольклору и первобытной мифологии, собрание, изучение и публикация данных по которым в советское время, мягко говоря, не одобрялись. И в литературные произведения подобные материалы просто «не попадали». Между тем с конца 80-х годов XX в. выяснилось, что в памяти татарского народа издавна хранилось немало количество сюжетов, мотивов, образов героев и художественно-выразительных символов, относящихся к самым различным периодам жизни, бытию народа. И они, условно говоря, бурным потоком ворвались в художественное творчество писателей-прозаиков и значительно обогатили его палитру. Начиная с конца XX – особенно с начала XXI века, появляется целый ряд произведений, «обильно оснащенных» данными национальных древних фольклора и мифологии. Самым удобным для писателей в этом случае было – идти традиционным, по-своему проторенным путем, просто пересказывая или цитируя фольклорно-мифологические произведения, что делали некоторые писатели, особенно авторы исторических

романов и повестей, обращаясь к раннесредневековому фольклору, легендам, преданиям, особенно к эпическим сказаниям. В качестве примера можно сослаться на исторические романы Р.Батуллы «Сююмбике», М.Хабибуллина «Сююмбике ханбике и Иван Грозный» [18]. Жанровая особенность первого из указанных произведений определена как кыйсса, что само по себе требует такого мастерства повествования, которое свойственно для средневековых народных певцов-импровизаторов-чичянов. И автор романа в этом плане достиг существенных успехов, особенно во второй части произведения, где привлекаются многочисленные, нередко таинственно-мистические легенды, из-за чего главные герои его романа-кыйсса приобретают и известные черты несколько «романтизированных» мифологических героев... Хотя М.Хабибуллин в указанном романе иногда обращается и к легендарно-мифологическим сюжетам и мотивам (вспомним эпизоды, связанные с вызвавшей немало дискуссий зловещей родинкой Сююмбике; те, кто видел эту родинку, непременно трагически погибали!..), в его исторических романах отдается предпочтение строгой исторической достоверности, нередко – документальной!

На фоне всех названных или как-то рассмотренных выше произведений современной татарской прозы резко выделяются исторические романы В.Имамова «Огненная степь» (1995-1998); «Соленая рана» (2001-2003) и особенно – «Казанская крепость» (2004) [19]. Попутно отметим, что в переводах названий и этих произведений допущены некоторые, не совсем удачные вольности. «Казан дастаны» почему-то переведено как «Казанская крепость». Между тем гораздо красивее, поэтичнее и адекватнее было бы «Сказание о Казани». Не совсем «изящно» звучит и словосочетание «Соленая рана»...

В отличие от рассмотренных выше произведений, в исторических романах

В.Имамова, по существу – во всех, представлен своеобразный, иногда удачный пересказ, по-видимому, всех известных автору легенд, преданий и сказаний, и не только татарских, иногда и монгольских и русских, имеющих то или иное отношение к истории г.Булгар и Волжско-Камской Булгарии, Казани и Казанского ханства и Золотой Орды [20].

Такой путь обращения к произведениям фольклора, иногда – и к сугубо мифологическим, встречался и ранее, хотя и не в таком изобилии. Как его оценить, особенно когда речь идет о только что названных романах? К тому же, если перед нами представлен и совершенно другой путь гораздо более тонкого, более глубокого и «изошренного», в самом положительном смысле этого слова, подхода и творческого, очень удачного использования легендарно-сказочно-мифологических представлений народа. Это мы видели при анализе повести Н.Гиматдиновой «Олениха»; романа-кыйсса Г.Гильманова «Албастылар», повести М.Галиева «Корни». Дополнительно это можно проиллюстрировать повестью Н.Ахмадиева «Амбирак или сказание о черной березе» [21], где все содержание и трагические судьбы героев определяются «присутствием» таинственно-опасной *черной березы*, которая и в природе-то встречается чрезвычайно редко.

В связи со всем сказанным можно заключить, что постепенно среди талантливых писателей и поэтов возникает и в нашу эпоху формируется мнение о том, что время обычного пересказа содержания фольклорных и мифологических сюжетов и мотивов прошло, ибо это не самый плодотворный и оригинальный путь обращения к сокровищницам народной мудрости, которые «спрятаны» и хранятся где-то намного глубже! Для того, чтобы как-то достичь этой самой «глубины», необходимо было изучить духовную жизнь народа, особенно в сельской местности. В наши дни невоз-

можно говорить о живом бытовании эпических сказаний, народных сказок, исторических песен и некоторых других глубоко традиционных жанров фольклора. В памяти народа до наших дней могут сохраниться лишь *наиболее консервативные, устойчивые повествования*, связанные с кое-где бытующими обрядами и мифологическими представлениями. Это значит, что народ хранит в своей душе и памяти лишь наиболее глубокие и изначальные «корни былых сокровищ», с чем и связаны как характер фиксируемых во время фольклорных экспедиций материалов, так и специфика фольклорно-литературных взаимосвязей современности. То есть писатели тоже обращаются к наиболее устойчивым фольклорно-мифологическим данным, в результате использования которых появляется группа произведений, которые составляют особое направление развития литературы, главным образом – современной прозы. Для писателей это так или иначе было естественно. Ибо сама каждодневная жизнь оказалась неестественно сложной и запутанной: такое изначальное и извечно святое понятие, как вера, во всех его смыслах вообще исчезло. Быть может, она – эта *вера* – где-то все-таки сохранилась? Вот этот смутный вопрос и неопределенная надежда заставили некоторых писателей броситься в другую крайность. В качестве примера можно сослаться на отдельные произведения издестной писательницы Ф.Байрамовой. При этом имея в виду, что некоторые романы и повести ее сплошь и рядом проникнуты идеологией Ислама, когда к месту и не к месту поминается имя благородного Аллаха и Его пророков; особенно – пророка Мухаммеда; когда тоже к месту и не к месту приводятся сугубо мусульманские, не всем и не во всем понятные или вообще непонятные для неверующего, тем более атеиста, аяты Корана или молитвы-дога-дуа. Независимо от мастерства писателя, чрез-

мерное и не совсем понятное даже самому автору-писателю увлечение данными идеологии и мифологии Ислама не всегда служит повышению художественного уровня произведения. В данном случае имеется в виду названный выше роман писателя «Карабулак», где автор сотни и тысячи раз обращается к имени Аллаха, почему-то упустив, что нельзя этого делать! Оно, это святое имя Аллаха, чрезвычайно дорого для всех мусульман, а в наше время – даже для очень многих немусульман, и в этом надо быть чрезвычайно осторожным и предусмотрительным. Как бы и что бы ни говорило поколение ныне 60- и 70-летних, все очень хорошо помнят, что поколение это воспитывалось в жесточайших условиях непрерывного давления *воинствующего атеизма!* Следовательно, и этот атеизм придется «выдавливать» из души и сердца каж-

дого из нас каплями и в продолжение многих лет и даже десятилетий! И то лишь в том случае, если к этому же стремится и сам человек. И здесь же возникает еще один очень трудный вопрос: а много ли в среде современной молодежи представителей, стремящихся к настоящей вере в Аллаха или Иисуса Христа. Строго говоря, их очень мало!

Приведенные и многочисленные не упомянутые здесь материалы свидетельствуют, таким образом, о том, что взаимосвязи фольклора и мифологии с современной прозой чрезвычайно сложны и противоречивы. В связи с этим проблема становится очень увлекательной и для научного изучения. Представленная же здесь статья является своеобразным *введением* в проблему для определения дальнейших путей и методов ее исследования.

Литература

1. *Хөснийяр З.* Этән туган: Роман-дилогия. Повесть. Хикәяләр. – Казан, 2005.
2. *Кәбиров М.* Мәхәббәт яңгыры: Повестьлар. – Казан, 2006.
3. *Сибат Р.* Кайту. – Казан, 2005.
4. *Маликова И.* Югалган якутлар: Повестьлар, пьесалар. – Казан, 2004; Маликова И. Кызыл гөл: Романнар. – Казан, 2005.
5. См.: Русско-татарский словарь. – Т.1. – Казань, 1955.
6. *Зыялы С.* Ачылмаган бүре: Повестьлар һәм хикәяләр. – Казан, 2006.
7. *Гыймәтдинова Н.* Парлы ялгыз: Повестьлар, хикәяләр. – Казан, 2003.
8. *Хужин М.* Айның уты сүнгән...: Хикәяләр. – Казан, 2004.
9. *Сафин Ф.* Саташып аткан таң: Роман-трилогия. – Казан, 2003.
10. *Басилов В.Н.* Албасты // Мифы народов мира. – Т.1. – М., 1987. – С.58.
11. *Насыйри К.* Сайланма әсәрләр: Ике томда. – Т.2. – Казан, 1975.
12. Татар мифлары: Г.Гыйльманов хикәяләвендә. – 1 кит. – Казан, 1996; 2 кит. – Казан, 1999.
13. *Бәйрәмова Ф.* Кырык сырт: Романнар. – Казан, 2005.
14. *Харун Яхъя.* Погибшие народы. – М., 2002.
15. Русско-татарский словарь. – Т.4. – Казань, 1959.
16. *Шамсутова А.* Хәзерге татар прозасында миф тудыру // Хәзерге татар прозасы. – Икенче жыентык. – Казан, 2005.
17. См.: Романович С.М. От авангарда к мифотворчеству. Государственная Третьяковская галерея: Материалы науч. конф., 25-26 марта 2003 г. – М., 2006.
18. *Батулла Р.* Сөембикә. Кыйсса. – Казан, 1992; Хәбибуллин М. Сөембикә ханкбикә һәм Иван Грозный: Тарихи роман. – Казан, 1996.
19. *Имамов В.* Утлы дала: Тарихи роман. – Казан, 2001; Имамов В. Тозлы яра: Роман. – Казан, 2004; Имамов В. Казан дастаны: Тарихи роман. – Казан, 2005.

20. Татар халык ижаты: Риваятьләр һәм легендалар. – Казан, 1987; Козин С.А. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 года. – М.; Л., 1941.
21. Әхмәдиев Н. Амбирак: Повестьлар һәм хикәяләр. – Казан, 2003.

Summary

The article is devoted to the observation of peculiarities in the development of contemporary Tatar prose; specific features of prose-writers appealing to the traditions of Tatar popular art, chiefly, to ancient folklore and early national mythology which contributes to creating original works with specific plot and characters.

УДК 82.0; 82.09

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБНОВЛЕННОГО ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА Г. ИБРАГИМОВА

Ф.М.Мусин, доктор филологических наук, профессор

Как известно, в январе 2008 года мы отметили 175-летие со дня рождения М.Акмуллы, что было важно прежде всего с точки зрения серьезной научной и общественной оценки национального и межнационального значения его наследия. Дело в том, что в последнее время усиливается ничем не обоснованное стремление отторгнуть его от нас. Подлинная национальная принадлежность Акмуллы очень логично мотивируется, кроме всего прочего, еще и тем обстоятельством, что вслед за этим юбилеем как бы его закономерное продолжение мы теперь отмечаем 120-летие со дня рождения Г.Ибрагимова, ибо между ними существует прямая преемственная связь. Появившись на свет и сформировавшись как личность в таком признанном до революции общественно-культурном центре татар, как Уральский регион, они впоследствии стали фигурами большого национального и межнационального масштаба. Дело, с одной стороны, в том, что Ибрагимов одним из первых определил историческую роль Акмуллы в татарском мире, назвав его «буревестником нового возрождения» и зачинателем национальной поэзии нового времени, которую поколение Тукая в начале XX века превратило в мощное и полноводное литературное движение. Одновременно на новом историческом этапе Ибрагимов сам стал преемником и продолжателем дела своего знаменитого земляка по обновлению национальной литературы. С другой стороны, мно-

гогранная деятельность Акмуллы и Ибрагимова стала одной из ярких страниц важной межнациональной миссии татар. Говоря более конкретно, принимая активное участие в общественно-культурной жизни ряда тюркских народов или отразив ее в своем творчестве, они превратились в видных деятелей всего тюркского мира. Но все это еще ждет вдумчивого научного исследования. Между тем реализация этой задачи внесет важную лепту в возрождение исторической роли татар в тюркском мире и в укрепление дружбы наших братских народов.

Недостаточно изучены еще место и роль Ибрагимова в истории татарской литературы, что ныне вызывает особый интерес. К тому же его многогранное творческое наследие теперь в новом столетии нуждается и в определенном переосмыслении и переоценке. Дело в том, что в минувшем веке феномен Ибрагимова в целом и его творчество в особенности изучались и оценивались чаще всего с позиции тогдашней идеологии, что порой приводило к односторонним суждениям и оценкам. В частности, нередко оставалась в тени национальная ориентированность его многогранной деятельности. Между тем с первых самостоятельных шагов в жизни он, всегда находясь на авансцене национального бытия, весь свой талант и кипучую энергию отдавал служению родному народу, борьбе за его социальное освобождение и духовно-нравственное развитие. Будучи такой же разносторонне

активной личностью как Г.Исхаки, Ф.Амирхан и Г.Тукай, Ибрагимов вскоре стал одной из самых заметных фигур в татарском мире. В его дооктябрьский период особенно важными и значимыми по сей день остаются литературное творчество и изыскания в области критики и эстетики, которые к тому же до сих пор недостаточно изучены или ждут более объективного исследования. Дело в том, что в прежние годы больше внимания уделялось его общественной деятельности и участию в революционном движении, а его литературное творчество нередко и несколько волевым путем «прицеплялось» к той деятельности. Между тем Ибрагимов-общественник и Ибрагимов-художник не всегда шагали по одной дороге, порой они как-то и расходились. Так, в своей общественной деятельности он стоял на четких марксистских, а позже большевистских позициях, а в литературном творчестве большей частью оставался романтиком, живущим в мире несбыточных мечт и грез. Однако природный талант способствовал тому, что его романтические в основном произведения становились, как правило, подлинными творениями искусства. И в этом плане его рассказы и романы светились как-то ярче на общем фоне прозы того времени. Другими словами, по своему стилю творчество Ибрагимова четко выделялось в кругу его коллег по перу. Но стиливое своеобразие и вообще поэтический мир Ибрагимова этого периода еще ждут научного осмысления. Кроме того, в тогдашнем творчестве писателя до сих пор как-то оставляются в тени два его произведения – первые варианты романов «Судьба татарки» и «Наши дни». Между тем эти произведения заслуживают гораздо большего внимания как читателей, так и исследователей, ибо являются весьма заметными на самом деле явлениями в тогдашней прозе писателя, свидетельствующими о его существенных исканиях. Так, в первом варианте

«Судьбы татарки» автор, с одной стороны, на основе лично увиденного достаточно объективно отображает духовно-нравственный мир дореволюционной татарской деревни, который позднее, в советское время, освещался весьма предвзято и преимущественно в темных тонах. С другой же стороны, названное произведение и сегодня привлекает внимание читателя весьма оригинальным художественным решением судьбы татарской женщины, ставшей тогда общенациональной проблемой. В то время, когда в литературе возобладали мотив трагической женской судьбы, Ибрагимов задался целью отразить свой идеал свободолюбивой женщины, не желающей покориться судьбе, а по-своему отстаивающей свою честь и человеческое достоинство. Героиня романа – гордая Гюльбану не хочет согласиться с долей рабыни в доме властной и самодурной свекрови и, переодевшись в мужскую одежду, убегает из того дома-тюрьмы, затем в поисках счастья колесит по стране. Но, нигде не найдя его, она через некоторое время возвращается в отцовский дом. И читатель теперь уверен, что отец больше не осмелится решать судьбу своей дочери без ее согласия. Вот так героиня добивается свободы в решении вопросов своей личной жизни. Следует сказать, что если в этом произведении весьма злободневную для дореволюционного татарского общества проблему свободолюбивой женщины писатель решает в романтическом ключе, то в другом романе – в «Дочери степи» ее он освещает уже на материале несколько отличного от татарского быта казахов, кочевой образ жизни которых на степных просторах предоставлял женщинам немного больше прав и они вели себя более раскованно. В общем внося достойный идейно-художественный вклад в развитие татарской прозы начала XX века, это произведение, следует отметить, стало своеобразным эталоном для

казахских писателей в освещении их национального бытия.

Что касается творчества Г.Ибрагимова советского периода, то оно ныне нуждается в еще более глубоком научном осмыслении и оценке. Дело в том, что это творческое наследие писателя в прежние годы трактовалось в основном в духе тогдашней идеологии, то есть весьма идеологизированно и потому однозначно. Между тем Ибрагимову в советское время приходилось творить в достаточно сложной и противоречивой идейно-эстетической атмосфере. С одной стороны, он опирался на свой и общенациональный литературный опыт недавнего прошлого, с другой же стороны, писатель жил и творил в обстановке всерастущего воздействия на него новых идеологических установок, в которые он к тому же часто искренне верил и следовал им как в жизни, так и в творчестве. Отсюда – неоднозначность и порой внутренняя противоречивость его произведений. Судьбу писателя в советское время следует трактовать теперь по-иному, а именно как трагедию человека, порожденную той общественной системой, которой он был предан до конца жизни.

При обновленном изучении творческого наследия Ибрагимова советского периода, прежде всего, необходимо наконец-то обратить внимание на раскрытие преемственной связи между двумя периодами его творчества – дооктябрьского и после 1917 года, что в общем является одним из важных свидетельств существования связи поколений в татарской литературе указанных исторических этапов, что, как известно, в прошлом нередко или игнорировалось или вообще отрицалось. На самом же деле, тот же Ибрагимов из своего дореволюционного эстетического багажа в советский период творчества перенес уже упомянутый романтизм, которым, несмотря на «нелюбовь» к нему тогда официальной пропаганды, маститый писатель оказал

большое воздействие на целый ряд молодых прозаиков, особенно в начале 20-х годов. И тогда же на этой волне стала формироваться ибрагимовская «школа» в литературе.

Помимо общих тенденций развития творчества Г.Ибрагимова после 1917 года, ныне ощущается необходимость обновленного осмысления и конкретных произведений этого периода, которые до сих пор также рассматривались в основном в рамках уже названных идеологических установок. Если взять, первое его прозаическое сочинение, посвященное новой революционной действительности, – повесть «Красные цветы» (1921), то в ней объективно наблюдается одна тенденция, часто встречающаяся в мировой литературной практике. Дело в том, что у больших художников слова нередко реальный смысл произведения, порожденный их талантом, оказывается шире и глубже их личных общественно-политических взглядов или связанных с ними творческих замыслов. В качестве примера обычно называют Бальзака и Стендаля во французской литературе или Достоевского и Толстого – в русской. Так и Ибрагимов, стоявший тогда на революционно-большевистских позициях, в упомянутой повести задался целью отразить идею, подсказанную официальной пропагандой нового времени.

И она находит достаточно емкое выражение в следующем произнесенном в ибрагимовском стиле монологе главного героя Султана, который знакомит читателя с поучительными для того противоборствующего времени жизненными судьбами его однокашников. Вызывающее и у героя, и у читателя чувство большого сожаления обстоятельство, что пути-дороги молодых друзей-односельчан Султана Шахбаза, Гилязи, Гали и Фазыла, которые до Октября росли под лучами «одинаково ласкового для всех солнца» и дышали «одним воздухом», так резко разошлись в годы Граждан-

активной личностью как Г.Исхаки, Ф.Амирхан и Г.Тукай, Ибрагимов вскоре стал одной из самых заметных фигур в татарском мире. В его дооктябрьский период особенно важными и значимыми по сей день остаются литературное творчество и изыскания в области критики и эстетики, которые к тому же до сих пор недостаточно изучены или ждут более объективного исследования. Дело в том, что в прежние годы больше внимания уделялось его общественной деятельности и участию в революционном движении, а его литературное творчество нередко и несколько волевым путем «прицеплялось» к той деятельности. Между тем Ибрагимов-общественник и Ибрагимов-художник не всегда шагали по одной дороге, порой они как-то и расходились. Так, в своей общественной деятельности он стоял на четких марксистских, а позже большевистских позициях, а в литературном творчестве большей частью оставался романтиком, живущим в мире несбыточных мечт и грез. Однако природный талант способствовал тому, что его романтические в основном произведения становились, как правило, подлинными творениями искусства. И в этом плане его рассказы и романы светились как-то ярче на общем фоне прозы того времени. Другими словами, по своему стилю творчество Ибрагимова четко выделялось в кругу его коллег по перу. Но стиливое своеобразие и вообще поэтический мир Ибрагимова этого периода еще ждут научного осмысления. Кроме того, в тогдашнем творчестве писателя до сих пор как-то оставляются в тени два его произведения – первые варианты романов «Судьба татарки» и «Наши дни». Между тем эти произведения заслуживают гораздо большего внимания как читателей, так и исследователей, ибо являются весьма заметными на самом деле явлениями в тогдашней прозе писателя, свидетельствующими о его существенных исканиях. Так, в первом варианте

«Судьбы татарки» автор, с одной стороны, на основе лично увиденного достаточно объективно отображает духовно-нравственный мир дореволюционной татарской деревни, который позднее, в советское время, освещался весьма предвзято и преимущественно в темных тонах. С другой же стороны, названное произведение и сегодня привлекает внимание читателя весьма оригинальным художественным решением судьбы татарской женщины, ставшей тогда общенациональной проблемой. В то время, когда в литературе возобладал мотив трагической женской судьбы, Ибрагимов задался целью отразить свой идеал свободолюбивой женщины, не желающей покориться судьбе, а по-своему отстаивающей свою честь и человеческое достоинство. Героиня романа – гордая Гюльбану не хочет согласиться с долей рабыни в доме властной и самодурной свекрови и, переодевшись в мужскую одежду, убегает из того дома-тюрьмы, затем в поисках счастья колесит по стране. Но, нигде не найдя его, она через некоторое время возвращается в отцовский дом. И читатель теперь уверен, что отец больше не осмелится решать судьбу своей дочери без ее согласия. Вот так героиня добивается свободы в решении вопросов своей личной жизни. Следует сказать, что если в этом произведении весьма злободневную для дореволюционного татарского общества проблему свободолюбивой женщины писатель решает в романтическом ключе, то в другом романе – в «Дочери степи» ее он освещает уже на материале несколько отличного от татарского быта казахов, кочевой образ жизни которых на степных просторах предоставлял женщинам немного больше прав и они вели себя более раскованно. В общем внося достойный идейно-художественный вклад в развитие татарской прозы начала XX века, это произведение, следует отметить, стало своеобразным эталоном для

казахских писателей в освещении их национального бытия.

Что касается творчества Г.Ибрагимова советского периода, то оно ныне нуждается в еще более глубоком научном осмыслении и оценке. Дело в том, что это творческое наследие писателя в прежние годы трактовалось в основном в духе тогдашней идеологии, то есть весьма идеологизированно и потому однозначно. Между тем Ибрагимову в советское время приходилось творить в достаточно сложной и противоречивой идейно-эстетической атмосфере. С одной стороны, он опирался на свой и общенациональный литературный опыт недавнего прошлого, с другой же стороны, писатель жил и творил в обстановке всерастущего воздействия на него новых идеологических установок, в которые он к тому же часто искренне верил и следовал им как в жизни, так и в творчестве. Отсюда – неоднозначность и порой внутренняя противоречивость его произведений. Судьбу писателя в советское время следует трактовать теперь по-иному, а именно как трагедию человека, порожденную той общественной системой, которой он был предан до конца жизни.

При обновленном изучении творческого наследия Ибрагимова советского периода, прежде всего, необходимо наконец-то обратить внимание на раскрытие преемственной связи между двумя периодами его творчества – дооктябрьского и после 1917 года, что в общем является одним из важных свидетельств существования связи поколений в татарской литературе указанных исторических этапов, что, как известно, в прошлом нередко или игнорировалось или вообще отрицалось. На самом же деле, тот же Ибрагимов из своего дореволюционного эстетического багажа в советский период творчества перенес уже упомянутый романтизм, которым, несмотря на «нелюбовь» к нему тогда официальной пропаганды, маститый писатель оказал

большое воздействие на целый ряд молодых прозаиков, особенно в начале 20-х годов. И тогда же на этой волне стала формироваться ибрагимовская «школа» в литературе.

Помимо общих тенденций развития творчества Г.Ибрагимова после 1917 года, ныне ощущается необходимость обновленного осмысления и конкретных произведений этого периода, которые до сих пор также рассматривались в основном в рамках уже названных идеологических установок. Если взять, первое его прозаическое сочинение, посвященное новой революционной действительности, – повесть «Красные цветы» (1921), то в ней объективно наблюдается одна тенденция, часто встречающаяся в мировой литературной практике. Дело в том, что у больших художников слова нередко реальный смысл произведения, порожденный их талантом, оказывается шире и глубже их личных общественно-политических взглядов или связанных с ними творческих замыслов. В качестве примера обычно называют Бальзака и Стендаля во французской литературе или Достоевского и Толстого – в русской. Так и Ибрагимов, стоявший тогда на революционно-большевистских позициях, в упомянутой повести задался целью отразить идею, подсказанную официальной пропагандой нового времени.

И она находит достаточно емкое выражение в следующем произнесенном в ибрагимовском стиле монологе главного героя Султана, который знакомит читателя с поучительными для того противоборствующего времени жизненными судьбами его однокашников. Вызывающее и у героя, и у читателя чувство большого сожаления обстоятельство, что пути-дороги молодых друзей-односельчан Султана Шахбаза, Гилязи, Гали и Фазыла, которые до Октября росли под лучами «одинаково ласкового для всех солнца» и дышали «одним воздухом», так резко разошлись в годы Граждан-

ской войны и они оказались на противоположных берегах борьбы двух миров, писатель объясняет обострением революцией классовых противоречий между ними. И объективный ход повествования подводит нас к выводу, что переродив вчерашних односельчан – детей одного народа в классовых антиподах, Октябрьский переворот и Гражданская война в конечном итоге расчленили нацию на антагонистические классы и тем самым разрушили ее прежнее единство и целостность, что имело весьма печальные последствия для ее будущего. Так, исходя из классового принципа, при советской системе было ликвидировано целое сословие предпринимателей в лице хозяев заводов и фабрик, купцов, была подвергнута идеологической стерилизации национальная интеллигенция и т.д. Как известно, такая антинародная роль революции и Гражданской войны несколько позже еще более выпукло была отражена и в «Тихом Доне» М.Шолохова. В нем мы видим, что в те кровавые годы даже члены отдельных семей оказываются во враждующих между собой лагерях и убивают друг друга.

В идейном плане этому произведению весьма созвучно объективное содержание еще одного романа Г.Ибрагимова – «Глубокие корни» (1928), оцененного до сих пор также весьма односторонне. Поэтому произведение теперь нуждается в более разностороннем рассмотрении. Правда, эту потребность времени порой стремятся удовлетворять и весьма необдуманными предположениями. Примером тому может быть попытка низвести данный роман большого социально-нравственного звучания до заурядного детектива¹, традиционно относящегося к так называемой «массовой

культуре», проще говоря, к книжному чтиву, занимательно или со вкусом описывающему раскрытие какого-либо преступления, чаще всего, убийства. Вот почему сочинения подобного рода раньше не претендовали на идейно-художественную значительность в мире литературы. Современный, особенно западный детектив, становясь все менее содержательным и духовным, превращается в важное орудие пропаганды и, проникая уже в самые отдаленные уголки земного шара, завладевает повсюду умами прежде всего молодых читателей, порой толкает их и на преступления.

Что же касается романа «Глубокие корни», то в нем мы имеем дело лишь с использованием отдельных приемов традиционного детективного сюжета в социально значимом произведении, что иногда действительно практикуется в художественной литературе. В отличие от классического тогда, в 20-е годы XX века, детектива с его специфической идейно-тематической направленностью, Г.Ибрагимов берется за освещение присущей серьезному творчеству и популярной для своего времени идеи борьбы за новую жизнь и против ее врагов. Авторский замысел находит отражение уже в названии произведения. А суть «глубоких корней» образно раскрывается в одном эпизоде романа, где описывается следующая картина летней природы: «Пронесся ураганный вихрь, закружился над оврагом Яманкул и со страшной силой опрокинулся на высившийся одиноко дуб, взметнув вокруг него густое облако песка и пыли. В тот же миг раздался оглушительный грохот, и молнии, плясавшие над взлохмаченной волнами рекой, огненной плетью захлестнули могучий дуб от корня до самой кроны и, вырвав, бросили его,

¹ Так, в автореферате кандидатской диссертации Р.Галиуллина «Эволюция детектива в татарской литературе» (Казань, 2007) роман «Глубокие корни» рассматривается как первый детективный роман в татарской литературе советского периода и представляется весьма посредственным по идейно-художественному звучанию произведением 20-х годов минувшего века.

опаленный, поперек оврага. И тут же все затихло. Сразив вековечный дуб – будто для того лишь и затеяли они огненную игру, – и громы, и молнии, и ветры перекатились дальше, за Волгу... А небо, затянутое набухшим грузным пологом туч, разверзлось обильным дождем. Поля и луга, горы, леса, равнины подставили грудь небу и насыщались благодатной влагой». Здесь ураганный вихрь и молнии олицетворяют революцию, а вековечный дуб с его вырванными глубокими корнями – все старое в жизни, куда относится не только действительно отжившее и устаревшее, но и все духовно-нравственное наследие прошлого.

Старый мир, разрушенный революцией, в романе персонифицирован в образе Вали Хасанова, который теперь также нуждается в переосмыслении. Объективное содержание произведения свидетельствует о том, что этого честного и интеллигентного по натуре человека, подобно известным и почитаемым ныне меценатам в начале минувшего века заботившегося и о национальных нуждах своего народа, революция, из-за того только, что в прошлом он был богачом, сделала изгоем на его же родной земле. Хотя, несмотря ни на какие несправедливости и лишения, он своим опытом и способностями хозяйственника хочет служить новой системе, но советская власть, навязчиво видя в нем только классового врага, обрекает его на трагический финал.

В образе Вали Хасанова, к сожалению, в некоторых публикациях до сих пор рассматривающегося по ныне везде отвергнутому классовому принципу 20-30-х годов минувшего века (на той же позиции остался и автор уже упомянутого автореферата), объективно находит отражение трагическая судьба честного и умного человека в первые послеоктябрьские десятилетия. Главной причиной тому была обостренная классовая ненависть рождающейся системы ко

всему прошлому как к буржуазному. Судьба ибрагимовского героя ныне звучит и как нравственный приговор этой системе, которая в те годы у десятков и сотен тысяч людей, таких, как Хасанов, породила жизненную драму или трагедию. Такая трактовка этого образа значительно повышает идейно-эстетическое значение данного произведения в целом и его роль в прозе того времени.

При объективной характеристике творчества Ибрагимова после 1917 года в настоящее время еще больший интерес представляет его повесть «Люди» (1923). Хотя после продолжительного предания забвению по идеологическим соображениям она в последнее время стала привлекать внимание исследователей, но еще не получила достаточно глубокого научного осмысления и оценки. В этом произведении с современной точки зрения весьма существенны два аспекта – философский и художественный. Первый из них касается идейного замысла автора. Писатель здесь задается целью испытать человека голодом, вызванным в данном случае, по убеждению автора, таким природным бедствием, как засуха. Некоторые герои повести – простые сельские жители – не выдерживают этого очень тяжелого физического и духовного испытания и превращаются в людоедов. В целом писатель приводит читателя к философскому заключению о том, что человек насколько велик своим высоким социально-нравственным назначением и талантом, настолько же он мал и ничтожен перед всеокрушающими силами природы. Здесь вызывает несогласие только то, что писатель голод 1921 года связывает лишь с небывалой засухой. Между тем в этой по существу национальной трагедии очень горькую роль сыграла кампания властей по продразверстке, которая обрекла многих татарских крестьян на голод и вымирание. В общем же трагедия 1921 года явилась следствием стремления реализовать идею создания

гуманного советского общества негуманными методами.

Ибрагимов в этой повести объективно выступил против общепринятой тогда идеологической установки, что в изображении строительства нового справедливого общества в нашей стране не может быть места жанру трагедии. Поэтому в освещении этой новой темы официально отдавалось предпочтение романтическим или панегирическим формам. В таких условиях создав свою повесть, Ибрагимов обогатил по существу всю татарскую литературу 20-х годов XX века, посвященную современной теме, очень нужным тогда для освещения данной темы жанром трагедии в прозе.

В настоящее время ощущается необходимость в более объективной оценке и послеоктябрьских вариантов романов «Судьба татарки» и «Наши дни». Дело в том, что они до сих пор трактуются в идеологическом духе прошлых лет, то есть как произведения, идейно более зрело освещающие дореволюционную действительность, и потому считаются вершинными творениями писателя в советский период. Между тем в содержательном плане новые варианты несколько уступают прежним. Причиной тому – идеологическое воздействие на писателя советского времени. Так, из-за усиления классового подхода к освещению жизни в последних вариантах несколько упрощенно отображается дооктябрьский татарский мир. К примеру, в последнем переработанном издании «Наших дней» значительны сокращены разделы, изображающие жизнь и учебу в медресе, которые были бы весьма интересны и для современных читателей, очень слабо осведомленных о таких сторонах дореволюционного национально-бытия. Кроме того, в этом варианте искусственно усилена роль большевиков в общественной жизни татар. Что касается «Судьбы татарки», то во втором варианте романа автор также под воз-

действием новой идеологии заметно стусцает краски при изображении дореволюционного деревенского бытия, где героиня Гюльбану со своей светлой душой и помыслами, как и Катерина из «Грозы» А.Н.Островского, предстает «лучом света в темном царстве». И не выдержав своего рабского положения в том темном для нее мире, повторяет поступок названной русской героини – бросается в реку. Тем самым трагическая судьба Гюльбану в произведении используется согласно идеологическим предписаниям нового времени, как средство для бичевания старого темного и жестокого мира и восхваления Октябрьской революции, разрушившей до основания тот мир. Хотя в романе речь идет о полупатриархальной деревне, находящейся вдали от общественно-культурных центров татар, в целом же автор из-за указанной причины создает скорее предвзятое обобщенное представление о национальной деревне начала XX века. Как известно, то же самое произошло и в повести «Чернолики» М.Гафури, написанной в те же 20-е годы. В ней под воздействием тогдашней идеологии также была воссоздана нетипичная картина бытия дореволюционной татарской деревни. Причем идеологические шоры времени тогда часто не позволяли не только таким писателям, как Г.Ибрагимов и М.Гафури, но и всей литературе создавать объективное представление о национальном бытии.

Важную часть разноликого творческого наследия Ибрагимова составляют его научные труды, посвященные изучению языка, искусства и истории родного народа. Хотя у нас немало сделано по изданию и изучению этого наследия, но теперь вместе с тем приходится признать, что предстоит еще значительная работа по научно-объективному исследованию деятельности Ибрагимова-ученого. В частности, ныне повышенный интерес представляет изучение его оценки творчества Исхаки и Тукая, что весь-

ма важно еще с точки зрения осмысления некоторых характерных явлений или тенденций развития у нас литературно-теоретической мысли в начале минувшего столетия. Примечательна с этой стороны, например, трактовка Ибрагимовым пьесы Г.Исхаки «Учительница», которая, как известно, в свое время из-за злободневности проблематики вызвала живой интерес литературной общественности и оценивалась отнюдь неоднозначно. Так, если целый ряд критиков (Г.Гисмати, Ш.Ахмадеев, Г.Карам, Дж.Валиди, А.Мухутдиния и др.) рассматривали ее как романтическое произведение, отражающее авторский идеал, то Ибрагимов осмысливал ее с позиции реализма и критиковал драматурга за то, что в образе Фатимы он не показал реальную учительницу, как ему хотелось. И хотя критик приводит слова Пушкина о том, что то или иное произведение следует оценивать по тем литературным канонам, которые избрал его автор, но при рассмотрении пьесы Исхаки он как-то забывает об этом и судит о ней, не учитывая авторского замысла, и это мешает ему объективно трактовать ее.

Еще большее значение имеет теперь объективное изучение оценки Ибрагимовым творчества Тукая в целом в его известном труде «Татарские поэты». Здесь уже превалирует романтическая трактовка автором творчества трех ведущих наших поэтов начала минувшего века. Следует сказать, что подобный ход оказался весьма плодотворным при оценке творений С.Рамеева и Дэрдменда из-за их в основном романтико-философской направленности, но часто субъективным и спорным – в рассуждениях о поэзии Тукая-реалиста. Так, он не может согласиться с тем, что поэт от традиционного в поэзии «высокого» стиля переходил к «низкому», близкому массам стилю, целью которого было реалистическое освещение многотрудной жизни и драматичной судьбы род-

ного народа. Вообще, Ибрагимову, привыкшему тогда считать поэзию миром божественным, прекрасным и тонких чувств, было как-то не по нутру стремление Тукая сделать ее более «земной». При анализе этой работы выясняется, что в понимании сущности и назначения поэзии Ибрагимов и Тукай разнятся по многим позициям. Так, если первый отдавал предпочтение чувственному началу в ней, то второй – началу мыслительному. Весьма разным оказывается и их отношение к отражению в поэзии явлений природы. К примеру, Ибрагимов считает, что весну следует изображать как мир прекрасного, который одухотворяет душу человека, а осень должна напоминать ему о старости и смерти и вызывать чувства печали и тоски. В стихах же Тукая он не обнаруживает ничего подобного. И это понятно. Ибо для народного поэта изображение явлений природы не самоцель, к ним он обращается преимущественно в поисках поэтических средств. Так, в стихотворении «Осень» он изображает явления природы для выражения своей заботы о судьбах родного народа, заявляя:

Качан соң, и фәкыйрь милләт, бәһарең!
Качан китәр кичең, килер нәһарең?

Когда же, о бедная нация, придет весна твоя,
Когда же уйдет вечер твой и наступит утро твое?

(Подстрочный перевод)

Неоднозначна оценка Ибрагимовым народности творчества Тукая. Так, в содержательном плане он положительно воспринимает эту черту поэта, заявляя, что в его стихах находит отражение то, о чем думает народ, что он чувствует, и тем самым обнаруживает в поэте свои думы и чаяния. Следует подчеркнуть, что такое свойство тукаевской поэзии было порождено его врожденной сопричастностью к судьбе родного народа. Дело в том, что в короткой жизни поэта как в капле воды отразилась вся много-

УДК 82.0:372.8

ИСЛАМСКИЙ ВОСТОК И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА (К ПРОБЛЕМЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР)

Р.Ф. Мухаметшина, доктор педагогических наук

Россия объединяет народы разных национальностей и конфессий, в том числе и народы, связанные с исламской культурой, которые по традиции называют «восточными». По справедливому утверждению Вяч.Вс. Иванова, русская литература, «русская поэзия включает в себя и Восток как часть нашей живой истории, длящейся в опыте современности» [Иванов: 424].

Особенности русской цивилизации, соединяющей в себе Запад и Восток, христианство и ислам, Библию и Коран, нашли отражение в произведениях русских писателей и поэтов, в истории русской литературы и культуры. Этот богатейший материал может быть использован современными учителями и методистами для реализации нового подхода к изучению русской словесности, выражающегося в диалоге культур разных народов и цивилизаций, диалоге русской и родной культур.

Национальная история России, связанная с исламом, была раскрыта Н.М. Карамзиным в его многотомной «Истории государства Российского», оказавшей значительное влияние на формирование и развитие передовой русской мысли. Историк оценил важность татарского элемента в социальной эволюции Московского государства и сделал важные открытия о золотоордынском периоде российской истории. Золотордынский период, по мнению историка, характеризует начало исламо-христианского диалога, который выразался в

мирном сосуществовании православного христианства, занимавшего абсолютные позиции на Руси, и ислама, религии господствующих ордынцев. Карамзин писал: «Одним из достопамятных следствий татарского господства над Россией было возвышение нашего духовенства, размножение монахов и церковных имений...Ханы под смертною казнию запрещали своим подданным грабить, тревожить монастыри... Владения церковные, свободные от налогов ордынских и княжеских, благоденствовали...» [Карамзин:429].

С исламским Востоком, с Кораном тесно связано и творчество великого русского поэта А.С. Пушкина, который познакомился с Кораном в 1825 году в Михайловском в переводе М.И. Вережкина, обладавшего художественным даром и мастерски выполнившего взятую на себя задачу. Коран открыл поэту новый, интересный и необычный для русского человека мир: «В пещере тайной, в день гоненья,/Читал я сладостный Коран./Внезапно ангел утешенья,/Влетев, принес мне талисман».

Этот мир раскрывается А.С. Пушкиным в цикле стихотворений «Подражания Корану», в котором он не просто фиксировал содержание и структуру священной книги мусульман, но и нашел новые идеи, образы, чувства, которые стали составной частью его мировоззрения и творчества.

Очевидно не только внешнее, но и внутреннее сходство стихотворения

А.С. Пушкина «Пророк» с ветхозаветной традицией: в основе сюжета лежит библейская история о пророке Исае. По мнению исследователей, сюжет стихотворения близок и восточному преданию об избрании пророка Мухаммеда: «Начальную строку 94 суры Корана «Разве мы не раскрыли тебе твою грудь? (пер. И.Ю. Крачковского) стали понимать так, что ангелы по приказу Аллаха вынули у Мухаммеда из груди сердце. Вероятно, это толкование, известное А.С. Пушкину, могло войти составной частью в замысел «Пророка» [Иванов: 432].

Верность следования духу Корана у Пушкина можно подтвердить и анализом формы изложения стихотворения «Пророк». В священных книгах иудеев и христиан (Торе и Евангелии) повествование ведется от третьего лица: кто-то доводит до верующего заповеди Бога. В Коране Аллах говорит от первого лица: в этом прямом, непосредственном обращении заключена та огромная духовно-нравственная сила воздействия, которую испытывает читатель священной книги мусульман. Пушкин как поэт оценил выразительные возможности Корана и воспользовался этой формой в заключительных строках «Пророка», которые содержат прямую речь Бога, обращенную к пророку (поэту).

Стихотворения «Подражания Корану» и «Пророк» являются свидетельством глубины исторической интуиции великого русского поэта, уловившего родство двух воспринятых им традиций.

А.С. Пушкин внес решающий вклад в то, чтобы при сопоставлениях христианства и ислама выйти из антиномии «свое – чужое», надолго определил отношение небольшой, но лучшей части русской литературы к исламу. Вокруг него образовалась и постоянно расширялась атмосфера диалога с Востоком. Поэт вовлекал в орбиту восточных интересов Вяземского, Рыльева, Чаадаева, Бестужева, Дельвига и других своих друзей.

Близкий друг Пушкина, П.Я. Чаадаев, мировоззрение которого носило ярко выраженный религиозный характер, отмечал, что пророк Мухаммед является представителем той же духовной традиции, что Моисей и Давид. Стремясь развенчать царившие в обществе антиисламские предрассудки и примирить две великие монотеистические традиции, Чаадаев заявляет, что в Коране нет почти ни одной главы, в которой не упоминалось бы об Иисусе Христе. Оставаясь приверженцем своей религии, Чаадаев приходит к выводу: «Представляя результат религиозного брожения, вызванного на Востоке появлением новой религии, магометанство занимает первое место в ряду явлений, на первый взгляд, не вытекающих из христианства, на деле же несомненно происходящих из него» [Чаадаев: 123 – 124].

Арабо-мусульманский мир, Запад и Восток стали вопросами полемики о культурно-исторической идентичности России, ее места в европейской цивилизации, развернувшейся между славянофилами и западниками. Идеолог славянофильства А.С. Хомяков в статье «Черты из жизни халифов» писал, что ислам основывается отчасти на истинных началах и имеет с христианством общие истоки: «Магометанство происходило от того самого корня, от которого шел и закон Моисеев... Потомки Авраама по Измаилу поселились в Аравии и сохранили то же самое предание, с примесью некоторых заблуждений и ложных учений» [Хомяков: 483 – 484].

В 1858 году журнал «Современник» опубликовал русский перевод книги Вашингтона Ирвинга (1783–1859) «Жизнь Магомета», которая приобрела в России большую популярность. Известный литературный критик и публицист Н.А. Добролюбов пишет на книгу Ирвинга подробную рецензию, в которой, не указывая своего авторства, пытается объективно разобраться в личности Пророка. Сторонник глубокого и всесторон-

него изучения всемирной истории, он признает «естественное происхождение магометанской религии и развитие мусульманского могущества, сообразное с характером самого учения и с характером народов, которые его приняли [Добролюбов: 114].

Вырощий на наследии Карамзина и Пушкина, знавший перипетии интеллектуальных разногласий между славянофилами и западниками, Ф.М. Достоевский ратовал за уникальность русского духовного опыта, так называемой русской идеи, отмечая одновременно и ее общечеловеческий характер.

Общение с известным казахским просветителем Чоканом Валихановым (1835–1865), с которым он познакомился в Омске, помогло Достоевскому глубже понять суть исламского вероучения как духовной традиции мусульманских народов России. Позитивный опыт восприятия ислама писатель передал в своих произведениях «Преступление и наказание», «Идиот», рассказе «Сон смешного человека». В названных произведениях он затрагивает волновавшие его вопросы, связанные с пониманием различных сторон ислама и пророческой миссии пророка Мухаммеда. Он оспаривает мнение героя «Преступления и наказания» Раскольникова, считающего Мухаммеда жестоким пророком, и доказательно убеждает, что Мухаммед и Христос – божьи посланники, не соперничающие друг с другом, а несущие одну спасительную миссию. Огромный внутренний смысл заложен в эпилоге романа, когда Раскольников стоит на берегу Иртыша и, вглядываясь вдаль, думает об Аврааме как идеальном «общечеловеке» и настоящем духовном подвижнике, жившем когда-то в Палестине и заложившем каноны истинного единобожия [Достоевский, Т.5: 572]. Именно в постижении этих канонов Раскольникову суждено утолить духовно-нравственную жажду, которая его мучает. В «Идиоте» писатель, рассуждая о

падучей болезни князя Мышкина (Достоевский сам был подвержен этому недугу), проводит параллель с беспокойным состоянием пророка Мухаммеда, когда тому через архангела Джабраила являлись Откровения Всевышнего. Достоевский считал, что таким образом Бог отмечает тех, кому суждено выполнить Его волю [Достоевский, Т.6: 257]. «Сон смешного человека» – это сложная развернутая метафора некоей синтетической религии (по замыслу автора, опирающейся на духовные ценности, открывшиеся Моисею, Иисусу и Мухаммеду), которая для непосвященных кажется смешной («над которой смеются»), но за которой будущее («Я иду проповедовать Истину, так как я ее видел») [Достоевский, Т.10:440]. Герой рассказа одержим идеей устроить рай на земле, и путь к решению этой задачи ему видится в евангельском правиле: «люби других как себя», что составляет этический стержень не только христианской, но и других монотеистических религий.

Л.Н. Толстой, автор блестящих произведений о жизни мусульманских народов России («Хаджи-Мурат», «Кавказский пленник», «Ильяс» и др.), детально знавший уклад и быт горцев, татар и башкир, их национальные и религиозные традиции, значительное внимание в своем творчестве уделил исламу. Вопросы нравственного совершенствования человека осмыслялись им сквозь призму духовных исканий и поисков. М.В. Черкезова в методическом пособии «Литература и культура» пишет о гуманистической направленности повести «Хаджи-Мурат», утверждающей возможность сближения, взаимопонимания между лучшими людьми каждого народа, несмотря на различия в культуре, обычаях, традициях. Это делает произведение «чрезвычайно актуальным в наше время, в период межэтнических конфликтов и нарастающего межнационального отчуждения» [Черкезова:30].

Сложный и противоречивый характер восприятия ислама в общественном сознании России выразил русский философ В.С. Соловьев, автор очерка «Магомет, его жизнь и религиозное учение». Появлению этой работы предшествовало широкое знакомство Соловьева с современной научной исламоведческой литературой. Очерк можно охарактеризовать лучшей интерпретацией ислама в русской философии и в целом общественной мысли XIX века. Соловьев в духовной эволюции человечества отводит исламу исключительно важную роль и благодаря полученным знаниям об исламе развенчивает связанный с идеей джихада миф о религиозном фанатизме и нетерпимости мусульман. «Цель священной войны, – писал он, – не есть обращение неверных в ислам, а только их покорность исламу. Таким образом, противоречие здесь только кажущееся, и в учении Мухаммеда веротерпимость вполне совмещается с идеей священной войны» [Соловьев:46].

Вяч.Вс. Иванов писал, что «пушкинская традиция по отношению к мусульманскому Востоку едва ли не прямее отразилась и продолжилась в стихах Бунина», в творчестве которого можно найти целые циклы, навеянные Кораном [Иванов: 452]. Бунин черпал в Коране многочисленные мотивы и сюжеты, которые творчески переосмыслились, играя роль импульса для развития поэтических философско-мифологических интерпретаций и продолжений.

Начало века для символистов было временем синтеза идей Востока и Запада, для поэзии авангарда также было характерно освоение восточных поэтических форм. Поэт-футурист Хлебников видел одну из неотложных задач русской словесности в том, чтобы раздвинуть исторический и географический кругозор, показав «государство на Волге – старый Булгар, Казань, древние пути в Индию, сношения с арабами» (О расширении пределов русской словесности, 1913г.).

«Духовное молоко Корана еще нужно для человечества», – писал русский писатель и философ В.С. Соловьев, подражая дальнейшее духовное развитие человечества с принятием и постижением религиозных ценностей ислама, единой, внутренней стройной, открытой диалогу культуры.

Возрождение национальных литератур, возврат к собственным национальным корням и традициям, поиски новых форм взаимодействия, взаимобогащения литератур и культур требуют современного литературоведческого и методического осмысления проблемы диалога русской (православной) и восточной (исламской) культур. Заложенная в диалоге культур сила художественного творчества способна служить преодолению межэтнических и межконфессиональных барьеров XXI века, формированию человека с гуманным мышлением, человека культуры.

Литература

1. Асадуллин Ф.А. Москва мусульманская: история и современность. Очерки / Ф.А.Асадуллин. – М.: УММА, 2004. – 225 с.
2. Добролюбов Н.А. Собр. соч: В 3 т. Т. 1. – М.: Худож. лит., 1986.
3. Достоевский Ф.М. Собр. соч: В 10 т. /Ф.М.Достоевский. – М.: Худ. лит., 1956.
4. Иванов Вяч.Вс. Темы и стили Востока в поэзии Запада / Вяч.Вс.Иванов // Восточные мотивы. Стихотворения и поэмы. – М.: Наука, 1985. – С.424–469.
5. Карамзин Н.М. Предания веков: Сказания, легенды, рассказы из «Истории государства Российского» /Н.М.Карамзин. – М.: Правда, 1988. – 766 с.
6. Соловьев В.С. Магомет, его жизнь и религиозное учение / В.С.Соловьев. – М.: Собрание, 1994. – 231 с.

7. Хомяков А.С. Сочинения в 2-х т. / А.С.Хомяков. – М.: Моск. философ. фонд: Медиум, 1994. – Т.1. – 786 с.
8. Чаадаев П.Я. Статьи и письма / П.Я.Чаадаев. – М.: Мол. гвардия, 1990. – 342 с.
9. Черкезова М.В. Литература и культура: Пособие для национальной школы / М.В.Черкезова. – М.: ИНПО, 1999. – 125 с.

Summary

Questions of interaction of Russian literature and Occidental culture widely described in studying literature and methodological science. Here the author discusses questions about interaction of Russian (Orthodox) and Oriental (Islam) culture. History of Russia, connected with Islam, discovering Islamic Orient by Karamzin, by Chaadayev, Dobrolubov, Tolstoi, Dostoyevskiy and other representatives of Russian literature and esthetic thoughts can be used at school and university practice for fulfilling the cultural dialogue in language and literature teaching.

УДК 821 (091)

К ИЗУЧЕНИЮ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ ПИСЬМЕННЫХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Ф.Ш. Нуриева, доктор филологических наук

В отечественной тюркологии значительная заслуга в разработке проблемы литературных традиций письменных тюркских языков и сама ее постановка принадлежит А.Н. Самойловичу. Главное положение концепции А.Н.Самойловича заключается в подчеркивании единой основы тюркского литературного языка: «...правильнее признавать, – писал он, – единый среднеазиатско-турецкий [т.е. – тюркский. – *Н.Ф.*] (а не «чагатайский» или «восточно-турецкий» [т.е. – тюркский. – *Н.Ф.*]) литературный язык исламской эпохи» и установить внутри этого языка несколько периодов его развития в зависимости от культурных очагов, разных для разных периодов» [Самойлович, 1928:4]. Однако единый литературный язык, по мнению А.Н.Самойловича, не был однородным. Большая или меньшая степень проникновения разговорных особенностей разнохарактерных (принадлежащих различным классификационным группам), хотя и близкородственных языков, большая или меньшая степень следования нормам старого литературного языка обеспечивали вариативность языкового облика каждого памятника.

Положение о единстве литературного языка и положения об изменчивости его под влиянием живых диалектов лежали в основе выдвинутой А.Н.Самойловичем периодизации существования и развития письменной культуры тюркских народов в рамках исламской цивилизации: первый период – с центром в

Кашгаре и с исходным моментом образования караханидского государства; второй – с центрами в бассейне нижнего течения Сырдарьи и Хорезма и с исходным моментом укрепления ислама среди огузов и кыпчаков; третий – с рядом центров в оседлой части Чагатайского улуса и с исходным моментом укрепления культурной жизни в тимуридских владениях. Этот период оказался золотым веком в истории «среднеазиатско-турецкой литературы», за которым именно в XV – XVI вв. закрепилось название «чагатайского» языка [Самойлович, 1928, 21].

Таким образом, концепция А.Н.Самойловича основана на признании непрерывности в развитии тюркского литературного языка. А. Н.Самойлович придает особое значение второму периоду, кыпчако-огузскому, в истории тюркских литературных языков исламской эпохи так как именно в этот период, а не в чагатайский, наметилась, благодаря образованию империи Чингиз-хана, обстановка, благоприятная для выработки единого литературного языка всех мусульманско-турецких племен монгольско-татарского государства и так как именно к этому периоду относится зарождение главных современных мусульманско-турецких (тюркских. – *Н.Ф.*) языков [Самойлович, 1928: 23]. А.Н.Самойлович прямо указывает на преемственность современного татарского языка по отношению к литературному языку Золотой Орды: «Казанско-татар-

ский литературный язык, переживший несколько периодов развития, старейшие корни свои, корни кыпчакские, имеет не в XV в., как принято утверждать, а в еще более ранних литературных произведениях Золотой Орды, в коих преобладают кыпчакские языковые элементы. Такова же начальная судьба и крымско-татарского литературного языка» [Самойлович, 1928: 21].

Дальнейшее развитие концепции А.Н.Самойловича о преемственности единой книжной традиции получила развитие в трудах Э.Р.Тенишева [Тенишев, 1988: 67–85; 1997: 35–38]. Ученый обращает внимание прежде всего на то, что преемственность языковой традиции должна обязательно учитываться, в противном случае формирование литературного языка будет приравниваться к модификации лишь диалекта, связанного с определенным этносом, то есть природа литературного языка не будет полностью раскрыта. Преемственность языкового развития, наследование престижной традиции – важный признак литературных языков [Тенишев, 1979: 81]. Он вносит также существенные уточнения и дополнения в концепцию А.Н.Самойловича: «Периодизация не может основываться на одном каком-либо признаке, она должна быть комплексной, учитывающей как собственно лингвистические, так и экстралингвистические факторы. Среди внутривидовых факторов каждый раз необходимо рассмотрение совокупных разнодиалектных признаков, сочетающихся в тех городских койне, которые лежат в основе национальных литературных языков. В результате этого рассмотрения приходится иметь дело с самостоятельным литературным языком или с каким-либо его этапом» [Тенишев, 1988: 89]. В экстралингвистическом плане необходимо выяснение степени распространения грамотности, культурно-исторической ситуации, ведущих культурных стимулов развития литера-

турного языка. Учитывая все эти обстоятельства, Э.Р.Тенишев приходит к выводу о том, что поскольку сочетание разнодиалектных признаков городских койне в каждый период позволяет говорить о статусе самостоятельных языков, то, очевидно, приходится иметь дело с классификацией литературных языков Центральной и Средней Азии, а не с периодизацией единого среднеазиатско-тюркского литературного языка.

Признавая обоснованным выделение А.Н.Самойловичем трех периодов в истории развития тюркских литературных языков, Э.Р.Тенишев предлагает добавить к этой схеме два литературных языка раннего периода: руническое койне и древнеуйгурский литературный язык. Формирование тюркоязычных письменных литературных языков Э.Р.Тенишев представил в виде следующей схемы: 1) язык памятников рунического письма (V–VIII вв.), 2) древнеуйгурский литературный язык (VIII–XI вв.), 3) караханидско-уйгурский литературный язык (XI–XII вв.), 4) хорезмско-тюркский литературный язык (XIII–XIV вв.), 4) чагатайский литературный язык (XV–XVIII вв.), 5) сельджукский, кыпчакский, болгарский есть «малые формы литературных языков XIII–XVIII вв.» [Тенишев, 1988: 67–85].

Достоинство подхода Э.Р.Тенишева к истории развития тюркских литературных языков, к их периодизации и классификации в том, что он опирается на новейшие достижения лингвистики в области типологии литературных языков, что позволяет обогатить тюркское языкознание и текстологию в плане комплексного подхода к характеристике письменно-литературных памятников, которые существовали в рамках конкретных языковых ситуаций.

Крупнейший специалист в области истории средневековых литературных языков Э.Н.Наджиб, в отличие от А.Н.Самойловича, исходит из признания множества литературных языков,

языков различного генетического плана и по преимуществу смешанных [Наджип, 1965: 3–8; 1970: 87–92; 1989: 244–249].

Наиболее древним литературным памятником на тюркском языке мусульманской эпохи является «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского (1069), язык которого Э.Н.Наджип определяет как «карлуко-уйгурский письменный язык восточной части Караханидского государства [Наджип, 1975: 7]; этот язык он понимает как уже смешанный, образовавшийся благодаря тому, что «карлукские» и некоторые из огузских племен слились с угурами, создав общий письменный язык и общую культуру. Язык «Кутадгу билиг» Э.Наджип относит к группе д тюркских языков [Наджип, 1975: 7].

Язык хикматов Ахмада Ясави ознаменовал, по мнению Э.Н.Наджипа, «возникновение и становление второго смешанного кыпчакско-огузского письменного языка низовьев Сыр-Дарьи» [Наджип, 1975: 12]. После монгольских завоеваний культурные центры тюркского мира перетерпевают изменения. У Э.Н.Наджипа по этому поводу читаем: «Монгольское нашествие нанесло серьезный удар развитию литературы в Средней Азии. В этот период центр литературной деятельности на тюркских языках перемещается из Средней Азии в Золотую Орду, Сирию, Египет. Что касается языка памятников, созданных в XIV веке, то его можно было бы назвать золотоордынско-египетским и золотоордынско-хорезмийским». Э.Н.Наджип признает существование в этот период следующих письменных языков: 1) старо-туркменский письменный еще в XIII в. в мамлюкском Египте достигает заметного развития; 2) смешанный огузско-кыпчакский письменный язык, отражающий особенности языка огузских племен, пришедших в Египет при сельджукидах, особенно при айубидах и язык кыпчакских пле-

мен, пришедших сюда вместе с огузскими; 3) смешанный кыпчакско-огузский письменный язык, сложившийся в XII в. в низовьях Сыр-Дарьи; 4) письменный язык третьей группы тюркских языков, сложившийся в низовьях Волги и северном Хорезме на основе языка огузско-туркменских племен, на который заметное влияние оказал язык кыпчакских племен и уйгурская литературная традиция периода правления караханидов; 5) староузбекский литературный язык, восходящий по одной линии к кыпчакско-огузскому языку й - группы.

Сопоставительное изучение памятников, появившихся в Египте и созданных на территории Золотой Орды, которые основываются прежде всего на выявлении их лексических особенностей, выделение лексем по их диалектным признакам и последующей их статистической обработкой, привели Э.Н.Наджипа к следующим выводам: 1) к XIV веку оформляется общий для Золотой Орды и Египта кыпчакско-огузский литературный язык й - группы; 2) параллельно с этим качественно новым литературным языком продолжает существовать более архаичный письменный язык з-группы, который Э.Н.Наджип называет огузско-кыпчакским литературным языком Нижнего Поволжья-Хорезма. Впоследствии этот язык дальше Поволжья не распространяется, а в Средней Азии он вытесняется й - языком. В Поволжье же он продолжает существовать вплоть до начала XX в. как язык повествовательных произведений мистического содержания [Наджип, 1988: 81–82].

Квалификация Э.Н.Наджипа при распределении средневековых тюркских памятников по фонетическим признакам д-з~й – расходится с классификацией А.Н.Самойловича. Огузские, кыпчакские и уйгуро-карлукские языки, по А.Н.Самойловичу, относятся к й - группе, северо-восточные - к группе д/м/з.

Между тем следует отметить, Э.Н.Наджип делает большой акцент на

орфографию того или иного памятника, в частности (**d** ~ **δ** ~ **j** язык), поскольку орфография текстов является вторичной по отношению к его языковой основе. С нашей точки зрения логичнее назвать **d** – графичный памятник, а не **d** – язык. И тогда через такие понятия было бы сложнее определять язык самого памятника [к примеру, как бы специалисты квалифицировали язык «Кутадгу билиг», если бы сохранилась только одна рукопись – либо наманганская (определенно **d** – язык), или каирская (определенно **d** – язык)]. Большой знаток истории литературных языков, их различных жанров, восточного стихосложения, специалист по живым тюркским языкам, Э.Н.Наджиб внес огромный вклад в изучение письменных памятников, связанных с золотоордынском циклом, а также в публикацию текстов и их переводов с пространными лексикологическими комментариями. Итогом этой деятельности явилось создание словаря языка исследуемых им текстов.

В истории татарского языкознания в начале 20-40-х годов XX века лингвистическое изучение языка памятников донационального периода, в частности золотоордынского цикла, представлено небольшим количеством работ. В то же время их описание с литературоведческой точки зрения и определение их места в истории тюркских литератур представлено очень широко. Уже первые татарские ученые Г.Рахим, Г.Газиз, Г.Губайдуллин, Н.Хаким, Г.Сагди широко использовали литературные тексты тюрко-татарской литературы, включали тексты в учебные пособия, при этом они обращали внимание и на языковые особенности, о чем свидетельствуют исследования С.Вахиди, в которых обобщены наблюдения по разным стилям: «Во второй половине XIV века в Золотой Орде существовал вполне обработанный местный литературный язык, отличающийся от уйгурского и так называемого

чагатайского наречия» (Архив, фонд 53, опись 1).

Г.Ибрагимов, Г.Сагди, обращая внимание на соотношение памятников с литературными памятниками среднеазиатского региона, специально оговаривали, что следы влияния таких древнеуйгурских памятников как «Кутадгу билиг», «Алтун Ярук», прослеживаются в ранних памятниках татарской литературы. «В результате у нас образовался такой пестрый тюркский язык, который был наполовину чагатайским и османским» [Ибрагимов, 1924: 124]. Г.Сагди еще тогда отметил смешанность языка. В языке преобладал «тюрки», и под этим термином стали понимать весь татарский литературный язык. В морфологии и синтаксисе поэтической и прозаической формы он был таким пестрым литературным языком, который состоял из кыпчакского, болгарского, уйгурского, чагатайского, турецкого, татарского языков [Сәгъди, 1924: 36–37]. В работах довоенных татарских филологов были подняты вопросы о месте языка золотоордынских памятников в системе истории татарского литературного языка, но к сожалению, эти вопросы не нашли достаточного освещения, что в значительной мере определяется тем, что в те годы не была создана теория литературных языков тюркоязычных народов. Также практически не был изучен язык отдельных памятников, поэтому в науке отсутствовала широкая фактологическая база. Однако усилиями этих ученых было показано, что татарский литературный язык имеет длительную историю своего формирования. Например, Н.Хаким, анализируя состояние литературного языка, начиная с эпохи Золотой Орды, указывает на общетюркский характер письменного языка [Хәким, 1928: 149], то есть, что он формировался во взаимодействии с литературными языками других регионов (чагатайский, османский) и на основе

традиции (орхонский, енисейский, каранидский).

Что касается периодизации, среди литераторов было распространено мнение, что собственно татарская литература начинается с XVI века [Сэгъди, 1926: 142]. В то же время Х.Бадиги, характеризуя пути развития татарского литературного языка, придерживается указанной выше точки зрения А.Н.Самойловича, что важной вехой для татарского литературного языка является второй период по классификации А.Н.Самойловича [Бэдигъ, 1930: 33–40].

Мысли этих ученых следует рассматривать как предпосылки для становления научной теории истории татарского литературного языка.

Новый взгляд на историю татарского литературного языка представлен в трудах Л.Заяля [Жәләй, 2000], в которых основное внимание уделено истории собственно татарского языка, с привлечением большого количества диалектных данных и на его литературных формах, причем в работе нет четкого различия между этими двумя понятиями: историческая грамматика и история литературного языка. Татарский литературный язык рассматриваемого нами периода Л.Заяля определяет как начальный этап, включающий язык письменной литературы XI–XVI вв. его как древний татарский язык.

В трудах В.Хакова и в специальном учебнике по истории татарского литературного языка предлагается схема деления истории татарского литературного языка, состоящая из шести периодов, из них донациональный распадается на три этапа:

1. Идел буе төрки һәм борынгы татар әдәби теленең барлыкка килә һәм үсү башлау чоры: Болгар дәүләте әдәби теле (X–XIII гасыр урталары).

2. Элгәреге (иске) татар әдәби теленең үсү чоры: Алтын Урта әдәби теле (XIII гасырның икенче яртысы – XV гасырның уртасы).

3. Элгәре (иске) татар әдәби теленең нормалашып житү чоры: Казан ханлыгы чоры әдәби теле (XV гасырның икенче яртысы – XVI гасырның уртасы) [Хаков, 1993: 17]. Интересно, ученый использует понятия «древний» (борынгы әдәби теле), старотатарский (элгәреге, иске татар әдәби теле) и параллельно термин золотоордынский литературный язык (Алтын Урта дәүләте әдәби теле). Древнетатарский увязывается с болгарским литературным языком, старотатарский литературный язык, по определению В.Х.Хакова, начинается в эпоху Золотой Орды, а казанский период – это этап сложившихся норм старотатарского литературного языка. Этот период в исследованиях татарских ученых называется разными терминами: обычно используется общее название «төрки тел», то есть тюрки (при спецификации: болгар төркисе, Казан төркисе, Идел буе төркисе); термин «поволжский тюрки», использованный в исследованиях Э.Н.Наджипа [Нәжип, 1957: 17], быстро вошел в научный оборот; в современных исследованиях ученые историки и филологи пользуются термином «тюрко-татарский», восстановленный М.Г.Усмановым [Усманов, 1979: 17], который отмечает, что термин привносит новое, конкретизирующее содержание: тюркское по роду и татарское по виду. Как было указано выше, историю государств и государственных образований начиная с самых древних времен до середины XVI века, то есть до момента завоевания Казанского ханства, принято называть этим термином. Действительно, в золотоордынский период в Поволжье была предпринята попытка сплочения, консолидации тюрков, как и всех народов Евразии.

Достаточно четкая стратификация татарского литературного языка представлена в работах Ф.С.Фасеева, в которых автор рассматривает всю его историю, начиная с древнейших времен. Интерес представляет то, что Ф.Фасеев

стремится соединить историю языка с социальной и этнической историей поволжских татар. Исторические истоки этноса он видит в тюркских племенах, приобретших свою государственность в Центральной Азии в рамках тюркского и уйгурского каганатов. Особое место в своих построениях он отводит союзу протобулгарских племен и государственным образованиям болгар на Волге. Именно к этому периоду (X–XII) он относит образование «тюркско-булгарского» койне и начало письменного языка тюрки [Фасеев, 1972: 59]. Образование «татарско-кыпчакского» разговорного койне и развитие литературного языка тюрки Ф.Фасеев связывает с государством Золотая Орда (XIII–XIV вв.). Следующий этап – это период Казанского ханства (XV–XVI вв.). В другой работе ученый рассматривает упомянутые выше три периода, то есть XI–XVI века как среднетюркскую эпоху [Фасеев, 1972: 62]. Таким образом, как и В.Х.Хаков, Ф.Фасеев объединяет золотоордынский период с казанским. Кроме того, в работах Ф.Фасеева утверждается, что тюркская письменная литературная традиция была заложена в памятниках древнетюркской рунической письменности [Фасеев, 1972: 60]. В своих трудах автор рассматривает такие важные понятия, как «разговорное койне», развитие функциональных форм языка и их связь с этнокультурными процессами, признаки литературного языка, противопоставление устно-разговорного языка и его письменно-литературной формы. Как известно, эти понятия являются очень важными при изучении истории литературного языка вообще.

В новейшее время татарскими учеными по-новому были осмыслены выказанные их предшественниками в 20–30-х годах XX века мысли о том, что в Поволжье возникла и получила развитие особая разновидность литературного тюрки. Новый взгляд на эту пробле-

му изложен в фундаментальных исследованиях Ф.С.Хакимзянова, в которых особое место отводится «поволжскому варианту среднетюркского литературного языка». Он отмечает в золотоордынский период социально-исторические факторы, которые являются причиной смены языковой ситуации. Эти взгляды ученого иллюстрируются на обширном материале эпитафических памятников волжских болгар. Им же отмечено также, что в Волжской Булгарии существовали местный тюркский язык и его письменные формы. Ф.Хакимзянов подчеркивает тот факт, что в донациональном периоде развития общества большую роль играет степень устойчивости и престижности более ранних литературных языков, то есть, сохраняя литературные традиции, чужой письменный язык, благодаря своей популярности в Поволжье и Приуралье, стал функционировать в языковой системе региона, то есть появился вариант регионального тюркского литературного языка [Хакимзянов, 1991: 132].

В монографическом исследовании Ф.М.Хисамовой (1995, 1999) рассматривается последующий этап развития татарского литературного языка донациональной эпохи (XVI – начало XIX вв.). Источником послужили обширные архивные материалы дипломатических актов, выявленных автором в различных архивах страны. Детальное изучение функционирования официально-делового стиля старотатарского языка показало, что этот функциональный стиль занимал важное место в культурно-исторической жизни татарского народа. Автор показал обусловленность возникновения и развития делового стиля языка, который, выйдя за рамки Поволжского региона, оказывал влияние на формирование региональных письменных традиций Сибири, Северного Кавказа и других регионов с тюркоязычным населением. Истоки этого стиля лежали в известных ярлыках и грамотах перио-

да Золотой Орды и Казанского ханства, а также Крымского ханства. И эта традиция устойчиво сохранилась в последующих веках, чему способствовала функциональная значимость официально-делового стиля, как одной из форм языка дипломатии и административной переписки. Ф.Хисамова своей работой доказала, что именно указанная последовательность и устойчивость функционирования официально-делового стиля татарского письменного языка способствовала сохранению старотатарских литературных традиций в такие периоды развития языка, когда в отсутствие татарской государственности на татарском литературном языке создавалось не так много произведений других функциональных стилевых разновидностей. Можно сказать, что глубоко проанализированный официально-деловой стиль татарского языка стал хребтом, благодаря которому были сохранены на протяжении всей истории литературного языка базовые черты в фонетике, грамматике, лексике, характеризующие именно указанный региональный вариант старотатарского литературного языка.

Одно из направлений развития и функционирования татарского литературного языка национального периода описано в монографической работе Г.Б.Башировой (Баширова, 2000), которая рассматривает язык памятников на обширном материале различных жанров и стилей: в художественных, публицистических, научных и эпистолярных текстах. Автор в своих работах сосредоточивает свое внимание на характеристике литературного языка указанного периода и освещает вопросы преемственности и обработанности литературных норм того времени, их вариативности и связи последней с функционально-стилистическими вариациями татарского литературного языка.

Глубокая теоретическая разработка проблем истории татарского литературного языка, начиная с его истоков, представлена в комплексе в исследованиях Э.Р.Тенишева. Красной линией через эти работы проходит утверждение о том, что литературный язык донационального периода также обладает свойственной любым другим литературным языкам совокупностью качеств, которые можно назвать различительными признаками. Причем татарский литературный язык в рассматриваемом нами золотоордынском периоде его развития (XIII–XV) обладал вариативностью, как и все литературные языки. Однако он выступал как специфический региональный литературный язык, занимающий свое место в общей линии развития тюркских языков.

Таким образом, трудами востоковедов XIX и XX века был накоплен фактический материал и осуществлены публикации письменных памятников Золотой Орды, в их трудах представлены разные аспекты истории развития татарского литературного языка донационального и национального периода.

В области изучения литературных традиций, которые связывают указанные периоды, известны различные точки зрения, которые объединяет, однако, принципиальное положение о том, что в данном регионе сформировался и функционировал особый вариант литературно-письменного языка, получившего разные наименования: тюрки, поволжский тюрки, старотатарский, тюрко-татарский и др.

Было показано также, что в этом языке слились литературные традиции ряда предшествующих эпох, что этот язык был функционально-стилистически неоднороден и что эти стили нашли свое отражение в языке многих письменных памятников разных жанров.

Литература

1. Архив Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ, фонд С.Вахидова 53-1, дело 26-43.
2. *Благова Г.Ф.* Тюркское склонение в ареально-историческом освещении: юго-восточный регион / Г.Ф.Благова. – М.: Наука, 1982. – 304 с.
3. *Зайончковский А.* К изучению Золотоордынской лексики / А.К.Зайончковский // Вопросы тюркологии: Сб.ст. – Ашхабад, 1975. – С. 17–27.
4. *Наджип Э.Н.* Кыпчако-огузский литературный язык мамлюкского Египта. XIV века: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Э.Н.Наджип. – М., 1965. – 94 с.
5. *Наджип Э.Н.* О средневековых литературных традициях и смешанных письменных тюркских языках / Э.Н.Наджип // Советская тюркология. – 1970. – №1. – С. 87–92.
6. *Наджип Э.Н.* Тюрко-язычный памятник XIV века «Гулистан» Сейфа Сараи и его язык: В 2-х кн. / Э.Н.Наджип. – Алма-Ата: Наука, 1975. – Кн. 1. – 210 с.; Кн. 2. – 301 с.
7. *Наджип Э.Н.* Исследование по истории тюркских языков XI – XIV вв. / Э.Н.Наджип. – М.: Наука, 1989. – 291 с.
8. *Нуриева Ф.Ш.* Исторические и лингвистические условия формирования тюрко-татарского литературного языка золотоордынского периода / Ф.Ш.Нуриева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – 376 с.
9. *Самойлович А.Н.* К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка / А.Н.Самойлович // Мир Али Шир. –Л., 1928. – С. 3 – 25.
10. *Тенишев Э.Р.* Языки древне- и среднетюркских письменных памятников в функциональном аспекте / Э.Р.Тенишев // Вопросы языкознания. – 1979. – №2. – С.85 – 93.
11. *Тенишев Э.Р.* Принципы составления исторических грамматик и истории литературных языков / Э.Р.Тенишев // Советская тюркология. – 1988. – №3. – С.67–78. 12. *Тенишев Э.Р.* Древнекыргызский язык / Э.Р.Тенишев. – Бишкек: Кыргызстан, 1997. – 56 с.
13. *Усманов М.А.* Жалованные акты Джичиева Улуса XIV – XVI вв. / М.А.Усманов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979. – 318 с.
14. *Фасеев Ф.С.* Основные этапы и компоненты формирования языковой общности татарской нации / Ф.С.Фасеев // Конференция по татарскому языкознанию, посвященные 50-летию СССР. Тезисы докладов. – Казань. – 1972. – С.57–63.
15. *Хакимзянов Ф.С.* Эпиграфические памятники волжских булгар и их язык / Ф.С.Хакимзянов. – М.: Наука, 1987. – 101 с.
16. *Хакимзянов Ф.С.* Варианты реализации поволжского литературного языка / Ф.С.Хакимзянов // Старотатарский литературный язык. Исследования и тексты. – Казань: Наука, 1991. – С. 28–37.
17. *Хисамова Ф.М.* Функционирование и развитие старотатарской деловой письменности (XVI – нач. XVII вв.): Дис. ... д-ра филол. наук / Ф.М.Хисамова; Каз.гос.ун-т. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1995. – 418 с.
18. *Хисамова Ф.М.* Татарский язык в восточной дипломатии России (XVI – нач. XVIII вв.) / Ф.М.Хисамова. – Казань, 1999. – 407 с.

1. *Баширова И.Б.* XIX гасыр ахыры – XX йөз башы татар әдәби теле: исем категорияләре һәм фигыль наклонениеләрендә әдәби норма, норма вариантлылыгы һәм функциональ-стилистик вариантлылык / И.Б.Баширова. – Казан: КДТУ нәшр., 1999. – 576 б.
2. *Бәдигъ Х.* Татар әдәби теленең барышы / Х.Бәдигъ // Безнең юл. – 1930. – № 2 – 4. – Б. 33–40.
3. *Жәләй Л.* Татар теленең тарихи морфологиясе. Очерклар / Л.Жәләй. – Казан: Фикер, 2000. – 288 б.
4. *Ибраһимов Г.* Әсәрләр: 8 томда. 8 том. Төрки һәм татар теле белеме турында мәкаләләр, хезмәтләр / Г.Ибраһимов. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1978. – 431 б.
5. *Сәгъди Г.* Әдәбият тарихымы, язмалар тарихымы / Г. Сәгъди // Безнең юл. – 1924. – № 13. – Б. 40 – 44.

6. Сәгъди Г. Татар әдәбияты тарихы / Г. Сәгъди. – Казан: Татгосиздат. 1926. - 300 б.
7. Хаков В.Х. Татар милли әдәби теленең барлыкка килүе һәм үсеше / В.Х. Хаков – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1972. – 224 б.
8. Хәким Н. Татар грамматикасының эшләнүе һәм Г.Ибраһимов / Н.Хәким // Г.Ибраһимов. – Казан: Татиздат., 1928. – Б.130–155.

Summary

The article states about the orientalism traditions in the study of early Turkic significant sites. Here the approaches to the monuments language are shown, which took place in the works of specialists in Turkic Philology and Tatar scientists.

УДК 82.0 (091); 82.09 (092)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КЛАССИКИ

3.3. Рамеев, доктор филологических наук

Классический период татарской литературы – это поэзия, проза и драматургия начала XX века. Именно в эту эпоху национального Возрождения, по утверждению татарских литературоведов, были созданы шедевры литературно-художественной мысли татарского народа. Мы с гордостью произносим имена поэтов, прозаиков и драматургов Гаяза Исхаки, Габдуллы Тукая, Фатиха Амирхана, Галимджана Ибрагимова, Галиасгара Камала, Маджита Гафури, Сагита Рамиева, Дэрдменда, лучшие произведения которых не потеряли своей эстетической и художественной ценности, продолжающих обогащать внутренний мир татарского читателя и сегодня. Классическое наследие того или иного автора не есть что-то однажды установленное, канонизированное. Оно уточняется, дополняется, ярче определяются его контуры. Но применение классово-идеологического принципа в годы советской власти, а также смена письменности (в 1927 г. с арабской графики на латиницу, в 1939 г. – на кириллицу), отсутствие в государственных библиотеках ряда татарских периодических изданий и книжных изданий начала XX века затрудняли работу литературоведов и текстологов по сбору, изучению и публикации многовекового письменного наследия татарского народа. Несмотря на эти трудности, постепенно начали возвращаться читателю тексты литературных произведений, созданные в дооктябрьский период. Так, в связи с

переходом на латиницу были подготовлены сочинения Габдуллы Тукая в трех томах¹, составленные Ф. Сайфи-Казанлы. В тридцатых годах XX века были напечатаны драмы и комедии Галиасгара Камала², стихи и проза Маджита Гафури³. В конце 50-х годов XX века было возвращено творческое наследие Фатиха Амирхана, Галимджана Ибрагимова (правда, только в виде «Избранных сочинений», в двух-трех томах⁴).

Текстология татарской литературы начала XX века к периоду реформ – к концу 80-х годов – пришла с серьезными достижениями. Четырех- и пятитомные «Сочинения» Г. Тукая⁵, четырехтомные издания Ф. Амирхана⁶, М. Гафури⁷, трехтомные Г. Камала⁸, однотомники С. Рамиева⁹, Дэрдменда¹⁰, Ш. Бабича¹¹, подготовленные и увидевшие свет в 1970–1980-х годах, явились заметными событиями в татарской текстологической науке и по сей день остаются настольными книгами и читателей, и ученых-гуманитариев. Однако усиление демократизации общественно-политической жизни начала 90-х годов XX века позволило открыть целый пласт литературного наследия татарского народа, который оставался в тени из-за особенностей идеологического подхода к литературному наследию в советский период. В результате возникла необходимость более тщательного, всестороннего изучения литературной продукции начала XX века этой эпохи, особенно татарских газет и журналов, издавав-

шихся в Казани и в других городах Российской империи (Уфа, Астрахань, Оренбург, Москва, С.-Петербург, Уральск и др.). Прежде всего это касалось текстологических исследований литературного наследия классиков. В данной статье из многочисленных проблем текстологии ставится целью особо выделить лишь три.

Первая из них – вопрос об атрибуции, установлении авторства того или иного текста, особенно текстов тех произведений, которые могли быть написаны классиками литературы и увидели свет в тех органах печати, где активно сотрудничали Тукай, Амирхан, Исхаки, Камал (например, газеты «Фикер», «Кояш», «Таң йолдызы», «Ил», «Йолдыз»). Они часто выступали под различными псевдонимами (правда, некоторые из них авторы сами раскрывали), иногда печатались и анонимно. В результате скрупулезного текстологического анализа литературоведам Ф.Сайфи-Казанлы, Х.Хисматуллину, Р.Гайнанову удалось определить многообразие псевдонимов Габдуллы Тукая. По нашим подсчетам, количество их достигает 64¹². Также можно уверенно заявить, что Амирхан пользовался не менее 17 псевдонимами¹³. Имеются определенные успехи в атрибуции многих произведений С.Рамиева, Дэрдменда, Ш.Бабица. Нашел своих авторов целый ряд литературных и публицистических текстов, опубликованных в начале века на страницах татарских газет и журналов анонимно.

Вместе с тем необходимо отметить, что в деле атрибуции остается много белых пятен. Иногда некоторые псевдонимы без достаточного обоснования приписываются тому или иному классику. Например, псевдоним «Имгэк» («Обуза»), которым подписано 33 текста в журнале «Ялт-йолт», У.И.Гимадиев считает псевдонимом Фатиха Амирхана¹⁴. Неправомерно включено в корпус произведений Тукая два текста – «***

(Сөй гомерне, сөй халыкны...)» и «Экспромт», об авторстве которых как будто-бы сообщается (соответственно) в воспоминаниях С.Гиззатуллиной-Волжской и М.Яраевой. Но первый текст, приписываемый Тукаю – это последняя строка стихотворения Сагита Сунчалае «Яшә» («Живи»), напечатанного в газете «Йолдыз» от 4 октября 1912 года (при жизни Тукая). Настоящий автор второго текста – Наджип Думави. Он опубликовал это стихотворение еще при жизни Тукая, то есть в 1912 году, в сборнике «Н.Думави шигырьләре». Давно настала пора составить словарь псевдонимов татарских писателей¹⁵, особенно тех, кто жил в начале прошлого века. Вопрос о необходимости и актуальности составления словаря псевдонимов в советский период поднимали ученые А.Каримуллин и М.Магдеев. Первую (мне кажется, и единственную) попытку в этом направлении предпринял М.Хади (Будайли), который начал собирать материалы для словаря псевдонимов уже при жизни Ф.Амирхана, Г.Камала, то есть в 20-х годах XX столетия. В свое время он хотел, чтобы его материалы увидели свет. Однако, мотивируя тем, что словарь составлен без применения научных принципов, ему было отказано в издании словаря. Так и он остался в рукописи (хранится в отделе рукописей Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова¹⁶).

Вторая важнейшая задача текстологии – исследование самих текстов с точки зрения истории их создания и выбора основного текста для публикации, адресованной широкому кругу читателей. В этом деле накоплен определенный опыт. Татарские текстологи, изучив автографы писателей (более или менее сохранились рукописи Ф.Амирхана, Г.Камала, почти нет автографов Г.Тукая, Г.Исхаки, Г.Ибрагимова), берут за основу эти автографы. Если они не сохранились, то исследуются прижизненные издания. Ход текстологического изучения

отражается в разделе комментариев. Об этом весьма обстоятельно написано в научно-массовых изданиях произведений Г.Тукая, Ф.Амирхана, С.Рамиева, Дэрдменда (составители Р.Гайнанов, Ф.Ибрагимов, З.Рамеев, М.Ахметзянов, Ш.Садретдинов, Р.Даутов др.). Текстологические и реальные комментарии к томам названных классиков занимают значительную часть и, безусловно, они способствуют более глубокому восприятию, пониманию внутреннего смысла текстов. Типы изданий вынуждают составителей не всегда сохранять то, что характеризует языковые особенности произведений. Хотя иногда и трудно определить тот или иной факт как стилистическое своеобразие текста, это вполне может быть отражением своеобразия издателей, корректоров.

Третья задача текстологии – это обдуманый выбор композиции. Существуют разные подходы: жанровый, хронологический, «книжный». На первый взгляд, такая работа у текстолога не должна вызывать больших трудностей. Как и в практике русской текстологии литературы, произведения татарских писателей-классиков предлагаются читателям с соблюдением хронологии творческого пути. В многотомниках Тукая, Гафури, Ибрагимова, Г.Камала, однотомниках Рамиева, Бабица, Думави помещенные в хронологическом порядке тексты, в особенности, поэтические произведения, в большинстве случаев отражают путь этих художников слова, особенности эволюции художественного мышления. В изданиях за основу взяты факты первой публикации произведения. Авторскими датировками руководствуются в случае сохранности рукописи. Датировка иногда уточняется на основе внимательного изучения писем автора или воспоминаний современников, что не сделано, например, в отношении некоторых поэтических текстов Тукая. Так, известное стихотворение «Не уйдем!» в пятитомнике поме-

щено среди произведений, написанных и опубликованных в конце 1907 года, хотя сам составитель (многоопытный Рашат Гайнанов) считает возможным создание его в мае 1907 года, по горячим следам событий в Государственной Думе России. Не принят во внимание и тот факт, что в письме Тукая к издателю Гильмутдину Шарафу от 5 июля 1907 года высказывается пожелание поместить стихотворение «Не уйдем!» на начальные страницы будущего авторского сборника стихов «Габдулла Тукаев шигырьларе», вышедшего из печати в самом конце 1907 года. В указанном письме упоминаются и стихотворение «Тарбияи-атфалю» («Воспитание детей») и знаменитая баллада «Шурале», которые поэт хочет также поместить на первые страницы того же готовящегося сборника. Составитель первого тома (в пятитомных «Сочинениях» Тукая) первое стихотворение поместил среди произведений, напечатанных на страницах татарской периодики в конце марта 1907 года, приурочив к факту прекращения выхода журнала «Тарбияи-атфаль», а баллада помещена среди ноябрьских (2007 г.). Как видно, в установлении хронологического порядка произведений Тукая составитель опирается лишь на факты первой публикации.

Необходимо отметить, что все издания татарского классического литературного наследия до сих пор представлены лишь в жанре научно-массовых изданий. В подготовке их, конечно, учитывались интересы адресата – широкого круга читателей. В результате составителям томов приходилось идти на компромиссные текстологические решения, приведшие в какой-то степени к снижению научности подготовленных изданий. Высший тип научных изданий литературного наследия – это академические издания. К сожалению, татарские текстологи еще не взялись за подготовку академических собраний сочинений

классиков татарской литературы начала XX века. Основная причина – малочисленность работников отдела текстологии ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова, что не дает

возможности приступить к решению этой назревшей и актуальной проблемы татарского литературоведения.

Примечания

1. *Тукай Г.* Әсәрләр: 3 томда. – Том 1. – Казан: Яңалиф, 1929. – 175 б.; Том 2. – Казан: Яңалиф, 1930. – 179 б.; Том 3. – Казан: Яңалиф, 1931. – 208 б.
2. Галиәсгар Камал әсәрләре. – Казан: Татгосиздат, 1935. – 574 б.; Камал Галиәсгар. Сайланма әсәрләр. – Казан: Татгосиздат, 1938. – 534 б.
3. М.Гафуриның сайланма әсәрләре. – Казан: Татиздат, 1932. – 252 б.
4. *Әмирхан Ф.* Сайланма әсәрләр: 2 томда. – Том 1. – Казан: Таткнигоиздат, 1957. – 599 б.; Том 2. – Казан: Таткнигоиздат, 1958. – 599 б.; Ибраһимов Г. Сайланма әсәрләр: 3 томда. – Том 1. – Казан: Татгосиздат, 1957. – 527 б.; Том 2. – Казан: Татгосиздат, 1956. – 595 б.; Том 3. – Казан: Татгосиздат, 1956. – 612 б.
5. *Тукай Г.* Әсәрләр: 4 томда. – Том 1. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1975. – 431 б.; Том 2. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1976. – 400 б.; Том 3. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1976. – 447 б.; Том 4. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1977. – 431 б.; *Тукай Г.* Әсәрләр: 5 томда. – Том 1. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1985. – 406 б.; – Казан: Татар. кит. нәшр., 1985. – 400 б.; Том 3. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1985. – 391 б.; Том 4. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1985. – 351 б.; Том 5. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1986. – 368 б.
6. *Әмирхан Ф.* Әсәрләр: 4 томда. – Том 1. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. – 480 б.; Том 2. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1985. – 488 б.; Том 3. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. – 512 б.; Том 4. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1986. – 390 б.
7. *Гафури М.* Әсәрләр: 4 томда. – Том 1. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1980. – 535 б.; Том 2. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1980. – 600 б.; Том 3. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1983. – 392 б.; Том 4. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1981. – 496 б.
8. *Камал Г.* Әсәрләр: 3 томда. – Том 1. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1978. – 408 б.; Том 2. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1979. – 544 б.; Том 3. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1981. – 416 б.
9. *Рәмиев С.* Таң вакыты. – Казан: татар. кит. нәшр., 1980. – б.
10. Дәрдемәнд. Исә жилләр. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1980. – 256 б.
11. *Бабич Ш.* Зәңгәр жырлар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1990. – 544 б.
12. *Рәмиев З.* XX йөз башы татар әдәбияты: авторлык, төп текст һәм хронология мәсьәләләре. – Казан: Школа, 2000. – 32–44 б.
13. Шунда ук. – 56–59 б.
14. *Гимадиев У.И.* Сила сатирического слова. – Казань: Тат. кн. изд-во. 1987. – С. 66.
15. Для образца: Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 3 т. – М., 1941–1949.; его же. – В 4-х т. – М., 1956–1960.
16. 80 – колл., 1 – опись, 31 – дело.

Summary

The article is devoted to the issues on the textual investigating the Tatar literature of the early XX century, the peculiarities of preparing the classics' works for printing, also the way how pen-names were used by G.Tukay and F.Amirkhan. The author analyzes specifications of the main text in the literary works as well the wrong interpretation of the chronology in collected editions of different Tatar writers.

УДК 81«373

СЛОВА СО ЗНАЧЕНИЕМ «ОЧЕНЬ» В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

А.Р. Рахимова, кандидат филологических наук

Слово «очень» в русском языке имеет следующее толкование: «в сильной, высокой степени» (Ожегов, Шведова: 500). Для выражения данного понятия в русском языке употребляется большое количество слов, составляющих синонимический ряд с доминантой «очень»: весьма, крайне, чрезвычайно, безумно, безмерно, ужасно, отчаянно, чертовски и мн.др. (Словарь синонимов русского языка, с. 314).

Появление такого множества синонимов объясняется тем, что наречие «очень» может выражать «сильную, высокую степень» действий или признаков разного характера, прежде всего, с точки зрения эмоционально-оценочного содержания «хорошо – плохо». Например, *болеть* – «плохо», поэтому, вместо выражения *очень болит* – можно сказать ужасно болит. Многие из этих синонимов появились в результате переносного употребления слов. Например, *безумно, дико, поразительно, умопомрачительно* и т.д.

1. В тюркских языках, точно так же как в русском, понятие «в сильной, высокой степени» может быть выражено словами, являющимися по своей сути синонимами. Например, в татарском языке: *бик, нык, үтә, гаять, чиктән тыш, чамадан тыш, искиткеч, галәмәт* (разг.), *шул кадәр* (разг.) *яман, зерә* (диал.); в казахском языке: *өте, бек, тым, аса, тiптi* в башкирском: *бик, ифрат, сиктән тыш* и т.д. Данное явление имеет место во многих тюркских языках. Обращает на себя внимание и то, что большая часть этих слов

совпадает в отдельных группах тюркских языков.

1.1. Слово *бик/бек/пек*.

Тат., башк. *бик*, ног., казах., туркм., кирг. (редко) *бек*, тур. *pek* «очень». В уйгурском языке *бакму* означает «весьма, очень, чрезвычайно»: *бакму йахши* «весьма хороший». В кумыкском языке слово *бек* сохранило первоначальную семантику: «прочный, крепкий», параллельно употребляется в значениях: «очень, весьма, сильно, крайне, еще более».

В сибирско-татарских диалектах, занимающих особенное положение среди тюркских диалектов и языков сохранением древнетюркской основы лексики, встречается лексема *бик* «крепко», которая является словообразовательной основой в таких глаголах как *бигү* «утвердиться, укрепиться», *бигетү* «укрепить» (Тумашева: 43). В киргизском языке *бек* тоже означает «крепкий, крепко». Срав. монг. *бэх* «крепкий, прочный». В якутском языке – *бигэ* «прочный».

В караимском языке эти два основных значения выражаются фонетически несколько отличающимися друг от друга словами: *бек* «укрепленный, сильный», *бэк* «сильно, крепко; очень». В узбекском разговорном языке *бек* наряду с *берк* употребляется в значении «закрытый, запертый». Слово *берк* встречается также в туркменском и в ногайском языках: *берк* «прочный, крепкий».

Согласно ДТС, в тюркоязычных исторических памятниках XI века «Кутадгу билиг» и в «Диване ...» М. Кашгари: *бек* «крепкий», *бек соқ* (парн. уси-

лительная частица) «очень, весьма» (ДТС: 92), *berk* «крепкий; могущественный» (ДТС: 96).

Согласно словарю Шемсетдина Сами «Камус-и Тюрки», в османско-турецком языке *berk* и *rek* «очень» употребляются параллельно (С. 289, 357). В гагаузском языке: *pek* «очень, сильно», в словаре зафиксировано также слово *пеклик* «твердость».

Таким образом, можно предположить, что слово *бек/бик/пек* «очень» восходит к древнетюркскому корню *berk/berk* «крепкий, прочный». В результате семантического развития лексемы *berk/бек* «крепкий», в тюркских языках появилось значение «очень».

1.2. Слово *үтд/өтө/өте* встречается в татарском, башкирском: *үтә*, казахском и киргизском *өтө* «очень, крайне, весьма», туркменском: *өте* «очень, чересчур, слишком». Срав. башк.: *Үтә иҫәр буйга үҫәр* (погов). В татарском: *Үтә кызыл тиз уңыр* (посл.).

Данная лексема, вероятно, является деепричастной формой от глагола тат. *үт* – «проходить»; к.-калп. *үтә* «проходить»; карачаево-балкарский – *ётерге* «пройти». В хакасском – *өтерге* «проходить», но лишь со значением «просачиваться». Здесь оно, возможно, является влиянием киргизского, казахского языков, потому что в значении «проходить (перемещаться, проникать и др.)» употребляется совершенно другое слово – *иртерге*. Так же и в тувинском: «пройти (просочиться)» – *өдер*, *өдөп келир*, – «проходить, перемещаться» – *эртер*.

Глагол *үт-/өт-*, вероятно, является элементом кыпчакских языков и восходит к др. тюрк. *üt* – «проходить» (ДТС: 391). Можно сравнить также с монг. *өөд/өөдөө* «вверх, кверху».

Мы предполагаем, что в появлении значения «очень» сыграли свою роль и образные выражения: тат. *үтә чыккан*, туркм. *өте гечмек (гитмек, дүшмәк)* «перейти все границы; перегнуть палку».

1.3. Слово *яман/жаман*:

тат. *яман*, кирг. *жаман* «очень» (третье значение): *жаман чоң* «очень большой, непомерно большой»; *жаман жакшы* «очень хороший», тур. *уатап* «поразительный, удивительный». Значение «очень» слова *яман* в тюркских языках является вторичным, переносным, а основным значением является «плохой, злой», которое встречается и в языке древнетюркских памятников: *jaman* «плохой» (ДТС: 231).

1.4. Слово *çok/чох*:

Данное древнетюркское слово, весьма активно употребляющееся в турецком и азербайджанском языках, имеет несколько значений. Основным из них является – «много», затем «очень» и «долго». Любопытно, что *çok /çoq* в древнетюркском словаре зафиксировано в значениях: 1. низкий, подлый; 2. очень; чрезвычайно, гораздо (ДТС: 153), то есть «очень» является вторым значением, а значение «много» вообще отсутствует. Исследуемая лексема встречается в составе парного слова *bek çoq* «очень, весьма» (ДТС: 92). Таким образом, в современных тюркских языках огузской группы, новое, приобретенное значение – «много», стало основным.

1.5. Слово *тың*:

В диалектах сибирских татар слово *тың* означает «очень»: Ике кысымны кийәүгә пиреп, тың унтылар. «Двоих из дочерей выдала замуж, очень счастливы». Кроме этого, оно имеет значения «твердый, крепкий; твердо, крепко» (Тумашева: 223); тув. *тың* «очень, совсем, совершенно».

Данное слово, встречающееся в основном в сибирских тюркских языках, является тюрко-монгольской лексической параллелью. Срав.: монг. *тон* (усилительная частица) «совсем, весьма, очень, совершенно, абсолютно»: *тон жаргалтай* «очень счастливый», *тон зөв* «абсолютно правильно» и т.д. Судя по тому, что значение «крепкий», с которым, как мы предполагаем, генетически

связано значение «очень», кроме диалектов сибирских татар встречается также в киргизском языке. Монгольское *том*, вероятно, является тюркским заимствованием, так как в этом языке отсутствует первичное значение «крепкий и т.д.». Срав.: кирг. *тың* «бодрый, крепкий, здоровый; бойкий, ловкий».

Возможно, сюда же можно отнести к.калп. *дым*, казах. *тым* «очень», которые в этих языках употребляются гораздо реже, чем остальные синонимичные варианты.

1.6. Слово *кән*:

Данное слово в значении «очень» зафиксировано в словаре В.В. Радлова, где сиб. тат. *кән* «очень, очень много» (Радл. т.2., ч.2: 1054). В словаре Д.Г. Тумашевой приводится только значение «много» (с.94). Оно также употребляется в современном туркменском языке, где *кән* «много»: ондан бери *кән йылар гәчди* «с тех пор прошло много лет».

1.7. В предыдущем слове мы предполагаем возможность перехода значения «много» в «очень». Следует отметить, что подобное явление в тюркских языках встречается очень редко. Лишь один явный пример выявлен нами в кумыкском языке, где слово *кёп* может выражать значения «много; часто; очень, весьма». Например: *кёп яхшы адам* «очень хороший человек»; *ол кёп иблис адам* «он очень коварный человек»; *ол кёп сююндю* «он очень обрадовался». Кроме этого, в кумыкском языке в значении «очень» могут употребляться и другие слова, такие, как *таzza* «очень, совсем, совершенно, сильно, весьма, крайне», возможно, оно восходит к перс. *тазе* «свежий; новый»; *эпсиз* «очень» и *яман* «очень, в сильной степени». Последние два слова употребляются для выражения наивысшей степени не положительной, а отрицательной оценки. Так как основное значение у этих слов выражает отрицательную оценку. Например, *яман* «плохой, злой». Слово *эпсиз*, возможно, когда-то также употребля-

лось для обозначения отрицательной особенности характера человека. В современном кумыкском языке сохранился лишь вариант *эпли* «обходительный».

1.8. Слово *огада/угаа/ого*:

Каракалпакское слово *огада* «весьма, очень»: *сизди көргениме огада кууанышлыман* «весьма рад вас видеть», на наш взгляд, является сокращенной формой словосочетания *о(л) кадар* «настолько (сильно, много и т.д.), очень». В татарском языке в таком же значении встречается слово *шул кадар/шул хәтле*. Другие лексемы, такие как хак. *угаа*, кирг. *ого* в составе *ого эле* «очень», возможно, являются сокращенными вариантами от *о(л) гада/о(л) кадар*.

1.9. Слово *жуда/жүдә*:

узб. *жуда*, к.калп. *жүдә* «очень, весьма», возможно, имеет арабское происхождение: араб. *Жидда* «очень».

1.10. В диалектах сибирских татар употребляются слова *эләк* (тоболо-иртышский) «очень»: *Күлмәген эләк матур* «Платье у тебя очень красивое»; *әшкәрә* «очень».

1.11. В туркменском языке слова *би-жай* и *бичак* «очень, слишком», на наш взгляд, являются сложными, состоящими из двух основ *бир/бер* «один, единица» и *жай* < перс. *жай* «свойство, уместность; толк, умение, верное понятие» и *чак* < *чок* «много».

2. Часть тюркских слов со значением «очень» сохранилась в письменных памятниках, но в современных тюркских языках они уже почти не употребляются, лишь некоторые встречаются в совершенно других значениях.

2.1. Слово *ең/иң*:

Согласно Фазылову, слово *ең* «очень»: *ең әксүк* «очень бедный» встречается в языке Хорезмских памятников XIV века (Фазылов, т.1:171). В современных тюркских языках *ең/иң* выражает «самый», то есть превосходную степень имени прилагательного.

Следует отметить, что в книге Фазылова Э.И. приводится еще одно сло-

во – *иңән* – в значении «очень, сильно, весьма, много» (Там же:423). Возможно, данное слово автором прочитано не совсем верно. Мы больше придерживаемся варианта, прочитанного Э. Наджипом как *иңән* «очень». Э. Наджип здесь же пишет, что данное слово «не сохранилось в современных тюркских языках» (Наджип:459). Нам также кажется правдоподобным считать его сложным словом и интерпретировать как *иң/ең/эн* «самый» + *кән* «много».

В «Древнетюркском словаре» зафиксировано значение «самый»: *en* «самый»: *en anşni* «в самом начале», *en ilik* «прежде всего», *en kininta* «в самом конце» (ДТС:174).

2.2. Слово *асры/асру*:

В языке хорезмских памятников: *асру*, *асры* «очень, весьма, крайне» (Фазылов, 1:76). В современных тюркских языках данное слово выражает «сильную, высокую степень», однако с негативным оттенком: тур. *aşırı*; карачаево-балкарский: *асыры*, *асыры* бек «слишком, чересчур». Несложно также догадаться, что оно имеет мотивирующую глагольную основу *аш-/ас-* «переходить (например, границу)». Срав. др.тюрк. *aş-I* «переходить», *aş-II* «увеличивать, умножать» (ДТС: 62).

2.3. Слово *йавлак*:

йавлак (Фазылов, 1:457) «очень, весьма, крайне, много». В этом же значении *yavlak* встречается в языке стихов Юнуса Эмре, турецкого поэта XIII века:

Eya gönül, açgil gözün, fikrin yavlak uzatmagıl. «О моя душа, открой глаза (смотри), мысль слишком не тяни...».

В «Диван...»е Махмуда Кашгари слово *yavlaq* имеет значение «крепкий» (ДТС, 519).

2.4. Слова *besi/bedük/belinteg* и др.:

В древнетюркских языковых памятниках встречаются слова со значением «очень», которые в современных тюркских языках отсутствуют: *besi* «очень» имеет персидское происхождение; *bedük* «большой, очень» является древним

фонетическим вариантом современного *böek/biüyük*; *belinteg* «ужасный; очень» имеет древнюю словообразовательную основу *belin* «ужас» (ДТС: 90,91,94).

3. Следует также отметить, что во многих тюркских языках употребляются слова, имеющие, как правило, узколокальный характер, а иногда также и иноязычное происхождение. Например, татарское диалектальное (заказанский говор) слово *зерә* «очень» мы склонны считать финно-угорским заимствованием. Срав. хант. диал. *serä/sarä* «крепкий, прочный; важный» (Терешкин:427).

3.1. В словаре В.В. Радлова имеется слово с пометой телеут. (телеутское наречие) *сүрәкәй/сүрәкәй* «весьма, очень»: *сүрәкәй йакишы* «очень хорошо», *сүрәкәй йаман* «очень худо» (Радл., т.4, ч.1: 812, 816). Здесь же находим слово *сүрә*, которое, на наш взгляд, является мотивирующей основой исследуемой лексемы: сагай. (сагайское наречие) *сүрә* «удивление, страх, чудо, ужас» (Там же:811).

3.2. В якутском языке употребляются такие слова, как *бэрт* «очень», *олус*, *наһаа* «чрезмерно, крайне».

3.3. Каракалпакское слово *күтә* «весьма», можно сравнить с узбекским *катта* «большой, громадный, огромный».

3.4. В тувинском языке в значении «весьма» употребляются слова *кончуг* и *аажок*.

4. В тюркских языках в оборотах со значением «не очень нравится» форму отрицания имеет не слово «очень» как в русском языке, а сам глагол. Например, тат.: *бик ошамый*. В некоторых тюркских языках для выражения значения «не очень» употребляется специальное слово, при этом сам глагол все равно будет находиться в отрицательной форме.

Например, в каракалпакском языке слово *онша* выражает «не очень»: *бул оган онша унамады* «ему это не очень понравилось». Тогда как в значении «очень» здесь употребляются слова *ога-*

да, күтә, дым, жүдә. Срав.: тув. *онза* «весьма».

Начало подобной дифференциации наблюдается и в турецком языке. Из двух синонимичных слов – *çok* и *pek* – первое всегда употребляется в положительном значении, если же нужно выразить значение «не очень», то чаще употребляется второе слов, то есть *pek*: *pek beğinmedim* «не очень понравилось», *pek hoşlanmıyorum* «мне не очень нравится» и т.д.

Таким образом, анализ тюркских слов со значением «очень», проведенный сравнительно-историческим методом, позволяет сделать следующие выводы:

1. В тюркских языках имеется большое количество слов со значением «очень». Большая часть этих слов име-

ет тюркскую основу. Заимствования встречаются очень редко.

2. Исследуемая лексико-семантическая группа слов в большинстве случаев имеет ясную этимологию, возможно, потому, что лексическое значение данной группы носит не номинативный, а скорее вспомогательный характер. Основным мотивирующим значением является «крепкий, прочный». С развитием оценочной лексики, появились и другие варианты, образующие полярность «хорошо» – «плохо».

3. Для выражения отрицательного значения «не очень» в некоторых тюркских языках наряду с конструкцией «очень» + глагол или имя в отрицательной форме употребляются специальные слова, при этом глагол все равно будет находиться в отрицательной форме.

Литература

1. *Наджип Э.Н.* Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV в. – М.: Наука, 1978. Кн1.
2. *Ожегов С.И. Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М., 1992.
3. *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. – Т. 1–4. – СПб., 1983– 1911.
4. Словарь синонимов русского языка. – М., 2001.
5. *Терешкин Н.И.* Словарь восточно-хантыйских диалектов. – Л.: Наука, 1981.
6. *Тумашева Д.Г.* Словарь диалектов сибирских татар. – Казань, 1992.
7. *Фазылов Э.И.* Староузбекский язык. Т.1. Хорезмийские памятники XIV века. – Ташкент: Фан, 1966.
8. *Şemseddin Sami.* Kamus-ı Turki. 7. baskı. Istanbul, Çağrı Yayınları. – 1996. – 1574 с.

Принятые сокращения

аз. – азербайджанский	сиб.тат. – сибирско-татарские диалекты
башк. – башкирский	тат. – татарский
др.тюрк. – древнетюркский	тув. – тувинский
каз. – казахский	тур. – турецкий
к.балк. – карачаево-балкарский	туркм. – туркменский
ккалп. – каракалпакский	узб. – узбекский
монг. – монгольский	хак. – хакасский
ног. – ногайский	хант. – хантыйский

Summary

Words with the meaning «very» in Turkic languages are not nominative, they are auxiliary. To be more precise, they do not express a feature, but take part in the formation of intensifying degree. The meaning «very» is secondary for the investigated words. The motivating meaning, on the base of which the auxiliary meaning «very» has appeared, coincides in many Turkic languages. It has the following meanings: «strong, firm», rarely «much, many».

УДК 82-1

ПРОБЛЕМА ВЕРСИЙ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТЮРКСКОЙ ПОЭЗИИ (На материале сюжета Йусуфа и Зулейхи)

Н. Ш. Хисамов, доктор филологических наук, профессор

Развитие средневековой тюркской поэзии шло в своей главной линии через обработку общих с арабской и персидской поэзией сюжетов. Количество таких обработок в ней возросло настолько, что она намного обогнала истоковую в этом отношении персидскую литературу, и это стало как бы традиционной чертой тюркской поэзии. Например, по библейско-кораническому сюжету о Йусуфе и Зулейхе в тюркских литературах средневековья созданы десятки поэм-назире, то есть подражаний или ответов. А благодатный толчок этому процессу дал болгаро-татарский поэт Поволжья XIII в. Кул 'Али.

Обозревая эту последовательную цепь созданных поэм, месневи, можно проследить путь идейно-философского и художественного развития всей средневековой тюркской поэзии. В современной литературоведческой и фольклористской тюркологии в монографическом или текстологическом плане исследованы почти все известные поэмы на данный сюжет. Например, поэме «Кысса-и Йусуф» Кул 'Али посвящены работы Дж. Алмаза, А. Т. Тагирджанова, Ф. С. Фасеева, Ш. Ш. Абилова, Р. К. Ганиевой и других ученых. Этому памятнику и его традициям в тюркских литературах мы посвятили 4 монографических исследования.

Но исследование средневековой тюркской поэзии вступило в такой этап, когда ощущается острая необходимость обобщающих работ, которые дали бы

полную панораму и логический контекст всей средневековой поэзии или большого временного отрезка ее истории. Начало осуществлению такой потребности положила монография Х. Ю. Миннегулова «Восточная классика и татарская литература».

Что касается всей панорамы тюркской йусуфианы, то в ней остается неразработанной ключевая проблема – проблема версий, которая имеет важное значение для исследования и других сюжетов. Без выработки общих критериев невозможна объективная оценка каждой отдельной версии сюжета.

Выявление закономерностей развития средневековой тюркской поэзии возможно лишь через анализ последовательной цепи обработок одного сюжета. При этом необходимо ставить и решать следующие задачи:

1. Группировка и классификация средневековых тюркских поэм о Йусуфе и Зулейхе по способу их создания.
2. Выявление технологических компонентов образования новых версий.
3. Сопоставительный анализ текстовых нюансов, выявление оригинальных решений у отдельных авторов в трактовке героев, в мотивировке их поступков.
4. Прослеживание путей усовершенствования поэтики.

Понятие «версия» в литературоведении означает самостоятельную обработку общего сюжета. Мировая литература накопила громадный опыт создания на-

циональных, региональных и глобальных версий известных сюжетов, связанных с именами мифологических героев, исторических личностей, ставших легендарными, героев, персонифицирующих общечеловеческие нравственные идеи верности, самоотверженности, благородства или комические идеи плутовства, сердцеведства. Адам и Ева, Йусуф и Зулейха, Лейли и Меджнун, Фархад и Ширин, Ромео и Джульетта, Александр Македонский, Хосров Первиз, фараон Эхнатон, Спартак, Юлий Цезарь и Клеопатра, Моцарт и Сальери, Дон Жуан – вот далеко неполный перечень персонажей, вокруг которых сложились легендарные сюжеты, ставшие воплощением общемировых идей судьбы и морали.

Понятие версии действует в мировой литературе безотносительно к какому-либо жанру. Оно присуще всем жанрам литературы: поэзии, прозе, драматургии. Более того, часто речь идет о поэтических, прозаических и драматургических версиях одного и того же сюжета. Однако создание нескольких версий известного сюжета характерно больше для поэзии. А развитие поэзии Мусульманского Востока шло, главным образом, через создание новых версий излюбленных сюжетов. Притом что характерно: этот процесс поэтического состязания, называемого назире, объединял литературу на всех трех великих языках мусульманской культуры: арабском, персидском и тюркском. Что касается версий в тюркской поэзии, они, хоть и стоят на последнем месте хронологически, занимают первое место по интенсивности обработок общих сюжетов и по их количеству.

Такое явление имеет глубокие национальные корни в фольклорно-поэтических традициях тюрков, в частности в сказительских традициях создания эпоса. Е. Э. Бертельс, например, создание разных версий сюжета Йусуфа напрямую связывает с тюркской традицией, когда несколько сказителей берутся

за один и тот же сюжет и создают совершенно самостоятельные версии данного эпоса [1]. Такую интенсивность в создании новых версий неоднократно обработанного сюжета вызвал, по-видимому, процесс ускоренного развития тюркской литературы, которая представляла собой сплав народных поэтических традиций и достижений арабо-персидской классической поэзии. Заказчиками новых поэм, больших поэтических произведений, которые должны были превзойти уже существующие, выступали правители, монархи, пожелавшие пополнить свою библиотеку уникальными произведениями, увековечить свое имя, запечатлеть в литературе свою эпоху, свой образ правителя.

Развертывание, развитие средневековой тюркской литературы вокруг определенных тем, жанров, сюжетов и стереотипных образов связано с определяющей типологической особенностью ее, которая выражалась в традиционности, каноничности всего этого круга художественного творчества.

Академик Н. И. Конрад видел «наиболее показательную форму средневековой литературы именно у литератур молодых, свободных от огромного груза античного наследия, которого у них просто не было»[2].

Тюркская литература в своем ускоренном развитии имела возможность усвоить художественные достижения средневековой персидской литературы с ее, как говорят востоковеды, «возрожденческими» тенденциями. Поэтому утверждение гуманистического идеала в ней происходило синхронно с персидской литературой.

Традиционные и обновленческие или, если применить эпитет с оговорками в отношении средневековья, новаторские черты средневековой тюркской литературы наиболее полно и выпукло проявились в обработке сюжета о Йусуфе. В тюркской поэзии известно десятки обработок данного материала. Чем

это объяснить? Откуда такой интерес тюркского общества к судьбе этого персонажа? Конечно же, он пришел в тюркскую литературу через арабские и персидские источники. Тюркские авторы познакомились с ним и по прозаическим источникам (Комментарии к Корану, Сказания о пророках и другие прозаические сочинения, особенно трактат гератского шейха Абдаллаха Ансари «Анис ал-мюридин ва шамс ал-маджалис» [3]), и по совершенным в художественном отношении поэтическим образцам Фирдоуси, а позднее – Джамии. Короче, перед тюркским поэтом сюжет о Йусуфе предстал как поэтический сюжет, который явился благодатной почвой для воплощения идеи человеческого счастья как результата гармонического сочетания земного жизненного опыта с предначертанным Богом высоким нравственным и духовным идеалом. В такой полноте поэтический сюжет о Йусуфе отвечал и светским, и религиозным запросам тюркского общества, которое получило возможность через яркий и увлекательный рассказ об удивительной судьбе героя приобщиться к мусульманским художественно-эстетическим и нравственно-духовным ценностям.

Неоднократное, настойчивое воспроизведение поэтического опыта на одном и том же сюжетном материале позволяло тюркским поэтам надежно фиксировать достигнутое и непрерывно совершенствовать художественный инструментарий воплощения сюжета, что в конечном итоге обеспечивало ускоренный рост литературы. Только в таком ракурсе можно понять мотивы и смысл создания близких по времени и региону многих поэтических версий сюжета о Йусуфе.

Безусловно, неодинаково их историческое и художественное значение в развитии тюркской литературы вообще и в цепочке обработок данного сюжета в частности.

Первооткрывателем тюркской йусуфианы был Кул 'Али, поволжско-бул-

гарский поэт начала XIII века. Позднее создали свои версии крымско-татарский, узбекский, туркменский, казахский и кумыкский поэты. По количеству и плотности поэтических обработок этого сюжета на первом месте среди тюркских и вообще восточных литератур стоит турецкая поэзия. Турецкие авторы поэм о Йусуфе и Зулейхе отталкивались непосредственно от «Кысса-и Йусуф», и отзвук этого влияния, этой «первоосновы» слышен во всех последующих и позднейших творениях турецких поэтов, обработавших данный сюжет. Этому способствовала близость поэтического языка, фразеологии, вообще поэтического мышления, художественно-эстетического мира поволжского поэта к своим огузским собратьям. Они восприняли фразеологию и поэтический мир Кул 'Али целиком, во всяком случае это четко прослеживается у первых трех его последователей: Шайида Хамзы и Сули Факиха (XIII в.), Ахмеди (XIV в.). А в казахскую и кумыкскую литературу в XIX – начале XX века сюжет попал под влиянием татарской литературы. В последних двух случаях речь должна идти о национальных переложениях поэмы «Кысса-и Йусуф».

Турецкие поэты не встретили в «Кысса-и Йусуф» ни малейшего языкового барьера, поскольку поэма была написана на смешанном огузо-кыпчакском языке с преобладанием огузских элементов, то есть на том языке, на котором создавались почти все произведения средневековой поволжско-тюркской литературы.

В тюркском мире в XIII веке для непрерывного развития литературного процесса сохранились условия лишь в Малой Азии. Поэтому неудивительно появление в течение одного с Кул 'Али века нескольких назире на его поэму. Это дастаны «Йусуф и Зелиха» Шайида Хамзы и «Йусуф и Зелиха» Сули Факиха. Создание новых версий сюжета Йусуфа продолжалось в XIV, XV и пос-

ледующих веках вплоть до XX столетия и завершилось драмой Назыма Хикмета «Йусуф и Зулейха», где современный турецкий поэт разрушил весь привлекательный ореол центральных героев и позитивный потенциал сюжета.

Необходимо отметить, что в мировой тюркологии весьма богата тюркская йусуфиана и, соответственно, обширно йусуфоведение. Почти каждая национальная версия сюжета исследована в специальных монографических трудах. Самого пристального изучения, пожалуй, удостоилась «Кысса-и Йусуф» Кул 'Али, первая тюркская версия данного сюжета. В татарской и мировой филологии этому памятнику посвящены десятки и сотни исследований, в татарском литературоведении изданы четыре монографии на эту тему. В течение последних двух веков неоднократно проводилась текстологическая работа, и в результате ее издавался текст поэмы.

Разработана текстология и монографически исследована поэма Шайада Хамзы «Йусуф и Зелиха». В узбекском и русско-советском литературоведении разносторонне исследована и издана на узбекском и русском языках поэма Дурбека «Йусуф и Зулейха» (XV в.). Туркменские филологи выполнили такую же работу по дастану «Йусуф и Зулейха» Нурмухаммеда Андалиба (XVIII в.). В азербайджанской филологии разработана текстология аналогичной поэмы Хатаи Тебризи (XV в.). В монографических исследованиях, посвященных поэмам «Йусуф и Зулейха» персидско-таджикского поэта Джами (XV в.) и курдского поэта Селима Слемана (XVI в.), значительное место отводится также тюркским поэмам о Йусуфе и Зулейхе. Необходимо отметить, что ни одна работа, касающаяся тюркской йусуфианы, не обходит стороной «Кысса-и Йусуф» Кул 'Али. И естественно, в центре внимания исследователей национальных версий оказываются те авторы, кому посвящается работа. Но проблема зак-

лючается в том, что объекты исследования рассматриваются как единственные в своем роде памятники, вне связи с предшествующими и последующими произведениями. Если и производится в них типологическое или даже генетическое сопоставление, то это часто делается произвольно, без учета исторически стройной последовательной цепи их связей. А это приводит к умалению значения или к преувеличенной оценке отдельных обработок сюжета. Например, исследователь курдской версии М. Б. Руденко [4] производит широкие сопоставления поэмы С. Слемана с аналогичными поэмами Фирдоуси, Джами, Кул 'Али и Шайада Хамзы и обоснованно находит много общих деталей и мотивов и выявляет существенные различия в них. Однако при подробном сопоставлении с третьим последователем Кул 'Али Сули Факихом выясняется, что курдская поэма во многих отношениях является прямым переводом этого турецкого дастана. Таким образом, в области йусуфоведения накопилось столько исследований, что они нуждаются в полномасштабном обзоре и в глобальных обобщениях. Тюркское йусуфоведение подошло к такому рубежу, когда объективная и точная оценка конкретной обработки сюжета невозможна без выработки всеобщих критериев. А это упирается в проблему версий, ибо весь комплекс вопросов при рассмотрении конкретных памятников данного сюжета исходит из нее.

В отдельных исследованиях она стихийно уже обозначена. Например, спор исследователя поэмы Шайада Хамзы Н. А. Аникеевой с востоковедом А. Т. Тагирджановым высвечивает проблему с двух сторон. Сопоставив поэму Шайада Хамзы с поэмой Кул 'Али, А. Т. Тагирджанов заключил, что «в действительности Шайада Хамза перевел поэму 'Али от начала до конца, делая небольшие отступления от текста поэмы 'Али» [5]. Возражая этому мнению, ис-

следователь поэмы Шайяда Хамзы пишет, что «при рассмотрении произведений средневековой литературы необходимо учитывать характерную для нее традиционность и связанную с ней значительно меньшую по сравнению с новым временем индивидуализацию авторского творчества и меньшую внутрирегиональную спецификацию каждой отдельной литературы» [6].

Рассматривая поэму Хамзы как перевод произведения Кул 'Али, А. Т. Тагирджанов, известный востоковед, который совершил переворот в освещении творчества Рудаки и убежденно отстаивал мнение о том, что персидская поэма «Йусуф и Зулейха» действительно принадлежит перу Фирдоуси, допускает принципиальную ошибку и в плане исторического подхода, и в плане методологии.

Тезис профессора Тагирджанова о том, что поэма Хамзы не представляет самостоятельной поэтической ценности, также требует пересмотра. Здесь Н. А. Аникеева права.

Неразработанность критериев оценки художественных и иных достоинств произведений средневековой восточной, в особенности тюркской поэзии, сказала в негативных, скептических высказываниях и западных тюркологов. Например, немецкий ученый Эбергард Хильшер [7] отмечает в «Кысса-и Йусуф» Кул 'Али «бедность новых мотивировок», хотя и извиняется тут же за поверхностное знакомство с поэмой. А в XIX в. в близком к нему духе высказался голландский ученый М. Т. Хоутсма. Он отметил «вялость и многословность» [8] изложения поэмы.

Весь секрет такого недоразумения заключается в том, что западные востоковеды подходят к оценке поэмы Кул 'Али со стандартной меркой персидской и последующей тюркской классической поэзии, когда она развивалась на основе метрики аруз и на общих с персидской художественных принципах. А

«Кысса-и Йусуф» представляет собой переходный, промежуточный этап от традиционно-древнетюркской или раннесредневековой и классической средневековой поэзии. Этот момент хорошо уловил американский тюрколог Стевен Л. Уэст. Он пишет: «Ее («Кысса-и Йусуф». – Н. Х.) содержание восходит в сердцевину ислама, но ее форма связана с тюркским народом. На этом пути поэма выделяется как **лучший памятник на стыке двух миров**» (подчеркнуто мной. – Н. Х.) [9].

Творчество Ахмеда Ясеви и Сулеймана Бакыргани в отношении поэтической формы вырастает из древнетюркской традиционной поэтики. Кул 'Али – первый поэт, воплотивший всю мощь этой поэтики в сюжетном произведении, реализовавший весь потенциал древнетюркского стиха в большой поэме. Именно такая чистота поэтического языка и простота формы позволили ему справиться с грандиозной задачей создания поэмы на недостаточно знакомый для тюрков сюжет.

Поэт таким образом перебрал мост из древнетюркской к классической поэзии, к этапу ее гуманистического расцвета. Его поэма не просто этап завершения древнего периода – он уже идет от Ахмеда Ясеви – а органический сплав древнетюркских (в основе народных) традиций с элементами поэтики персидской классической поэзии.

Исходным материалом для тюркских поэтов при создании поэм о Йусуфе и Зулейхе служили главным образом персидские поэтические и прозаические источники, и идейно-тематический тип их определялся характером первоисточника. Персидская поэзия выработала два типа поэтических обработок сюжета Йусуфа: 1) поэма Фирдоуси (X в.) и 2) одноименная поэма Джамии (XV в.). Сюжетно-композиционное и тематико-проблемное решение в последующих тюркских поэмах зависело от того, на кого из этих двух образ-

цов ориентировался тюркский автор. Исследователь курдской версии названного сюжета М. Б. Руденко совершенно точно и справедливо выделяет эти два сквозных типа обработок в мусульманских литературах. «Среди всех многочисленных восточных (мусульманских) поэтических версий поэмы «Йусуф и Зулейха», – пишет она, – можно выделить две группы поэтических обработок – по их идейной направленности и развитию сюжетно-композиционной линии. В основу первой группы легла поэма Фирдоуси, в которой центральную тему составляет не любовь Зулейхи к Йусуфу и связанные с ней переживания, а трагедия Якуба (Иакова), потерявшего на многие годы любимого сына. Вторая группа поэтических версий, возникшая после создания поэмы Джами, основное внимание уделяет страстной любви Зулейхи к Йусуфу, которая у отдельных авторов символизирует любовь мистическую, растворение своего „я” в божестве» [10].

Но не все тюркские последователи так четко разделяются по своим ориентирам на одного из этих двух персидских авторов, есть среди них и такие, которые вобрали в себя отдельные черты поэтики и композиционно-структурные элементы и поэмы Фирдоуси, и поэмы Джами. Например, если турецкий поэт Кемаль Пашазаде целиком тянется к Джами, то Хамди опирается в равной степени и на Фирдоуси, и на Джами. Он это делает вполне осознанно и об этом заявляет в своей поэме. Своеобразная компоновка деталей и эпизодов из поэм этих двух персидских поэтов со временем стала версиеобразующим элементом тюркских поэм. Притом отсвет Фирдоуси падает на тюркских поэтов не только тогда, когда они обращаются непосредственно к его творению, но и тогда, когда тюркский автор имеет дело с персидским прозаическим источником. Дело в том, что поэма Фирдоуси своим многогранным охватом сюжетного ма-

териала объективно совпадает со многими прозаическими обработками его. И не только. Его поэма сильно повлияла на последующие прозаические версии сюжета. Например, в «Анис ал-мюридин» Абдаллаха Ансари мы выделили неоспоримые признаки того, что последний был знаком с поэмой Фирдоуси [11]. Таким образом, тюркские авторы поэм о Йусуфе даже тогда, когда опирались на персидские прозаические источники, следовали сюжетной схеме Фирдоуси. Это относится, прежде всего, к Кул 'Али.

Располагая десятками обработок сюжета о Йусуфе в тюркской поэзии, на основе их тщательного анализа мы можем заключить, что полная версия создается путем целостного идейно-художественного осмысления сюжета через предшествующую версию. В результате этого возникает новое художественное явление, новое оформление фабулы.

На примере обработок сюжета о Йусуфе в тюркских литературах можно выделить три способа создания версий: 1) поэтический, 2) поэтико-структурный и 3) поэтико-состязательный [12].

Говоря о «поэтическом способе», прежде всего и главным образом, нужно иметь в виду три памятника средневековой литературы: «Кысса-и Йусуф» Кул 'Али (нач. XIII в.), «Йусуф и Зулейха» Дурбека (XV в.) и «Йусуф и Зулейха» Андалиба (XVIII в.) [13]. Регионы и национальная среда создания: Поволжье – болгаро-татарская, Средняя Азия – узбекская, Средняя Азия – туркменская. Способ их творения мы определяем как «поэтический» потому, что они все три созданы на основе прозаических источников. Два из них: поэмы Кул 'Али и Дурбека основываются на прозаическом сочинении «Анис ал-мюридин ва шамс ал-маджалис» (Друг послушников и солнце собраний) гератского ученого XI века Абдаллаха Ансари [14]. Источником же дастана Андалиба служила «Кыссас ал-анбия» (Сказания о пророках) на персидском языке.

Поэтический способ создания версии объединяет эти три произведения по их жанровой сути, а в плане художественной технологии эти поэты пользуются поэтико-структурным способом. Поэме зачинателя тюркской йусуфианы Кул 'Али присущ неповторимый тюркский колорит. Это выражается не только в форме тюркского четверостишия, почти единственной [15] среди тюркских поэм на данную тему, но и в том, что поэт выработал фольклорно-книжный синтез художественных приемов, обогатил тюркскими этнографическими нюансами фактуру деталей (сплетение волос героя в косы и т. д.), для усиления отдельных мотивов и идей целенаправленно систематизировал эпизоды и детали. Он включил в поэму как детали и эпизоды из области собственной фантазии, так и сопутствующие идейно-эстетическим установкам и художественной системе своего произведения сцены и отрывки из сюжетного материала своих предшественников. Сильное влияние оказали на его творчество тюркские фольклорные традиции. Как создатель первого поэтического произведения на эту тему, Кул Али свободно и довольно смело обращается с освященным сюжетным материалом.

Своей композиционной четкостью (каждому эпизоду у него посвящена одна глава), стройностью, образностью и сочностью поэтического языка поэма Дурбека стоит выше почти всех восточных поэм о Йусуфе. Рядом с его изящным образным языком, чувством меры и тонкими красками проигрывает даже поэма Джамии с его нагроможденным цветистым языком. Примечательно то, что только в поэме Дурбека образ Йусуфа создан более полнокровно, со всеми человеческими слабостями, в соответствии со схемой героев любовных поэм. Несмотря на сюжет без войн, в поэме Кул 'Али герой произведения Дурбека предстает обладателем грозной военной силы. На его поэму повлияла атмосфера

междоусобных войн эпохи тимуридов, чувствуется влияние поэм Низами, в центре которых изображены герои любовных сюжетов.

Колоритное место занимает среди версий, созданных поэтическим способом, поэма Шайяда Хамзы, турецкого автора XIII века. Она в сущности является вариантом поэмы Кул 'Али, перенесенным на аруз. Однако, несмотря на то, что ее лексика и фразеология переняты непосредственно у Кул 'Али, поэтический язык ее отличается своей метафоричностью.

Турецкий поэт обогатил образы героев новыми деталями, внес фактологические изменения и иные нюансы. Интересно то, что наряду с поэмой Кул 'Али под рукой у него находился и «Анис ал-мюридин» Абдаллаха Ансари [16].

Шайяд Хамза усилил религиозное содержание поэмы. Его повествование ведется в двух планах: он вначале приводит рассказ с духовно-религиозным содержанием, потом как бы иллюстрирует его повествованием о Йусуфе. В этом он в определенном смысле походит на Фирдоуси и особенно на Ансари. Опираясь на поэму Кул 'Али, Шайяд Хамза делает первый важный шаг в создании назре или ее новой версии.

Поэтико-структурный способ в полном объеме реализовался в произведении турецкого поэта Сули Факиха, третьего автора, обратившегося к сюжету Йусуфа в XIII веке в тюркской литературе. Судя по всему, он имел под рукой обе поэмы, связанные между собой – и «Кысса-и Йусуф» Кул 'Али и «Йусуфа и Зулейху» Шайяда Хамзы. Сули Факих полностью переосмыслил образы, эпизоды, ситуации, детали, часто меняет их местами, сильно усовершенствует язык и стиль изложения, обильно метафоризирует изображение, во всем проявляет свою творческую волю. Он осознанно скрывает свою зависимость от первоисточников, в каждом шагу стре-

мится отдалиться от них. Построение сюжета и фактура поэтического языка, идущие от Кул 'Али и Шайада Хамзы, становятся у него еле заметными. «Йусуф и Зелиха» Сули Факиха вправе называться в полном смысле первой версией по отношению к поэме Кул 'Али.

Одним из тех, кто пользовался поэтико-структурным способом при создании версии является также турецкий поэт Кемаль Пашазаде (1468–1526). По тематическому акценту в трактовке сюжета и суфийскому характеру философско-нравственных идей его поэма «Йусуф и Зулейха» тяготеет к джамиевскому типу версий сюжета.

Сули Факих открыл новый этап в поэтической обработке данного сюжета – этап поэтического состязания как способа создания версий, когда акцент перешел на художественное мастерство.

Самым видным представителем этого способа является турецкий поэт XV века Хамди (Хамдуллах Акшемседдинзаде Хамди). С высоты зрелой тюркской поэтики он обратился одновременно к двум истокам поэтических версий – к поэмам Фирдоуси и Джами. Хамди критически отнесся ко всем своим тюркским предшественникам по сюжету о Йусуфе и счел нужным вернуться к его персидским истокам. Высокий уровень развития тюркского стиха и появление нового фактора в персидско-таджикской поэзии – художественно более насыщенной, яркой поэмы на сюжет о Йусуфе – поставили в значительно более выгодное положение поэта Хамди среди его уже состоявшихся собратьев по теме. Это дало ему толчок к тому, чтобы предъявить к тюркской поэзии и к самому себе высочайшие требования. Новой версией сюжета он внес новизну в тюркские поэмы о Йусуфе. Он подошел к своей творческой задаче с ясным сознанием этого.

Поэт определяет свою поэму частично как перевод, а частично – как назире (т. е. поэтический ответ). Вслед за Фир-

доуси и Джами свое повествование он начинает с генеалогии героя, подробно излагает рождение и историю сыновей Ибрагима.

Хамди многократно увеличивает количество эпизодов, обогащает их фактуру, создает изящные и совершенные образцы поэтического языка, достигает высокой гармонии интонации, ритма и рифмы. Турецкие и западноевропейские ученые дают высочайшую оценку его поэме. «Межевой камень в истории развития османских месневи. Оно стало вообще популярнейшим и известнейшим тюркским месневи. В языковом отношении оно представляет собой совершеннейшее произведение во всей османской литературе до появления «Лейли и Меджнуна» Фузули», – приводит слова из «Энциклопедии ислама» [17] Эбергард Хильшер [18]. А турецкий литературовед В. М. Коджатюрк пишет: «Поэт прав, когда он утверждает, что не нашел в тюркском языке правильную „Йусуф и Зелиху“. Ни одна из многих „Йусуфов и Зелих“, написанных до него, не совершенна. А он же создал со всех точек зрения самую совершенную среди них. В теме и событиях его поэма связана с Фирдоуси и Джами. В целом связана и с прежними тюркскими авторами, творившими до него, только намного обширнее их. Самая важная особенность, бросающаяся в глаза, – это простота, естественность и искренность» [19]. Таким образом, сказание о Йусуфе и Зулейхе у Хамди – он завершил его в 1491 году – выросло в обширный роман.

Весьма интересно значение двух высокоталантливых поэм на сюжет Йусуфа: Дурбека и Хамди в истории конкретных тюркских литератур. Если первый подготовил почву для прихода в узбекскую поэзию Навои, то второй – для прихода в турецкую поэзию Фузули. Во всяком случае, среди поэтов, создавших поэмы на тему Йусуфа, в средневековой тюркской поэзии по своей

художественной самобытности и этапному значению три поэта: Кул 'Али, Дурбек и Хамди стоят рядом.

После фронтальной и обстоятельной проработки тюркских поэм о Йусуфе и Зулейхе рассматриваемой эпохи мы выделили три проблемных аспекта, на которых концентрируются основные особенности версий. Они следующие: I. Источники и текстовая фактура; II. Центральные герои и идейно-философская проблематика; III. Общее и индивидуальное в поэтике. А технология создания версий основывается на шести приемах или узловых компонентах. Они – следующие: 1. Контаминация; 2. Детализация; 3. Мотивация; 4. Драматизация; 5. Психологизация и 6. Метафоризация.

Контаминация представляет собой композиционный прием в виде новой компоновки сюжетного материала, изложенного предшественником или предшественниками.

Детализация проявляется в развертывании эпизодов и деталей, схематически и лаконично представленных у предшественников, в обогащении их жизненной и бытовой конкретикой (особенно характерно для Сули Факиха).

Мотивация состоит в объяснении поступков героев новыми, иными, чем у предшественников, мотивами, или в придумывании мотивации поступков

героев, оставшихся немотивированными у предшественников.

Драматизация ситуаций и персонажей наблюдается у Сули Факиха и особенно у Хамди как восприятие опыта Джами.

Психологизация эпизодов, ситуаций и персонажей активно применяется в поэмах Сули Факиха, Ахмеди, Дурбека и вслед за Джами у Хамди.

Метафоризация поэтического языка усиливается от автора к автору. У Шайада Хамзы поэтический язык становится более метафоричным, чем у Кул 'Али, у Сули Факиха – чем у Хамзы, а Ахмеди стоит несколько особняком, вернее, ближе к Кул 'Али. Обильно метафоризирован язык Хамди. Образцом для него здесь остается Джами. В то же время метафоричность турецкого поэта отличается от стиля его учителя большим чувством меры и утонченностью, в чем сказывается логика развития собственно тюркской поэтики. Поэтический язык Дурбека логически вытекает из тюркской поэзии Хорезма и Поволжья, а также вбирает в себя достижения персидской поэзии в лице Низами.

В целом, развитие средневековой мусульманской, главным образом тюркской, йусуфианы шло по этим шести версииобразующим компонентам, и назрело как поэтическое состязание стало символом прогресса в средневековой тюркской поэзии.

Примечания

1. Бертельс Е. Э. Узбекский поэт Дурбек и его поэма о Иосифе Прекрасном // Альманах «Дар». – Ташкент, 1944. – С. 172.
2. См.: Конрад Н. И. Запад и Восток. – М., 1966. – С. 453.
3. Друг послушников и солнце собраний.
4. Руденко М. Б. Литературная и фольклорные версии курдской поэмы «Йосуф и Зелиха». – М.: Наука, 1986.
5. Влияние поэмы Фирдоуси «Йусуф и Зулейха» на «Кисса-и Йусуф» 'Али и «Йусуф и Зулейха» Шайада Хамзы // Палестинский сборник, вып. 21 (84). – Л., 1970. – С. 60.
6. Шейхад Хамза. Юсуф и Зелиха / Введение, перевод и примечания Н. А. Аникеевой. – М., 1992. – С. 5.
7. Hilscher Eberhard. Der biblische Joseph in orientalischen Literaturwerken // Mitteilungen des Instituts für Orientforschung. – Berlin, 1956. – Bd. IV, Heft I. – S. 106.

8. *Houtsma M.* Ein alttürkisches Gedicht // ZDMG.– Leipzig, 1889.–Bd.43. S. 76.
9. West Steven L. The Qissa-i Iusuf of 'Ali: The first story of Joseph in turkic Islamic literature// Acta Orientalia, XXXVII (1–3).–Budapest, 1983.–P. 69.
10. *Руденко М. Б.* Литературная и фольклорные версии курдской поэмы «Юсуф и Зелиха».– С. 39.
11. См.: *Хисамов Н. Ш.* Поэма «Кысса-и Йусуф» Кул 'Али.– С. 62.
12. См. об этом подробнее: *Хисамов Нурмөхəммəт.* Тердəшлəр ничек ясала? (Урта гасыр шиг'риятендəге бер сюжет мисалында // Мирас.–№ 7–8.–1995.
13. Дастан Андалиба не входит в хронологические рамки нашего исследования. Но он относится к одной с названными поэтами типологической эпохе и к общему с ними способу создания.
14. Вывод по отношению к поэме Дурбека сделан узбекским ученым Э. Р. Рустамовым в его монографии «Некоторые вопросы сравнительного изучения узбекской литературы XV века с другими восточными литературами (тюркские и персидско-таджикская)» (М.–Ташкент, 1966; докт. дисс. и автореф. дис. д-ра. филол. наук), а по отношению к поэме Кул 'Али – нами в монографии «Поэма „Кысса-и Йусуф“ Кул 'Али».
15. Крымско-татарский последователь его Махмуд Крымлы также использовал тюркские четверостишия.
16. На это указывают многие моменты отличия конкретных, общих в основе с Кул 'Али деталей, которые в своих фактологических чертах совпадают с «Анис ал-мюридин». См.: *Хисамов Н. Ш.* Поэма «Кысса-и Йусуф» Кул 'Али.– С. 200; *Хисамов Нурмөхəммəт.* Бөек язмышлы əсəр. – Казан, 1984.– Б. 252.
17. *Enzyklopaedie des Islam, 5 Bde.– Leiden und Leipzig, 1908.– S. 38.*
18. *Hilscher Eberhard.* Der biblische Joseph in orientalischen Literaturwerken.– S. 106.
19. *Kocatürk Vasfi Mahir.* Turk edebiyati tarihi.– S. 241.

Summary

The article is devoted to the crucial problem of medieval Turkic poetry – working out criteria for defining independent value of poems created with common plot according to the traditions of «nazire», i.e. imitation and competition. The analysis is conducted on the data of Turkic poems on Yusuf and Zuleikha created within three middle ages (XIII–XV). The author observes the technology of creating versions which includes six approaches: contamination, detailed elaboration, motivation, dramatization, psychological elaboration and metaphorization.

УДК 347.78.028

НОВОЕ РОССИЙСКОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ОПЫТ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В СФЕРЕ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

А.И. Абдуллин, доктор юридических наук

Часть четвертая Гражданского кодекса РФ, принятая Государственной Думой РФ 24 ноября 2006 г. и вступающая в силу с 1 января 2008 г., представляет собой итоговое звено в кодификации отечественного гражданского законодательства, продолжающееся с начала 90-х годов XX в. Представляется, что приведение российского законодательства об интеллектуальной собственности в единую систему в известной степени объективно назрело и продиктовано не только насущными потребностями гражданского оборота, перспективами участия России в процессе глобализации экономики, но и острой необходимостью развития в стране цивилизованного рынка интеллектуальной собственности. В настоящий момент государство уделяет повышенное внимание проблеме действенного использования объектов интеллектуальной собственности, в частности, поиску путей их эффективного вовлечения в сферу экономики, в ее инновационный и технологический сектор. Очевидно, что на решение в значительной степени именно этой проблемы и направлена кодификация законодательства об интеллектуальной собственности, результаты которой представлены в Части четвертой ГК РФ.

Безусловно, не во всем соглашаясь с разработчиками Части четвертой ГК РФ, пожелавшими инкорпорировать всю совокупность норм права интеллектуаль-

ной собственности в ГК², мы, тем не менее, полагаем, что принятие Части четвертой ГК РФ отвечает потребностям цивилизованного гражданского оборота в нашей стране, является судьбоносным этапом как для отечественной юридической науки, так и, естественно, для общества и государства в целом.

Следует отметить, что в числе задач, которые решались в ходе кодификационной работы, была задача по обеспечению более полного соответствия национального законодательства РФ об интеллектуальной собственности международным обязательствам страны, создание необходимых условий для вступления во Всемирную торговую организацию и присоединения к Соглашению ТРИПС.

Кроме того, во внимание был принят и богатый опыт Европейского Союза в сфере правовой охраны интеллектуальной собственности. Часть четвертая Гражданского кодекса Российской Федерации в значительной степени вбирает в себя европейский опыт правовой охраны интеллектуальной собственности и во многом основана на действующих положениях нормативных актов Европейского Союза в сфере интеллектуальной собственности (большей частью, в сфере авторского права и смежных прав).

Так, в частности, в Части четвертой ГК РФ введены новые правовые институты, ранее неизвестные российскому

законодательству об интеллектуальной собственности, среди которых, прежде всего, право изготовителя базы данных на содержание такой базы данных (§ 5 главы 71). Регулирование в этой сфере опирается на опыт Директивы Совета ЕС 96/9/ЕС от 11 марта 1996 г. о правовой охране баз данных. Однако, в отличие от указанного документа, рассматривающего право изготовителя на содержание базы данных как специальное право (*sui generis*), в ГК это право рассматривается как смежное с авторским.

Кроме того, к новеллам Части четвертой ГК РФ следует отнести охрану исключительного смежного права публикатора, то есть гражданина, который впервые обнародовал произведение литературы, науки или искусства, отвечающее требованиям, предъявляемым Гражданским кодексом к объектам авторского права, но не опубликованное в течение срока действия авторского права и перешедшее поэтому в общественное достояние, либо вообще никогда не охранявшееся авторским правом (§ 6 главы 71). Регламентация этого права в ГК РФ опирается на содержание Директивы Совета ЕС 93/98/ЕС от 29 октября 1993 г. о гармонизации сроков охраны авторского права и некоторых смежных прав.

Тем не менее, Часть четвертая ГК РФ не отражает многих тенденций в развитии права интеллектуальной собственности в ЕС, в особенности в сфере права промышленной собственности. Так, например, в Части четвертой ГК не нашел отражение европейский опыт в сфере правовой охраны биотехнологических изобретений, фрагментарно представлены нормы о дополнительной защите запатентованных лекарственных и фитофармацевтических средств и др.

В этой связи хотелось бы остановиться на некоторых тенденциях и перспективах развития права интеллектуальной собственности в ЕС, которые в силу целого ряда причин актуальны

либо станут актуальны в самое ближайшее время и для нашего законодательства в сфере интеллектуальной собственности. Тем более эта проблематика актуализируется в связи с тем, что Европейский Союз как одна из наиболее успешно функционирующих и динамично развивающихся международных региональных организаций является крупнейшим торгово-экономическим партнером Российской Федерации. В настоящее время все более крепнут связи в самых различных сферах сотрудничества между Европейским Союзом и Российской Федерацией, одним из примеров этого является подписанное между Европейским Союзом и Россией в 1994 г. и вступившее в силу с 1 декабря 1997 г. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве. Соглашение охватывает собой три области взаимодействия, включая политический диалог, экономическое и культурное сотрудничество³. Специальный раздел и ряд приложений к Соглашению о партнерстве и сотрудничестве посвящены вопросам охраны интеллектуальной собственности.

Кроме того, следует иметь в виду, что в соответствии с Договором, учреждающим Конституцию для Европы, принятым в 2004 г. и находящимся в настоящее время на стадии ратификации государствами-членами ЕС, Российская Федерация в качестве так называемого «сопредельного государства, не являющегося членом Европейского Союза», может получить стратегически значимый статус «привилегированного партнера»⁴. В этой связи в настоящий момент на повестке дня двусторонних отношений стоит вопрос о создании четырех общих пространств: 1) общего европейского экономического пространства; 2) общего пространства свободы, законности и правосудия; 3) общего пространства безопасности; 4) общего пространства науки, культуры и образования.

Что касается общего европейского экономического пространства (ОЕЭП), то оно должно охватить собой большин-

ство секторов экономики, включая и те, что основаны на результатах интеллектуальной собственности.

Опыт Европейского Союза в правовой охране интеллектуальной собственности будет, как нам представляется, чрезвычайно полезным для Российской Федерации и потому, что являясь участницей интеграционных образований на постсоветском пространстве, и, прежде всего, Содружества Независимых Государств, наша страна также входит в систему региональной охраны произведений творчества, но уже в рамках иных интеграционных образований (СНГ, ЕврАзЭС и др.)⁵. К сожалению, до сего дня сотрудничество в сфере правовой охраны интеллектуальной собственности в рамках СНГ было ограничено лишь несколькими соглашениями по отдельным вопросам. В сфере авторского права и смежных прав в рамках СНГ было заключено Соглашение о сотрудничестве от 24 сентября 1993 г., наметившее лишь внешние рамки кооперации государств СНГ в этой сфере и подтвердившее важность обязательств, вытекающих из международных соглашений универсального характера. Также можно сослаться и на опыт Евразийской патентной конвенции, сыгравшей определенную роль в сохранении и развитии научно-технического потенциала постсоветского пространства⁶.

Анализ процессов унификации и гармонизации права интеллектуальной собственности в Европейском Союзе приводит нас к выводу о том, что причины и предпосылки, приведшие к необходимости начала интеграционных процессов в этой сфере лежат исключительно в экономической плоскости и детерминированы императивами рыночной экономики. В настоящий момент право интеллектуальной собственности в Европейском Союзе парадигмой своего развития избрало в качестве приоритетной охрану не субъекта творческой деятельности как такового, не создателя

произведения творчества, а наоборот – на первый план отчетливо выступает задача предоставления правовой охраны инвестициям, субъектам так называемой паратворческой деятельности (кино-, теле- и видеоккомпаниям, организациям спутникового и кабельного вещания, организациям, управляющим имущественными правами авторов на коллективной основе и др.). Так, в частности, в сфере авторского права эта тенденция находит свое выражение в эволюции европейского авторского права посредством все большего отхода от принципа «droit d'auteur», где приоритет отдавался прежде всего личности автора, защите его личных неимущественных (моральных) прав, к концепции «copyright», закрепляющей примат экономического содержания авторского права и направленной на «включение» объектов творчества в канву рыночных отношений. Согласно этой концепции, произведение творчества есть объект рыночных отношений (тождественный материальным аналогам), а его автор – это так называемый «творческий работник» со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В настоящий момент в выборе направлений и сфер унификации и гармонизации права интеллектуальной собственности в Европейском Союзе обозначается четкая тенденция, суть которой сводится к тому, что интеграционным процессам в сфере интеллектуальной собственности в большей степени «подвержены» так называемые «новые» объекты творческой деятельности и новые формы их использования. К их числу можно отнести, например, биотехнологические изобретения, селекционные достижения в сфере растениеводства, компьютерные программы и базы данных, спутниковое и кабельное вещание, новеллы в системе авторских правомочий – право сдавать в прокат и передавать в безвозмездное пользование объекты творческой деятельности, использование объектов интеллектуальной

собственности в глобальных информационных сетях и др. Это объясняется, с одной стороны, тем, что сами ход и направление развития научно-технической и информационной революции именно подобным образом влияют и на процессы правового урегулирования таких явлений. С другой стороны – «новые» сферы творческих отношений и их достижения в известной степени легче и лучше «поддаются» единообразному правовому урегулированию в целом ряде государств, входящих в региональную систему сотрудничества, поскольку в данном случае просто не существует каких-либо сложившихся традиций внутригосударственного регулирования данных отношений, а поэтому и согласование интересов государств в данном вопросе достижимо в гораздо большей степени.

Специфика функционирования рыночно-ориентированных экономических отношений в рамках ЕС в сфере авторского права и смежных прав в контексте их коммунитарной гармонизации приводит в последнее время к тому, что все чаще субъектом первоначального авторского права, автором в истинном смысле этого слова (иными словами, субъектом творчества) признаются юридические лица (кино-, теле- и видеокomпании, организации спутникового и кабельного вещания и др.), а объектный состав охраняемых результатов творческой деятельности все больше расширяется за счет того, что к их числу относятся объекты, мало что имеющие общего с результатами творчества, не обладающие оригинальностью и т.д. Это нашло свое отражение, в частности, в сфере правовой охраны баз данных, когда юридические лица могут наделяться целым рядом полномочий (право *sui generis*) на простые компиляции – базы данных, не являющиеся результатом творческой деятельности их создателя, а представляющие собой лишь суммарный эффект финансового вложения компаний в по-

иск данных, их систематизацию и представление в виде базы данных. Естественно, что все это вновь детерминировано необходимостью первостепенной защиты инвестиций, а не самого произведения творчества и его истинного создателя.

Процесс унификации и гармонизации права интеллектуальной собственности в Европейском Союзе отличается определенным своеобразием, одно из которых – известное противоречие, изначально заложенное в нем. Согласно этому противоречию, можно говорить о так называемой двунаправленности вектора развития процессов европейской унификации и гармонизации правовой охраны результатов творчества. Суть его заключается, в частности, в том, что, с одной стороны, мы видим повышение уровня правовой охраны результатов творческой деятельности и его субъектов, что выражается, например, в увеличении срока правовой охраны авторского права до 70 лет и смежных прав до 50 лет; в гармонизации правил исчисления сроков правовой охраны, в появлении новых объектов правовой охраны и т.д. С другой стороны, существенным образом ограничиваются правомочия субъектов интеллектуальной (творческой) деятельности. Это находит свое отражение, например, в возможности осуществления спутникового вещания и кабельной ретрансляции в целом ряде случаев без согласия правообладателей, в наделении достаточно большими полномочиями организаций, управляющих имуществом с коллективной основой, подчас за счет прямого ограничения прав авторов, расширение случаев свободного использования творческих произведений в глобальных информационных сетях, система принудительных лицензий в сфере биотехнологических изобретений и др.

Интеграционные процессы в сфере права интеллектуальной собственности

в рамках ЕС носят комплексный и универсальный характер. Это означает, что унификации и гармонизации подвергаются в определенной степени все основные сферы права интеллектуальной собственности (авторское право и смежные права, патентное право, право на средства индивидуализации, нетрадиционные объекты интеллектуальной собственности и др.). Кроме так называемых «материальных норм» права интеллектуальной собственности интеграционные процессы охватывают в настоящее время и процессуальные аспекты правовой охраны объектов интеллектуальной собственности, способы обеспечения и защиты прав на интеллектуальную собственность и др. Тем не менее, можно констатировать, что если ряд областей права интеллектуальной собственности уже подвергся успешной унификации и гармонизации, результатом чего явилось принятие целого комплекса регламентов и директив в сфере правовой охраны интеллектуальной собственности, то остается и немало проблем, связанных, в частности, с очевидными «пробуксовками» интеграционного процесса в таких областях, как введение патента Сообщества, патентование изобретений, содержащих компьютерные программы, полезные модели, проблемы применимого права при разрешении споров в сфере права интеллектуальной собственности и др.

Одним из важнейших векторов развития права интеллектуальной собственности в Европейском Союзе является его интернационализация. Это, в частности, выражается во все большем влиянии норм универсальных международных соглашений, принятых под эгидой международных организаций, на право интеллектуальной собственности ЕС (Всемирная организация интеллектуальной собственности, ЮНЕСКО, Всемирная торговая организация, Европейская патентная организация и др.). Одним из примеров этому служит присоединение Европейского сообщества 30 мая 2005 г.

в качестве участника к Международной конвенции по охране новых сортов растений, пересмотренной в Женеве 19 марта 1991 г. Указанное решение принято Советом ЕС (2005/523/CE) в рамках реализации полномочий, предусмотренных ст. 300 и 308 Договора о ЕС.

При осуществлении гармонизационных и унификационных процедур в сфере правовой охраны интеллектуальной собственности во внимание принимаются также результаты и достижения основных торгово-экономических конкурентов ЕС – США и Японии в аналогичных сферах, ибо указанные страны в значительно большей степени достигли успехов в сфере новых информационных и биологических технологий, включая и область генной инженерии и селекции.

С другой стороны, наблюдается определенное опережение развития правового регулирования интеллектуальной собственности в ЕС по сравнению с международным универсальным и региональными механизмами правовой охраны интеллектуальной собственности. Так, можно утверждать, что механизм правовой охраны интеллектуальной собственности в ЕС является в настоящий момент более модернизированным, включающим сферы охраны, которые в настоящий момент не в достаточной степени урегулированы на международном универсальном уровне в рамках ВОИС (биотехнологические изобретения, право следования в сфере авторского права (*droit de suite*) и др.). Возникает вопрос об отставании механизмов Всемирной организации интеллектуальной собственности от региональных (европейской) систем, что, естественно, требует своего решения.

В связи с формированием Общего европейского экономического пространства между Европейским Союзом и Российской Федерацией целесообразно заключение специального соглашения, охватывающего вопросы правовой охраны интеллектуальной собственности. В

указанном соглашении следует закрепить положения о важности обеспечения должного уровня эффективной охраны и обеспечения реализации прав на объекты интеллектуальной собственности, а также подтвердить значимость обязательств, вытекающих из целого ряда международных универсальных соглашений об охране интеллектуальной собственности как для стран-членов ЕС, так и для Российской Федерации.

Кроме того, целесообразно закрепить обязательство РФ по совершенствованию механизмов охраны прав на объекты интеллектуальной собственности с целью обеспечения уровня право-

вой охраны, аналогичного уровню, существующему в ЕС (включая и эффективные средства обеспечения соблюдения таких прав), посредством совершенствования российского законодательства о правовой охране интеллектуальной собственности, гармонизации и унификации российского законодательства с положениями директив и регламентов ЕС в сфере интеллектуальной собственности и присоединения РФ к целому ряду универсальных международных соглашений в этой сфере. Тем более, это актуально в контексте перспективного вступления нашей страны во Всемирную торговую организацию.

Примечания

¹ См.: Городов О.А. О проекте части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации // Изв. вузов. Правоведение. – 2006.– № 4. –С. 36–37; Рузакова О., Колчун К. Часть четвертая Гражданского кодекса РФ: отдельные проблемы правового регулирования // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2006. – №11. – С. 4–15; Тулубьева И., Осипов В. Некоторые размышления о Части четвертой Гражданского кодекса РФ // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2006.– № 12. – С. 4–15; Бердашкевич А. О концепции проекта Части четвертой Гражданского кодекса РФ // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2006. – №10. – С. 4–9; Калятин В. Авторское право в проекте Части четвертой Гражданского кодекса РФ // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2006.– № 9. – С. 4 – 18; Мещеряков В.А. Часть четвертая Гражданского кодекса РФ: каково состояние и что делать? // Городисский и партнеры: Информационный бюллетень.– 2006.– № 8.– С. 1–3; Сергеев А. Заключение на проект Части четвертой Гражданского кодекса РФ // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2006.– № 7.– С. 4 – 12; Воробьев Е. О кодификации права интеллектуальной собственности // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права.– 2006. – № 7. – С. 13 – 20.

² См.: Хохлов В.А. О проекте Четвертой части Гражданского кодекса РФ: есть ли варианты? // Закон. – 2006.– № 12.– С. 73–78; Маковский А.Л. Варианты просят не предлагать // Закон. – 2007.– № 1.– С. 107 – 111.

³ О Соглашении см. подробнее: Развитие интеграционных процессов в Европе и Россия: проблемно-тематический сборник / Гл. ред. Т.Г.Пархалина. – М.: ИНИОН РАН, 1997.

⁴ См.: Введение в право Европейского Союза / Под ред. С.Ю.Кашкина. – М.: Эксмо, 2005. – С. 6, 47.

⁵ См. например: Варфоломеева, Ю. Интеллектуальная собственность в странах СНГ в условиях глобализации (на примере России и Беларуси) // Ю.Варфоломеева // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2005.– № 5. – С. 65 – 67.

⁶ Блинников, В.И. Комментарий к евразийскому патентному законодательству / В.И.Блинников, А.Н.Григорьев, В.И.Еременко. – М., 1997.

Summary

The article lightens the civil legislation of Russian Federation in the evidence of European experience in protecting the intellectual privacy.

УДК 69:34

ПРАВОВОЙ ВАКУУМ ПО ВИНЕ ЗАКОНОДАТЕЛЯ

*Ф.Н.Багаутдинов, доктор юридических наук, профессор, член-корр. АН РТ;
А.Р.Зартдинова, аспирант*

Федеральный закон от 8 августа 2001 года №128-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» устанавливал, что среди других видов деятельности обязательному лицензированию подлежат: проектирование, строительство зданий и сооружений, за исключением сооружений сезонного или вспомогательного характера, а также инженерные изыскания для строительства зданий и сооружений (подпункты 101-103 пункта 1 статьи 17 Закона).

Федеральным законом № 252 – ФЗ от 29 декабря 2006 года «О признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» подпункты 101-103 п.1 статьи 17 Федерального закона от 8 августа 2001 года №128-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» были признаны утратившими силу с 1 июля 2007 года.

Таким образом, федеральный законодатель заранее объявил о том, что через полгода государственное лицензирование отменяется и контролирующие функции в этой отрасли передаются саморегулируемым организациям.

Шаг, конечно же, революционный для российской строительной индустрии, и не все восприняли его с восторгом. Начались споры, последовали активные возражения. Непрерывающиеся обрушения зданий и объектов, нередко с человеческими жертвами, другие серьезные происшествия при проведении строительных работ вполне

очевидно ставили под сомнение принятое решение. За допущенные нарушения с начала 2007 года Федеральный лицензионный центр аннулировал более 260 лицензий на осуществление строительной деятельности. Поэтому многие не без оснований полагали, что введение негосударственного регулирования в строительстве приведет к ослаблению контроля за соблюдением строительных норм и правил, расширит почву для злоупотреблений, в итоге серьезно снизит уровень безопасности в строительстве.

Против отмены действующей системы лицензирования выступили многие руководители регионов России. Считали преждевременным принятие такого решения руководство Федерального лицензионного центра при Росстрое, Ассоциация строителей России.

В то же время группа депутатов Государственной Думы Российской Федерации и представители строительного бизнеса активно продвигали идею о передаче полномочий и контрольных функций в строительстве саморегулируемым организациям. Причем при таком варианте бизнес в лице саморегулируемых организаций получал бы широкие полномочия в сфере контроля за строительной деятельностью.

Лицензирование в самом простом понимании – это система допуска на строительный рынок, одна из форм контроля за деятельностью строительных, проектных, изыскательских фирм и компаний. Оно призвано в целом контроли-

ровать положение дел в строительстве, обеспечить соблюдение соответствующих норм и правил.

Дискуссия о необходимости сохранения либо отмены лицензирования в строительстве, о передаче функции лицензирования непонятным для многих саморегулируемым организациям была широко представлена и в средствах массовой информации, которые подробно освещали ход действий высшей законодательной власти страны в этой сфере.

В результате в недрах Государственной Думы РФ созрел другой законопроект – о продлении существующей системы лицензирования в строительстве еще на один год.

Но то ли думцы не очень торопились, то ли не рассчитали своих сил перед отпуском, но получилось, что к 1 июля 2007 года новый законопроект не состоялся.

Создалась патовая ситуация. На календаре – 1 июля 2007 года. Федеральный закон №252 отменил государственное лицензирование в строительстве – именно с 1 июля 2007 года. А новый законопроект, который продлевал еще на один год существующий порядок лицензирования в строительстве, хотя и был принят Государственной Думой, но еще не прошел Совет Федерации, не был подписан Президентом РФ, и наконец, не был опубликован.

Следовательно, с 1 июля 2007 года никакого лицензирования в строительстве не существовало – ни государственного, ни со стороны саморегулируемых организаций, которых пока нет и в помине.

Наконец, 25 июля 2007 года в «Российской газете» был опубликован подписанный Президентом РФ Федеральный закон от 19 июля 2007 года №136 – ФЗ, который восстановил государственное лицензирование в строительстве, с оговоркой, что лицензирование указанных видов деятельности (проектирование, строительство, инженерные изыс-

кания для строительства зданий и сооружений) прекращается с 1 июля 2008 года.

Таким образом, с 1 по 25 июля 2007 года по вине законодателя создан правовой вакуум в регулировании лицензирования в строительстве. Старый закон отменили, но одновременно с этим принять новый закон не успели.

Некоторые несведущие могут возразить: а что плохого произошло? Строительство не встало, лицензии на строительство выдавались на пять лет, и поэтому никаких вредных последствий вроде бы не наступило.

Но это не совсем так. Ситуация, сложившаяся в правовом регулировании лицензирования в строительстве, принятие различных решений в первую очередь не добавляет авторитета законодательной власти страны.

Кроме этого, возникший правовой вакуум фактически парализовал работу правоохранительных и соответствующих контролирующих органов в данной сфере. Ведь в российском уголовном законодательстве предусмотрена уголовная ответственность за занятие определенными видами деятельности без лицензии, либо с нарушением лицензионных требований – статья 171 Уголовного кодекса Российской Федерации. По этой статье квалифицируются и действия руководителей, которые ведут строительную деятельность без специального разрешения (лицензии) в случаях, когда такое разрешение (лицензия) обязательно, или с нарушением лицензионных требований и условий, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству, либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере.

Так вот, по вине законодателя, в июле 2007 года следственные органы были вынуждены прекратить уголовные дела по статье 171 УК РФ, связанные с нарушением лицензионных требований в строительстве. Ведь в Постановлении

Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 года №23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» специально указано, что если федеральным законодательством из перечня видов деятельности, осуществление которых разрешено только на основании специального разрешения (лицензии), исключен соответствующий вид деятельности, то в действиях лица, которое занималось таким видом предпринимательской деятельности, отсутствует состав преступления, предусмотренный статьей 171 УК РФ.

Причем после 25 июля 2007 года, когда требование о лицензировании строительства было восстановлено в законодательстве, пересмотреть уже принятые решения о прекращении уголовных дел невозможно – закон, усиливающий уголовную ответственность, либо вводящий уголовную ответственность, обратной силы не имеет. Также невозможно и взыскание полу-

ченных в результате такой деятельности доходов.

Таким образом, следственные органы сработали «вхолостую», затратив на расследование указанной категории дел определенные силы и средства.

Кроме того, практически в течение более полугода – с января и до 25 июля 2007 года органы внутренних дел, лицензионные органы гадали: сохранят ли лицензирование или нет, примут новый законопроект или нет. Поэтому они опасались проводить соответствующие проверки и возбуждать уголовные дела.

Кстати, это не первый случай запоздалых, ошибочных действий федерального законодателя. Думается, что необходимо более четко контролировать сроки прохождения законопроектов, чтобы не создавать подобных правовых вакуумов.

Год пройдет скоро, вопрос о порядке лицензирования в строительстве – сверхважный, и поэтому необходимо своевременно подготовить полный комплект соответствующих законодательных и нормативных правовых актов.

Summary

The article is about the legal problems of licensing in contractor's business.

УДК 297

ИСЛАМ, ПОЛИТИКА, ИДЕОЛОГИЯ, НАУКА

Г.Р.Балтанова, доктор философских наук, профессор

В статье «Татарские пятна. Власти РТ строго следят за тем, чтобы рядом с каждой новой мечетью обязательно была построена православная церковь» московского журналиста И.Найденова дается анализ современной этноконфессиональной ситуации в Республике Татарстан. Она привлекает внимание своим критическим настроем, что выгодно отличает ее от общего и довольно непонятного тона благодушия, свойственного публикациям как в татарстанских, так и в центральных СМИ. Собственно говоря, само название статьи красноречиво и отражает ее суть: национальное движение в РТ выродилось, мечети – потенциальные рассадники экстремизма, потому их нужно уравновесить церквями, татарстанцы живут в тоске по американской мечте и просят в Европу. Сам же Татарстан является пятном, понятно каким, на теле России. В этой статье есть и фрагмент интервью со мной, потому я чувствую некоторую ответственность за изложенные в ней выводы.

По-журналистски поверхностный подход отражает не реальную ситуацию в Татарстане, а скорее те устойчивые стереотипы, которые бытуют в массовом сознании нашего общества. «В России относительно татар сложился целый ряд стереотипов. Татары – мусульмане. Татары живут анклавами. Помогают друг другу. Живут богаче. Не то чтобы чужие, но – другие. А с другими лучше не связываться. Отсюда распространенное предубеждение: от татар всего можно

ждать». Полагаю, что последняя фраза отражает довольно устойчивое мнение, бытующее среди части немусульманского населения России по отношению к мусульманской. Мусульмане – они другие. От них всего можно ждать.

Уже много столетий мусульмане и православные России живут вместе. И неужели кроме подозрительного, настороженного отношения друг к другу, нам больше нечего сказать. Хотелось бы прочесть иные строчки, например: «Часть населения нашей страны давно и традиционно исповедует ислам. Ислам является великой мировой культурой, он создал развитую цивилизацию, которая предопределила европейское Возрождение. Исламская цивилизация дала миру видных деятелей в области медицины, химии, географии, поэзии, архитектуры. Она сохранила для Европы древнегреческую философию, труды Аристотеля, Платона. Благодаря исламу Россия принадлежит не только к западной, но и к восточной цивилизации, что придает ей уникальность». Но, увы! от московского журналиста таких слов не услышишь. Не всегда услышишь их и от людей более искушенных.

В дихотомичном, консервативном или просто узком мышлении противопоставление «мы – они, мусульмане» производится не только в отношении России, но и в рамках всего мирового сообщества. «Они, мусульмане» воспринимаются как некое единое целое независимо от того, на каком языке говорят, в какой стране живут, какому режиму

или лидеру подчиняются. Итог этой дихотомии прост: мы – это все немусульмане, они – все мусульмане. В статье Дарьи Асламовой «Исламский интернационал», опубликованной в газете «Комсомольская правда», читаем: «Мы и они. Свои и чужие. Мир Христа и мир Мухаммеда... Исламу удалось сделать то, что не смогли сделать Маркс и Ленин: создать Интернационал – международное братство людей в камуфляже, легко переходящих границы, блестяще владеющих оружием и готовых умереть с именем Аллаха на устах». Логика понятна – чужие в конечном итоге всегда враждебны, враждебные – воинственны, отсюда и оружие и камуфляж.

Можно было бы так подробно не останавливаться на журналистских сенсациях и штампах в научном исследовании, если бы не пример Запада, где журналисты и политики весьма успешно творят мифы об исламе, которые затем прочно входят в научный, исламоведческий обиход. Да и население нашей страны, в силу экономических причин отчужденное от научной печатной продукции, получает информацию об исламе со страниц газет и из телевизионных передач. Последние крайне редко предоставляют профессионалам возможность высказаться, особенно если их точка зрения не совсем совпадает с официальной.

В начале 90-х гг. XX века западная интеллектуальная элита зачитывалась статьей Самуэля Хантингтона «Разлом цивилизаций». Не было ни одной научной конференции по проблемам Ближнего Востока или Северной Африки, где не муссировались бы пророчества Хантингтона. Говорилось о том, что С.Хантингтон осмелился заявить открыто о том, что всем уже было очевидно и понятно – назревает «исламская гроза» в западном благополучии и стабильности. Статья С.Хантингтона стала своеобразным водоразделом между политиками и учеными Запада и Востока, по одну

сторону которого оказались апологеты идеи «исламской угрозы» и вестернизации, а по другую – сторонники «исламского пути развития» и мирного сосуществования двух цивилизаций. Первоначально статья появилась в журнале «Foreign affairs», позже она была дополнена и опубликована в виде книги под названием «Разлом цивилизаций и восстановление мирового порядка».

И книга, и статья произвели буквально фурор благодаря тому, что в них четко было заявлено о том, что грядущий век станет веком конфронтации двух цивилизаций – западной и мусульманской. Причиной этого разлома, по мнению Хантингтона и его сторонников, является исланизм – идеология, направленная на разрушение основ западной цивилизации и установление на его обломках исламского порядка. Мир почти раскололся на две части. Идеологи нового мирового порядка и глобализации получили интеллектуальное оправдание военной политики в странах Ближнего Востока, Центральной Азии и Северной Африки. Сущностью этой политики стала борьба с исламским терроризмом, идеологическая атака на его интеллектуальное обоснование – фундаментализм, ваххабизм. Самым крайним проявлением этой атаки стала идея о том, что радикализм и терроризм, фанатизм и непримиримость имплицитно заложены в самом исламском вероучении. Несмотря на заявления лидеров США и стран Евросоюза о том, что не следует путать ислам с терроризмом, в сознании широких масс ненависть к исламистам постепенно переходила на ислам, а затем и на всех, кто считает себя последователем этой веры.

Идея о грядущей угрозе со стороны фундаментализма, исламского радикализма и исламизма будоражила общественное мнение западных стран, начиная с 1970-х гг., то есть параллельно с процессом, который в западных средствах массовой информации получил

название «исламское возрождение». Успех публикаций С.Хантингтона стал возможен потому, что он впервые совершенно определенно и в печатной форме заявил о том, что эта угроза существует реально, и она приведет к глубокой конфронтации Запада и Ислама. Эта конфронтация неизбежно втянет в себя все человечество, так как мусульманское население составляет существенную часть населения во всех странах мира. Те, кто осуждает террористические акты, независимо от своей этноконфессиональной принадлежности поневоле становятся союзниками Запада, а те, кто осмеливается признать существование объективных причин исламского радикализма и экстремизма, становятся его идейными врагами.

Если не противниками, то интеллектуальными оппонентами С.Хантингтона стали умеренные критики его концепции во главе с одним из ведущих исламоведов США профессором Джоном Эспозито. Ведущей идеей умеренного крыла политологов-исламоведов стала концепция исламского ревивайлизма (от англ. слова «revival», что означает «оживление»). В многочисленных публикациях Д.Эспозито, в частности, в его книге «Исламская угроза», проводилась мысль о том, что ревивайлизм и исламизм не являются движением маргинальных слоев населения мусульманских стран, существующих где-то на периферии общественной жизни. Напротив, исламизм – это мейнстрим всего мусульманского мира. По мнению сторонников ревивайлизма, исламизм не является угрозой Западу вообще, а лишь тем его нормам и ценностям, которые уже перестают быть ценностями для самих представителей западной цивилизации. Ислам – это вызов идеологии потребления, секуляризации, индивидуализму, меркантилизму, сексуальной свободе и бездуховности современного постиндустриального общества. Итак, Д. Эспозито и его едино-

мысленники полагают, что исламская атака на недостатки современного западного «модус вивенди» справедлива, заслуженна. Выходом из этого противостояния между Западом и Исламом является поиск взаимопонимания, общего духовного субстрата, общечеловеческих ценностей, какими, например, является проблема выживания человечества, объединение усилий перед лицом глобальных катастроф.

Среди западных политологов существует еще одна точка зрения на данную проблему, которая была выражена в работе Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории и последний человек». В противовес и Хантингтону, и Эспозито, Ф.Фукуяма считает, что абсолютное торжество Западного либерализма, экономики, культуры, образа жизни символизирует конец истории, конец всеобщему противостоянию, ни ислам, и никакая другая идеология уже не представляют никакой опасности и угрозы перед лицом тотального доминирования успешной западной модели развития. Она, эта модель развития, доказала свою состоятельность на деле – экономический рост, подъем уровня жизни, высокие доходы, развитие техники и технологии, информатизация и проч.

Публикации С.Хантингтона, Д.Эспозито и Ф.Фукуямы вызвали ажиотаж не только в кругах западных политиков и интеллектуалов. Они произвели сенсацию и среди современных исламских политиков и ученых самой разной направленности. Одни восприняли общий тон этих публикаций как новое наступление идеологов вестернизации и неоколониализма, как угрозу исламскому миру, которая уже стала воплощаться в действиях защитников нового мирового порядка в Афганистане, Ираке, Палестине. Слова из работ Хантингтона и Фукуямы стали восприниматься как жупел антиисламизма и призыв к новому витку идеологической конфронтации.

Справедливости ради надо сказать, что объективное, взвешенное отношение к исламу все-таки было свойственно самой лучшей, широко мыслящей части западноевропейской интеллигенции. Люди, весьма далекие от мусульманской религии, признавали за ней оригинальное учение, силу, способную оказать прогрессивное влияние на мировые процессы, восхищались мощью личности Пророка. В доказательство нам хотелось бы привести слова Гете, Б. Шоу, востоковедов Р.Белла, У.Монтгомери, не говоря уже о тех, кто не только преклонялся перед исламом, но и принял его, как капитан Кусто, Мухаммед Али, М.Родинсон и многие другие.

Великий Гете еще в двадцатичетырехлетнем возрасте написал драму «Магомет». В то время он искал для себя и литературного героя и образец для подражания, человека, наделенного волей, умом, мощью. Вот как он писал об исламе: «Как глупо так и эдак воспевать Свои суждения об этом и о том! Ведь если ислам покорность означает Богу, Мы все живем, и все умрем в исламе». «Вера в единого Бога – всегда поднимает дух, поскольку служит критериям внутреннего человека». «Уже само по себе перебирание магометанских четок для восхваления имен Аллаха, отражающих девяносто девять Его качеств, – это великолепное хвалебное молебствование. Одновременное поминание присущих Творцу утверждающих и отрицающих качеств говорит о непостижимости Его Существа; молящийся удивлен и очарован, покоряется Его воли и успокаивается...».

В конце XVII – начале XVIII века в Европе появилось многотомное издание «Восточной библиотеки», которое познакомило широкие круги Европы с восточной экзотикой и яркими образами. В начале XVIII века в Европе появляются первые переводы с арабского и персидского языков. Ошеломляющий успех имел первый французский перевод

«Тысячи и одной ночи», выполненный А. Галланом, за которым последовали переводы на другие европейские языки и множество подражаний. В начале XIX века в Вене выходят первые переводы арабских стихов. Гете знакомится с арабскими и мавританскими рукописями, мечтает изучать арабский язык, создает бессмертный «Восточный диван, написанный западным поэтом».

В противовес антиисламским стереотипам, унижающим достоинство женщины, бытовавшим в еврохристианской традиции, Гете создал в поэзии одухотворенный женский образ. Под черным хиджабом мусульманки ему виделся пленительный женский облик, полный поэзии, страсти, огня. В поэзии Гете, вдохновленного Хафизом и другими поэтами, мы читаем:

Угадав за покрывалом,
рот, алеющий кораллом,
и, склоняя к неге страстной,
сердце девушки прекрасной...

(«Западно-восточный диван»).

Романтики и поэты Нового времени создавали образ мусульманской женщины, прекрасной физически и духовно: «Глубокий взор и губы цвета роз, блеск жемчуга в изгибах черных кос» (Байрон). Глубина взора, выразительность взгляда означала ум, наблюдательность, глубокую натуру: «Были вглубь глядящие зрачки, были всласть целующие губы» (Гете, «Западно-восточный диван»). Во всех произведениях фигурирует внутренняя свобода, смелость, преданность женщины (Гюльнар и Лейла у Байрона, Зулейка у Гете).

Один из самых интеллектуальных писателей своего времени, парадоксальный Бернард Шоу в своей книге «Истинный Ислам» писал: «Если у какой-то из религий и был бы шанс управлять Англией, да собственно и всей Европой в последующие 100 лет, – так это мог бы быть только Ислам». «Я всегда с большим уважением относился к религии

Мухаммада из-за ее высокой жизненности. Это единственная религия, которая, на мой взгляд, обладает способностью адаптации к изменяющимся условиям жизни, что [без сомнения] может понравиться людям любого возраста. Я изучил его жизнь, – по моему, он удивительный человек – уж никак не антихрист, напротив, – его можно называть спасителем человечества». «Думаю, что если бы человеку, подобному ему, были даны права диктатора в современном мире, он смог бы решить его проблемы так, что эти решения принесли столь желаемый мир и счастье: я предсказывал о вере Мухаммада, что она будет принята завтрашней Европой, и она уже начинает приниматься Европой современной».

Крупнейший британский востоковед Ричард Белл писал: «Европа стоит на пороге большого упадка. За блестящим, великолепным фасадом таятся стрессы, безумие, самоубийства, душевные болезни, разврат, употребление наркотиков и алкоголя, разбой, изнасилования, невообразимый рост венерических заболеваний... Перед Европой стоит единственный выбор. Единственный путь к спасению. Этот путь – Ислам. Другого выбора нет». Все эти многочисленные и красноречивые цитаты гениев и классиков свидетельствуют о том, что интеллектуальная элита всегда рассматривала ислам как один из духовных источников, питающих всю мировую культуру. Однако конец XX и начало XXI века ознаменовались резким расколом во взаимоотношениях Запада и мира ислама.

В отношении ислама один из классиков британского востоковедения У. Монтгомери Уотт писал о том, что западный мир в долгу перед миром ислама, чей «искаженный образ до сих пор продолжает витать над европейской общественной мыслью». Вероятно, продолжает автор, недостатки, приписываемые врагам, есть всегда лишь наши собственные недостатки, а «искаженный

образ ислама следует рассматривать как проекцию теневых сторон европейца»². Сказано и сказано справедливо было еще в 70-х гг. XX века, но с тех пор образ ислама вряд ли стал возвышеннее и благороднее в глазах Запада. Тому свидетельство 12 карикатур, напечатанных в феврале 2006 года в датской газете и вызвавших переполюх во всем мире.

Проблема предвзятого, одиозного восприятия Западом мусульманского Востока раскрывается в ряде работ известного американского ученого Э.Саида. В 2006 году в России вышла в свет монография Э.Саида «Ориентализм», написанная в 1978 году. Сам факт ее издания в России говорит о том, что за прошедшие годы она не потеряла ни своей актуальности, ни остроты. Публикация этой книги в США стала международным событием не только для востоковедов всего мира, но и для всех, кто занимается ближневосточной политикой и в теории, и на практике. Критический, даже саркастический, анализ западного ориентализма содержится и в другой его работе «Оболочка ислама». Проблемам политического, идеологического и методологического противостояния Запада и Востока посвящена его книга «Перо и меч».

Под ориентализмом Э. Саид понимает не только востоковедение, но и «стиль мышления» западных интеллектуалов, основанный на «онтологическом и эпистемологическом различении» Востока и Запада. Вслед за Кипплингом Э.Саид повторяет: «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток», и также как он полагает, что они всегда будут разобщены. Кроме того, для ученого ориентализм это теоретическое обоснование доминирования Запада над Востоком. Кстати сказать, после выхода в свет книг Э.Саида многие западные востоковеды стали публично отречься от самого понятия «ориентализм». Так, например, в статье для «Энциклопедии ислама» швейцарский ученый Жак Ваарденбург предлагает

заменить дискредитированный термин «ориенталист» на понятие «мусташирикун», что означает «человек, посвятивший себя Востоку».

В работах Э.Саида история взаимоотношений между двумя цивилизациями сводится к сочинению Западом «своего» Востока, восточных людей, культуры, для того, чтобы оправдать политику колонизации. Европейские представления о Востоке, восточном деспотизме, экзотике, традициях и нормах есть результат мифологизации, порожденной политическими интересами Европы и Америки на Востоке и способствующий доминированию Запада над Востоком. Говоря словами Э.Саида, ориентализм стал «фильтром, через который Восток проникал в западное сознание». В результате этой мифотворческой практики Запад имеет дело не с реальным, а с «ориентализованным» Востоком.

Особенно много внимания в своих работах Э.Саид уделяет западным стереотипам, сложившимся в отношении ислама. Родившись в семье крупного палестинского предпринимателя, принадлежащего к христианству, Э.Саид получил образование в Египте и США, сделал блестящую академическую карьеру, защитил докторскую диссертацию в Гарварде, преподавал в Колумбийском университете в Нью-Йорке. В горячей полемике, развернувшейся вокруг его книг, звучали мнения, что он не должен был представлять интересы палестинцев, так как слишком долго не жил на Ближнем Востоке. Другие, напротив, считали арабское происхождение Э.Саида фактором, препятствующим объективности и научности, обвиняли его в тенденциозности. Кстати говоря, мне довелось встретиться с Э.Саидом на одном из семинаров. Поскольку моя первая монография, вышедшая в 1992 году, была посвящена критическому анализу западного исламоведения, естественно, в ней много внимания уделялось анализу работ Э.Саида. И с его легкой руки

меня на той конференции называли «вторым Эдвардом Саидом».

Но мало и непродуктивно обвинять Запад в неглубоком или неправильном понимании и ложной интерпретации ислама. В конечном итоге, это не его дело. У Запада есть свои собственные духовные традиции, в том числе и демократические, позволяющие любому человеку исповедовать ту систему идей, которая ему на данный момент больше нравится. На сегодняшний день по своим статистическим показателям – количеству мусульман и мечетей Западная Европа вполне могла бы заслужить присуждения ей почетного названия конвенция, означающего феномен мирного сосуществования различных религий, существовавший в Испании времен арабского Халифата.

Правда, сегодня это весьма хрупкая гармония, которая легко может нарушиться от неосторожного слова, резкого высказывания, непродуманных заявлений. В связи с количественным ростом мусульманского населения в странах Запада и усилением их влияния на политику, межконфессиональные отношения в конце XX века в средствах массовой информации был запущен новый, ставший весьма популярным термин, «Евроислам». Речь идет не о каком-либо новом направлении или движении в рамках ислама, а лишь о различных европейских и американских исламских диаспорах, которые восходят к самым разным странам и народам. Термин «Евроислам» сегодня применяется некоторыми политиками и в отношении мусульманского населения России. Причем, в данном случае имеется в виду не столько локальная характеристика феномена, сколько содержательная. Евроислам в российском варианте понимается как модернизированный, «мягкий» ислам в отличие от жесткого, фундаменталистского варианта. Главным возражением против употребления термина «евроислам» во всех его смыслах является

тот факт, что сами мусульмане отказываются от него. Термин «евроислам» является столь же ненаучным и неадекватным, как и термин «ваххабизм» по отношению к радикалистам и фундаменталистам.

Однако появление европейских диаспор вызвало к жизни ряд серьезных проблем социально-экономического и теологического характера. В частности, среди мусульманских богословов стал дискутироваться вопрос о примате шариата над светскими законами европейских государств, в которых проживают мусульмане; стала обсуждаться проблема хиджаба, который запрещен рядом официальных актов в стенах учебных заведений и государственных организаций на Западе и в Турции; всерьез встала проблема адаптации мусульман к жизни в новых, европейских условиях, в которых неизбежно происходит утрата исламской идентичности.

Проблема сосуществования различных религий в рамках одной государственной системы, страны, вопрос о религиозной терпимости – толерантности – волновал мусульманскую умму с самого начала ее возникновения. Ислам, как мы знаем, формировался на фоне существования развитых мировых религий и политеистических верований и должен был выработать принципы взаимоотношения с ними. Так, эта проблема существовала для иудеев и христиан в условиях мусульманских империй в качестве религиозного меньшинства (например, арабского и Кордовского Халифатов, Османской империи). Поскольку ислам возник на фоне мощных мировых религий, в нем изначально была предусмотрена система взаимоотношений с людьми других вероисповеданий – «ахль аль-зимми». Статус «зимми», что означает «находящийся под защитой» означал законность, покровительство, набор определенных прав, свобод и обязанностей, в частности налогов для немусульман. Насколько полно соблюдал-

ся статус и права иноверцев зависело уже не от исламского вероучения, а от конкретных политических режимов и обстановки.

Самые крупные исламоведы Запада единодушны во мнении, что ислам на ранних этапах своего существования демонстрировал уникальную модель построения взаимоотношений с различными конфессиями и культурами. Так, британская исследовательница Карен Армстронг пишет, что во время первых военных походов мусульман, борьба велась с конкретным противником, а не с его религией или культурой. Будь то аравийские, христианские или иудейские племена – именно они были конкретные военные противники, а не их вероисповедания. Как мусульманские, так и западные и российские историки описывают, что во времена военных походов первых халифов Абу Бакра, Умара ибн Хаттаба не было практики разрушения церквей, молитвенных зданий, преследования служителей культа, монахов. Перед своей первой военной экспедицией в Сирию Абу Бакр давал наставление своим воинам «не трогать монахов и оставить их жизнь тому, чему они ее посвятили».

Профессор Джорджтаунского университета Джон Эспозито указывает на то, что во времена господства арабов все народы могли свободно исповедовать свою религию и сохранили верховенство своих законов в таких областях, как семейно-брачные отношения, вопросы наследования. Налог – джизья – который они платили, давал им право на защиту от внешней экспансии и освобождал их от воинской повинности.

Многие христианские церкви и секты, такие, как копты, несториане, монофизиты, якобиты в эпоху средневековья жестоко преследовались ортодоксальной христианской церковью. Но под арабским владычеством они могли свободно существовать и развиваться. История свидетельствует о том, что эта

уникальная атмосфера толерантности способствовала небывалому расцвету наук, культуры, высокому уровню массового сознания. Ярким примером тому являлась арабская Испания, Андалузия, где все три мировые религиозные культуры мирно сосуществовали и обогащали друг друга.

Ситуация принципиально меняется после того, как в 1492 году Гранада была завоевана испанскими войсками короля Фердинанда и королевы Изабеллы. Начались преследования инаковерующих, мусульмане и иудеи стали подвергаться жестокому гонениям. Началось изгнание евреев из Испании. И тогда Оттоманский султан Баязид предоставил евреям убежище. Турецкий флот под командованием Кемалия Реиса вывез евреев на земли Оттоманской империи, и им были предоставлены земли в районах Эдирне и Фессалоники. Свыше 25 000 евреев, проживающих в современной Турции, — это потомки беженцев из Испании.

Однако во многом благодаря универсализму и тотальности ислама, на которые мы часто обращаем внимание, в нем не разработана концепция существования ислама и мусульман в условиях доминирования другой религии или идеологии. В исламе подробно разработана концепция «зимми» и терпимого отношения к иным верам, в особенности, «людям Книги», но мало говорится о ситуации, когда мусульмане оказываются на правах религиозного меньшинства.

Неразработанность данной концепции в теории приводит к тому, что мусульмане не могут решить в своей житейской практике множества вопросов. Например, каким образом осуществлять обязательное пятничное богослужение, если человек работает в светском учреждении? Как работающему человеку соблюдать пост саум (ураза)? Как обеспечить себя ритуально чистой пищей (халяль), если мусульманин находится в больнице? В санатории? В командировке? Каковы требования к мусульман-

ской одежде женщины, если она проживает в светском государстве, где в официальных учреждениях запрещена религиозная пропаганда? Мы видим, что конфликты с участием мусульманок происходят по всему миру: и на Западе и на Востоке. Вектор исламизации близкой нам Турции легко определить по тому, как ее очередное правительство относится к хиджабу.

В сентябре 2007 года Премьер-министр Турции и лидер происламской правящей Партии справедливости и развития Реджеп Тайип Эрдоган потребовал отменить действующий в стране запрет на ношение хиджабов. Запрет зафиксирован в турецкой Конституции, написанной в 1980 году после секуляристского военного переворота. В настоящее время собранная премьером группа юристов и улемов работает над проектом нового основного закона, который позволил бы турецким мусульманам свободно соблюдать каноны своей религии. В ответ на вопрос «Будет ли из нового проекта конституции исключен запрет на хиджабы?» Эрдоган ответил: «Мы об этом говорим давно и долго. Это вопрос личной свободы человека».

Стремление Эрдогана поддерживают президент страны Абдулла Гюль. Вскоре после выступления в должность он сделал соответствующее заявление, в котором отметил, что «для женщины, которая носит хиджаб, лучше учиться в университете, чем быть изолированной от общества». Для Турции, которая ставит своей целью занять достойное место в европейском сообществе, вопрос о разрешении хиджаба, который является эпифеноменом религиозной политики в отношении мусульман, далеко не праздный.

Взаимоотношения двух цивилизаций — западной и исламской — происходит в самых разных формах: от полного взаимного неприятия до попыток установить приемлемые отношения. На этом фоне особенно отраднo видеть стрем-

ление представителей двух культур признать и продемонстрировать всеобщую взаимосвязь и взаимовлияния, которые обогащают различные цивилизации. Так, например, в сентябре 2007 года в Катаре проходила выставка, посвященная роли мусульман в истории США. В столице Катара, Дохе, была развернута экспозиция, посвященная роли ислама и мусульман в истории Соединенных Штатов Америки. Инициатором мероприятия выступил известный американский историк и писатель Амир Мухаммад.

Как сообщил IslamNews со ссылкой на ИНА, выставка «Забутые корни: мусульмане в зарождающейся Америке», организованная при содействии посольства США в Дохе и местного культурного центра «Аль-Джасра», проливает свет на ряд событий в истории Соединенных Штатов. Несмотря на то, что американские мусульмане всегда активно участвовали в общественной, политической и религиозной жизни США, до

сих пор ни в школьных учебниках, ни в энциклопедиях не были упомянуты представители исламской общины, сыгравшие огромную роль в образовании и развитии державы.

На выставке экспонированы уникальные фотографии видных американских деятелей-мусульман, а также представлены редкие документы и печатные издания, на страницах которых запечатлены достижения коренных мусульман Америки. Часть экспозиции посвящена жизни представителей различных этнических диаспор, приехавших в страну из-за рубежа и со временем влившихся в американское общество. Культура мусульманских народов, по мнению ученого, повлияла на становление единой общеамериканской культуры ничуть не меньше, чем культура европейцев, прибывших на континент гораздо позже первых путешественников и исследователей из стран исламского мира.

Примечания

¹ Portal-credo.ru, 30.08.2007.

² Монтгомери Уотт У. Влияние ислама на средневековую Европу. – М., 1976, – с. 108–110.

Summary

The author of the article has analyzed the attitude of the Occidental society to Islam.

УДК 297

ОБСУЖДЕНИЕ НОВЫХ ПРАВИЛ ПО СТРОИТЕЛЬСТВУ МУСУЛЬМАНСКИХ БОГОСЛУЖЕБНЫХ ЗДАНИЙ ИМПЕРСКОЙ ВЛАСТЬЮ В НАЧАЛЕ XX в.

И.К.Загидуллин, доктор исторических наук

Известия о поражениях российской армии в Русско-японской войне 1904–1905 гг., обострение аграрного вопроса, ухудшение благосостояния и другие факторы привели к усилению в России революционного настроения среди народных масс. Приметой общественно-политической жизни стали и протесты нерусского населения по «национально-му вопросу».

Как ответная мера на сложившуюся ситуацию в стране последовал именной «высочайший» указ Сенату от 12 декабря 1904 г., предписавший пересмотр российского законодательства, в частности вопросов, касающихся веротерпимости. Издание указа вызвало петиционную кампанию среди мусульман о разрешении на законодательном уровне наиболее наболевших проблем.

В «высочайше» утвержденном 17 апреля 1905 г. Положении Комитета Министров, изложенном в указе от того же числа, об укреплении начал веротерпимости Особому вневедомственному совещанию по делам веры было предписано разработать комплекс вопросов, касающихся исламских институтов: 1) о сооружении «молитвенных домов иноверных исповеданий»; 2) о порядке избрания и назначения должностных лиц мусульманского духовенства – приходских и высших; 3) об освобождении от призыва на действительную военную службу «из запаса» некоторых лиц мусульманского духовенства; 4) о порядке

открытия мусульманских школ – мектебе и медресе; 5) об учреждении особых духовных управлений для казахов Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областей, а также для мусульманских общин на Северном Кавказе, в Ставропольской губернии, Туркестанском крае и Закаспийской области; 6) о возможности дозволения воспитывать подкидышаемых детей в религии принявших их на воспитание иноверных семей.

Помимо перечисленных вопросов, Особому совещанию было предложено рассмотреть также и некоторые проблемы, связанные с регулированием статуса мусульман в российском политико-правовом пространстве: 1) о предоставлении мусульманским духовным лицам звания личного почетного гражданина; 2) об изменении действующих правил по рассмотрению дел, вытекающих из семейных и наследственных отношений мусульман; 3) о преподавании ислама на родном языке верующих; 4) о пересмотре постановлений, касающихся исполнения мусульманами религиозных обрядов во время отбывания ими воинской повинности.

Следует отметить, что среди поступивших в адрес правительства обращений имелось и предложение Оренбургского магометанского духовного собрания 1905 г. о предоставлении разрешения на постройку мечетей по усмотрению религиозного органа без всякого

участия гражданской власти, кроме утверждения плана культового здания в строительном отделении губернских правлений.

Правила устройства религиозно-обрядовой жизни уммы были разработаны членом Государственного Совета действительным статским советником В.П. Череванским и были рассмотрены на Особом межведомственном совещании с участием представителей Государственного Совета, Синода, Министерств юстиции, внутренних дел и народного просвещения.

В.П. Череванский выработал законодательный проект возведения исламских молитвенных зданий, состоящий из нескольких пунктов. Предполагалось: «1. Христианскую духовную власть совершенно освободить от обязательства давать какое-либо заключение по делам сооружения мечетей. 2. Разрешения на постройку новых мечетей должны исходить от правлений по делам мусульманской веры, но не иначе как по предварительному ходатайству о том мусульманской общины, выраженному в приговоре, подписанном или утвержденном печатями или тамгами не менее половины лиц всего состава общества. 3. При составлении сего рода приговоров не должны участвовать лица мусульманского вероисповедательского персонала; кроме того, за правительственной властью надлежит сохранять право наблюдения, чтобы приговоры выражали действительно народное желание, а не служили бы только актами исполнительного перед вероисповедательским персоналом характера. 4. В местностях с крещеными, не состоявшими в мусульманстве, первые должны быть сооружаемы христианские храмы или молитвенные дома, а затем могут быть открываемы беспрепятственно и мечети мусульман. 5. Постройку мечетей мусульман вне городов освободить от требований строительного устава, подчинив их сооружение местным требованиям, относящимся к постройке обывательских домов»¹.

Проект В.П. Череванского вызвал принципиальное несогласие члена Особого межведомственного совещания А.С. Будиловича, обнаружившего в документе противоречие с существующими российскими законами. По его мнению, в случае отстранения светской власти от участия в исламском культовом строительстве, число богослужебных заведений «может возрасти до бесконечности, вопреки интересам населения, и мечети станут возникать рядом с православными храмами, что может служить соблазном для православных инородцев, нередко колеблющихся между Кораном и Евангелием»². В результате Особое межведомственное совещание под председательством генерал-адъютанта А.П. Игнатьева не смогло прийти по данному вопросу к единому мнению.

Совещание начало свою работу 29 ноября 1905 г. Обнародование к этому времени законов о Государственной думе и Совете Министров установило новый порядок делопроизводства по внесению и рассмотрению законопроектов. В частности, подлежащие ведению Государственной думы дела вносились в нее исключительно начальниками отдельных ведомств после предварительного обсуждения в Совете Министров, что явилось главной причиной ограничения деятельности Особого межведомственного совещания лишь сбором материала по вышеуказанным вопросам и выработкой «руководящих начал». Царским указом от 28 мая 1906 г. оно было закрыто, его журналы и материалы поступили в распоряжение Совета Министров, а оттуда, не ранее второй половины июля 1906 г. – в Министерство внутренних дел (МВД)³. Чиновникам данного ведомства был поручен пересмотр всех действующих законов, которые регулируют управление делами мусульман в Российской империи.

В период работы Особого Совещания и после его закрытия в правитель-

ство поступило более 500 ходатайств мусульман по самым разным аспектам жизнедеятельности исламских институтов, в том числе не учтенным в рекомендациях Комитета Министров. Чиновники министерства также приняли их во внимание при разработке нового законопроекта⁴.

В своей служебной записке по этому поводу чиновник особых поручений Департамента духовных дел иностранных исповеданий Г.Н.Тарановский отмечал: «Нельзя отрицать, что мусульмане имеют право подозревать русскую власть в намерении сдерживать размножение числа мечетей; подозрение это опирается, и не без основания, на участие русского духовенства в разрешении на постройку мечетей. Закон по этому предмету не приносит, однако, пользу ни государственной власти, ни интересам христианской церкви. Мусульмане прекрасно знают, что переход в мусульманство случается в виде единиц на десятки миллионов населения, а, следовательно, не ради охранения этой ничтожной и ненужной христианской величины установлено участие епархиальной власти в разрешениях на сооружение мечетей»⁵. Мнение Г.Н.Тарановского раскрывает новый аспект данного положения, а именно – востребованность участия в этом процессе духовной власти, которая предоставляет в руки правительства инструмент для запрета сооружения исламских богослужебных зданий в случаях, когда соблюдаются все требования закона, но постройка нежелательна по государственным соображениям.

Г.Н.Тарановский предлагал изолировать православные ведомства от исламского культового строительства, а в местностях с крещеными и «иногородцами» первоначально сооружать христианские храмы или молитвенные дома, а затем уже «беспрепятственно» разрешать возведение мечетей⁶. То есть в поликонфессиональных селениях светская

власть сама должна была создавать приоритеты для христиан и рассматривать исламское культовое зодчество как «второстепенное».

МВД довело до логического конца полученные из Особого Сопровождающего материалы, оформив свое видение проблемы в проект закона «О разрешении совершения инославных и иноверных богослужения и сооружений, устройства, возобновления и починки инославных и иноверных молитвенных домов» от 20 февраля 1907 г., который был представлен в Государственную Думу.

Показательно, что документ был разработан без каких-либо консультаций с Синодом.

МВД отмечало, что имеющиеся в законах формальные требования о соответствии «инославных» и «иноверных» молитвенных зданий определенной численности (нормативом численности мусульман для регистрации прихода и постройки мечети являлось 200 наличных душ м.п. – *И.З.*) в данной местности жителей определенного вероисповедания «не всегда... может служить мериллом действительных религиозных потребностей населения; она, кроме того, подтверждена значительным колебанием, а также может иметь совершенно различное значение в зависимости от местных обстоятельств. Поэтому Министерство полагало бы целесообразным исключить приведенное условие из закона о надобности или ненадобности молитвенного здания»⁷.

Разрешение других вопросов, касающихся сооружения богослужебных зданий, должно быть изложено в «отдельных законодательных работах» и подлежало включению в уставы соответствующих исповеданий⁸.

В «высочайше» утвержденном журнале от 17 апреля 1905 г. Комитет Министров относительно укрепления начал веротерпимости предлагал отменить дискриминационное право гражданской власти, разрешающее или запрещающее

постройку инославных молитвенных зданий, сводя решение вопроса к трем условиям (п.13): 1) согласие надлежащего духовного начальства; 2) наличие необходимых на постройку средств; 3) соблюдение технических требований «Устава строительного», возложив на гражданскую власть констатацию этих условий⁹.

Предлагалось исключить из этого перечня второе условие как излишнее стеснение для прихожан. Вместе с тем в весьма обтекаемой форме была выражена необходимость сохранения за гражданской властью контроля над постройкой культовых зданий. Изолирование власти, не выступая прямым нарушением действующих законов, посягало, по мнению МВД, на интересы титульного населения и государства. Во-первых, было констатировано, что церковное строительство в руках «инославного» и «иноверного» духовенства нередко является средством для возвеличения престижа церкви и вероучения. В стремлении к умножению числа молитвенных сооружений духовенство часто начинает постройку, не имея в своем распоряжении достаточных средств, и затем, воздействуя на религиозное чувство прихожан, принуждает их к принятию на себя расходов, для них непосильных или надолго подрывающих их материальное благосостояние. Было заявлено, что открытие новых молитвенных зданий влечет за собой и увеличение численности духовенства порой не соответствующего потребностям жителей. Поэтому правительство, в обязанность которого входит попечение о благосостоянии российских подданных, должно вести наблюдение за тем, чтобы постройка новых молитвенных зданий в материальном отношении не была чрезмерно обременительной для населения.

Во-вторых, высказывалась мысль о нежелательности «в некоторых случаях» по государственным интересам возведения «инославного» или «иноверно-

го» молитвенного здания. В условиях России «церковь с давних пор сделалась одним из орудий национально-политической и религиозной борьбы, и в тех местностях, где сталкиваются разнородные национальности и исповедания, борьба эта нередко проявляется в очень интенсивных формах в виде стремления одной религии к подавлению другой... государство... никак не может оставаться безучастным зрителем попыток подавления и унижения господствующей православной церкви. Поэтому в тех случаях, когда обстоятельствами несомненно будет установлено, что сооружение возведено с очевидною целью унижить достоинство православной веры, правительству должна быть предоставлена возможность недопущения таковой постройки»¹⁰. Силовое ведомство, со ссылкой на открытие в Пруссии новых церквей с разрешения государства, участие гражданской власти и некоторое притеснение храмостроительства неправославных конфессий не считало стеснением свободы совести. Предполагалось отводить гражданской власти в лице губернских администраций роль третейского суда, обставленного «самыми строгими гарантиями законности и беспристрастности».

Эту функцию предусматривалось передать местному губернатору или градоначальнику, тем самым избавив центральную власть от лишнего делопроизводства. Во всех случаях отказа или же когда местное начальство по политическим или иным соображениям признавало сооружение «инославной» церкви, хотя и отвечающей всем требованиям, недопустимым, право отказа предоставлялось министру внутренних дел, которому губернатор препровождал весь пакет документов со своим заключением¹¹.

Такой рекомендуемый порядок объяснялся, по крайней мере, двумя обстоятельствами. Во-первых, МВД курировало духовные дела иностранных исповеданий. Во-вторых, оно как цент-

ральное правительственное учреждение, было свободно от влияния «местных условий и отношений». Такой порядок, по мнению министра внутренних дел П.А.Столыпина, мог бы быть распространен в империи повсеместно. Недовольные могли обжаловать решение министра в установленном порядке в Сенате¹².

Со ссылкой на «высочайше» утвержденное Положение Комитета Министров от 17 апреля 1905 г., в котором осуждалось всякое участие православного духовенства в делах «инославного» храмостроительства, этот взгляд был распространен на правила возведения мечетей. МВД пошло по принципу унификации правил постройки «инославных» и «иноверных» молитвенных зданий, признав «излишним стеснением» для прихожан требование о наличности средств на возведение храма. В то же время предполагалась выработка механизма ненавязчивого контроля с целью наблюдения, чтобы постройка молитвенных зданий не была чрезмерно обременительной для прихожан. Предполагалось отменить право гражданской власти разрешать или не разрешать постройку. Речь шла об оставлении в силе некоторых положений действующего законодательства, а именно: «согласие духовного начальства и соблюдение технических требований»¹³.

Проект закона о неправославном храмовом строительстве МВД 1907 г. сводился к следующим правилам:

1. Сооружение и устройство новых, предназначенных для постоянного или временного совершения в них публичных инославных или иноверных богомолений, молитвенных зданий и помещений, а также перестройка существующих и возобновление существовавших, если этим достигается возможность вмещения в здании большого числа молящихся, разрешается губернатором при соблюдении нескольких условий: а) в случае согласия духовного начальства

этой конфессии; б) при согласии членов религиозной общины, если они не имеют установленного иерархического устройства; в) при соблюдении технических требований постройки, а также статьи 78 «Устава строительного» об особых условиях реставрации памятников древности.

2. В случае, если губернатор признавал возведение храма «не соответствующим интересам местного населения или общегосударственным пользам», то вся делопроизводственная документация, с его личным заключением, представлялась на усмотрение министра внутренних дел, принимавшего уже окончательное решение. При этом прихожане могли обжаловать его распоряжение в Сенате.

3. Перестройка, возобновление и ремонт культовых зданий, не связанных с увеличением их размера, производится без особого разрешения гражданской власти с соблюдением технических требований и вышеназванной статьи 78 «Устава строительного».

4. Сбор пожертвований на постройку и ремонт молитвенных зданий и на другие религиозные нужды производится с разрешения соответствующего духовного начальства на территории ей подведомственной, для религиозных общин, не имеющих зафиксированного законодательством иерархического устройства, такое разрешение давалось начальником губернии или области в пределах подчиненной ему административно-территориальной единицы. В остальных же случаях сбор пожертвований мог быть разрешен МВД.

К сожалению, данный законопроект, в связи с изменением общественно-политической обстановки в стране и реакционным внутривластным курсом самодержавия, относительно исламского культового зодчества не получил дальнейшего хода. МВД предлагало отменить те статьи закона, которые обуславливали строительство молитвенного

здания с согласия православного епархиального начальства или его устройство на определенном расстоянии от православного храма. В действительности несколько позже в таком ключе были изменены и дополнены в соответствии с установками закона от 17 апреля 1905 г. лишь статьи, касающиеся построения христианских инославных церквей.

Власти внесли небольшое уточнение в действующее законодательство о возведении мусульманских богослужебных зданий. В атмосфере демократизации российского общества в 1906 г. на основании «высочайшего» доклада министра было разрешено возведение мечети в одном из малочисленных населенных пунктов Астраханской губернии, в 1907 г. уже было «высочайше» удовлетворено 10 ходатайств¹⁴.

Министр с докладами ездил в Царское село, где с 1905 г., в связи с болезнью наследника, уединившись от столичного высшего общества, проживала императорская семья.

Локальность рассматриваемого вопроса и фактически его формальность, самое главное – желание избавиться от малозначительной для государственных дел процедуры, вызвали, наконец, сдержанное недовольство российского государя. На листе представления «всеподданнейшего» доклада министра внутренних дел о разрешении крестьянам д. Бурыл-Айгировой Оренбургской губернии (171 душ м.п.) о постройки мечети в изъятие закона Николай II 20 января 1908 г. написал: «Согласен. Но обращаю внимание на весьма участвовавшие ходатайства»¹⁵. Это замечание подтолкнуло министра внутренних дел выработать новую схему разрешения аналогичных просьб. С учетом роста поступления прошений и принимая во внимание существование такой практики в отношении мусульман Закавказья был составлен «всеподданнейший» доклад «О предоставлении министру внутренних дел права разрешить построе-

ние магометанских мечетей при наличии менее 200 прихожан», одобренный императором 18 февраля 1908 г.¹⁶

Вскоре в Департаменте выработались критерии рассмотрения прошений от малочисленных общин: когда число прихожан составляло менее 150 душ м.п., ходатайства отклонялись сразу. Затем все ходатайства получали окончательное разрешение по усмотрению директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий. Министр извещался лишь в тех случаях, когда Департамент затруднялся вынести свое постановление¹⁷. Распоряжение МВД могло быть обжаловано в общем порядке в Сенате.

В 1908 г. таким путем было положительно разрешено 16 ходатайств мусульман. Пик пришелся на 1909 г. – 33 разрешенных случая, а в 1910 г. произошло четырехкратное сокращение – до 8 разрешений.

Часть ходатайств на основе заключения местного губернатора оставалась без удовлетворения. Скажем, мусульманам Уфимской губернии, по неполным сведениям, в 1906 г. министром было отказано 2 раза, в 1907 г. – 4, 1908 г. – 1, в 1909 г. – 8, в январе 1910 г. – 1 раз. Согласно подсчетам, в Департамент за период с мая 1909 г. по ноябрь 1912 г. Оренбургским магометанским духовным собранием было представлено 54 ходатайства малочисленных общин о разрешении постройки мечети. С сентября 1909 г. по 30 декабря было рассмотрено 49 ходатайств, из которых 7 признаны заслуживающими уважения, а остальные 42 проигнорированы¹⁸.

Обвинения татар в панисламизме и пантюркизме, созданное в столице министром внутренних дел П.А.Столыпиным в 1910 г. «Особое совещание по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае» и другие обстоятельства привели к тому, что не позднее января 1911 г. проект «О разрешении соверше-

ния инославных и иноверных богослужений и сооружений, устройства, возобновления и починки инославных и иноверных молитвенных домов» МВД взяло из Государственной думы на доработку. Было признано, что «намеченный в законопроекте единообразный порядок устройства богослужебных зданий для всех без исключения инославных и иноверных вероисповеданий не отвечает государственным интересам и противоречит общему духу нашего законодательства, ибо и с изданием законодательных актов последнего времени о свободе вероисповедания не устанавливает совершенно тождественного отношения государства как к христианским, так и нехристианским исповеданиям»¹⁹.

Таким образом, в 1905–1907 гг. состоялся своего рода диалог между властью и подданными по пересмотру традиционных государственно-религиозных отношений в духе современных требований, чему во многом способствовало понимание высшим руководством необходимости перемен. Требования и просьбы мусульман и Духовного собрания сводились к максимальному упрощению и уменьшению административного контроля за исламским культовым строительством, а также сосредоточению всех его аспектов, кроме технических, за религиозным управлением.

Нельзя не согласиться с замечанием А.А. Дорской о том, что «Работы над законопроектами, касающимися свободы совести, были блокированы, во-первых,

позицией правительства, борющегося за сохранение за православием прав господствующей церкви; во-вторых, деятельностью Государственного Совета, который не одобрил ни один из немногочисленных принятых Думой по данному вопросу законопроектов; в третьих, общим потоком дел»²⁰.

Установки Комитета Министров, изложенные в законе от 17 апреля 1905 г., создали благоприятную атмосферу и правовое поле для комплексного решения религиозного вопроса с максимальным учетом мнения народных масс. Однако взаимоотношения правительства с первой и второй Государственной думой показали кратковременность демократических настроений в высших эшелонах власти. Царизм оказался морально не готовым к наметившейся ускоренной трансформации российского общества. Тем не менее, разработку МВД нового проекта возведению, ремонту и реконструкции «инославных» и «иноверных» культовых зданий 1907 г. следует признать «высшей точкой демократического взгляда» правительства на исламский вопрос, хотя и не реализованного на практике.

Царский указ от 18 февраля 1908 г., предоставивший министру внутренних дел право индивидуально разрешать постройку мечети во вновь учреждаемых приходах с численностью менее 200 наличных душ м.п., стал единственным нововведением в области исламского храмового строительства в начале XX в.

Примечания

¹ Российский государственный исторический архив, ф.821, оп.150, д.411, л.14.

² РГИА, ф.821, оп.150, д.412, л.7об.

³ РГИА, ф.821, оп.8, д.633, лл.15–15 об.

⁴ РГИА, ф.821, оп.8, д.633, л.15 об.

⁵ РГИА, ф.821, оп.150, д.411, л.13

⁶ РГИА, ф.821, оп.150, д.411, л.13

⁷ РГИА, ф.821, оп.138, д.128, л.22.

⁸ РГИА, ф.821, оп.138, д.128, л.26 об.

⁹ О веротерпимости. Закон от 17 апреля 1905 г. Изд. неофициальное. — М.: Тип. Общества И.Д.Сытина, 1905. — С.5.

¹⁰ РГИА, ф.821, оп.138, д.128, л.47.

¹¹ РГИА, ф.821, оп.138, д.128, л.24 об.

¹² РГИА, ф.821, оп.138, д.128, л.24 об.

¹³ РГИА, ф.821, оп.150, д.411, л.9.

¹⁴ РГИА, ф.821, оп.8, д.714, л.82.

¹⁵ РГИА, ф.821, оп.8, д.703, л.28; д.700, л.155 об.

¹⁶ РГИА, ф.821, оп.8, д.714, лл.41–42.

¹⁷ РГИА, ф.821, оп.133, 500, лл.197 об.–198.

¹⁸ РГИА, ф.821, оп.133, д.491, лл.122–123 об., 126–126 об.

¹⁹ РГИА, ф.821, оп.133, д.500, л.197.

²⁰ Дорская А. А. Российское законодательство о свободе совести в 1905–1917 гг. / А. А. Дорская // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX века (Сборник статей памяти Валентина Семеновича Дякина и Юрия Борисовича Соловьева) / Отв. ред. А.Н.Цамутали. — СПб.: Алетейя, 1999. — С.362.

Summary

During the period of the First Russian revolution the government developed a number of new bills for equalizing the legal status of multi religious population in the Empire. But only some of them have been put into practice. The main aspects of one of those projects («The new rules on construction, reconstruction and repairing of Christian and Nonchristian Religious buildings») has been analyzed in Ildus Zagidullin's paper.

УДК 32:001. 12/18

ГЕОПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ «ГИБКОЙ ВЛАСТИ»*Н.М. Мухарямов, доктор политических наук*

Тема в том виде, в котором она вынесена в заголовок статьи, требует, очевидно, некоторых терминологических разъяснений предваряющего характера. Дело в том, что оба концепта – «глоттополитика» и «гибкая власть» – в современном российском общественном широкого хождения еще не приобрели и пребывают в состоянии первоначального освоения.

«Глоттополитика» и в теоретическом, и в практико-прикладном значениях является понятным образованием, возникшем в тематическом поле языковой политики. Предлагаемые смысловые трактовки термина различаются, часто – достаточно принципиально. В одних случаях он используется фактически как синоним «языковой политики», правда, с некоторыми специфическими коннотациями. Это предлагает, в частности, Анвита Абби (Университет Дж. Неру, Нью-Дели): «Какого рода институциональную поддержку получает язык со стороны правительства, системы образования или частных организаций? Регулируется ли его форма и пропагандируется ли язык? Мы можем назвать такое исследование глоттополитикой (языковой политикой)»¹. Специфичность подхода здесь в том, что наряду с традиционным пониманием регулятивных функций языковой политики властных институтов, учтены и такие моменты, как участие неправительственных субъектов, а также меры не только институционального или нормативного характера (поддержка, пропаганда).

В литературе представлены, вместе с тем, и альтернативные варианты видения глоттополитики².

В других случаях феномен глоттополитики интерпретируется содержательно шире по сравнению с языковой политикой, как это делается, например, в современной французской социолингвистике. При таком понимании языковая политика увязывается с действиями по статусному регулированию («планированию статуса») в условиях той или иной языковой ситуации, того или иного соотношения мажоритарных и миноритарных языков. Это регулирование (и соответствующий контекст языковой политики) подразумевает, во-первых, то, что оно осуществляется специализированными и уполномоченными инстанциями, т.е. профессионально. Во-вторых, он предпринимается через дискретные действия. Решения, акты, нормативные установления в области языкового планирования действительно не могут появляться непрерывно или ежедневно. Более того, в реальной практике все это довольно редко встречающиеся события, потому что язык как таковой не может быть объектом какого-то постоянного произвольного вмешательства. Кардинальные решения в той области, которую принято называть «планированием корпуса» языка, на протяжении всей новой и новейшей истории выглядят как вполне обозримое и хорошо документированное множество. «Глоттополитика» – напротив, представляет собой непрерывный процесс, в рамках

которого не столько язык, сколько вся совокупность речевых практик, повседневное использование языка испытывают воздействие со стороны многообразных политически значимых факторов. Причем эти факторы могут быть, а могут не быть целенаправленными, осознанно программирующими, специальным образом мотивированными. Здесь, скорее, наблюдается постоянно продолжающееся сочетание политического влияния на языковое взаимодействие и языковое поведение самых различных акторов, с одной стороны, и соответствующих эффектов и последствий, с другой стороны. Словом, термин «глоттополитика» охватывает значительно более обширный круг явлений и процессов речевого использования, в которое вовлечены все.

Наконец, существует точка зрения, согласно которой глоттополитика понимается как своеобразное продолжение языковой политики в трансграничных масштабах, как «внешняя языковая политика». Эта смысловая грань термина отражает в исследовательском плане и ориентирована в практическом применении на изучение и использование языка в виде особого инструмента присутствия государства в международном сообществе. Коротко говоря, это престиж государства или нации, достигаемый через распространение и продвижение языка в зарубежной среде.

Следует отметить, что в исследовательской литературе сформулированы и иные предложения относительно того, как можно было бы обозначать внешнюю политико-языковую активность государств и складывающуюся вокруг этого область практики. Это, к примеру, такие концепты, как «геополитика языка» (Д. Замятин) или «социолингвистика глобализации» (Я. Блуммерт)³. Однако, «глоттополитика», как представляется, обладает в данном случае большей предпочтительностью по ряду причин. Возвращаясь к сказанному, от-

метим наиболее принципиальный для настоящего случая довод. Использование именно этого обозначения открывает больше аналитических возможностей по сравнению с традиционной общепринятой категорией «языковая политика», а также с вновь вводимыми терминологическими образованиями вроде «геополитики языка» и «социолингвистикой глобализации».

В аналитическом плане «глоттополитикой» очерчивается тематическое пространство, которое включает в себя всю совокупность обстоятельств международного взаимодействия языка и политики. В соответствующую предметную область входят явления и характеристики различной природы. Во взаимном проникновении политики в язык и языка в политику и во внутри- и в международно-политической реальности что-то становится результатом стратегического целеполагания, а что-то возникает в виде эффекта *ad hoc*. Поскольку языковая политика в специализированном понимании предполагает языковое регулирование («планирование статуса» и «планирование корпуса»), то здесь в центре внимания соотношение целей и средств, ресурсов и ожидаемых результатов, мотиваций и возможностей. Глоттополитика помимо этого позволяет видеть всю сложную картину языкового функционирования – все, что является результатом нормативно-регулирующего воздействия, но также и то, что складывается под влиянием стихийных начал в речевых практиках. В поле зрения здесь попадают не только характеристики языковой ситуации *de jure*, но и *de facto*, говоря проще, не только преднамеренные результаты, но и непреднамеренные последствия. Исследовательская сфера, имеющая дело с языковой политикой в каком-то собственно техническом, формализованном, узко-профессиональном значении, всего этого во внимание может и не принимать. Нормативно понимаемая языковая полити-

ка лишь создает предпосылки для последующего реального речевого функционирования.

Не случайно, в социолингвистической среде раздаются голоса в пользу концептуального переосмысления языковой политики или ее рассмотрения в более широком контексте «укрепления позиций языка (упорядочения)». Не без воздействия моды на политическую корректность (в том числе на политически корректную терминологию), некоторые авторы усматривают в термине «языковая политика», традиционно истолковываемом через «языковое планирование» («Language planning»), нежелательные коннотации, а именно – потенциально авторитарный смысл, противоречащий языковым правам меньшинств, а также, возможно, чрезмерная централизация. В качестве альтернативы предлагаются подходы в понятиях «экологии языка» или «экологии речи». В этом же направлении формулируется концепт «укрепления позиций языка» или «языковое благоприятствование». Это, по мнению Л.-Ж. Руссо (Франция, Париж) – «любое вмешательство национального или международного органа, либо социального актора, направленное на установление функций или статуса одного или нескольких конкурирующих языков на данной территории или в данном пространстве (определение статуса), либо на стандартизацию или инструментализацию одного или нескольких языков, направленную на то, чтобы сделать их способными осуществлять приданные им функции (устройство кода) в рамках предварительно выработанной языковой политики. ... Обычно благоприятствование означает принятие решений глоттополитического характера, но, кроме того, оно включает в себя все виды решений относительно областей способов вмешательства»⁴.

Таким образом, глоттополитика предстает одновременно и в виде аналитического средства, и в виде предме-

та регулирования (часто – законодательного), но также и в виде специфической области общественных отношений. Здесь, во-первых, очевиден отход от государство-центричного понимания, присущего дискурсу языковой политики, с одной стороны, и предполагаемого ограничения этого дискурса территориально-политическими границами, с другой стороны. Становится возможным говорить не просто о языковой политике в виде определенного проекта мероприятий, но о глоттополитических процессах и состояниях, о глоттополитических ситуациях в самых разных масштабах измерения – локальных, субнациональных, общенациональных, инфра- и наднациональных, международно-региональных, глобальных.

Во-вторых, аналитический потенциал используемого концепта при отказе от государство-центричного подхода существенно возрастает из-за того, что раскрывается диверсифицированная картина глоттополитической субъектности и глоттополитического участия. Деятельную и, что отнюдь немаловажно, самостоятельную роль в этой области могут брать на себя не только властвующие инстанции, властно уполномоченные агентства, но и самый широкий круг действующих лиц различной социально-политической принадлежности, тех, кого в теории международных отношений принято обозначать как «акторов вне суверенитета».

Перейдем далее к концепту «гибкая власть». Авторство идеи принадлежит американскому специалисту в области международно-политической науки Джозефу С. Наю (Гарвардский университет). Как отмечается в комментарии к переводу его книги на русский язык этот терминологический конструкт создан по аналогии с «software» («мягким» товаром, «мягким» продуктом) в отличие от «hardware» (материальными товарами и продукцией). Буквально «Soft Power» – собственно оригинальное название кни-

ги Дж. С. Ная – звучало бы по-русски как «мягкая власть», однако, переводчик решил, что это вызывало бы ассоциации со слабостью или рыхлостью власти⁵. Не вдаваясь в корректность перевода, важно видеть смысл самой концепции. Это делается через соотнесение «жестких» инструментов власти – военных и экономических, с одной стороны, и «гибких» («мягких»), с другой стороны. Эта последняя базируется на «способности придавать некую форму предпочтениям других». «Политические лидеры давно поняли, что власть проистекает из привлечения людей. ... Гибкая власть – это основа, становой хребет повседневной демократической политики, – пишет Дж. С. Най. – Способность устанавливать предпочтения имеет тенденцию ассоциироваться с такими нематериальными ресурсами, как привлекательность личности, культура, политические ценности и институты, и с политикой, которая воспринимается как легитимная или имеющая моральный авторитет»⁶. Другими словами, это власть, приобретаемая через привлекательность образов, через престижные культурные продукты. Нет необходимости специально доказывать, насколько возрастает значимость коммуникационных начал и языка – вербализированных образов – в качестве элементов такой власти в условиях информационной эры, в среде общения, характерной для процессов глобализации.

Характерно, что при понятной идейной заданности своей концепции автор рассматривает в качестве основного конкурента США в области ресурсов «гибкой власти» («глобальных культурных магнитов») Европу. Дж. С. Най с некоторой ревностью говорит о том, что половина из десяти наиболее широко распространенных в мире языков – европейские, что испанский и португальский языки связывают Иберийский полуостров с Латинской Америкой, что существует 50 франкоговорящих стран, каж-

дые два года встречающихся на саммитах, что Франция тратит почти 1 млрд. долларов в год на распространение своей культуры за рубежом (приблизительно 17 долларов на душу населения – в четыре раза больше, чем Канада, Британия и Швеция, идущие соответственно на втором, третьем и четвертом местах, тогда как расходы США на аналогичные цели составляют 65 центов на душу населения)⁷.

Разумеется, сами по себе бюджетные характеристики глоттополитических программ, так же, как и иные отдельно взятые параметры, исчерпывающим критерием здесь не являются. Английский язык в качестве глобального *lingua franca* сегодняшнего мира с реальной конкуренцией пока не сталкивается. По некоторым экспертным оценкам, под категорию так называемых «English users» или всех тех, кто в каком бы то ни было качестве использует английский язык как родной, как официальный государственный, как первый иностранный, как язык-посредник и т. д. – твердо подпадает два миллиарда человек. На эту тему существует обширная литература и подробная статистика. В данном случае уместным было бы сослаться на два «свежих» примера.

Согласно данным специального приложения по высшему образованию к газете *Times* и компании, занимающейся проблемами высшего образования *Quacquarelli Symonds*, в рейтинге 200 лучших университетов мира, который составляется на основе оценок академического сообщества и работодателей, с учетом качества обучения, публикаций и индекса цитирования, позиции абсолютного доминирования заняты университетами из англоговорящих стран. В рейтинг вошли 56 университетов США, 32 – Великобритании, 13 – Австралии, 11 – Канады, 3 – Новой Зеландии, 2 – Ирландии. Для сравнения: по 11 университетов Японии, Нидерландов, Германии, 6 – Китая, 5 – Франции. В рейтинге

за THES-200 за 2006 год на 93-м месте присутствовал Московский университет и на 164-м Санкт-Петербургский университет⁹. Задача оценки авторитетности рейтинга или меры его объективности при учете реальной конкурентоспособности университетов в данном случае не ставится. Могут возникать, скажем, вопросы относительно оценки качества выпускников университетов Индии, на чью долю приходится значительный удельный вес специалистов в программировании и ИТ-технологиях в калифорнийской «Силиконовой долине». Между тем в названном рейтинге нет ни одного индийского университета. Однако факт остается непреложным: считается – пусть не со стопроцентной достоверностью, что подавляющее большинство высокообразованных специалистов в современном мире получают образование на английском языке.

Второй пример претенциозного англоцентризма: в газете «Дейли телеграф» 29 октября 2007 г. были опубликованы результаты исследования, проведенного консультационной фирмой Creator Synectics. Это перечень 100 человек – живущих в наши дни гениев, с чьими именами связаны «высшие достижения человечества во всех областях». Этот список на 80% состоит из говорящих по-английски: 44 американца, 24 англичанина, несколько канадцев, ирландцы, австралиец и новозеландец¹⁰. Вновь подчеркнем, не вдаваясь в оценки того, насколько все это ответственно подсчитано: считается, что все наиболее ценное и значимое в современной цивилизации поведано миру именно по-английски. Это означает, как минимум то, что этот язык играет роль глобального информационного монополиста, не просто физически контролирующего пространство СМИ, но и диктующего правила конструирования престижных образов, располагающего львиной долей ресурсов «гибкой власти». Все это свидетельствует в том числе и об англоязычной глоттополитической гегемонии.

Возникает проблема, касающаяся того, какова природа этой гегемонии, является ли она продуктом разработанной стратегии, или ей способствуют еще и саморегулируемые факторы языкового выбора, какие-то иные мотивы языковых предпочтений.

Непримиримые критики «англосаксонского лингвистического империализма», действующие в парадигме «экологии языка», напрямую увязывают экспансию английского языка с курсом, провидимым такими специализированными институтами, как Британский Совет и Информационное Агентство США¹¹.

Далее, в зарубежной социолингвистике английский подчас маркируется как «язык-киллер», несущий основную ответственность за угрожающие темпы и катастрофические масштабы свертывания лингвистического многообразия в современном мире. По подсчетам заместителя директора Института живых языков (США) Дэвида Харрисона, каждые две недели в мире окончательно исчезает по одному языку – быстрее, чем вымирают животные, занесенные в Красную книгу. Всего, как утверждает автор, в мире насчитывается около семи тысяч языков (на 83 языках разговаривает примерно 80% человечества; на 3500 малоиспользуемых языках – 0,2%). Перед непосредственной угрозой полного исчезновения сегодня оказались, согласно статистике Д. Харрисона, 383 языка: 153 языка в Северной Австралии, 113 – в Центральной и Южной Америке; 53 – на севере Тихоокеанского плато; 23 – в Восточной Сибири, Китае и Японии¹². Невосполнимость таких потерь объясняется не только уменьшением языкового многообразия как такового, но и обеднением палитры уникальных способов языковой концептуализации мира. «Каждый язык представляет собой некую модель Вселенной, семиотическую систему понятий о мире, – писал Вяч. Вс. Иванов, – и наличие 4000

разных способов описать мир делает нас богаче. Сохранность языков должна беспокоить нас больше, чем экология»¹³.

С другой стороны, помимо экологической озабоченности существует мотивация, связанная не столько с символическими функциями языков – функциями вербального оформления этнокультурных идентичностей. Существует еще и потребность в глобальном коммуникационном взаимодействии, во взаимном понимании. Изучение иностранных языков расширяет индивидуальный культурный капитал, предоставляет жизненные карьерные шансы в самых разных областях. Более того, соответствующая языковая подготовка получает бюджетное финансирование в рамках проводимой государственной образовательной политики.

Экологической парадигме в глоттополитическом сознании противостоит модель «свободного рынка», в контексте которой доминирование «больших» международных языков обосновывается как результат естественного выбора: «английский – язык капитализма, французский – язык республиканизма или в более позднем варианте – язык гуманитарных человеческих ценностей»¹⁴.

Есть немало свидетельств того, как представители российского академического сообщества открыто декларируют свое отношение к перспективам языкового употребления. Этнолог, член-корреспондент РАН Сергей Арутюнов оценивает российскую ситуацию с умиранием языков как утрату одного языка в год. С его точки зрения, язык умирает тогда, когда на нем перестают говорить молодые люди, и к глобализации это не имеет отношения. «Сейчас редко кто способствует этому процессу, – разъясняет ученый, – но редко кто и противодействует, так что мы имеем дело с естественным старением языков». Языки, которые не собираются умирать, могут не выполнять свои функции во всей полноте. «Реально писать научные

труды можно сегодня только по-английски, – говорит С. Арутюнов. – Русский уже не подходит – во-первых, его использование резко ограничивает круг читателей, а во-вторых, уже сейчас ему не хватает терминологии. И этот процесс будет только нарастать. Все языки, кроме английского, в перспективе будут находить только местное применение – в быту, в политике, в литературе и так далее»¹⁵.

«В более широком контексте и в рамках своего «языковедческого проекта», – рассуждает Михаил Эпштейн. По его оценкам, русский язык переживает делексиколизацию – в английском языке насчитывается более миллиона слов, а в русском – только около двухсот тысяч. «...В современной геополитической ситуации русский язык претерпевает стагнацию и даже отрицательную динамику. Ареал русского языка сжимается, скукоживается. ...Какие русские слова в XX веке вошли в английский язык? ...А сколько английских слов (англицизмов) в русском языке? Тысячи! А ведь слова – это вести мысли, которыми обмениваются народы»¹⁶.

Статистические параметры присутствия русского языка в зарубежном информационном пространстве и соответствующие прогнозные расчеты, действительно, выглядят как неблагоприятные. Это, к примеру, видно по данным, приводимым Центром демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН и относящимся к прогнозу численности людей, владеющих русским языком (млн. человек)¹⁷ (См. таблицу №1).

О том, насколько неотложными являются глоттополитические усилия по поддержке русского языка, свидетельствует и вывод о том, что русский язык – единственный из 10–12 ведущих мировых языков, который на протяжении последних 15 лет, утрачивал свои позиции во всех основных регионах мира¹⁸.

Таблица № 1

Страны/регионы мира	2004 г.	2015 г.	2025 г.
Россия	140,0	130,0	110,0
СНГ и Балтия	100,0	60,0	30,0
Восточная Европа и Балканы	19,0	10,0	5,0
Западная Европа	7,9	5,0	3,0
Азия	4,1	2,8	1,7
Ближний Восток и Северная Африка	1,5	0,9	0,6
Африка южнее Сахары	0,1	0,1	0,1
Латинская Америка	1,2	0,7	0,4
США, Канада, Австралия и Новая Зеландия	4,1	2,5	1,3
Итого:	278,0	212,0	152,0

Правда, в интересах объективности следует учитывать и всю относительность прогнозов в этой области, и динамичную подвижность ситуации, и то, что сегодняшние тенденции можно с безусловной уверенностью экстраполировать на десятилетия вперед. В частности, вывод о неуклонном, линейно восходящем шестивии английского языка по планете опять-таки статистически не подтверждается. В глобальной сети Интернет, к примеру, процентное соотношение пользователей-англофонов и носителей других языков демонстрирует своеобразную картину¹⁹:

Таблица № 2

	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.
Англоговорящие	56,3	54,3	47,5	40,2
Не англоговорящие	43,7	48,7	51,5	59,8

Принципиальный тезис о том, что «цифры такого рода устаревают очень быстро, С.Г. Тер-Минасова иллюстрирует данными о языковой картине в Европейском союзе (ЕС). Во времена, когда ЕС насчитывал 15 государств-членов, показатели владения иностранными языками – на уровне способности говорить

на общие темы – выглядело в объединенной Европе следующим образом: английский язык – 40%; немецкий язык – 18%; французский язык – 16%; русский язык – 1%. После того, как состав членов ЕС увеличился до 28, ситуация изменилась: английский язык – 35%; немецкий язык – 16%; русский язык – 11%; французский язык – 10%²⁰.

В принципе, глоттополитический подход к стратегии продвижения русского языка в зарубежное информационное пространство предполагает отказ от одностороннего видения целей, предпосылок и инструментов. Укрепление позиций языка не должно рассматриваться в терминах своего рода экстенсивности, в формальных параметрах демографической мощности. Разрушение русскоязычного пространства несет наибольшие потери в странах СНГ и Балтии, что имеет свои историко-ситуативные объяснения: здесь он утратил статус *de facto* государственного языка. Вместе с тем, во многих бывших союзных республиках русский язык продолжает исполнять роль языка международного (межнационального) общения. Далеко не самоочевидно, что даже через одно или два поколения он будет замещен или вытеснен английским языком. Помимо количественных характеристик здесь важно видеть и качественные условия.

Во-первых, перестав быть обязательным, русский язык, в силу социально-экономической целесообразности, привлекает к себе тех, кто действительно заинтересован в ведении бизнеса с российскими партнерами, кто мотивирован профессионально или культурно. Обратившись вновь к сфере науки, можно убедиться, что многие из стран СНГ заинтересованы в сохранении связей с российскими академическими кругами в области аттестации научных кадров, в получении научных степеней через нострификацию по линии ВАК РФ (а не через систему PhD, к примеру). Характерно, что ученые-лингвисты из стран

СНГ ставят проблему создания совместных докторских советов.

Во-вторых, на фоне сжатия позиций русского языка в образовательной сфере стран СНГ и Балтии в Восточной, Центральной и Западной Европе специалистами отмечается стабилизация интереса к русскому языку, приходящая на смену обвальным явлениям 90-х годов XX века. Многие выбирают его в качестве второго иностранного. Согласно сведениям Департамента по культурным связям и делам ЮНЕСКО МИД РФ (от 13 февраля 2004 г.), в гимназиях и лицеях ФРГ русский язык изучают 168 тыс. человек, во Франции и Англии – по 10 тыс. человек. В Бельгии, Ирландии, Исландии, Испании русский язык изучается в основном в системе высшего образования. В Испании, Греции, Португалии, на Кипре интерес к этому языку возрастает по мере увеличения потока туристов из России. В целом в дальнем зарубежье обучением русскому языку в образовательных учреждениях охвачено почти 2 млн. человек. С одной стороны, это скромная цифра. С другой, она отражает реальный интерес к русскому языку и культуре России, а не государственное принуждение со стороны сателлитов Москвы или страха периода «холодной войны». Чем большую привлекательность будет представлять участие в разнообразных связях с нашей страной, тем больше будет востребован язык.

Иными словами, при всех тревожных тенденциях, присущих распространению русского языка за рубежом, можно предположить, что упрочение его позиций будет связано не с экстенсивными путями «продвижения», а с консолидацией сообщества тех, кто мотивированно выбирает его изучение.

Еще одно обстоятельство, способствующее – пусть и умеренному – оптимизму, состоит в том, что у Российской Федерации возникают ранее небывалые возможности ресурсного обеспечения

глобтополитической активности в ближнем и дальнем зарубежье. В этой области происходят качественные перемены институционального характера. Наряду с традиционными организациями, такими, как Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), отметившей в 2007 г. сорокалетие деятельности, возникают стратегии и структуры нового типа. Это и Федеральная целевая программа «Русский язык 2006–2010 гг.», и создание фонда «Русский мир», и проведение мероприятий в рамках «Года русского языка». Во время саммита СНГ в Казани 26 августа 2005 г. главами 11 государств было подписано Соглашение о гуманитарном сотрудничестве – единственный пример столь единодушного подхода, начиная с 2001 г.

Россия из своего бюджета оплачивает обучение в своих вузах студентов из ближнего зарубежья: квота на 535 мест в 1999 г. и на 2700 мест – в 2007 г.²¹

Оценка того, насколько эффективными окажутся мероприятия, проводимые в рамках объявленной стратегии, по всей вероятности, преждевременна не только в долгосрочных, но и в краткосрочных перспективах. Тем более, что это затруднено рамками настоящего изложения. В данном случае достаточна та констатация, что по мере наращивания общеэкономического потенциала России, глобтополитические инструменты ее «гибкой власти» будут набирать новую действенность.

Наконец, в-третьих, один из ключевых постулатов теории глобтополитики, вероятно, должен гласить: взаимодействие языков и на глобальном, и на региональном, и на национальном, и на локальном уровнях никогда не может рассматриваться в качестве «игры с нулевой суммой». Модель такой игры, как известно, предполагает, что выигрыш одной из сторон эквивалентен проигрышу другой, когда победитель получает ровно столько, сколько теряет

противоположная сторона. В столь многосложных материях, как языковые отношения, это просто невозможно. Так, распространяясь по миру, английский язык сам в чем-то проигрывает, приобретает далекую от литературных стандартов вариативность, становится компонентом примитивных межъязыковых «полуязычных» комбинаций.

Глоттополитика, истолкованная как в прагматических, так и в моралистических категориях, не может пренебрегать законными интересами «другого» – далекого или близкого. Невозможно продемонстрировать собственную привлекательность, попирая чужую идентичность. Напротив, уважение к языку соседа или партнера по сотрудничеству становится условием ожидания уважительного отношения к себе. Двухязычие, возможности би- и полилингвов безусловно есть желательное устройство языкового взаимодействия. Проблема в том, что за счет простой политической воли, не подкрепленной жизненными потребностями людей, такие вещи не приживаются. Точно также, односторонние стратегии чаще всего терпят неудачу. Это хорошо прочитывается у Умберто Эко. Тенденция прошлых веков – становление национальных государств через поощрение национального языка в школах, академиях и издательствах – развивалась за счет языков национальных меньшинств. В Европе наших дней происходит обратный процесс: политическая интеграция и открытость границ сопровождается поддержкой миноритарных языков. Лингвистическое дробление перестает восприниматься в духе вавилонского проклятия. «Европа полиглотов, – пишет У. Эко, – не Европа людей, бегло говорящих на множестве языков, а в лучшем случае людей, которые при встрече говорят каждый на своем языке, не понимают друг друга; пусть они не могут с легкостью выражать свои мысли, пусть и понимают с

трудом, но как-то схватывают тот «дух», ту культурную вселенную, какую каждый выражает, говоря на языке своих предков и своей традиции»²². Позиция, выглядящая, возможно, несколько парадоксально, но убедительная в своей мудрости.

Итак, глоттополитика – ни в коем случае не есть «игра с нулевой суммой». Модель взаимодействия, если исходить из приоритетов именно «гибкой», но не «жесткой» власти, здесь должна строиться не на принципах силового принуждения, торга, шантажа, обструкции, имитации бурной активности через воинственную – часто мотивированную предвыборными видами – риторику. Лучше, а главное рациональнее и целесообразнее, если это будет модель творческой кооперации. Ректор Московского лингвистического университета, руководитель базовой организации по языкам и культуре государств – участников СНГ Ирина Халеева по-новому формулирует стратегию: «...мы не можем проходить мимо того обстоятельства, что в странах (СНГ. – Н.М.) стали набирать силу и вес разные языки. ... Поэтому я считаю, что это долг россиян – изучать языки своих соседей. Просто политический долг, геополитический»²³. Нельзя не признать: образцовое проникновение в существо того, что собой представляет «гибкая власть» и ее глоттополитическая составляющая. Существо это состоит в том, что «продвижению» подлежат не столько слова, лексика или статусные параметры языка, сколько, прежде всего, смыслы и смыслы, обладающие силой привлекательности. Никого кроме экзальтированной толпы нельзя привлечь на свою сторону языком вражды, конфронтационными фигурами речи или притязаниями на гегемонию. Притягательнее всегда будет язык – в том числе общественно-политический язык, – на котором возможны взаимные приобретения.

Примечания

¹ Мир языков. Обзор языков мира [Текст] = Words and Worlds. World Languages Review. – Элиста: КалмГУ, 2006. – С. 39.

² См. подробнее: Мухарьямов Н.М. Языковые измерения международно-политических отношений: к перспективам исследования // Социолингвистические проблемы функционирования государственных языков Республики Татарстан. – Казань, 2007. – С. 160-168.

³ См.: Замятин Д. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. – М., 2004. – С. 92-93; Language Ideologies, Policies and Practices. Language and the Future of Europe. – N.Y., 2006. – P. 10.

⁴ Руссо Л.-Ж. Разработка и проведение в жизнь языковой политики // Языковая политика в современном мире. – СПб., 2007. – С. 103.

⁵ См.: Супрун В.И. Предисловие к русскому изданию. Ипостаси власти // Най Дж.С. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. – Новосибирск/Москва, 2006. – С. 12.

⁶ Най Дж.С. Указ. соч. – С. 31.

⁷ См.: Най Дж.С. Указ. соч. – С. 112, 120.

⁸ См.: Тер-Минасова С.Г. Война языков и мир языков и культур. – М., 2007. – С. 245.

⁹ См.: Независимая газета. – 16 нояб. 2007.

¹⁰ См.: Московские новости. – 16–22 нояб. 2007.

¹¹ См., например: Мир языков: Обзор языков мира. – С. 135.

¹² См.: НГ-НАУКА. – 14 нояб. 2007.

¹³ Цит. по: Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. – СПб., 2007. – С. 346.

¹⁴ Kibbe D.A. Language policy and theory // Languages in Globalizing World. – Cambridge, 2004. – P. 237.

¹⁵ НГ-НАУКА. – 14 нояб. 2007.

¹⁶ НГ-EX LIBRIS. – 15 нояб. 2007.

¹⁷ Известия. – 12 февр. 2007.

¹⁸ См.: Арефьев А. Как это будет по-русски? // Эксперт. – 25–31 дек. 2006. – С. 87.

¹⁹ См.: Maurias J. Towards a new global linguistic order // Languages in Globalizing World. – P. 20.

²⁰ См.: Тер-Минасова С.Г. Указ. соч. – С. 246.

²¹ См.: Независимая газета. – 18 мая 2007.

²² Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. – С. 358.

²³ Литературная газета. – 21-27 нояб. 2007.

Summary

Some problems of the present and the future are considered in this article in the light of geopolitics.

УДК 7.072.2

АРХИТЕКТУРА ЖИЛЫХ ПОСТРОЕК ТАТАРСКИХ СЛОБОД г.КАЗАНИ: РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ (КОНЕЦ XVIII— НАЧАЛО XX вв.)

Г.Г. Нугманова, кандидат искусствоведения

Очевидно, что формы проявления региональных и национальных особенностей в архитектуре меняются с течением времени. Одним из основных факторов, определяющих эти изменения, является мировой процесс смены стилистических направлений в архитектуре. Например, в эпоху эклектики или модерна региональный и национальный менталитет не может проявляться в тех же формах, что в эпоху классицизма. В особенности это справедливо в отношении России, где смена архитектурных стилей на протяжении значительной части XVIII–XIX вв. подкреплялась жесткой государственной регламентацией в строительстве.

Архитектурное своеобразие застройки наиболее отчетливо проявлялось в городах со смешанным этноконфессиональным составом населения. И это понятно, поскольку застройка таких городов формировалась под воздействием более сложных факторов, сочетавших не только местные региональные традиции, но и национальные. Одним из таких городов является Казань. Наличие двух основных этнических групп – русских и татар – во многом обусловило специфику формирования ее застройки, отличную от других провинциальных российских городов.

Рассмотрим основные этапы взаимодействия сложившихся архитектурных

традиций Казани в различные стилевые эпохи на материале жилой архитектуры.

XVIII век в России, начавшись с реформ Петра Великого, прошел под знаком всеобщей европеизации. В первую очередь этот процесс коснулся градостроительства и архитектуры. С решительностью и размахом, всегда отличавшим российских администраторов, власть внедряла здесь принципы регулярности.

Регулярность означала разбивку геометрически правильной сетки прямых широких улиц и соблюдение их красной линии путем вынесения на нее домов и других строений, включая заборы. Архитектурным выражением регулярности был единообразный, европеизированный стиль построек и придание всем им вида каменных. С этой целью в города рассылались специально разработанные и утвержденные императором образцовые проекты, по которым обывателям предписывалось строить свои дома.

Нововведения Петра, начиная с 1714 года, требовавшего строить на «английский», «голландский» или «пруссский манир», при его жизни не распространились далее столиц. Казань, как и большинство провинциальных городов, получила регулярность только при Екатерине II. Можно лишь поражаться грандиозному масштабу произведенных работ. Менее чем за три десятилетия (план урегулирования для Казани был утвержден в 1768 г., а ре-

ально работы начались только после пожара 1774 г., связанного с пугачевским восстанием) Казань из средневековья шагнула в эпоху Нового времени. Хаос кривых улочек дорегулярного города сменился правильными кварталами с системой улиц и площадей.

Для скорейшего придания российским городам «европейского» облика в период с 1803 по 1855 годы правительством были изданы альбомы с образцовыми проектами. Они охватывали самые различные типы застройки – казенные здания, жилые дома, ворота и ограды, станционные и почтовые дома, церкви, тюремные здания, присутственные места, дома вице-губернаторов.

Разосланные по губерниям, образцовые проекты были обязательны для применения. Губернские власти строго следили за тем, чтобы строительство в городе велось по утвержденным в столице образцам, и ежегодно отчитывались о числе зданий, построенных по каждому из них. В ходе реального строительства в Казани происходили существенные отклонения от административных идеалов, и именно они, эти отклонения, придали нашему городу его своеобразный, неповторимый облик.

Отклонения в процессе урегулирования были не велики, но красноречивы. В Старо-татарской слободе вопреки высочайше утвержденному плану были сохранены некоторые старые дорегулярные улицы, имевшие значение для татар. В первую очередь это часть главной слободской улицы, на которой возникли разрешенные Екатериной мечети (Марджани и Апанаевская). Она получила название «Старо-слободской» (сейчас это юго-восточная оконечность ул. К. Насыри). Именно здесь расположились приведенные в регулярный вид богатые усадьбы Измаила, Мусы и Юсупа Апанаевых, Давыда и Исая Замановых, Юсупа Китаева и др. с только что отстроенными домами. Были оставлены и выпрямлены переулки, на пересечениях

с которыми стояли мечети, поскольку именно так они должны были располагаться по старой татарской традиции (сейчас это Апанаевский переулок и ул. З.Султана).

В центре слободы в соответствии с планом была устроена площадь, получившая впоследствии название Юнусовской. Застроенная только по двум сторонам (так, как будто улица в этом месте расширялась) жилыми усадьбами с отдельно стоящими среди зелени домами, а не плотно по периметру, она была далека от того облика, который изначально предполагался регулярным планом. Восточной градостроительной традиции известны исключительно базарные площади. Но поблизости располагался Сенной базар, поэтому Юнусовская площадь пустовала, пока по углам ее не появились палисадники, заполнившие все ее пространство. Лишь в середине XIX столетия купец Исмагил Апаков предпринял попытку использовать площадь по назначению: ряды деревянных лавок протянулись на месте нынешнего дома Шамиля. Но они сгорели в 1872 году. Таким образом, хотя площадь и была создана, но никогда она не выполняла той роли, какую выполняли площади русских и европейских городов.

Сложно протекала европеизация самой застройки, в особенности жилой. Государство, хорошо понимая это, разрешило на первых порах «регулировать не так как новое место, а сколько возможно каменные дома оставить на прежних местах». Такие «дома» сохранились в городе даже до наших дней. Однако в целом задача перестройки города по регулярному плану решалась успешно, и с начала XIX века власти вплотную занялись архитектурой возводимых строений. В России наступила эпоха образцовых проектов.

Изданные для частных домов проекты можно разделить на две серии. Фасады первой серии 1809 (части 1 и 2) и 1812 (части 3 и 4) годов были выполне-

ны в классицистическом стиле. Вторая серия «в новом», то есть эклектичным вкусе относится к 1840–1841 (12 тетрадей), а также 1843–1852 (еще 12 тетрадей) годам. В обоих случаях источником для их разработки служила европейская архитектура.

Первую серию принято связывать с эпохой наивысшего развития типового строительства в России, в середине столетия наблюдается его спад, и затем оно окончательно исчезает после известного указа 1858 г., отменившего обязательное следование образцовым проектам. Более того, фасады последних серий характеризуют как «иллюстрацию общего упадка русской архитектуры середины XIX в.»¹.

Новому, романтическому восприятию архитектуры способствовали многочисленные путешествия. В тридцатые годы прошлого века паломничество к памятникам европейской культуры стало почти неизменной частью в получении высшего образования. Известно о путешествии в 1837 г. архитектора А.Н. Штакеншнейдера в Италию, Францию и Англию, где он «изучал стили и заносил в свой путевой альбом». А.Н. Бенуа писал в своих воспоминаниях о путевых заметках своего отца: «...сколько понимания в каждом «портрете здания»². Впечатления, полученные от этих путешествий, остро переживались и обсуждались. «После ужина завязался жаркий спор об архитектуре, — отмечал в своем дневнике литератор В.П. Давыдов, путешествовавший в 1835 г. с художником Карлом Брюлловым и архитектором Николаем Ефимовым, — речь шла о Пестуме, о Парфеноне, о прусском архитекторе Шинкеле»³. Европейская архитектура привлекала российских интеллектуалов, причем не только западников, но и просвещенных славянофилов. Так, восхищение английской готикой, преклонение перед античностью и все больший интерес к современному зодчеству выражал М.П. Погодин

во время своего путешествия в 1839 г. в Рим, Германию, Францию и Англию⁴.

Таким образом, дух поэзии, истории, литературы, живописи и скульптуры первой трети XIX в. материализовался в его четвертом десятилетии в архитектурных формах эклектики. Новое мироощущение в первую очередь проявлялось в такой подвижной области архитектуры, как малые формы и интерьеры. Так, в казанской усадьбе помещика В.И. Чемезова в саду была устроена пещера с гротами, поражавшая современников. Казанский архитектор эпохи классицизма М.П. Коринфский известен также своими интерьерами в готическом стиле.

Формирование эклектики как стилового направления в России и в Европе протекало почти одновременно. В Германии оно было связано с именем уже упоминавшегося зодчего Фридриха Шинкеля, давшего новую свободную трактовку античного наследия. Современники сравнивали интенсивное строительство тех лет в Германии с «новой» русской архитектурой⁵.

Общие художественные настроения овладели и официальными кругами. Достаточно вспомнить, что среди путешествующих были государственные чиновники и пенсионеры Академии художеств. Новые тенденции настолько не соответствовали жестко навязываемым государством старым образцовым фасадам в стиле классицизма, что изменения были неизбежны. Император Николай I, известный своими прогерманскими вкусами, в 1835 г. издал указ, предписывавший впредь для Царского Села пользоваться проектами, изданными Менцелем в Берлине⁶. Последовавшее затем распоряжение о необязательности следования ранее изданным образцам фасадов повлекло необходимость разработки новых проектов.

Документально известно, что по указу императора в Главном управлении путей сообщения и публичных зданий

были закуплены все изданные в Германии альбомы увражей Ф. Шинкеля, использованные затем для разработки новой серии образцовых проектов 1843–1852 годов. Следовательно, одним из источников образцов этой серии была греческая архитектура, преломленная через творчество немецкого архитектора. В результате в России появились кварталы, напоминающие предместья немецких городов. Другим источником служил итальянский «ренессанс», дошедший в архитектурных увражах известного издания Летаруи. Известно также, что упоминавшийся нами среди путешествующих по Европе архитектор Н.Е. Ефимов получил правительственный заказ на составление проектов в стиле итальянских вилл и палаццо. Красноречиво и само название составленных им проектов – «в подражание дому неизвестного обывателя в Венеции» или «в подражание Мавро-Венецианской архитектуре»⁷.

Таким образом, в середине XIX в. классицизм сменился эклектикой. В самом общем смысле переход к архитектуре эклектики знаменовал собой признание относительной независимости частной жизни от государственных установок. В особенности это признание было важно для Казани, частная жизнь части населения которой строилась по принципам ислама.

Массовое внедрение эклектики в застройку Казани связано с рядом факторов, хронологически совпавших между собой. Первый из них связан с изданием в 1840–1852 годах описанных выше тетрадью новой эклектичной серии образцовых фасадов, общее количество которых было довольно велико (более трехсот). Предполагалось, что любой застройщик мог выбрать фасад, соответствовавший его запросам и возможностям.

Одновременно Высочайшим указом от 11 ноября 1841 года было принято Положение об устройстве губернского города Казани, один из параграфов ко-

торого требовал «дабы фасады на украшение наружных видов ... строений были сообразны изданным с Высочайшего соизволения образцовым чертежам на постройку в городах обывательских домов»⁸.

Наконец, в августе 1842 года пожар уничтожил жилые кварталы значительной части Казани, как бы расчистив площади для нового строительства. Как московский пожар 1812 года, он определил большой масштаб застройки в новом стиле.

Как уже отмечалось, использование образцовых проектов было обязательным. Местные власти ежегодно отсылали в столицу отчеты с точным указанием, по каким именно образцам и в каком количестве построено каменных и деревянных домов и ворот. В этих условиях региональные и национальные особенности могли проявляться в первую очередь в выборе тех или иных образцовых проектов, а также в некоторых отступлениях от них. Документы показывают, что на практике такие отступления были нередкими.

Приведем примеры использования образцов из тетрадью этой серии.

В усадьбе Н. Кузнецовой дом был построен со ссылкой на образец под № 11 из 3-ей тетради 1843 г. Сравнение оригинала с проектом, который составлен, как сказано в самом документе «сообразно частям», показывает, насколько он далек от своего прототипа⁹.

Интересен случай своеобразного использования образца в татарской усадьбе. Дом с мезонином из тетради 1840 г. вынесен на красную линию усадьбы в качестве служб; их нижний этаж скрыт за глухими окнами¹⁰.

Как видим, несмотря на большое количество присланных из столицы образцов, казанские жители не всегда находили там проекты, вполне удовлетворявшие их вкусам и потребностям.

Поэтому следующим этапом развития региональных и национальных особенностей в жилой архитектуре Казани

стала разработка индивидуальных проектов, которые в большом количестве появились в 1847, 1848 и в особенности 1849 годах. Строительное законодательство этого периода допускало в порядке исключения строительство «не во всем согласно с образцовыми фасадами», однако каждый такой проект должен был утверждаться в Петербурге. Очевидно, что процесс утверждения в столице сильно осложнял строительство.

Однако среди жителей Казани было много тех, кто желал строить в соответствии со своими вкусами и желаниями. Они заказывали проекты казанским архитекторам и добивались их утверждения. Тем самым казанские архитекторы и застройщики участвовали в создании проектов наравне со столичными корифеями. Причем разработанные и утвержденные таким образом проекты не пылились затем на полках, а многократно использовались в Казани, возможно, и не только в ней.

Проект дома Н. М. Вениаминова по ул. Казанской был разработан казанским архитектором академиком Х. Крампом. После его рассмотрения в столице на чертеже появилась резолюция: «С Высочайшего разрешения утверждается. СПб., 14 мая 1849 г.»¹¹.

Однако не всегда казанские фасады находили одобрение в Петербурге. В этих случаях в Департаменте проектов и смет Главного управления путей сообщения и публичных зданий составлялся новый фасад, который затем отсылался в Казань для строительства.

В 1849 г. коллежский секретарь А. Осокин предполагает застроить свою усадьбу, располагавшуюся на пересечении Комиссариатской и Старо-горшечной улиц¹². Разработанный губернским архитектором И. Бессоновым проект включал двухэтажный каменный дом, протянувшийся вдоль Комиссариатской улицы, беседку, поставленную на углу, а также службы во дворе. Дом отличался изящным эклектичным убранством

главного фасада. Необыкновенно нарядный вид ему придавали окна верхнего этажа в форме трифориев с каннелированными коринфскими пилястрами в простенках. Посланный в столицу проект получил одобрение императора, за исключением фасада дома. Фасад на чертеже, навеянный формами возводившегося в это время по проекту К. Тона в Кремле дома губернатора, был в буквальном смысле перечеркнут. Вместо него прислали другой проект фасада, составленный петербургским архитектором К.А. Скаржинским – по нему и был построен дом. А не вызвавшие возражений столичного начальства фасады служб использовались повторно при строительстве кладовых в усадьбе А.Арасланова, а также двух жилых флигелей в усадьбе Г. Чепарина на Сенной площади¹³.

Любопытно отметить, что Скаржинский являлся автором всех присланных в подобных случаях фасадов. По его проектам построены дома майорши А.Е. Высоцкой на Лядской улице, а также купчихи П. Рязановой на Поперечно-Вознесенской улице¹⁴.

Дома, возведенные по проектам казанских архитекторов, представляли собой одно-двухэтажные постройки в три, пять и семь осей окон по главному фасаду. Вот один из примеров такого дома. Декор на оконных фронтонах в виде раковин и половинчатых восьмиконечных звезд, предполагавшийся по проекту, так и не появился при строительстве каменного дома Ларионова (ул. К. Маркса, 42),¹⁵ но украсил деревянные дома по ул. Б. Красной, 50 и ул. Бутлерова, 37.

Малые размеры владений, а также необходимость выноса на линию улицы других построек, например, лавок в торговых усадьбах, обусловили насущную потребность в небольших домах. Значительной популярностью как среди татарского, так и русского населения пользовалась разновидность домов в три оси окон. Купеческие дома М. Кушаева в

Старо-татарской слободе и А. Санникова по ул. Тихвинской построены по образцам 1849 г.¹⁶ Имеются и другие примеры домов, построенных с повторным использованием казанских образцов. Такие дома продолжали строиться даже в конце XIX – начале XX вв.

Особо следует выделить тип дома с лавками на первом этаже, которые могли быть продолжены вдоль внешней границы владения в виде торговых рядов. Разработанный в 1949 г. тем же К. Скаржинским первоначально для мещанина Н. Сергеева, проживавшего на Сенной площади, проект был еще дважды повторен на этой же площади при строительстве домов купчихи Е. Реутовой, а также купца Г. Абдуллина¹⁷.

Среди казанских образцов было большое количество одноэтажных домов в три окна, которые незначительно различались между собой. Это наиболее равномерно распределенная по городу категория домов.

Кроме главных усадебных домов и флигелей на улицу могли выноситься другие постройки. В распоряжении застройщиков имелось несколько разновидностей лавок.

Две разновидности служб, разработанные в 1849 г. И. Бессоновым первоначально для сдававшегося в наем владения купцов Батурина и Меркулова, а затем для усадьбы Осокина, получили широкое распространение в городе¹⁸.

Приведенные примеры наглядно иллюстрируют реальную картину строительства в Казани в середине XIX столетия, где значительную часть составляли здания, построенные по проектам местных архитекторов.

Основной причиной отказа от изданных в столице образцов было то, что они были разработаны исходя из вкусов и возможностей столичных жителей. Дом, занимавший весь фронт участка, не соответствовал характеру застройки провинциального города. Требовался более привычный тип небольшого дома,

а также разнообразных служб, лавок, хозяйственных построек, являвшихся неотъемлемой частью казанских усадеб.

Часто это приводило к «приспособлению» существующих проектов, но радикальным и эффективным решением была разработка собственных проектов, которые в большом количестве появились в 1847, 1848, 1849 (в особенности), а также 1851 годах, и получили одобрение государя. Довольно простые по архитектуре фасады содержали элементы и детали изданных образцов. Так европейская традиция была в очередной раз переработана с учетом вкусов и потребностей казанского обывателя.

Итак, возникшие в конце 1840-х годов казанские проекты являлись своеобразной адаптацией государственных норм к местным условиям, причем отражали особенности не национального, а социального заказа.

К началу XX века культурные парадигмы меняются¹⁹. Умами татарской буржуазии и появившейся интеллигенции овладевают идеи национального возрождения. Проблема национального в этот период приобрела актуальность и остроту. Рано или поздно она должна была затронуть и архитектуру. Однако в силу консервативности строительной деятельности вообще и жилищного строительства в особенности национальные мотивы в жилой архитектуре начали появляться значительно позже, чем, скажем, в литературе.

Вероятно, с течением времени национальное стилевое направление в жилой архитектуре могло бы сложиться, но революция 1917 года прервала это развитие и направила его по иному пути. С этого момента исчез националистически настроенный и финансово самостоятельный заказчик в лице купечества – необходимое условие для возрождения национальной культуры.

Кроме того, даже в умах татарской интеллигенции не успели сложиться чет-

кие представления о национальном стиле в жилой архитектуре.

Элементы национального романтизма в жилой архитектуре казанских татар конца XIX – начала XX века вполне укладываются в рамках такого стилевого явления в мировой культуре, как модерн. Этот стиль с его вниманием к национальному своеобразию, интересом к искусству Востока представлял собою идеальную основу для возникновения в его рамках многообразных стилевых направлений. В российской архитектуре, помимо «классических» версий модерна, получили широкое распространение русский национальный романтизм и ориенталистический модерн. Именно эта последняя версия с ее повышенным интересом к восточным элементам декора оказалась близка к архитектурному идеалу националистически настроенных татарских купцов и промышленников.

В целом число жилых домов, построенных в конце XIX – начале XX века в татарских слободах Казани с использованием национальных мотивов невелико. Некоторые из этих зданий представляют собою замечательные памятники архитектуры и, несомненно, заслуживают подробнейшего архитектурного анализа.

В начале XX века идеи национальной самобытности начали оказывать влияние на архитектуру, довлея над вкусами многих богатых купцов. Это влияние, попавшее в этот период на благодатную почву модерна, проявлялось в различных формах.

Хрестоматийным примером архитектуры татарского национального романтизма принято считать так называемый дом Шамиля, построенный в 1903 г. вдовой М. Шамиль-Апаковой по проекту Ф. Амлонга. Следуя в целом эстетике ориенталистического течения в модерне, архитектор внес в облик особняка черты традиционного татарского зодчества. Как отмечает Г.Н. Айдарова, «ро-

мантика татарского художественного облика навеяна стройными очертаниями минаретов в декоративной акцентировке углов эркера, аркатурном пояске, ажурном узоре накладного орнамента»²⁰.

Однако чаще всего архитектурные нововведения национального характера не были столь броскими. В типичных для этого периода зданиях можно отметить активное использование эркеров (они появляются даже в многоквартирных домах). Примерами могут служить особняк Апанаева (ул. Тукая, 67/14), доходные дома Мухаметова (ул. К. Насыри, 23/4, утрачен) и Апанаева (ул. Марджани, 40/1). Галереи перестают прятаться во дворах, переходя на уличные фасады (дом Сайдашева по ул. Нариманова, 63, не сохранившийся дом по ул. Х. Такташа, 3). На фронтонах появляются надписи арабской вязью (ул. Нариманова, 62), в декоративном оформлении заметно преобладание определенных форм и деталей – многослойных сталактитообразных консолей, применение цветной расстекловки, килевидных проемов и т.д.

В целом все эти проявления национальной идеи и общих ориенталистических тенденций в жилой архитектуре были довольно скромными и далеко не массовыми. По своему масштабу они не идут ни в какое сравнение с происходившим в тот же период подъемом в татарской литературе.

Конечно, такое культурное явление, как казанская архитектура периода модерна, имеет совершенно иную природу, нежели рядовая жилая застройка татарских слобод XIX века. В ней более выражено авторское начало, гораздо нагляднее представлены художественные и идеологические пристрастия заказчика. Однако не стоит забывать, что в определенном смысле она является конечным выражением идеи независимости частной жизни, первоначально реализованной в архитектуре эклектики. Мо-

дерн и элементы национального романтизма в архитектуре были скорее продуктом эволюции эклектических образцовых проектов, чем результатом отказа от них.

С отменой в 1858 г. закона обязательного следования образцовым проектам эпоха их применения не завершилась. Они продолжали играть большую роль в застройке города, и в основном это касалось именно местных казанских образцов. Ставшие традиционными для Казани разновидности домов продолжали привычно строиться, видоизменяясь по мере дальнейшего развития эклектики. И еще на протяжении нескольких десятилетий «цитаты» из образцовых проектов появлялись на фасадах казанских домов.

Таким образом, возникновение и развитие эклектической архитектуры дает нам еще один наглядный пример, свидетельствующий о взаимопроникновении культур. Переустройство российских городов в европейском духе, начатое Петром Великим, было успешно завершено к середине XIX века. Идеи регулярности стали неотъемлемой частью российского архитектурного идеала, необходимость в жестком государственном контроле над частным строительством отпала, и этот контроль в 1858 году был отменен. Российское градостроительство, развиваясь в целом под влиянием европейских идей, своим масштабом и целенаправленностью способствовало четкому оформлению этих идей, их кристаллизации. Оно вовлекло в архитектурный процесс огромные территории и человеческие ресурсы.

Казань также имеет свое неповторимое место в этом процессе. Труды скромных казанских архитекторов прошлого века внесли свой вклад в российскую, а через нее – и в мировую культуру.

Здания, построенные в середине XIX в., сохранились повсюду в историческом центре Казани. Кроме того, они оказали самое непосредственное влияние на всю дальнейшую застройку города, относящуюся к периоду зрелой эклектики и модерна конца XIX – начала XX в. Часто вновь строящееся здание перенимало оформление фасада рядом расположенного существующего, построенного когда-то по образцу, чаще всего, местному, разработанному в Казани казанским архитектором и по заказу жителей Казани. Деревянные дома повторялись в камне. Очевидные «цитаты» из образцов «читались» даже на фасадах многоквартирных доходных домов. Можно сказать, что архитектурные детали образцовых проектов сами стали региональными особенностями архитектуры Казани. Таков механизм преемственности, позволивший сохранить до недавнего времени стиливое единство казанских улиц.

Следует подчеркнуть, что именно эти образцовые проекты периода ранней эклектики сформировали массовую жилую застройку исторического центра Казани, и именно они, а не отдельные уникальные сооружения, определяют ее своеобразие и исключительность. Эта средовая архитектура является основным объектом происходящих сегодня массовых разрушений в городе.

Примечания

¹ Ожегов С. Типовое и повторное строительство в России в XVIII – XIX веках. – М., 1984. – С. 100

² Бенуа А. Мои воспоминания. – Т. 1. – С. 54.

³ Путевые записки, веденные Владимиром Давыдовым. Часть 1. – С. 114, 115.

⁴ Борисова Е.А. Архитектура и город // Искусство и предметная среда в духовной жизни России. – М., 1988. – С. 283.

⁵ Там же. С. 275.

⁶ *Кириченко Е.И.* К вопросу о пореформенных выставках России как выражения исторического своеобразия архитектуры 2-ой половины XIX в. // *Художественные процессы в русской культуре 2-ой половины XIX в.* – М., 1984. – С. 126.

⁷ РГИА. Ф. 1488, оп. 5, д. 35, лл. 1, 2.

⁸ ПСЗ РИ. 15026. 1841 г. 15 ноября. Высочайше утвержденное Положение об устройстве губернского города Казани.

⁹ НА РТ. Ф. 408, оп.2, д.121, л.2.

¹⁰ НА РТ. Ф. 408, оп.2, д.739, л.1.

¹¹ НА РТ. Ф. 408, оп.2, д.71, л.2.

¹² НА РТ. Ф. 408, оп.2, д.1194, л.1.

¹³ НА РТ. Ф. 498, оп.2, д.471, л.2.

¹⁴ НА РТ. Ф. 408, оп.2, д.1207, л.1, д.15, л.1.

¹⁵ НА РТ. Ф. 408, оп. 2, д. 1049, л.2.

¹⁶ НА РТ. Ф. 408, оп.2, д. 728, л.1, д. 553, л.1.

¹⁷ НА РТ. Ф. 408, оп.2, д. 471, л.2, д.464, л.2, д. 493, л.1.

¹⁸ НА РТ. Ф. 408, оп.2, д.209, л.5, д.1194, л.1.

¹⁹ Обзор дальнейшего развития жилищной архитектуры казанских татар в начале XX в. см.: Г.Г. Нугманова. Казань: архитектура двух цивилизаций // «Переломы эпох». – М., 2005. – С. 90 –107.

²⁰ *Айдарова Г.Н.* Истоки и этапы развития национального романтизма в архитектуре Казани в конце XIX — начале XX веков // *Архитектура Среднего Поволжья.*—Казань, 1982.—с 25.

Summary

The paper is devoted to the dwelling architecture of Kazan in the XIX – early XX centuries. The author investigates the manifestations of the local peculiarities in the context of the world stylistic trends in the architecture which consequently have changed each other (classicism, eclectics and modern style).

УДК 314.7

СОВРЕМЕННАЯ МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Л.М.Хакимуллина

Россия – страна многонациональная. Расширение ее национального состава стало особенно заметно в последнее десятилетие. Граждане стран как ближнего, так и дальнего зарубежья, практически становятся неотъемлемой частью России. Конечно, резкий рост количества прибывающих в страну повлек за собой и ряд трудноразрешимых проблем, таких, как размещение, предоставление рабочих мест, социальное обеспечение и многие другие.

Решением данных проблем занимается Федеральная миграционная служба (ФМС) МВД России, которая является центральным звеном в системе федеральных органов исполнительной власти, отвечающих за реализацию миграционной политики в стране.

В январе 2007 г. вступили в силу изменения в Федеральный закон №109-ФЗ от 18 июля 2006 г. «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации». Они отменили процедуру регистрации, трудоустройства иностранных граждан, имеющих право на безвизовый въезд в Россию, и ввели миграционный учет. Новые правила существенно облегчают жизнь работодателей, привлекающих на работу иностранцев.

Сегодня миграционный учет иностранных граждан носит не разрешительный, а уведомительный характер. Законом предусмотрены два варианта учета: через федеральную миграционную службу или через почтаamt. Иностранец

с потенциальным работодателем – «приглашающей стороной» может просто прийти на почтаamt, заполнить извещение и отправить его почтой. В этом случае никто не отслеживает, когда иностранный гражданин пересек границу. Таким образом, мигрант не несет административной ответственности¹.

Если приглашающей стороны нет, то иностранный гражданин должен предоставить уведомление с отметкой о постановке на учет, миграционную карту с отметкой о пересечении границы, паспорт. Эти документы, а также квитанцию об оплате государственной пошлины и две фотографии иностранный работник может сдать лично или через работодателя (по доверенности) в ФМС.

Если по ранее действовавшим правилам зарегистрироваться можно было только в жилом помещении, то теперь уведомление о постановке на миграционный учет можно получить по любому адресу.

На наш взгляд, решение о введении «уведомительной» системы миграционного учета – это серьезная ошибка. Государство таким образом практически устранилось от какого-либо регулирования направления, скорости, объема, качества трудовых миграционных потоков и ограничило свои задачи необязательными функциями регистратора.

Без миграции, без миграционных трудовых ресурсов страна сегодня не может обойтись. Но миграционная политика должна быть выстроена на пра-

вильных принципах. Миграция не должна работать на разрушение собственного рынка труда и подрывать социальную солидарность, она не должна быть бесконтрольной и угрожать национальной безопасности. Сегодня миграционные потоки имеют преимущественно характер трудовой и временной миграции. Этот процесс в некоторой степени способствует развитию экономики, но не оказывает принципиального влияния на решение стратегических социально-экономических и демографических задач России. Более того, социокультурная нагрузка на общество только возрастает, в стране увеличивается количество «гостей» в доме, но не решаются проблемы самого дома.

В интервью «Российской газете» мэра г. Москвы Ю. Лужков заявил, что: «...необходимо уйти от неоправданно ультралиберальной системы учета трудовой миграции, которая сегодня у нас есть. Мы ставим вопрос в Москве очень четко: уведомительный принцип для нас неприемлем. Он не позволяет нормально управлять ситуацией и решать проблемы развития города. Упрощенная регистрация даже не по месту жительства, а по месту пребывания – то есть хоть в бытовке на стройке, хоть в павильоне на рынке – создает в городе ненормальную ситуацию и на рынке труда, и в сфере общественной безопасности»².

Директор же ФМС России Константин Ромодановский считает невозможным возврат к запретам в миграционной политике. В своем интервью он указал, что «...законодательные новации, введенные только девять месяцев назад, не могли заработать идеально и, конечно, нуждаются в шлифовке. Чем мы и занимаемся. В соответствии с установкой на формирование либеральной, привлекательной для соотечественников миграционной политики, мы работаем и будем работать только на позитив»³.

На наш взгляд, нужен обязательный

учет мигрантов не только Федеральной миграционной службой, но и органами социальной защиты, налоговыми службами, медицинскими учреждениями, силовыми структурами, и наконец, самими работодателями. Нужно создавать достойные условия труда и жизни самим мигрантам, а также режим наибольшего благоприятствования для мигрантов с определенными возрастными, образовательными, профессиональными и иными квалификационными характеристиками. Решению проблемы размещения привлеченных иностранных работников, а также работников из других регионов может способствовать и создание специальных административно-бытовых городков, специальных гостиниц упрощенного типа, оснащенных необходимым набором бытовых услуг. Соответственно эти места и смогут стать официальными адресами проживания мигрантов.

Круг вопросов государственной политики, которые затрагивают миграционные процессы, чрезвычайно широк. Большинство из них проявляется на уровне отдельных регионов и территорий. Поэтому нельзя говорить о возможности построения эффективной модели миграционной политики только на федеральном уровне, без подключения властей субъектов РФ.

Эффективная модель современной миграционной политики должна быть основана на реализации следующих подходов:

- 1) процесс миграции, безусловно, должен быть регулируемым, то есть от заявительного характера нужно перейти к политике организации миграции;
- 2) организация миграции предполагает, что количественный ее объем должен точно соответствовать экономическим запросам. Должна быть соответствующая квота для мигрантов, установленная государством;
- 3) разрешение на работу необходимо выдавать не самому иностранному

работнику, а работодателю, т.е. предпринятию;

4) квота может быть предоставлена только взамен гарантий и условий, обеспечивающих нормальное пребывание мигрантов. Это жилищные условия, прозрачные зарплаты, оформленные трудовые отношения, социальное и медицинское обслуживание;

5) организация миграции предполагает и то, что от случайного и стихийного набора мигрантов необходимо перейти к организованному набору, то есть создать систему, при которой число прибывших к нам соискателей вакансий совпадало бы с принятым решением о квотировании;

6) Федеральная миграционная служба должна определять квоты на основе представленных регионами обоснованных заявок и строго следить за тем, чтобы в отдельных регионах не появлялось избыточное количество мигрантов и в этой связи возникали бы социальные и экономические диспропорции;

7) хозяйствующим структурам, делающим заявки на привлечение мигрантов, необходимо устанавливать соответствующие платежи за использование миграционных квот. Эти отчисления должны побуждать бизнес готовить свои кадры и постепенно снижать потребность и желание привлекать иностранные трудовые ресурсы;

8) должна быть создана единая информационная межведомственная система учета въезжающих и работающих в стране мигрантов, делающая прозрачными и понятными взаимоотношения иностранных работников и принимающей стороны.

Одним из главных приоритетов деятельности нового правительства России определено усиление региональной политики, координация усилий федерального центра и регионов в рамках единой системы исполнительной власти. Все это, на наш взгляд, дает возможность в практическом плане приступить к реше-

нию вопросов повышения качества управления миграционной политикой.

В долгосрочной перспективе перед страной стоит задача выработки такой программы миграционной политики, которая вобрала бы в себя не только работу с соотечественниками и иностранными трудовыми мигрантами, но и демографические программы государства, вопросы национальной и конфессиональной политики. Разработка государственной программы должна стать одной из первоочередных задач власти.

Претворение в жизнь миграционной политики государства возложено на органы исполнительной власти, центральное место в системе которых занимает Правительство РФ и Министерство внутренних дел РФ. Вместе с тем реализацией политики территориального перемещения населения занимаются и иные субъекты государственной деятельности, а также сами мигранты. В этой связи осуществление миграционной политики происходит в форме исполнения, соблюдения, использования и применения, т.е. во всех известных формах реализации права. Однако сводить формы реализации миграционной политики страны только к формам реализации права было бы не верно. Претворение в жизнь целей, задач, функций, приоритетов в области территориального перемещения населения, образующих содержание миграционной политики, ложится в первую очередь на органы исполнительной власти и местного самоуправления, которые и осуществляют данный вид государственной политики.

Формами реализации миграционной политики российского государства являются и формы управленческой деятельности субъектов исполнительной власти, т.е. органов государственного управления, наделенных управленческой компетенцией, осуществляющих задачи и функции государства посредством исполнительно-распорядительной деятельности.

Одной из центральных задач современной миграционной политики Российской Федерации является совершенствование системы миграционного контроля. Для борьбы с незаконной миграцией недостаточно нынешних мер, которые осуществляют миграционные органы. Расширение системы контрольных полномочий миграционных органов в сфере незаконной (скрытой) миграции – объективная и насущная необходимость на сегодняшнем этапе.

Другая важная задача заключается в совершенствовании компетенции миграционных органов (к их числу мы относим все органы, деятельность которых связана с государственным управлением миграцией населения) путем соответ-

ствующего правового регулирования. Повышение эффективности правового регулирования миграционных отношений возможно только в рамках совершенствования нормативно-правовой базы миграционной политики страны. Необходимость всестороннего регулирования миграционных отношений – объективная потребность современного развития общества, состояния государства, процессов, происходящих на межгосударственном уровне в указанной сфере. Отмеченные обстоятельства требуют законодательного закрепления механизмов реализации миграционной политики страны по всем основным направлениям миграционной политики.

Примечания

¹ См.: Миронова Р.Л. Изменения в миграционном законодательстве // Российская юстиция — 2007. — №2. — С.40.

² См.: Лужков Ю.М. Москва – не проходной двор // Российская газета. — 2007. — № 230 — С.9.

³ См.: Графова Л.И. Неужели поворачивать назад? // Российская газета. — 2007. — № 248 — С.5.

Summary

The article is devoted to the modern migration policy in Russian Federation.

УДК 351.72.086

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСОВОГО МОШЕННИЧЕСТВА

Л.С.Хафизова

В российском законодательстве нет общепринятого определения «финансового мошенничества». В научной литературе используются понятия «экономическое мошенничество»¹, «коммерческое мошенничество»², «фирменное мошенничество»³, «страховое мошенничество»⁴, «политическое мошенничество»⁵ и другие. Существуют также криминологические определения «финансового преступления» и «финансовой преступности». Понятие «финансовое мошенничество» следует вывести из понятия «финансовая преступность», под которой понимается совокупность преступлений, непосредственно связанных с посягательством на отношения по формированию, распределению, перераспределению и использованию фондов денежных средств (финансовых ресурсов) субъектов экономических отношений.

Общеправовое мошенничество имеет место в бытовой сфере, в области личных имущественных отношений между гражданами. Экономическое мошенничество посягает на экономическую безопасность хозяйствующего субъекта (независимо от формы собственности) или большой группы людей⁶.

Экономическое и общеправовое мошенничество имеют существенную криминологическую разницу. Различия существуют в характеристиках личности преступников и жертв, способах совершения мошенничества, детерминантах преступлений, суммах ущерба.

Финансовое мошенничество является разновидностью экономического мошенничества, и ему, как правило, присущи такие признаки, как знание субъектом в какой-либо мере законодательства, основ или отдельных положений осуществления финансовой деятельности. При совершении ряда мошенничеств необходимым условием является должностное положение субъекта.

На наш взгляд, финансовое мошенничество – это вид экономического мошенничества, направленный на хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием в сфере отношений по формированию, распределению, перераспределению и использованию фондов денежных средств (финансовых ресурсов) субъектов экономических отношений.

Ущерб от финансового мошенничества, как правило, значительно больше, чем от общеправового. Так, экономические реалии последних лет сделали чрезвычайно злободневной проблему незаконного захвата имущественных комплексов юридических лиц, получившую обобщенное название «рейдерство». Следственная и судебная практика показывают, что практически все дела по рейдерским захватам включают в себя элементы мошенничества. Если некоторые виды недвижимого имущества по своим объективным свойствам практически не могут быть похищены тайно

(квартира, земельный участок и т.п.), то они могут быть похищены путем обмана⁷. При рейдерстве предметом мошенничества выступают предприятия⁸.

Расследованием данного вида преступлений сотрудники следственных подразделений МВД России начали заниматься с середины 90-х годов, когда были возбуждены уголовные дела о злоупотреблениях, совершенных в ходе приватизации (в форме акционирования). Затем данные преступления трансформировались в хищения и прочие незаконные операции с пакетами акций крупных промышленных предприятий⁹. Указанные преступления вызывают большой общественный резонанс, так как мишенью рейдеров зачастую становятся оборонные и градообразующие предприятия, обеспечивающие значительную часть населения рабочими местами, а также банки.

Финансовые мошенничества, в зависимости от уровня финансовых отношений, являющихся объектом посягательств, мы подразделяем, во-первых, на мошенничества, направленные на финансовую систему государства (государственные и муниципальные финансы). Это финансовое мошенничество при распределении государственных финансовых фондов, нецелевое использование бюджетных средств (мошенничества с субсидиями). Во-вторых, на мошенничества, которые посягают на финансы предприятий и других хозяйствующих субъектов в условиях рыночной экономики¹⁰.

В зависимости от сферы посягательств, финансовые мошенничества подразделяются на совершенные в финансово-кредитной сфере (банковской деятельности и кредитовании, в сфере расчетных отношений), на рынке ценных бумаг, в сфере недвижимости, в сфере страхования.

Кроме этого, в последние годы растет число финансовых мошенничеств с использованием компьютера, сети Интернет. Поэтому необходимо выделить

интернет-мошенничество как родовое понятие, и фишинг (финансовое мошенничество в сети Интернет) – как его производное.

Отметим следующие общие тенденции в российском финансовом мошенничестве:

- ускоренная транснационализация;
- паразитирование на бюджетных ресурсах;
- быстрые темпы информатизации мошеннических операций;
- сращивание финансового мошенничества и коррупции;
- высокий удельный вес причиняемого имущественного ущерба в общей структуре ущерба от экономической преступности в целом (около 25%);
- концентрация мошеннического оборота в экономически развитых регионах страны (до 80%);
- преимущественно межрегиональный характер мошеннических операций;
- высокий удельный вес организованных преступных формирований среди мошеннических групп;
- ориентация на использование лжепредприятий для прикрытия мошеннической деятельности (до 60% всех мошенничеств в крупном размере);
- гиперлатентность¹¹.

В условиях стремительного развития рыночной экономики в России проблема выявления и пресечения финансового мошенничества является весьма важной. Отсюда вытекает насущная потребность разработки и формулирования самого понятия финансового мошенничества, детального изучения его типологии и механизмов.

В статье 159 Уголовного кодекса Российской Федерации мошенничество понимается только как преступление против собственности, причем законодательная формулировка состава данного преступления сформулирована шире, чем, например, в зарубежном праве.

Особенностью российского законодательства является и то, что в нем практически нет специальных норм по

противодействию финансовому мошенничеству. Поэтому возникают значительные сложности в процессе выявления, пресечения, расследования и судебного рассмотрения финансовых мошенничеств.

В этой связи думается, что правовые подходы большинства развитых стран (США, ФРГ и др.), предусматривающих значительное число самостоятельных составов преступлений, которые могут быть объединены общим понятием финансового мошенничества, являются более предпочтительными. Различные виды финансового мошенничества имеют неодинаковую степень общественной опасности, и не всегда к ним применима диспозиция статьи 159 Уголовного кодекса РФ. Кроме этого, криминальная ситуация, ее тенденции и особенности часто требуют особого внимания к тем или иным видам финансового мошенничества.

Например, в современных условиях России назрела необходимость введения самостоятельного состава преступления – мошенничества при автостраховании, либо в целом мошенничества, связанного с любыми видами страхования. Эти преступления сегодня растут угрожающими темпами и необходимо законодательно принять соответствующие предупреждающие меры.

Широкое развитие системы кредитования, в том числе ипотеки, реализация национальных проектов настоятельно требуют введения в Уголовный кодекс РФ самостоятельной нормы об уголовной ответственности за мошенничество, связанное с получением кредитов. Проверки, осуществляемые правоохрани-

тельными и контролирующими органами, выявляют множество случаев получения кредитов с нарушением закона (путем представления фиктивных документов и т.п.). То же самое происходит и в социальной сфере при оформлении, предоставлении, получении субсидий и льгот. Как показывает практика, привлечение всех причастных к таким махинациям лиц, при использовании только статьи 159 Уголовного кодекса РФ, представляет значительную трудность.

С изменениями законодательства об игорном бизнесе в России появился незаконный способ организации азартных игр с использованием Интернета и выходом в мировую сеть. Такие факты уже выявляются правоохранительными органами – нелегальные игровые салоны переместились в квартиры, подвалы и т.п. Несовершенство законодательства, отсутствие специальной нормы в Уголовном кодексе РФ чрезвычайно затрудняют борьбу с этим новейшим видом финансового мошенничества.

Это только несколько узких мест в финансовой системе России, на которые, как мы полагаем, законодатель должен обратить особое внимание, в силу того, что в них возможны масштабные мошеннические деяния.

Разработка и введение в Уголовный кодекс РФ самостоятельных специальных составов, предусматривающих уголовную ответственность за наиболее широко распространенные и общественно опасные виды финансового мошенничества, представляется нам одной из актуальных и первоочередных задач российского законодателя.

Примечания

¹ Ильин И.В. Виктимологическая профилактика экономического мошенничества: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2000; Лученок А. Справочник по нестандартным методам бизнеса и экономическим мошенничествам. Доступно из URL: luchenok@economics.bas-net.by.

² Ларичев В.Д., Спиринов Г.М. Коммерческое мошенничество в России. Способы совершения. Методы защиты. – М., 2001; Ценова Т.Л. Понятие, состав и виды коммерческого мошенничества // Российский судья. – М., 2004. – № 4. – С. 27-31.

³ Романов С.А. Мошенничество в России: или 1000 способов как уберечься от аферистов. – М., 1996.

⁴ Алгазин А.И., Галагуза Н.Ф., Ларичев В.Д. Страховое мошенничество и методы борьбы с ним: Учеб.-практ. пособие. – М., 2003.

⁵ Данин А. Жулики, аферисты и мошенники. – СПб., 1996.

⁶ Ривман Д.В. Криминальная виктимология. – СПб., 2002. – С.207.

⁷ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Изд.3-е, измененное и дополненное / Под ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. – М., 1999. – С.345.

⁸ См.: Лопашенко Н. Рейдерство // Законность. – М., 2007. – № 7. – С.7-12.

⁹ Токаренко В.Н. Характеристика преступлений, совершаемых с использованием акций // Российский следователь. – М., 2003. – № 10. – С. 9-14.

¹⁰ См.: Гладких Р.Б. Мошенничество в сфере малого предпринимательства (уголовно-правовые и криминологические аспекты) // Юридический мир. – М., 2000. – № 1. – С. 57-65; Облаков А.А. Криминалистическая характеристика и классификация мошенничеств в сфере оптового потребительского рынка // «Черные дыры» в российском законодательстве. – М., 2003. – № 1. – С. 141-181.

¹¹ См.: Волохова О.В. Современные способы совершения мошенничества: особенности выявления и расследования. – М., 2005; Ежов Ю.А. Преступления в сфере предпринимательства. Учебное пособие. – М., 2001. – С.42.

Summary

The author of the article has analyzed the criminal legal issues in financial fraud.

Памяти ученого

ПАМЯТИ ИЛЬДУСА БАРИЕВИЧА ХАЙБУЛЛИНА

Р.М. Баязитов, В.Ю. Петухов, И.А. Файзрахманов

11 октября 2007 года исполнилось 70 лет со дня рождения Ильдуса Бариевича Хайбуллина – известного ученого и организатора науки, члена-корреспондента РАН, академика АН РТ, почетного члена многих национальных академий, лауреата Государственных премий СССР и РТ. Лишь семь месяцев Ильдус Бариевич не дожил до этой даты и трудно осознавать, что этого яркого человека нет с нами. Ильдус Бариевич возглавлял лабораторию радиационной физики и отдел радиационных воздействий на материалы, одновременно являясь главным ученым секретарем Академии наук РТ. Ильдус Бариевич – основоположник нового для казанской научной школы физиков направления – ионной имплантации. Со времени основания направления (1971–1972 гг.) Казанский физтех стал не только одним из ведущих научных центров радиоспектроскопии, но и передовым центром по физике взаимодействия высокоэнергетичных ионных и лазерных пучков с веществом и по применению их в микро-, опто- и наноэлектронике.

А начиналось все с окончания радиофака Казанского авиационного института (1960 г.), когда молодые выпускники, обученные новой полупроводниковой технике, были направлены на предприятия «оборонки» для разработки бортовой аппаратуры. На заводе ПО «Электрон» Ильдус Бариевич занимался разработкой телеметрической аппаратуры для космических кораблей. Уже тогда молодой специалист благодаря

высокой квалификации, энергии и организаторским способностям возглавил лабораторию радиотехнического отдела, ему также была предложена должность заместителя главного инженера предприятия. Но Ильдус Бариевич не хотел замыкаться лишь на организации производства. В то время Казанский физтех остро нуждался в специалистах, особенно в радиофизиках и электронщиках, поскольку тогда еще не было серийных радиоспектрометров, а новые научные результаты получали на самодельных установках и на самостоятельно выращенных кристаллах. В 1966 г. Б.М. Козырев пригласил в свой отдел Ильдуса Бариевича, где уже работали его «однокашники» И.Х. Музеев, А.Н. Гильманов, Д.Я. Осокин, В.К. Нурмухаметов, на должность старшего инженера. В 1967 г. академик Е.К. Завойский, работающий в то время в Институте атомной энергии им. И.В. Курчатова, предложил установить в КФТИ ионный ускоритель для контролируемого введения различных примесей в кристаллы с последующими исследованиями радиоспектроскопическими методами. Он был разработан в Курчатовском институте, а один из первых ионных ускорителей ИЛУ был смонтирован на передовом предприятии советской микроэлектроники – НПО «Микрон» (г. Зеленоград), возглавляемом в то время чл.-корр. АН СССР К.А. Валиевым, для производства интегральных микросхем, являющихся элементной базой отечественных ЭВМ.

Для ознакомления с заказанным ускорителем Б.М. Козырев направляет в Курчатовский институт молодого инженера. Ильдус Бариевич, увидев размеры установки и количество потребляемого жидкого азота, срочно шлет телеграмму примерно такого содержания: «Установка малогабаритна лишь по меркам Курчатовского института, следует отказаться от заказа, либо ограничиться только одной». В 1970 г. установка прибыла в Казань.

В 1969 г. Ильдус Бариевич был направлен в аспирантуру Курчатовского института, где проводил исследования имплантированных полупроводников методом ИК-спектроскопии. Одновременно он координировал работы по монтажу и наладке в КФТИ ионного ускорителя (1971–1972 гг.), проводимые в лаборатории электронного парамагнитного резонанса.

В 1973 г. Ильдус Бариевич защитил в Москве кандидатскую диссертацию и возглавил группу ионной имплантации.

Первые успехи группы были достигнуты в 1974 г. при взаимодействии с сотрудниками той же лаборатории Е.И. Штырковым и М.Ф. Галяутдиновым, которые занимались поиском новых материалов для лазерной записи отражательных голограмм. Известно, что ионная имплантация резко изменяет оптические свойства полупроводников за счет введения дефектов. Свойства восстанавливаются после термического отжига, устраняющего дефекты. А почему бы ни попытаться вместо термического отжига использовать воздействие лазерным пучком? Первый же эксперимент, проведенный на кремнии, имплантированном ионами фосфора, показал – есть новый материал для записи голограмм! Но еще более впечатляющим оказалось то, что электрические свойства облученного лазером слоя значительно лучше, чем после термического отжига, необходимого после ионной имплантации, а это значит – есть новый метод легиро-

вания полупроводников! Новый метод и неизвестное ранее явление, названные «лазерным отжигом», обнаружили необычайные возможности. Высокая локальность, отсутствие ростовых дефектов, создание кристаллических слоев с аномально высокой растворимостью примесей, недостижимой другими методами, послужили бурному развитию направления импульсной модификации свойств материалов как в стране, так и во всем мире, а полученные результаты оценивались как новый прорыв в микроэлектронике. К настоящему времени технология обработки материалов импульсными пучками интенсивных излучений получила устойчивый термин «Rapid Thermal Annealing» – быстрый термический отжиг и широко используется в производстве современных интегральных микросхем. Открытие явления быстрой ориентированной кристаллизации твердых тел (лазерный отжиг) удостоено Государственной премии СССР (1988 г., совместно со Штырковым Е.И., Зариповым М.М., Галяутдиновым М.Ф., Баязитовым Р.М. и сотрудниками академических институтов страны).

Необычайная энергия и коммуни-кабельность Ильдуса Бариевича позволили быстро развернуть исследования и по другим направлениям ионной имплантации. В 1975–1980 гг. группа значительно расширилась. Начались работы, в которых были заинтересованы предприятия Татарстана (модификации оптических покрытий и узкозонных полупроводников для оптомеханической промышленности, ГИПО), а также по основным направлениям института (создание и исследование новых магнитных тонкопленочных материалов).

На основе проведенных исследований такая технология была разработана, что являлось очень крупным достижением оптико-механической промышленности СССР. Результаты этих

работ и их промышленное внедрение были удостоены Государственной премии РТ (1998 г., совместно с Файзрахмановым И.А. и сотрудниками ГИПО).

Ильдус Бариевич всегда остро чувствовал любые новейшие направления, возникающие в современной науке, и всегда с удовольствием поддерживал все пионерские исследования в их развитии. Так, его группой в конце 70-х гг. было впервые предложено использовать высокодозную имплантацию для ионного синтеза силицидов и тонких ферромагнитных пленок. Теперь ионно-лучевой синтез магнитных наноструктур и модификация свойств тонких пленок при высокодозной имплантации ионов переходных металлов стали одним из основных направлений работы его отдела.

В 1985 г. Ильдус Бариевич защитил докторскую диссертацию по лазерному отжигу ионно-легированных полупроводников в форме научного доклада, а в 1991 г. был избран членом-корреспондентом Российской академии наук. В 1989 г. руководимая им группа получила статус лаборатории радиационной физики, а затем и отдела радиационных воздействий на материалы (2003 г.), состоящего из трех лабораторий. Одновременно с руководством лаборатории с 1988 по 1992 г. Ильдус Бариевич активно работал как заместитель директора института по научной работе. В этот тяжелый для страны и науки период в

значительной мере удалось сохранить финансирование института и избежать оттока научных кадров.

Талант Ильдуса Бариевича как организатора научных исследований особо проявился на посту главного ученого секретаря Академии наук Татарстана (с 1992 г.). Координация деятельности самых различных научных школ республики как в естественных, так и в гуманитарных науках требовала высокой эрудиции, знания проблем науки, промышленности, образования, культуры. Причем эта работа требовала как интенсивной законотворческой деятельности совместно с комитетами Госсовета республики, так и внимательного рассмотрения многочисленных предложений отдельных научных работников. Но, несмотря на высокую занятость, обсуждение любых вопросов научной работы отдела было для Ильдуса Бариевича приоритетным, и он всегда находил для этого время.

В последнее время научная школа, основанная Ильдусом Бариевичем Хайбуллингом, занимается решением широкого круга проблем микро-, опто-, магнитоэлектроники, медицины, машиностроения, включая синтез и исследование новых наноструктурированных материалов. И развитие этих направлений, безусловно, связано с именем этого выдающегося человека.

ХРОНИКА ЖИЗНИ АКАДЕМИИ НАУК РТ

4 октября 1957 года, ровно 50 лет назад, состоялся запуск первого искусственного спутника Земли, который дал мощный импульс для развития мировой астрономической науки. В России в последние годы укрепилась традиция - раз в три года собирать всех российских астрономов вместе для обсуждения и оценки современного состояния астрономической науки. Предыдущие три таких форума состоялись в Москве и Санкт-Петербурге. Поводом же для проведения первой ВАК, которая проходила в Петербурге в 2001 году, стало открытие крупного астероидного пояса между орбитами Нептуна и Плутона. Казань является одним из центров астрономической науки мира, именно поэтому местом очередной конференции была выбрана столица Республики Татарстан.

Для справки

Кафедра астрономии Казанского университета – старейшая в России. Начиная с 1810 года и поныне, готовит специалистов-астрономов и геодезистов. При кафедре действует Лаборатория астрофотометрии и звездных атмосфер. На территории обсерватории им. Энгельгардта (АОЭ) Казанского университета расположены: единственный в России Большой визуальный телескоп Рефрактор, телескопы: АЗТ-14, Менисковый, уникальный телескоп Гелиометр, АЗТ-14, ЗТЛ-180. А в Музее астрономии в наглядной интерактивной форме читаются лекции по основам астрономических знаний.

В марте 2007 г. Президентом Республики Татарстан М.Ш.Шаймиевым и Пре-

мьер-министром Свободного Государства Саксония Г.Мильбрадтом было подписано Коммюнике о сотрудничестве. 31 мая состоялось первое организационное заседание Совместной татарстанско-саксонской рабочей группы. В ходе заседания стороны обсудили основные перспективные направления развития сотрудничества между Республикой Татарстан и Свободным Государством Саксония и наметили ряд мероприятий по их реализации. По итогам встречи был подписан Протокол первого заседания Совместной татарстанско-саксонской рабочей группы. 31 мая во время встречи Президента РТ М.Ш.Шаймиева с заместителем премьер-министра – министром экономики и труда Свободного государства Саксония Т.Юрком особое внимание было уделено вопросу реализации Плана мероприятий Совместной татарстанско-саксонской рабочей группы на 2007 г.

В Академии наук были обсуждены направленные немецкой стороной предложения в рамках договоренностей между Республикой Татарстан и Свободным Государством Саксония. По результатам обсуждения сформулированы следующие направления возможного сотрудничества:

- проведение совместных исследований в области регенеративной медицины,
- разработка новых щадящих средств противоопухолевой терапии на основе микробных рибонуклеаз,
- проведение совместных исследований в области биофизики синаптических процессов,
- проведение исследований в области молекулярной биофизики,

– определение эффективности химзащиты биологическими методами.

Академия наук РТ совместно с Главным архивным управлением при Кабинете Министров РТ предлагает долгосрочное сотрудничество по выявлению и получению из-за рубежа имеющих отношение к истории и культуре татарского народа документов, рукописных книг и печатных изданий в подлинниках или в копиях, хранящихся в архивных и научных учреждениях, библиотеках Германии.

Так, одним из крупнейших средневековых книгоиздательских центров мира являлся город Лейпциг. В частности, известная как первая печатная татарская книга «*Infitutionum linguae tvtcsicae*» («Грамматика татарского языка с латино-татарским словарем») Иеронима Мегисера (1612 г.) сохранилась в библиотеке Лейпцигского университета. Благодаря усилиям ряда исследователей, в том числе журналиста из Германии Насура Юрушбаева, книга в виде репринтного издания стала достоянием научной общественности Татарстана. Эта работа требует продолжения.

С 17 по 22 сентября 2007 года в Казани состоялась Всероссийская астрономическая конференция ВАК – 2007 «Космические рубежи XXI века». Она посвящалась запуску первого космического спутника Земли. Торжественное открытие конференции «ВАК – 2007» состоялось 17 сентября в Большом зале КСК КГУ «УНИКС» в 15.00 часов.

Тематика конференции предусматривала обсуждение таких направлений астрономии, как астрофизические исследования, астрометрия, небесная механика, звездная астрономия, геодезия, астроприборостроение и история освоения космоса. Рассмотрены стратегические вопросы дальнейшего перспективного развития астрономии и геодезии. В работе конференции приняли участие ученые из Татарстана,

Российской Федерации и зарубежных стран. Среди приглашенных – академики РАН Николай Кардашев, Юрий Парийский, Рашид Сюняев, Анатолий Черепашук и другие. Программа конференции включала в себя устные и стендовые доклады, а также заседание очередного Пленума научного совета по астрономии (НСА).

19–22 сентября 2007 года в Академии наук РТ состоялся I Всемирный форум татарских ученых. На открытии форума присутствовали председатель Госсовета РТ Фарид Мухаметшин, руководители государственных структур, предприятий и общественных организаций республики.

Пленарное заседание открыл президент Академии наук РТ А.М.Мазгаров. Из гостей на пленарном заседании с докладами выступили Тасин Джемиль – посол Румынии в Туркменистане, академик АН Румынии, Р.А. Сюняев – директор Института астрофизики общества им. Макса Планка, Р.И. Нигматуллин – директор НИИ океанологии РАН, А.А.Ахтамзян – профессор кафедры истории стран Европы и Америки МГИМО МИД РФ, М.А.Гареев – президент Академии военных наук РФ.

21 сентября 2007 года работа I Всемирного форума татарских ученых продолжилась в НКЦ «Казань» по двум секциям: секции гуманитарных наук и секции естественных и технических наук. В этот же день были подведены итоги форума и принята резолюция.

На форум приехало около 250 человек – ученые из регионов России, ближнего и дальнего зарубежья. Всего участников вместе с представителями татарстанской научной общественности – около 500 человек. Гостям республики вручили памятные подарки, в том числе – «Татарский энциклопедический словарь».

19 октября 2007 года в Казанском государственном университете состоя-

лось совещание на тему: «Развитие биотопливной промышленности в России». Совещание прошло с участием Председателя Государственной думы Российской Федерации Бориса Грызлова, Президента Татарстана Минтимера Шаймиева, министра сельского хозяйства РФ Алексея Гордеева, Премьер-министра РТ Рустама Минниханова, заместителя Председателя Госсовета РТ Александра Гусева, членов Правительства РТ, депутатов Госдумы РФ. Ученых представляли президент АН РТ Ахмет Мазгаров, руководители проектов, связанных с развитием биоиндустрии, ряд российских ученых.

Открывая совещание, Борис Грызлов сказал, что тема развития биоэнергетики становится все актуальней и актуальней. Говоря о Казанском маслоэкстракционном заводе, в запуске которого он принял участие, спикер Госдумы отметил, что «от производства пищевой продукции до производства биотоплива – один шаг». Он также привел слова Президента РФ Владимира Путина, озвученные им в ходе прямой связи, о том, что российские аграрии могут занять часть ниши нефтяников и газовиков на энергетическом рынке.

«Европа и Америка давно находятся на этапе развития биотопливной промышленности. В странах Евросоюза законодательно закреплено использование биотоплива, – отметил Б. Грызлов. – В США и Бразилии потребление биотоплива уже стало нормой. В России, я считаю, еще не сделаны те шаги, которые заставили бы наших производителей заниматься этой тематикой». Стоит отметить, что в нашей стране нет закона, предписывающего добавлять биотопливо в бензин для снижения токсичности выхлопа, а биоэтанол до сих пор облагается акцизами, как обычный спирт.

«У нас есть большой задел для того, чтобы мы могли заниматься биотопливом», – считает спикер Госдумы. Он отметил, что в РФ ежегодно выра-

щается порядка 79 млн. тонн зерновых, а для того, чтобы обеспечить пищевую промышленность страны, заготовить комбикорма и выполнить экспортные обязательства, необходимо порядка 65 млн. тонн зерна. Таким образом, резерв для развития биоэнергетики – 14 млн. тонн зерна. «Мы совершенно спокойно можем говорить об использовании избытков сырья для производства биотоплива», – заявил Борис Грызлов. Тема возобновляемых источников энергии весьма актуальна и потому, добавил он, что, по расчетам экспертов, углеводородных запасов России хватит еще примерно на 50 лет.

В ходе совещания прозвучали экспертные мнения о перспективах развития биоиндустрии в нашей стране. По мнению научного руководителя ФГУП «ГОСНИИгенетика», члена-корреспондента РАН Владимира Дебабова, биотопливная промышленность может дать мощнейший толчок для развития отечественного сельского хозяйства. Заместитель заведующего кафедрой «Химическая энзимология» химфака МГУ, профессор Сергей Калюжный рассказал о биогазовом потенциале России, отметив, что совместно с «Татнефтью» в настоящее время прорабатывается проект по получению газа из навоза. Генеральный директор ассоциации «Аспект» Лев Трусов акцентировал внимание коллег на необходимости использования технологий геномной инженерии. По его словам, генномодифицированный рапс, необходимый исключительно для нужд биоэнергетики, утрачивает свои полезные пищевые свойства, но прибавляет в биомассе. «Теряем в витаминах – выигрываем в киловаттах», – так лаконично пояснил он свою мысль.

На встрече рассматривались и перспективы строительства в Татарстане завода по производству биоэтанола, способного перерабатывать в год свыше 1 миллиона тонн зерна. Дело в том, что

большая часть пшеницы, производимой в республике, по своим свойствам не годится для выпечки хлеба и идет на фураж. Глубокая же переработка выращенного зерна позволяет получить биоэтанол. На эту тему выступил член Президиума Академии наук Республики Татарстан, генеральный директор ОАО «Татнефтехиминвест-холдинг» Рафинад Яруллин.

С заключительным словом к участникам совещания обратился Президент Татарстана Минтимер Шаймиев. Он отметил, что на сегодняшний день Европа может очень остро поставить вопрос обязательного использования биотоплива – точно так же, как это получилось с оснащением «КамАЗов» двигателями стандарта «Евро-2». «Возможно, это и хорошо, что они выдвигают такие требования, ведь с экологией мы не очень привыкли считаться», – заметил глава республики. «Нам нельзя отставать. Мы еще не построили ни одного завода. Страна должна сказать свое слово», – резюмировал Минтимер Шаймиев.

После совещания Председатель Госдумы РФ и Президент Татарстана ответили на вопросы журналистов. Спикер нижней палаты российского парламента, являющийся одновременно председателем партии «Единая Россия», напомнил, что на своем съезде «единороссы» заявили о необходимости разработки и принятия закона об альтернативной энергетике. «Это фактически наш партийный проект. Думаю, что решение совещания будет нами обработано, и будут представлены рекомендации от Госдумы в Правительство РФ по формированию федеральной программы по развитию биоэнергетики», – сказал Борис Грызлов. – Для России, безусловно, нужно рассмотреть акцизную политику по производству биоэтанола. Необходимо рассмотреть принципиально вопрос о том, что топливо, которое потребляется автомобилями,

должно содержать добавки биотоплива. Иначе скоро автомобили, которые используют наше топливо, не будут пускаться в страны Евросоюза».

«Мне приятно отметить то, что пилотный проект по строительству завода, который будет перерабатывать порядка 1 млн. тонн зерна в год, для производства биотоплива, будет осуществлен здесь, в Татарстане, – признался спикер Госдумы. – В настоящий момент Россия способна в разы увеличить производство биотоплива и даже начать его экспортировать. Для этого необходимо в ближайшие месяцы разработать нормативную базу, прописать преференции для производителей биотоплива на уровне федерального закона».

По словам Минтимера Шаймиева, Татарстан уже в этом году начнет строительство первого в России завода по производству биотоплива. «Сырьё у нас достаточно, республика за последние 7 лет стабильно выращивает не менее 5 млн. тонн зерна, что достаточно и для потребления населения, и для животноводства, остается и для экспорта и переработки», – подчеркнул Президент РТ. Он также добавил, что сырьем для нового завода послужат рожь, пшеница, кукуруза. Отличным сырьем для новой отрасли, по его словам, служат семена рапса, которого в республике выращивается около 100 тыс. тонн (аграрии республики намерены довести этот показатель до 150 тыс. тонн).

«Мы уже имеем договоренности с отечественными подрядчиками, а также иностранными поставщиками оборудования. Надеемся, что Госдума РФ и федеральное правительство разработают соответствующие законы для развития новой в России отрасли, прежде всего, по регулированию акцизной политики, – подчеркнул М.Шаймиев. – Производство биотоплива становится актуальным. Новый вид топлива позволяет сделать автотранспорт более экологич-

ным, конкурентоспособным. Нам нельзя отставать от европейских стран, которые приняли решение к 2010 году применять в моторном топливе 5,7 процента био-топлива».

22 октября 2007 года Президент Татарстана Минтимер Шаймиев выступил в Академии наук РТ с публичной лекцией на тему: «Татарстан в годы реформ».

Слушателями лекции стали члены Правительства РТ, депутаты республиканского парламента, представители науки, культуры и бизнеса. Напомним, в августе этого года в Заинске на традиционном совещании работников образования республики Министерство образования и науки РТ выступило с инициативой создания «Народного университета» – лектория, куда бы приезжали известные политики, ученые, общественные деятели и люди искусства. Сегодняшняя лекция Минтимера Шаймиева, как отметил перед ее началом президент Академии наук РТ Ахмет Мазгаров, открывает цикл лекций в рамках проекта «Народный университет».

Выступая перед собравшимися, Президент Татарстана дал оценку ключевым событиям последних 20 лет, начиная с эпохи перестройки и заканчивая днем сегодняшним. Глава республики остановился на основных причинах распада Советского Союза, назвав среди них отмену 6-й статьи Конституции СССР о руководящей роли компартии, снятие грифа секретности с ряда материалов, в частности известного «пакта Молотова – Риббентропа» и другие. «Почему общество не захотело сохранить СССР? Человеку, отчужденному от участия в общественной жизни, нечего терять и нечем дорожить», – выразил мнение М.Шаймиев. Рассказывая об этапах становления Российской Федерации и роли Татарстана в этом процессе, он напомнил, что первой о своем суверенитете заявила РСФСР. «Россия сочла себя

ущемленной в правах. Действительно, порядка 90 процентов ее собственности принадлежало СССР», – отметил Президент РТ. По его словам, в это же время о своих правах заявили многие союзные и автономные республики. «Мы знаем, какую роль сыграло проснувшееся самосознание татарской интеллигенции, а потом и других народов», – сказал М.Шаймиев.

Значительное внимание он уделил роли заключения двух договоров о разграничении полномочий и предметов ведения между органами госвласти РФ и РТ в развитии федерализма в нашей стране. Успешное преодоление кризисных моментов, по его словам, несмотря на многие спорные моменты, во многом состоялось благодаря «знаменосцу демократии» – первому Президенту РФ Борису Ельцину. «Договор 1994 года решил много спорных вопросов», – подчеркнул М.Шаймиев, добавив, что если бы документ не был подписан, в распоряжении республики не было бы промышленных предприятий, что не позволило бы ей совершить «мягкое вхождение» в рынок и сделать внушительный экономический рывок. «Должен сказать, что если бы у нас не было своей нефтяной компании, то у нас не было бы всех наших программ – ликвидации ветхого жилья, социальной ипотеки и других», – заметил глава республики. Он перечислил также все важные моменты, связанные с обретением республикой нового статуса в меняющихся исторических условиях: проведение референдума о государственном суверенитете, принятие Конституции Татарстана и другие.

Принятый в этом году новый Договор о разграничении полномочий и предметов ведения между органами госвласти РФ и РТ, имеющий статус Федерального закона, по словам Президента РТ, во многом является «политическим договором», направленным на дальнейшую демократизацию нашей страны и

развитие федерализма. «Словом, это документ, открывающий возможности для дальнейшей работы», – резюмировал он.

М.Шаймиев рассказал также о приоритетах экономического развития Татарстана, в том числе в нефтехимической и сельскохозяйственной отраслях. Хорошие перспективы, по его словам, есть у татарстанцев в освоении месторождений битумов, а также переработке зерна для получения биоэтанола.

Завершая публичную лекцию, глава Татарстана дал оценку современной политической ситуации в нашей стране. Он подчеркнул важность сохранения преемственности существующего курса и подчеркнул роль Владимира Путина, как общенационального лидера в преодолении государством тяжелейшего кризиса. «Раз мы нашли пути выхода из кризиса, важно сохранить этот курс. У нас в обществе нет времени менять его, иначе, выйдя из кризиса, мы безбожно отстанем», – заявил он. Победа «Единой России» на предстоящих парламентских выборах, по его словам, будет являться своеобразным «мандатом доверия» президентскому курсу.

1 ноября 2007 года в Кремле, в Зале вручения государственных наград Республики Татарстан состоялась церемония вручения Международной Арбузовской премии в области фосфорорганической химии за 2007 год.

Лауреатом Международной Арбузовской премии в этом году стала академик Российской академии наук, профессор Московского государственного университета Белецкая Ирина Петровна.

Арбузовская премия была учреждена Президентом Республики Татарстан 11 июля 1997 года в целях дальнейшего развития химической науки Республики Татарстан, поощрения ученых за выдающиеся научные труды, на-

учные открытия и изобретения в области фосфорорганической химии и увековечения памяти выдающихся химиков-академиков Александра Ерминингелдовича Арбузова и Бориса Александровича Арбузова. Премия может присуждаться как за отдельные научные достижения, так и по совокупности научных работ. Размер премии составляет 5000 долларов США.

Международная Арбузовская премия присуждается один раз в два года одному российскому или иностранному ученому персонально. Как исключение, в 1997 году, в канун 120-летнего юбилея академика А.Е.Арбузова, лауреатами стали одновременно член-корреспондент РАН А.Н.Пудовик (Россия) и профессор Льюис Квин (США). Далее лауреатами стали: в 1999 г. – профессор Ян Михальский (Польша), в 2001г. – профессор Франсуа Матей (Франция), в 2003г. – профессор Эдгар Нике (Германия), в 2005 – профессор Масааки Йошифуджи (Япония).

Лауреат Международной Арбузовской премии 2007 года Ирина Белецкая уже не раз награждалась многими отечественными и международными премиями. Она лауреат Государственной премии в области науки и техники. В разные годы была удостоена премий Ломоносова, Менделеева, Капицы, Немеянова. В 2004 году ей присуждена общенациональная Демидовская премия. Она удостоена признания Шведской академии наук в номинации «Женщины в инженерных науках».

Академик И.П.Белецкая – крупный ученый в области органической химии и фосфорорганической химии, химии металлоорганических соединений и металлокомплексного катализа; она автор почти 1000 публикаций и 6 монографий, руководитель всемирно известной научной школы, из которой вышли многие десятки кандидатов и докторов наук.

Торжества по случаю вручения Арбузовской премии продолжились в Ин-

ституте органической и физической химии им. А.Е.Арбузова КНЦ РАН (Лобачевского 2/31). Академик Ирина Петровна Белецкая выступила здесь с докладом «Органические производные фосфора – замечательное прошлое и прекрасное настоящее».

3 ноября 2007 года в Казани прошел съезд народов Татарстана. В работе форума приняли участие президент Академии наук РТ А.М.Мазгаров, академик И.Р.Тагиров, члены-корреспонденты В.В.Хоменко и Р.М.Мухаметшин и другие ученые АН РТ. После торжественной церемонии открытия с приветственным словом к участникам съезда обратился глава республики – Президент Республики Татарстан Минтимер Шаймиев. «Татарстан всегда был родным домом для людей разных национальностей, – сказал Президент РТ. – Здесь жили и творили такие политические и культурные деятели других народов, как Михаил Грушевский, Янка Купала, Жигангир-хан, Карл Фукс, Маджит Гафур и многие другие». Минтимер Шаймиев отметил, что съезд совпал с 15-летием АНКО РТ, а также то, что «предыдущий съезд проходил в сложное время межнационального напряжения, хотя наша республика смогла избежать худшего». «Сегодня Татарстан – один из самых развитых регионов страны, и это заслуга всех живущих здесь народов», – подчеркнул глава республики.

После этого Председатель Госсовета РТ Фарид Мухаметшин зачитал приветственные телеграммы в адрес съезда, поступившие от Председателя Государственной Думы РФ Бориса Грызлова и Председателя Совета Федерации РФ Сергея Миронова.

Также с приветственным словом в адрес участников съезда выступили заместитель Полномочного представителя Президента РФ в ПФО Владимир Зорин, зачитавший обращение от имени своего руководителя Александра Ко-

новалова, и председатель совета Ассамблеи народов России, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Таджикистане Рамазан Абдулатипов, который также поделился воспоминаниями по поводу своего участия в заседании Верховного Совета РТ 15 лет назад. «Я рад, что поспособствовал укреплению диалога между Татарстаном и федеральным центром, – сказал Р.Абдулатипов. – Именно тогда, 15 лет назад, я оценил мудрость Президента Татарстана, гибкость его ума и дальновидность».

Проект Концепции национальной политики представил на съезде заместитель директора Института истории Академии наук Республики Татарстан, директор Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский Кремль» Р.Р.Хайрутдинов. В разработке этого документа принимала активное участие группа ученых Академии наук РТ, среди которых – этнограф Д.М.Исхаков, экономист В.В.Хоменко, социологи Р.Н.Мусина и Л.В.Сагитова, исламовед Р.М.Мухаметшин. Р. Р. Хайрутдинов обратил внимание участников съезда на то, что Концепция должна свести воедино работу органов государственной власти по гармонизации законодательства в межнациональной сфере, продолжил разговор о проекте. В ее основе два основных принципа – паритет интересов всех национальностей и партнерство во всех сферах общественной жизни. Как отмечается в проекте Концепции, необходимо вести «постоянный мониторинг отношений между русскими и татарами», адаптировать мигрантов и развивать толерантность к ним со стороны принимающего населения. Требуется также постоянно отслеживать динамику межэтнических и межнациональных отношений в Татарстане. Такие исследования уже не первый год ведутся в Институте истории АН РТ.

8 ноября 2007 г. В большом зале Академии наук Республики Татарстан состоялось торжественное собрание по случаю вручения дипломов вновь избранным членам Академии наук Республики Татарстан. После официальной части, на которой новых членов АН РТ поздравил президент Академии наук РТ А.Мазгаров, прошел праздничный концерт и фуршет.

В начале ноября президент Академии наук РТ, академик Ахмет Мазгаров посетил по приглашению фирмы «ODE» Лондон. Ахмет Мазгарович участвовал в обсуждении с представителями английской компании «ODE» и американской компании «Шеврон» вопроса добычи нефти в Габоне (Западная Африка) на офшорной зоне. Компания «ODE» проявила интерес к технологиям ОАО «Волжский научно-исследовательский институт углеводородного сырья (ВНИИУС) по очистке нефти от сероводорода и меркаптанов (процесс ДМС-3).

В ноябре из Габона в Лондон были доставлены пробы нефти. Свойства этой нефти исследуют специалисты ВНИИУС, которые специально поедут для этого в Лондон. Далее специалисты компании «ODE» посетят Оренбург для ознакомления с уже действующей промышленной установкой – ДМС-3. В планах англичан – подписание контракта с ОАО ВНИИУС.

Специалисты сердечно-сосудистой хирургии РКБ МЗ РТ приняли участие в работе XIII Всероссийского съезда сердечно-сосудистых хирургов, который состоялся **25-28 ноября 2007 года** в НЦ ССХ им. А. Н. Бакулева РАМН, сообщает пресс-служба МЗ РТ.

Это наиболее представительный кворум специалистов, занимающихся лечением патологии сердца и сосудов, проводимый ежегодно под эгидой научного Центра сердечно-сосудистой хирургии им.А.Н.Бакулева. Его программой предусмотрено обсуждение всех видов па-

тологии сердечно-сосудистой системы и сочетанных заболеваний, а также обсуждение актуальных проблем реаниматологии, анестезиологии, экономических аспектов развития сердечно-сосудистой хирургии. Традиционно на съезде подводятся итоги прошедшего года по разным регионам, намечаются пути развития.

На съезде были представлены 3 доклада сотрудников отделения сосудистой хирургии РКБ. В них был отражен опыт работы отделения за последние годы. Особый интерес вызвал доклад, посвященный миниинвазивной методике реконструкции брюшной аорты. Эта методика операции предусматривает проведение операции не через огромный 25–30-сантиметровый разрез, а через минилапаротомию длиной 5–7см. В отделении сосудистой хирургии РКБ эта операция выполняется с 2002 года и поставлена «на поток», накоплен опыт более 300 операций. В России до сих пор подобные вмешательства выполняются лишь в единичных клиниках.

В докладе директора НЦССХ им. А.Н.Бакулева Лео Бокерии было отмечено, что состояние медицинской помощи больным сердечно-сосудистыми заболеваниями в России еще оставляет желать лучшего. «По некоторым показателям, например, по заболеваемости ревматизмом, мы находимся на уровне стран третьего мира, а количество выполняемых операций по поводу ишемической болезни сердца составляет лишь 21,6 процента от минимальной потребности». Тем не менее в заключение Л.Бокерия отметил: «У нас есть все основания быть оптимистами. Каждый вылеченный больной – это человек, у которого есть родные и близкие и который понимает, что для него сделано. У нас есть очень конкретная работа, которая называется «забота о человеке». Будем дорожить этим великим доверием, которое с врачами не может разделить никто другой».

Вышел Указ Президента РТ «О присуждении Государственных премий Республики Татарстан 2007 года в области науки и техники».

Рассмотрев предложения Комиссии при Президенте Республики Татарстан по Государственным премиям Республики Татарстан в области науки и техники, постановляю:

За значительный вклад в развитие естественных, технических и гуманитарных наук, разработку и внедрение принципиально новых технологий, выдающиеся производственные результаты, полученные на основе внедрения достижений науки и техники, присудить Государственные премии Республики Татарстан 2007 года в области науки и техники и присвоить звание «Лауреат Государственной премии Республики Татарстан в области науки и техники»:

1. За работу «Направленный синтез и разработка высокоэффективных технологий получения фосфорорганических соединений на основе элементного фосфора»:

Синяшину Олегу Герольдовичу, доктору химических наук, академику Российской академии наук, директору Института органической и физической химии им. А.Е.Арбузова Казанского научного центра Российской академии наук, руководителю работы;

Будниковой Юлии Германовне, доктору химических наук, ведущему научному сотруднику Института органической и физической химии им. А.Е.Арбузова Казанского научного центра Российской академии наук;

Батыевой Эльвире Салиховне, доктору химических наук, члену-корреспонденту Академии наук Республики Татарстан, главному научному сотруднику Института органической и физической химии им. А.Е.Арбузова

Казанского научного центра Российской академии наук;

Иванову Борису Евгеньевичу, доктору химических наук, члену-корреспонденту Академии наук Республики Татарстан, бывшему заведующему лабораторией промышленной химии Института органической и физической химии им. А.Е.Арбузова Казанского научного центра Российской академии наук (посмертно).

2. За цикл работ «Исследования природы наноразмерных свойств сверхпроводников методами магнитного резонанса»:

Гарифуллину Ильгизу Абдулсаматовичу, доктору физико-математических наук, профессору, главному научному сотруднику лаборатории физики перспективных материалов Казанского физико-технического института им. Е.К.Завойского Казанского научного центра Российской академии наук;

Гарифьянову Надиру Нургаязовичу, кандидату физико-математических наук, старшему научному сотруднику лаборатории физики перспективных материалов Казанского физико-технического института им. Е.К.Завойского Казанского научного центра Российской академии наук;

Дуглав Александру Васильевичу, кандидату физико-математических наук, доценту кафедры квантовой электроники и радиоспектроскопии Казанского государственного университета им. В.И.Ульянова-Ленина;

Еремину Михаилу Васильевичу, доктору физико-математических наук, профессору кафедры квантовой электроники и радиоспектроскопии Казанского государственного университета им. В.И.Ульянова-Ленина;

Кочелаеву Борису Ивановичу, доктору физико-математических наук, профессору кафедры теоретической физики Казанского государственного университета им. В.И.Ульянова-Ленина;

Тагирову Ленару Рафгатовичу, доктору физико-математических наук, профессору кафедры физики твердого тела Казанского государственного университета им. В.И.Ульянова-Ленина;

Тейтельбауму Григорию Бенционовичу, доктору физико-математических наук, профессору, заведующему лабораторией физики перспективных материалов Казанского физико-технического института им. Е.К.Завойского Казанского научного центра Российской академии наук;

Харахашьяну Эдуарду Георгиевичу, доктору физико-математических наук, бывшему заведующему лабораторией физики металлов Казанского физико-технического института им. Е.К.Завойского (посмертно).

3. За работу «Разработка и внедрение в практику здравоохранения Республики Татарстан новой технологии отбора и рационального использования лекарств – формулярной системы»:

Зиганишиной Лилии Евгеньевне, доктору медицинских наук, профессору, заведующей кафедрой клинической фармакологии и фармакотерапии Казанской государственной медицинской академии;

Галиуллину Ниязу Ильясовичу, кандидату медицинских наук, генеральному директору государственного унитарного предприятия «Медицинская техника и фармация Татарстана»;

Зиганишину Айрату Усмановичу, доктору медицинских наук, профессору, заведующему кафедрой фармакологии Казанского государственного медицинского университета;

Кормачеву Михаилу Васильевичу, главному врачу Республиканской клинической больницы Министерства здравоохранения Республики Татарстан.

4. За работу «Создание и промышленное внедрение методов управления разработкой нефтяных месторождений на основе технологий автоматизированного проектирования»:

Насыбуллину Арслану Валерьевичу, кандидату технических наук, заведующему отделом развития информационных технологий и моделирования пластовых систем Татарского научно-исследовательского и проектного института нефти «ТатНИПИнефть», г.Бугульма, руководителю работы;

Латифуллину Фариту Миннеахметовичу, кандидату технических наук, заведующему лабораторией эксплуатации автоматизированного рабочего места геолога «Лазурит» отдела развития информационных технологий и моделирования пластовых систем Татарского научно-исследовательского и проектного института нефти «ТатНИПИнефть», г.Бугульма;

Разживину Дмитрию Александровичу, кандидату технических наук, заведующему лабораторией создания постоянно действующих моделей месторождений отдела развития информационных технологий и моделирования пластовых систем Татарского научно-исследовательского и проектного института нефти «ТатНИПИнефть», г.Бугульма;

Рамазанову Рашиту Газнавиновичу, кандидату технических наук, заведующему отделом разработки нефтяных месторождений Татарского научно-исследовательского и проектного института нефти «ТатНИПИнефть», г.Бугульма;

Самойлову Владимиру Васильевичу, начальнику управления по внедрению и техническому обслуживанию автоматизированных систем управления производством («ТатАСУнефть») ОАО «Татнефть», г.Альметьевск;

Саттарову Равилу Зайтуновичу, кандидату технических наук, заведующему лабораторией проектирования и сопровождения автоматизированных баз данных отдела развития информационных технологий и моделирования пластовых систем Татарского научно-исследовательского и проектного ин-

ститута нефти «ТатНИПИнефть», г.Бугульма;

Султанову Альфату Салимовичу, кандидату технических наук, заместителю главного геолога по производству, начальнику технологического управления по разработке нефтяных и газовых месторождений ОАО «Татнефть», г.Альметьевск;

Хахимзянову Ильгизару Нургизаровичу, кандидату технических наук, ведущему научному сотруднику лаборатории геологического и гидродинамического моделирования разработки нефтяных месторождений отдела разработки нефтяных месторождений Татарского научно-исследовательского и проектного института нефти «ТатНИПИнефть», г.Бугульма.

5. За работу «Разработка и освоение качественно новых материалов для усовершенствования технологии производства конкурентоспособных радиальных шин в ОАО «Нижнекамскшина»:

Ильясову Радике Сабитовичу, кандидату технических наук, генеральному директору ОАО «Нижнекамскшина»;

Махотину Александру Анатольевичу, директору научно-технического центра ОАО «Нижнекамскшина»;

Мохнаткину Михаилу Гурьевичу, главному технологу ОАО «Нижнекамскшина»;

Мохнаткиной Елене Гордеевне, кандидату технических наук, начальнику отдела научно-технического центра ОАО «Нижнекамскшина»;

Шарафееву Загиту Фоатовичу, кандидату технических наук, директору управляющей компании ООО «Татнефть-Нефтехим»;

Савельчеву Алексею Петровичу, директору филиала ООО «Фосфорос» в г.Казани;

Шарипову Эдуарду Нависовичу, заместителю директора по развитию филиала ООО «Фосфорос» в г.Казани;

Охотиной Наталье Антоновне, кандидату технических наук, доценту ка-

федры химии и технологии переработки эластомеров Казанского государственного технологического университета.

6. За работу «Разработка и промышленное внедрение азробной технологии дрожжегенерации в спиртовое производство»:

Емельянову Виктору Михайловичу, доктору технических наук, декану факультета пищевых технологий, заведующему кафедрой химической кибернетики Казанского государственного технологического университета, руководителю работы;

Павлову Борису Петровичу, кандидату технических наук, первому заместителю Премьер-министра Республики Татарстан;

Шайхутдинову Рашиту Ракиповичу, кандидату экономических наук, генеральному директору ОАО «Татспиртпром»;

Гумерову Асхату Мухаметзяновичу, кандидату технических наук, заместителю президента Академии наук Республики Татарстан, профессору кафедры химической кибернетики Казанского государственного технологического университета;

Владимировой Ирине Сильвестровне, кандидату технических наук, доценту кафедры химической кибернетики Казанского государственного технологического университета;

Филипповой Надежде Константиновне, кандидату технических наук, доценту кафедры химической кибернетики Казанского государственного технологического университета.

7. За монографию, опубликованную отдельными книгами на двух государственных языках Республики Татарстан: «История духовной культуры тюрко-татар» (на татарском языке) и «Очерки истории духовной культуры предков татарского народа (Истоки, становление, развитие)» (на русском языке):

Давлетишину Гамирзану Миргазьяновичу, доктору исторических наук, профессору Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета.

8. За цикл научных исследований «Проектирование и реализация ресурсоориентированной системы духовно-нравственного воспитания и творческого развития будущего специалиста»:

Габдуллину Гангельхану Габдуллоевичу, доктору педагогических наук, заведующему кафедрой педагогики Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета, руководителю работы;

Нигматову Зямилию Газизовичу, доктору педагогических наук, ректору и заведующему кафедрой истории педагогики и этнопедагогики Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета;

Ярмакееву Искандеру Энгелевичу, доктору педагогических наук, профессору кафедры педагогики Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета;

Шарафеевой Алсу Фатыховне, кандидату педагогических наук, профессору, начальнику управления по воспитательной работе Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета.

С 26 по 30 ноября 2007 года делегация Академии наук РТ находилась с деловым визитом в Свободном Государстве Саксония. Возглавлял делегацию президент АН РТ А.М.Мазгаров.

С 28 по 30 ноября 2007 года в Казани проходила V Международная Юбилейная научно-практическая конференция «Автомобиль и техносфера» – The 5th International Conference «AUTOMOBILE & TECHNOSPHERE» (ICATS'2007).

Тематика конференции затронула широкий спектр вопросов, связанных с

проблемами автомобильной отрасли на современном этапе.

V Международная Юбилейная научно-практическая конференция «автомобиль и техносфера» была посвящена 75-летию Казанского государственного технического университета имени А.Н. Туполева (КГТУ-КАИ). Организаторы – Министерство образования и науки Российской Федерации, Академия наук Республики Татарстан, Казанский государственный технический университет им. А.Н.Туполева.

С 3 по 12 декабря 2007 года президент Академии наук РТ Ахмет Мазгаров находился в рабочей командировке в Исламской Республике Иран, где работал с сотрудниками в RPI (Национальный нефтяной институт Ирана). Цель визита – обсуждение результатов выполнения прежних контрактов и подписание нового.

Волжский научно-исследовательский институт углеводородного сырья АН РТ уже не первый год сотрудничает с RPI. Во время нынешнего визита подписан с иранскими нефтяниками 4-й контракт, который касается производства одоранта (смеси меркаптана C2 – C4) по лицензии ВНИИУС.

В Исламской Республике Иран добывается в большом объеме газовый конденсат, содержащий меркаптаны до 0,2%. Эти меркаптаны являются хорошим сырьем для производства одоранта. Однако до сих пор Иран закупает одорант во Франции, затрачивая при этом около 5 миллионов долларов в год. Согласно заключенному нынче контракту, установку по технологии ВНИИУС планируется запустить в 2009 году. Проект окупит себя уже менее чем через год после запуска. Необходимо отметить, что аналогичная установка по технологии ВНИИУС работает на Оренбургском ГПЗ с 1987 года и обеспечивает одорантом практически всю Россию.

Кроме того, в Иране А.Мазгаров посетил строительство завода по очистке пропана, бутана и нефти от сернистых соединений (первый контракт по лицензии ВНИИУС) на острове Харк в Персидском заливе. Завод планируется запустить в 2008 году.

11 декабря 2007 года в КРК «Пирамида» в Казани состоялось чествование талантливых детей и молодежи Татарстана, ставших обладателями премий нацпроекта «Образование», а также лучших учителей республики, подготовивших победителей международных и всероссийских олимпиад, конкурсов, состязаний.

В 2007 году в рамках нацпроекта «Образование» по направлению «Государственная поддержка талантливой молодежи» 159 представителям Татарстана в возрасте от 14 до 25 лет были присуждены премии Президента РФ. Об этом сообщил министр образования и науки РТ Наиль Валеев. По словам министра, наиболее многочисленная часть обладателей премий – победители и призеры всероссийских предметных олимпиад, получившие в текущем году 85 дипломов. Кроме того, впечатляют также и достижения юных музыкантов, вокалистов, танцоров. Они завоевали 233 призовых места в международных и 317 – в российских конкурсных мероприятиях. Значительны успехи и наших спортсменов – 121 победа международного уровня и 291 – всероссийского. По техническому направлению 11 учеников стали победителями международных соревнований, 80 – на всероссийском уровне. Они получили новогодние подарки и премии в размере от 5 до 60 тысяч рублей.

Как отметил Наиль Валеев, талантливую молодежь нужно поощрять постоянно. «Радует, что в Татарстане очень много талантливых детей, и они нацелены на то, чтобы побеждать, – отметил он. – Сейчас общество стало конкурентным, и если наша молодежь не будет

отвоевывать свои места под солнцем, то возникнут проблемы».

Министр выразил мнение, что в нынешних реалиях уже нельзя выделить просто татарстанское или российское образование. «Образование есть одно-мировое. И вот соответствовать этому уровню образования – наша цель, – подчеркнул он. – Наше образование обязано быть на мировом уровне. В этом смысле сегодняшнее мероприятие играет ключевую роль, поскольку наше будущее – молодежь, которая учится и стремится познавать новое. Вся молодежь должна знать английский язык, чтобы быть открытой для диалога со всем миром».

Ежегодно Правительство РТ предусматривает 100 миллионов рублей на поддержку талантливой молодежи, что открывает для нее новые возможности.

После своего выступления Наиль Валеев вручил благодарственные письма Министерства образования и науки РТ учителям, подготовившим призеров международных и всероссийских конкурсов. Среди них – профессор Казанской государственной консерватории Эльфия Бурнашева, подготовившая победителя первого международного конкурса пианистов имени Губайдуллиной Анастасию Соломатину, доцент кафедры астрономии физического факультета КГУ Георгий Жуков, воспитавший победителя XI международной астрономической олимпиады Игоря Смоленцева и многие другие.

Как отметила в приветственном слове заместитель Премьер-министра РТ, министр культуры Зиля Валеева, развитие общества, его движение вперед держится на так называемых трех «Т» – технологии, творчестве, толерантности. «Замечательно, что если мы возьмемся измерять любой из этих значительных и обеспечивающих развитие факторов, мы увидим, что в каждом из них особое участие принимает именно молодежь, – отметила она. – Это говорит о том, что у

нас есть все основания не только для движения вперед, но и для обеспечения максимального ускорения. Вы – наше самое главное богатство».

Министр культуры РТ наградила учащихся республики премиями для поддержки талантливой молодежи и новогодними подарками. Среди присутствующих были победители и призеры фестивалей «Созвездие», «Сэлэт», всероссийской «Студенческой весны», международных и всероссийских музыкальных конкурсов.

В свою очередь начальник управления по вопросам внутренней политики Аппарата Президента РТ Александр Терентьев наградил победителей в номинации «Научно-техническое творчество и учебно-исследовательская деятельность». В ходе церемонии были также отмечены лауреаты в номинациях «Социально значимая общественная деятельность» и «Любительский спорт».

11 декабря 2007 года Казани в Академии наук РТ начала свою работу VII Республиканская научная конференция «Актуальные экологические проблемы Республики Татарстан».

В работе конференции приняли участие министр экологии и природных ресурсов РТ Аглям Садретдинов, вице-президент АН РТ Айрат Абдуллин, руководитель управления Ростехнадзора по РТ Борис Петров, председатель комитета Госсовета РТ по экологии, природным ресурсам и землепользованию Ринат Абдуллин, начальник отдела природопользования и экологии КМ РТ Нурислам Хабипов.

Конференции по экологическим проблемам республики проводятся в Татарстане с 1993 года. В ее работе участвуют около 150 специалистов в области экологии из разных городов Российской Федерации, государств ближнего и дальнего зарубежья – Башкортостана, Дагестана, Республики Беларусь, Казахстана. На нынешнюю конференцию

заявлено 210 докладов из более чем 80 организаций – 12 академических институтов, 33 вуза, 8 отраслевых, 5 министерств и ведомств, 3 заповедника. Российская Федерация представлена 18 городами из 6 республик, 12 областей и краев.

12 декабря 2007 года в Институте экономики, управления и права состоялся «круглый стол» на тему: «Развитие рынка труда на благо экономического роста РТ».

Мероприятие проходило в рамках российско-шведского образовательного проекта и было посвящено вопросам сотрудничества в сфере подготовки специалистов высокого уровня в областях экономики, здравоохранения, туризма и гостеприимства, менеджмента недвижимости.

Проект реализуется совместно с Федеральным агентством по образованию Министерства образования и науки РФ при финансовой поддержке Шведского агентства по международному сотрудничеству и развитию. В круглом столе принял участие руководитель международных проектов Фолькуниверситета города Упсала Али Рашиди.

С 12 по 14 декабря 2007 года в Казани состоялся IV съезд Всемирного конгресса татар. В работе съезда принимали участие более 800 делегатов и приглашенных гостей из стран Балтии и СНГ, дальнего зарубежья, а также из районов и городов РФ и Татарстана.

Конгресс начал работу 13 декабря в здании театра оперы и балета им. М.Джалиля, затем состоялись «круглые столы» по вопросам развития торгово-экономического сотрудничества Республики Татарстан с регионами Российской Федерации и странами зарубежья.

14 декабря 2007 года делегаты конгресса продолжили работу по секциям. Секция «Роль науки, образования и культуры в сохранении самобытности и

духовности татарского народа» состоялась в Академии наук Республики Татарстана. В ней приняли участие президент Академии наук РТ Ахмет Мазгаров, председатель Комитета Госсовета РТ по культуре, науке, образованию и национальным вопросам Разиль Валеев, заместитель премьер-министра РТ, министр культуры РТ Зиля Валеева, а также гости из Турции, Украины, Литвы, Австралии, Германии и другие.

Секции «Традиции татарского меценатства и роль современного бизнес-общества в деле национального возрождения» и «Татарская молодежь в современном мире» прошли в НКЦ «Казань».

18 декабря 2007 года в КРК «Пирамида» состоялось награждение победителей конкурса «50 лучших инновационных идей Республики Татарстан». Авторов лучших идей поздравил Премьер-министр РТ, председатель Попечительского совета Инвестиционно-венчурного фонда РТ Рустам Минниханов.

Конкурс проводится Инвестиционно-венчурным фондом РТ совместно с Академией наук РТ ежегодно. Победители Конкурса «Пятьдесят лучших ин-

новационных идей Республики Татарстан» получают по 50 (пятьдесят) тысяч рублей, а также – содействие Фонда в реализации предложенных идей.

Нынче на конкурс было представлено 490 заявок. Заявки участников конкурса принимали 14 представительств Фонда. Так, лидером по числу поданных инновационных идей стал Казанский государственный технический университет – представлено 77 заявок, Академия наук РТ – 70 заявок, Казанский государственный технологический университет – 64, Казанская государственная сельскохозяйственная академия – 47, Татарстанский ЦНТИ – 33, Инновационно-производственный технопарк «Идея» – 32, Казанская государственная архитектурно-строительная академия – 30, по 29 – Камский государственный политехнический университет и Общество изобретателей и рационализаторов РТ, по 22 – Казанский государственный медицинский университет и Казанский государственный университет, 11 – Казанский научный центр РАН, 13 – Казанский государственный энергетический университет, 11 – Альметьевский муниципальный институт.